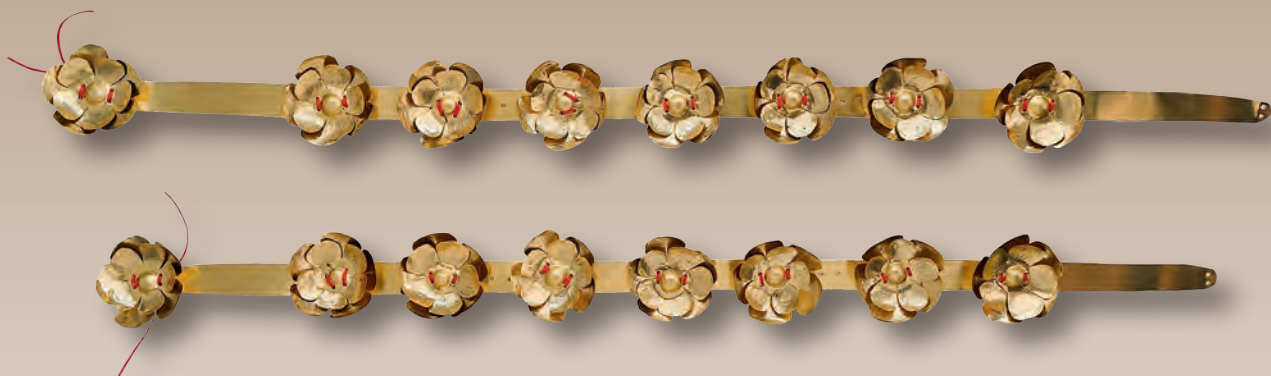

Археологические вести

— 51 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

51
(2026)

Saint Petersburg
2026

Археологические вести

51
(2026)

Санкт-Петербург
2026

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвоцинская (отв. ред.), М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. В. Беляева, В. Б. Трубникова, А. В. Фрибус, В. А. Горончаровский, В. А. Алёшкин, М. В. Медведева

Издательская группа: Т. С. Дорофеева (редактор), Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — Вып. 51 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2026. — 246 с.: ил.

В выпуске 51 журнала «Археологические вести» представлены статьи по новым исследованиям памятников от раннего палеолита до средневековья разной географической локализации. Одна из работ посвящена реконструкции золотой «диадемы» из Майкопского кургана, которая наверняка заинтересует вещеведов. Раздел «Актуальные проблемы археологии» составили две статьи обобщающего характера: по металлопроизводству степных зон Южного Урала позднего бронзового века и о значении курганов раннего железного века для построивших их сообществ. Тематический блок этого выпуска основан на материалах конференции «„Скифия и Боспор“ М. И. Ростовцева: 100 лет спустя». В разделе «Персоналии» публикуется большое интервью с А. А. Аскаровым, приуроченное к 90-летию этого замечательного археолога из Узбекистана. Статьи по современным методам анализа в археологии и истории науки отражают широту спектра охваченных в журнале тем.

Issue 51 of the journal “Archaeological News” features articles on new research on sites ranging from the Early Paleolithic to the Middle Ages in various geographic locations. One of the papers is devoted to the reconstruction of a gold “diadem” from the Maykop burial mound, which is sure to be of interest to archaeologists. The “Current Issues in Archaeology” section includes two general articles: one on metal production in the steppe zones of the Southern Urals during the Late Bronze Age and the other on the significance of Early Iron Age burial mounds for the communities that built them. The thematic section of this issue is based on materials from the conference “M. I. Rostovtsev’s ‘Scythia and Bosphorus’: 100 Years Later”. The “Personalities” section features a lengthy interview with A. A. Askarov, timed to coincide with the 90th birthday of this remarkable archaeologist from Uzbekistan. Articles on modern analytical methods in archaeology and the history of science reflect the broad range of topics covered in the journal.

ISSN 1817-6976

Первая и четвертая страницы обложки — реплики лент с розетками из Майкопского кургана, реконструкция, фото В. И. Трифонова (см. с. 21–37)

First and forth pages of cover — replicas of the bands with rosettes from Maykop burial mound, reconstruction, photo by V. I. Trifonov (see p. 21–37)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2026
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2026

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Натальи Фёдоровны Соловьёвой	9
---	---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. К. Анисюткин, С. И. Коваленко (†)</i> . Уникальная выкладка из плит известняка в эоплейстоценовом слое 4 на стоянке раннего палеолита Байраки (Нижнее Приднестровье)	11
<i>В. А. Трифонов, В. Г. Данилевич</i> . Новая реконструкция золотой «диадемы» из Майкопского кургана, раскопанного в 1897 г.	21
<i>Ю. Г. Кутимов</i> . Реконструкция жилища Ошского поселения чустской культуры	38
<i>С. Л. Соловьёв, А. К. Каспаров</i> . Уникальная пиктограмма: загадка архаической Березани	48
<i>А. Н. Ткачёв</i> . Погребение всадника из Усть-Лабинского могильника № 2 (по архивным материалам раскопок 1938 г.)	54
<i>М. В. Сологубова</i> . Эрмитажная коллекция древнеиранской резной кости из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1906 г. Часть 1. Технические характеристики	63
<i>М. В. Клёнов</i> . Городища Европейского северо-востока XII–XIII вв. (к вопросу об атрибуции некоторых памятников)	71
<i>А. А. Кудрявцев, Е. М. Ушанков</i> . Селище Ситка I в XII–XVI вв.: переход от села к монастырю	82

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. В. Ткачёв</i> . Формы реализации пастушеской модели металлопроизводства в условиях степных экосистем Южного Урала и Мугоджар (по материалам позднего бронзового века)	95
<i>Т. Р. Садыков</i> . О возможных значениях крупных курганов раннего железного века для построивших их сообществ	110

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

<i>М. Н. Желтова, М. А. Комагорова</i> . Изучение красок на минеральной основе из раскопок палеолитических памятников открытого типа: особенности методического подхода	121
<i>Д. Е. Чистов, А. А. Гиблова, Ю. И. Ильина, И. В. Корнеева</i> . Бронзовые литые денежные знаки и наконечники стрел в слоях и комплексах Березанского поселения: опыт пространственного intra-site анализа	132
<i>М. В. Саблин, А. В. Михайлов</i> . Фауна млекопитающих поселения Горожане	145
<i>С. Л. Смекалов, С. Б. Ланцов, А. А. Внуков</i> . Геоинформационная система «Объекты религиозного назначения и кладбища» Керченского полуострова XIX в.	150

«СКИФИЯ И БОСПОР» М. И. РОСТОВЦЕВА: 100 ЛЕТ СПУСТЯ

Ю. А. Виноградов, Н. М. Милихина. Современные тенденции в изучении феномена «Скифии и Боспора»	157
А. К. Каспаров. Сарматские лошади некрополя Ястребовское-Бережное 1 в Краснодарском крае	161
В. А. Горончаровский, А. Е. Терещенко. К дискуссии об эмитентах синдской чеканки	168
А. Е. Петракова. «Скифия и Боспор» М. И. Ростовцева: загадка одной аттической пелики	173
Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова. Курганный некрополь боспорской элиты у села Глазовка близ Керчи	188
А. Н. Коваленко. Елизаветовское городище на Дону в свете скифо-боспорских отношений и новых археологических открытий	205
И. Ю. Шауб. Труды М. И. Ростовцева и изучение религии Боспора	215

ПЕРСОНАЛИИ

В. И. Ионесов. К 90-летию со дня рождения А. А. Аскарова: когда прошлое становится современным. Интервью с юбиляром	226
---	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю. А. Виноградов. Археологи-антиковеды ИИМК АН СССР в Великой Отечественной войне. Часть 2	235
Список сокращений	246

Contents

HEROES OF THE DAY

On the anniversary of Natalia Fedorovna Solovieva	9
---	---

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. K. Anisyutkin, Sergey I. Kovalenko</i> (†). An unique arrangement of limestone slabs in the Eopleistocene layer 4 at the Early Paleolithic site of Bayraki (Lower Transnistria)	11
<i>V. A. Trifonov, V. G. Danilevich</i> . A new reconstruction of the golden “diadem” from the Maykop burial mound excavated in 1897	21
<i>Yu. G. Kutimov</i> . Reconstruction of a dwelling at the Osh settlement of the Chust culture	38
<i>S. L. Soloviev, A. K. Kasparov</i> . A unique pictogram: the riddle of Archaic Berezan	48
<i>A. N. Tkachev</i> . Burial of a horseman from Ust-Labinskaya burial ground No. 2 (based on archival materials from the 1938 excavations)	54
<i>M. V. Sologubova</i> . The Hermitage Museum collection of ancient Iranian carved bone from B. V. Farmakovsky’s Excavations in Olbia in 1906. Part 1. Technical characteristics	63
<i>M. V. Klenov</i> . Hillfort of the European Northeast of the 12 th -13 th centuries (on the issue of attribution of some monuments)	71
<i>A. A. Kudryavtsev, E. M. Ushankov</i> . The Sitka I settlement in the 12 th -16 th centuries: the transition from village to monastery	82

CURRENT ISSUES OF ARCHAEOLOGY

<i>V. V. Tkachev</i> . Forms of implementation of the pastoral model of metal production in the steppe ecosystems of the Southern Urals and Mugodzhaz (based on Late Bronze Age materials)	95
<i>T. R. Sadykov</i> . On the possible meanings of the large Early Iron Age kurgans for the communities that built them	110

MODERN METHODS OF ANALYSIS IN ARCHAEOLOGY

<i>M. N. Zheltova, M. A. Komagorova</i> . The study of mineral-based paints from excavations at open-air Paleolithic sites: peculiarities of methodological approach	121
<i>D. E. Chistov, A. A. Giblova, Yu. I. Ilyina, I. V. Korneeva</i> . Cast bronze monetary signs and arrowheads in layers and complexes of the Berezan settlement: an attempt of intra-site spatial analysis	132
<i>M. V. Sablin, A. V. Mikhailov</i> . Mammalian fauna of the Gorozhane settlement	145
<i>S. L. Smekalov, S. B. Lantsov, A. A. Vnukov</i> . Geoinformational system “Religious Sites and Cemeteries” of the 19 th century Kerch Peninsula	150

M. I. ROSTOVTSEV'S "SCYTHIA AND BOSPORUS": 100 YEARS LATER

<i>Yu. A. Vinogradov, N. M. Milikhina.</i> Modern trends in the study of the phenomenon "Scythia and Bosporus"	157
<i>A. K. Kasparov.</i> Sarmatian horses of the Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 necropolis (Krasnodar Krai)	161
<i>V. A. Goroncharovsky, A. E. Tereshchenko.</i> To the discussion on the Sindian coinage issuers	168
<i>A. E. Petrakova.</i> "Scythia and Bosporus" by Mikhail I. Rostovtsev: a riddle of one Attic pelike	173
<i>D. V. Beilin, I. V. Rukavishnikova.</i> The burial mounds of the Bosporan elite near the village of Glazovka, near Kerch	188
<i>A. N. Kovalenko.</i> The Elizavetovka fortified settlement on the Don River in the light of the Scythian-Bosporan relations and new archaeological discoveries	205
<i>I. Yu. Schaub.</i> The works of M. I. Rostovtsev and the study of Bosporan religion	215

PERSONALITIES

<i>V. I. Ionesov.</i> To the 90 th anniversary of A. A. Askarov: when the past becomes present. Interview with A. A. Askarov	226
--	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Classical archaeologists from the Institute for the History of Material Culture of Academy of Sciences of the USSR in the Great Patriotic War. Part 2	235
List of abbreviations	246

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Натальи Фёдоровны Соловьёвой

5 марта 2026 г. свой юбилей отметила заместитель директора ИИМК РАН, директор Центра спасательной археологии Института Наталья Фёдоровна Соловьёва.

В археологию Наталья Фёдоровна пришла еще во время учебы в Кемеровском государственном университете, в 1975–1980 гг. Благодаря настойчивости, трудолюбию и ответственному отношению к делу она заслужила высокую оценку преподавателей, в особенности своего руководителя А. И. Мартынова. Позднее, в 1981 г., оказавшись в Ленинграде, она была принята на работу в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР в лабораторию археологической технологии под руководством Н. М. Ермоловой на должность лаборанта. В ее обязанности входила обработка и систематизация палеозоологических коллекций, полученных экспедициями ЛОИА АН СССР, работавшими на Кольском полуострове, в Сибири и Средней Азии.

С 1988 г., будучи сотрудником лаборатории камеральной обработки, а с 1995 г. — отдела Центральной Азии и Кавказа, в составе Каракумской экспедиции под руководством В. М. Массона Наталья Фёдоровна сначала принимала участие в раскопках Алтын-депе — хрестоматийного археологического памятника Южной Туркмении, а позже начала самостоятельные систематические исследования расположенного неподалеку от него энеолитического поселения Илгынлы-депе, работы на котором с некоторыми перерывами продолжались более 30 лет; в результате их были получены уникальные материалы по истории древней архитектуры (о жилых помещениях и святилищах) и искусства (о настенной живописи, антропоморфной глиняной и каменной скульптуре) ранних земледельцев Центральной Азии. Их изучение надолго определило основную область научных интересов Натальи Фёдоровны. Ей как автору открытия редких образцов настенной живописи первой половины — середины IV тыс. до н. э. в стиле сграффито была присуждена премия для молодых ученых

Наталья Фёдоровна Соловьёва
Natalia Fedorovna Solovieva

Отделения истории РАН за 1995 г. Важным итогом этих исследований стала также публикация антропоморфных изображений, найденных при раскопках энеолитического поселения Илгынлы-депе (Solovyova N. F. Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue. Oxford, 2005 (BAR. International Series. No. 1336). 211 p. + 540 photos; Соловьёва Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб.; Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008 (Труды ИИМК РАН; Т. XXIX). 326 с.).

Важной вехой в археологической и организационной деятельности Натальи Фёдоровны стал 2010 г., когда она возглавила группу охранной

археологии ИИМК РАН, под ее руководством превратившуюся в отдел охранной археологии, преобразованный в 2024 г. в Центр спасательной археологии (ЦСА ИИМК РАН).

В настоящее время на фоне масштабных строительных проектов в России особое значение приобретает спасение и сохранение объектов культурного (археологического) наследия, которым грозит частичное разрушение или полное уничтожение. Под руководством Натальи Фёдоровны Центр тесно и плодотворно работает с местными и федеральными органами власти, учреждениями охраны памятников истории и культуры, музеями, общественными организациями, ведет большую просветительскую работу среди застройщиков (проводит обучающие семинары по методике охранных раскопок и фиксации археологических объектов, ведет переговоры, разрабатывает договорную документацию, оказывает помощь в планировании и составлении финансовой отчетности), снабжает необходимым высокоточным оборудованием и специалистами, работающими с ним, другие подразделения Института. За время существования ЦСА проведены масштабные археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах, на Северо-Западе России, в Калининграде и Твери, Сибири, Крыму,

Севастополе и Краснодарском крае. Материалы, полученные в результате этих работ, входят в золотой фонд российской археологии. Наталья Фёдоровна является бессменным ответственным редактором созданного ею печатного органа отдела охранной археологии (позже и ЦСА) — Бюллетеня охранной археологии ИИМК РАН.

Она стала инициатором и руководителем грандиозного проекта воссоздания Триумфальной арки в Пальмире, получившего высокую оценку экспертного совета ЮНЕСКО, и реконструкции раннехристианских храмов в Сирии.

Как заместитель директора ИИМК по организационным вопросам с 2013 г. Наталья Фёдоровна активно участвует в административной жизни Института. Ее многогранная и плодотворная деятельность на поприще сохранения объектов культурного (археологического) наследия заслуженно оценена государственными наградами и призами Русского географического общества, членом Попечительского совета которого она является уже много лет, и широко освещена в средствах массовой информации.

От всей души поздравляем Наталью Фёдоровну со славным юбилеем! Желаем крепкого здоровья, благополучия, новых научных открытий и успеха на административном поприще.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Уникальная выкладка из плит известняка в эоплейстоценовом слое 4 на стоянке раннего палеолита Байраки (Нижнее Приднестровье)¹

Н. К. Анисюткин, С. И. Коваленко (†)²

Аннотация. В статье описывается комплекс из плит известняка, выявленный в слое 4 стоянки раннего палеолита Байраки в Приднестровье. Стоянка находится на высокой VII (Кицканской) надпойменной террасе р. Днестр, на окраине г. Дубоссары. Слой датируется палеомагнитной эпохой Матуята (эпизод Jaramillo). Комплекс имеет округлую форму и небольшие размеры (около 1 кв. м). Обломки плит ограничивают яму со всех сторон, частично перекрывая ее. Ее заполнение отличается от отложений литологического слоя. Согласно геологическим данным, древние морские отложения, представленные плитами известняка, расположены значительно ниже оснований высоких террас. Поэтому плиты были намеренно принесены извне. Выходы их могли быть обнаружены в русле реки на расстоянии около 2 км южнее стоянки. Выкладка была, скорее всего, предназначена для хранения кремневых желваков, обнаруженных в яме. Подобные ямы-кладовые известны до сих пор лишь в раннем палеолите Японии. На этом основании данный комплекс следует считать уникальным. Комплекс до сих пор остается не полностью изученным по причине нестабильной геополитической обстановки на Украине и в Молдове.

Ключевые слова: Молдова, Приднестровье, Байраки, ольдован, комплекс из плит известняка

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-11-20

Введение

В 2010 г. на окраине г. Дубоссары (Приднестровская Молдавская Республика) было обнаружено новое местонахождение раннего палеолита Байраки (рис. 1). Каменные изделия выявлены в отложениях VII (Кицканской)³ надпойменной террасы Днестра, в древней балке Байраки, на территории ныне не действующего гравийно-галечного карьера. Эта высокая речная терраса Днестра относится к числу надканьонных,

формирование аллювия которых происходило в эоплейстоцене, то есть ранее 780 тыс. лет назад. Более низкие — каньонные — террасы, врезанные в скальные породы известняков Сарматского моря, образовались уже в плейстоцене (Билинчис, 1992). Этот факт имеет решающее значение для понимания объекта, публикуемого в данной статье.

Территория, на которой велись исследования, расположена в районе левобережья нижнего течения Днестра, практически в окрестностях Дубоссар, где хорошо выражены высокие террасы — VII и VIII, а также VI. В районе села Погреба, находящегося около 8 км от Дубоссар ниже по течению Днестра, они подходят почти вплотную к реке. Далее вверх по течению, по направлению к Дубоссарам, эти террасы отступают, и долина, представленная высокой поймой, I и II низкими надпойменными террасами, значительно расширяется. Остальные выявляются в виде фрагментов III и IV террас, расположенных над предместьем Дубоссар Лунга. Таким образом, полоса высоких террас (VII, VIII) отступает вверх по течению

¹ Анисюткиным Н. К. статья подготовлена по теме государственного задания «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

² Анисюткин Н. К. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com. Коваленко С. И. — Национальный музей истории Молдовы, Кишинев, Республика Молдова.

© Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., 2026

³ В некоторых публикациях эта терраса описывается как VIII (Антропоген и палеолит..., 1986).

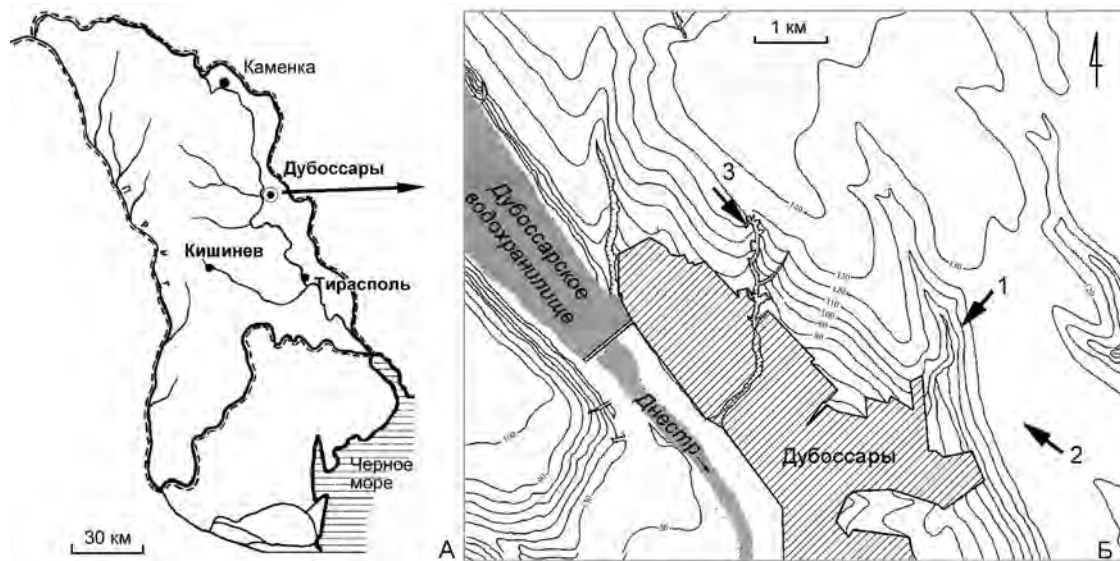

Рис. 1. Расположение памятников раннего палеолита в Приднестровье: А — общая карта-схема; Б — памятники в районе г. Дубоссары: 1 — Байраки, 2 — Большой Фонтан, 3 — Крецешты

Fig. 1. Location of Early Paleolithic sites in Transnistria: А — general map; Б — sites in the vicinity of Dubăsari: 1 — Bayraki, 2 — Bolshoy Fontan, 3 — Crețesti

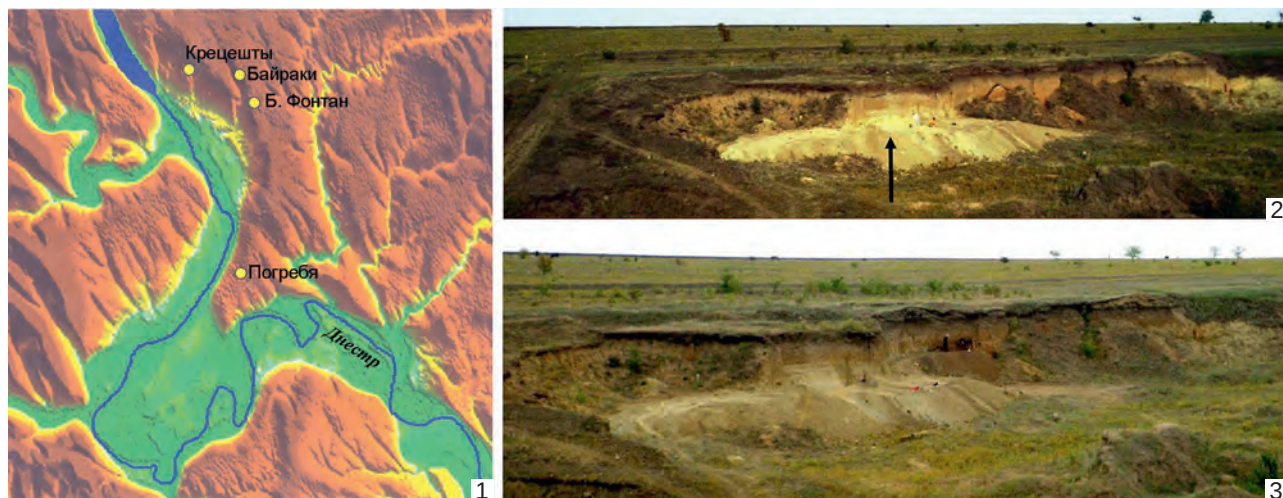

Рис. 2. 1 — геоморфология стоянок и местонахождений раннего палеолита на высоких террасах Днестра в окрестностях г. Дубоссары (составитель С. И. Коваленко); 2 — вид с юга на раскоп; 3 — вид на расчистку ниже по склону

Fig. 2. 1 — Geomorphology of Early Paleolithic sites and locations on the high terraces of the Dniester River in the vicinity of Dubăsari (comp. by S. I. Kovalenko); 2 — view of the excavation site from the south; 3 — view of the unearthing down the slope

по направлению к Дубоссарам, образуя своего рода серповидный овал — «Дубоссарский амфитеатр». Не исключено, что это расширение долины, представленное более низкими — каньонными — надпойменными террасами и характерное в целом для нижней части долины Днестра, является следами простиравшихся сюда древнейших лиманов Черного моря (рис. 2).

Археологические находки были выявлены в шести слоях. В слое 4 из пойменного аллювия с датой около 1 млн лет обнаружено небольшое

(1 кв. м) скопление из плит известняка округлой формы. Известняк являлся для этого времени экзогенным материалом, а поэтому принесен обитателями стоянки извне.

Общая характеристика памятника

Раскопки стоянки Байраки, проведенные в 2010–2014 гг. российско-молдавской геоархеологической экспедицией, выявили шесть горизонтов залегания находок каменных изделий раннего палеолита. Они условно названы слоями 1–6.

В отложениях были выделены три ископаемых почвы разной сохранности, относящиеся к раннему плейстоцену (почвы 1 и 2) и концу эоплейстоцена (почва 3). В двух из них (почвы 2 и 3) найдены кремневые артефакты (Анисюткин и др., 2015). Результаты палеомагнитных исследований показали, что два верхних слоя 1 и 2 формировались в течение палеомагнитной эпохи Брунес, а лежащие ниже слои 3–6 соответствовали эпохе Матуяма (Чепалыга и др., 2012; 2013). Слои 6, 5 и возможно 4 датируются эпизодом Харамильо (0,9–1,1 млн лет). Важно отметить, что эти датировки аналогичны прежде установленным датам для аллювия этой же террасы, но расположенной ниже по течению Днестра вблизи Тирасполя (Антропоген и палеолит..., 1986). Данные открытия способствовали обнаружению в пределах Нижнего Приднестровья древнейшего в Северном Причерноморье раннего палеолита эоплейстоценового возраста (Чепалыга и др., 2012; Анисюткин и др., 2015; Сычева и др., 2023).

Каменная индустрия из всех слоев однозначно соответствует галечно-отщеповому технокомплексу. Нижележащие комплексы из слоев 6–3 сопоставимы с развитым олдованом типа С (Developed Oldowan C) возрастом около 1 млн лет (Schick, Toth, 2006), а верхние слои 1 и 2 датируются более развитым ранним палеолитом, где наряду с галечными орудиями частично прослеживаются ашельские элементы. Многочисленная коллекция обнаружена лишь в слое 5, отложения которого относятся к пляжной фации руслового аллювия Кицканской террасы. В прочих слоях были выявлены немногочисленные, но все же весьма выразительные каменные артефакты.

Описание комплекса

В 2013 г. при зачистке стенки на юго-восточной окраине раскопа — на границе с выработками карьера и расчистками палеогеографов — был обнаружен интересный объект, представляющий четко локализованную группировку из плит и обломков известняка (кв. С, D / 28, 29). Эта группировка связана с отложениями пойменного аллювия, где ранее были найдены отдельные артефакты предполагаемого слоя 4. Скопление из плит имеет округлую форму, занимая общую площадь около 1 кв. м (рис. 3; 4). В центре скопления, огражденного обломками известняка, отчетливо прослеживается частично открытое пространство, забутованное мелкими гальками яшмы, песчаника, отдельными осколками и желваками кремня, а также разными по размеру обломками

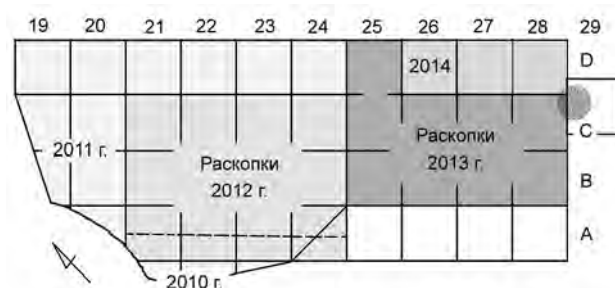

Рис. 3. План раскопа и последовательность исследований стоянки. Выкладка из обломков плит известняка — кв. С, D / 28, 29 — отмечена темным кругом

Fig. 3. Excavation plan and sequence of site exploration. The arrangement of limestone slab fragments — squares C, D / 28, 29 — are marked with a dark circle

известняка. Этот факт дает основание предполагать наличие здесь неглубокой ямы, заполнение которой заметно отличалось от отложений литологического слоя (рис. 5, А). На изученной площади с отложениями пойменного аллювия мы имеем дело с единым литологическим слоем, который характеризуется пятнистым микрослоистым и песчано-глинистым алевритом, карбонатным, зеленовато-желто-серого цвета, без каких-либо заметных прослоек или включений. Ниже лежит толща слоистых глинистых отложений старичного аллювия. Так как слой 4 залегает в нижней части пойменного аллювия, а до резко отличающихся старичных отложений не более 20 см, то яма глубже 25–30 см была бы хорошо заметна. На это указывали бы выбросы из лежащих ниже глинистых отложений старичного аллювия. Четко выраженного культурного слоя нет.

Найдено всего три каменных орудия, а также галька песчаника и обломок трубчатой кости неопределимого копытного (?) животного. Все они расположены на одном уровне с выкладкой из плит. Два артефакта изготовлены из кремня, один из них является чопперовидной формой с двусторонней обработкой конца, сделанной на желваке темного кремня с голубой патиной. Орудие найдено (кв. С/28) в центре скопления, фактически на поверхности предполагаемой ямы. Второй артефакт является скребком на обломке первичного отщепа. Третий предмет изготовлен на сланцевой гальке небольших размеров. Это орудие можно рассматривать как боковое острие, которое напоминает атипичное клювовидное орудие типа bill-hook, но без отчетливо выраженной выемки. Каменные изделия, а также обломки известняка не были охотаны, что достаточно показательно и указывает на ненарушенность слоя (рис. 5, Б).

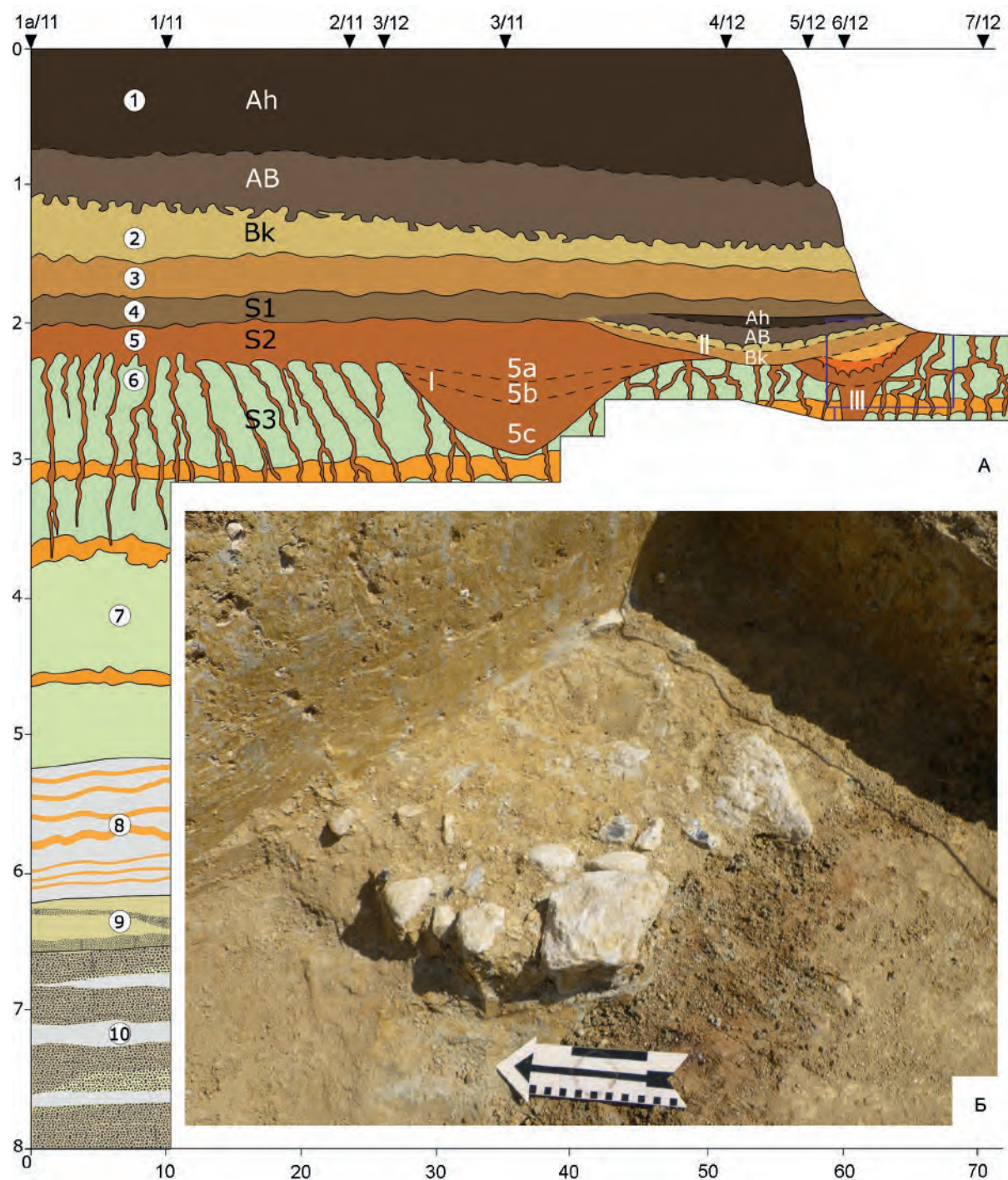

Рис. 4. А — стратиграфия стоянки Байраки. Арабские цифры в кружочках — литологические слои в пределах раскопа: 1 — современный чернозем; 2 — лессовидный суглинок; 3 — суглинок делювиальный палео-бурого цвета; 4 — черноземовидная луговая почва коричневого цвета (в расчистке ниже по склону — правая часть профиля — выявлен горизонт суглинка с переотложенными находками слоя 1); 5 — красноватая почва (слой находок 2), а, b, c — подслои; 6 — гидроморфная глеевая почва с горизонтами ожелезнения (слой находок 3); 7 — пойменный аллювий с горизонтом ожелезнения, где в нижней части расположен слой 4 с выкладкой; 8 — старичные отложения; 9 — пляжная фация руслового аллювия (слой 5); 10 — горизонты песка и гравия руслового аллювия (слои 5 и 6); S1, S2, S3 — палеопочвы; I–III — номера палеоврезов; Ah, AB, Bk — горизонты голоценовой почвы и палеопочвы S1. Б — выкладка на первичной стадии расчистки, залегающая в однородном суглинке, на переднем плане отложения карьера отличаются более темным цветом

[Сычева и др., 2023. С. 1243, рис. 3]

Fig. 4. A — stratigraphy of the Bayraki site. Arabic numerals in circles denote lithologic layers within the excavation area: 1 — modern chernozem; 2 — loess-like loam; 3 — pale-brown deluvial loam; 4 — brown chernozem-like meadow soil (in the unearthing down the slope — the right part of the profile — a loam horizon with redeposited finds of layer 1 was revealed); 5 — red soil (layer of finds 2); a, b, c — sublayers; 6 — hydromorphic gley soil with ferrugination horizons (layer of finds 3); 7 — floodplain alluvium with a ferrugination horizon, where layer 4 with lining is located in the lower part; 8 — oxbow deposits; 9 — beach facies of channel alluvium (layer 5); 10 — horizons of sand and gravel of the channel alluvium (layers 5 and 6); S1, S2, S3 — paleosols; I–III — numbers of paleoincisions; Ah, AB, Bk — horizons of the Holocene soil and paleosol S1. B — lining at the primary stage of unearthing, occurring in homogeneous loam, in the foreground the quarry deposits are distinguished by a darker color

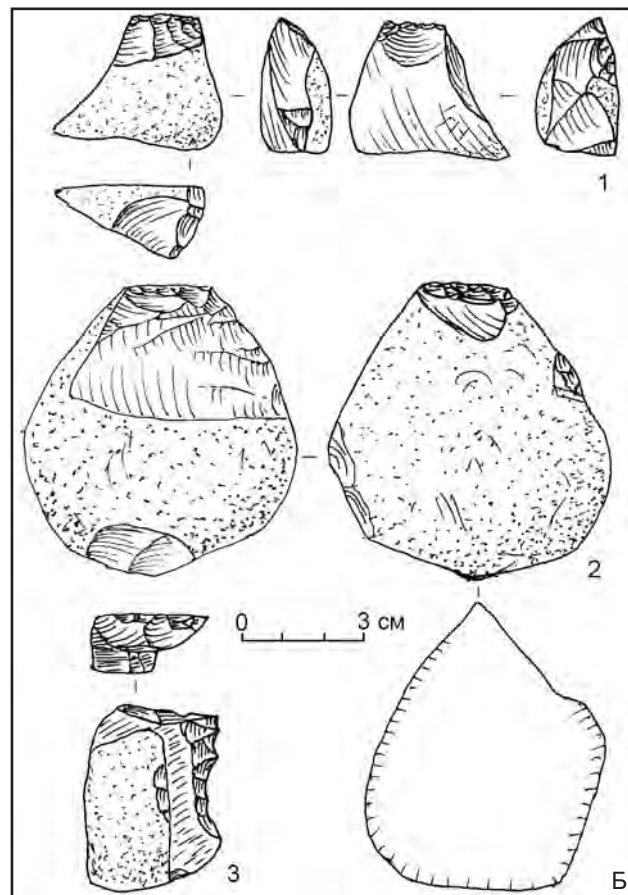

Рис. 5. Стоянка Байраки. А — расчищенный комплекс с контрастным заполнением ямы; Б — каменные изделия слоя 4: 1 — скребок на фрагменте кремневого отщепе; 2 — чоппероидное орудие на желвке кремня; 3 — острие на обломке гальки; В — процесс расчистки комплекса; Г — комплекс в завершающей стадии расчистки

Fig. 5. Bayraki site. A — unearthed complex with contrasting pit infill; Б — stone tools of layer 4: 1 — scraper on a flint flake fragment; 2 — chopper-shaped tool on a flint nodule; 3 — point on a pebble fragment; В — the process of unearthing the complex; Г — the complex in the final stage of unearthing

Фрагменты плит известняка ограничивали вероятную яму со всех сторон, лишь частично перекрывая ее. Можно уверенно говорить, отметим еще раз, основываясь на глубинных отметках находок, о едином горизонте залегания. В центре выкладки — непосредственно в верхней части предполагаемой ямы — сосредоточены почти все мелкие обломки известняка. Северо-восточная часть скопления ограничена самой крупной известняковой плитой длиной до 61 см. На ней прослежено два отчетливых скола (рис. 5, В, Г).

Древняя дневная поверхность слоя имеет небольшой уклон к юго-востоку — в сторону долины Днестра. Выкладка состояла из плит известняка разного размера, включая, как уже отмечалось, одну достаточно крупную. Остальные представлены обломками средних (29, 22, 19 и 14 см) и более мелких размеров. На многих из них выявлены отдельные сколы, а на двух четко прослеживается явная обработка, включая бифасиальную оббивку. По сумме технико-морфологических признаков, включая наличие извилистого острого рабочего края, выделенного чередующимися снятиями, и противолежащего ему естественного обушка, эти формы можно описывать как орудия типа *chopping tools* (Bordes, 1961).

Графическая фиксация в масштабе 1:10 и 1:5, фотографирование на каждом этапе расчистки, нумерация, описание и замер глубины всех находок крупных и средних размеров, по нашему представлению, должны составить относительно полное представление о структуре и компонентах вскрытого объекта. Представим эти данные в таблице, где приведена опись находок из скопления с указанием их размеров и глубины залегания.

Всего в скоплении отмечено 44 предмета из прочного известняка, кремня и иных пород камня. Не учтено несколько очень мелких (менее 1,5 см) галек из яшмы, песчаника и сланца. Естественно, представленное здесь количество предметов не дает полной картины заполнения ямы, которая так и осталась нераскрытой. Характер размещения отмеченных выше находок соответствует версии единовременного образования всего исследуемого комплекса. На это косвенно указывает уровень залегания выявленных предметов. Среди них, что важно особо отметить, нет окатанных. Наиболее это показательно для известняковых обломков — материала менее твердого, чем прочие фрагменты камня, включая кремень. В тех случаях, когда основание камней расчищено и зафиксировано по глубине, перепад по уровню залегания соседних находок, как правило, не превышает 2–5 см, что согласуется с естественным уклоном древней по-

верхности. Правда, несколько более низкую позицию занимают мелкие каменные находки в составе забутовки, выявленной внутри выложенных полукругом обломков известняковых плиток и плит. Они (№ 1, 2, 4, 9, 10, 12, 14) располагаются по дуге, основание которой ориентировано к юго-востоку. В связи с этим важно подчеркнуть характер ориентации самих известняковых обломков, которая в каждом конкретном случае близка горизонтальной. В составе скопления, казалось бы, центральное положение должна занимать наиболее крупная известняковая плита (№ 11), но она локализуется к северо-востоку от основной выкладки. Ее положение, скорее всего, указывает на то, что она первоначально была предназначена для перекрытия ямы (табл., рис. 6).

Интерпретация скопления

К сожалению, выявить более точное назначение этого комплекса сейчас невозможно. Он не изучен в полной мере. С какой целью выкапывалась данная яма, которая заполнялась принесенными извне мелкими гальками, осколками камней и гравием, а затем огражденная и отчасти перекрытая обломками известняка? Можно предположить, принимая во внимание наличие нескольких желваков кремня при общем недостатке качественного сырья во всех четырех эоплейстоценовых слоях, что данное сооружение могло быть предназначено для хранения поделочного кремня. В дальнейшем, учитывая отсутствие вблизи необходимого сырья, эти скопления могли использоваться как своего рода кладовые. Они были крайне востребованы, если учесть, что место стоянки расположено на поверхности, покрытой чистым суглинком, где полностью отсутствовали какие-либо включения камня и галек, в том числе кремня. Сырье для изготовления каменных орудий необходимо было обязательно приносить. Можно предположить, что первоначально на стоянку были принесены две крупные плиты, из которых одна здесь же была разбита на более мелкие фрагменты, а вторая могла служить для перекрытия ямы. Возможно, учитывая положение самой крупной плиты, яма уже была вскрыта. Скорее всего, в яме, повторимся, хранилось нужное сырье, представленное желваками более качественного кремня. До сих пор подобные ямки с каменными артефактами, но лишённые перекрытий из плит известняка или иных пород камня, известны лишь в раннем палеолите Японии (Астахов, 1999).

Сгруппированное скопление обломков и плит известняка первоначально озадачивает тем, что в отложениях высоких надканьонных речных

Таблица. Опись находок из скопления в слое 4 стоянки Байраки

Table. Inventory of finds from the cluster in layer 4 of the Bayraki site

№ по описи	Наименование находки	Размеры, см	Глубина залегания, см
1	Известняковая плитка	19,0 × 13,0 × 5,0	521–526
2	Известняковый камень	22,0 × 13,0 × 4,0	526–531
3	Известняковый обломок	7,0 × 5,0 × 2,0	523–525
4	Известняковая плитка	14,0 × 11,0 × 4,0	535–539
5	Песчаниковая галька	9,0 × 6,5 × 6,0	528–534
6	Песчаниковая галька мелких размеров	4,5 × 4,0 × 3,0	525–528
7	Песчаниковая галька	7,0 × 4,5 × 3,0	523–526
8	Песчаниковая галька	7,0 × 4,5 × 4,0	522–526
9	Известняковая плита	19,0 × 10,0 × 2,5	523–531
10	Известняковая плита	17,5 × 7,0 × 3,0	529–532
11	Известняковая плита крупных размеров	61,0 × 23,0 × 6,0	525–530
12	Фрагмент известняковой плиты	29,0 × 11,0 × 2,5	533–537
13	Обломок известняковой плиты	9,0 × 8,0 × 4,0	532–536
14	Обломок известняковой плитки	10,0 × 5,0 × 2,5	533–536
15	Угловатый обломок известняка	6,0 × 3,0 × 2,0	531–533
16	Обломок известняковой плиты	16,0 × 10,0 × 4,0	533–538
17	Известняковый камень	7,0 × 5,0 × 4,0	535–539
18	Обломок известняка мелких размеров	5,0 × 3,0 × 2,0	535–537
19	Кремневый осколок	4,0 × 3,5 × 2,0	534–536
20	Известняковая плитка	9,0 × 10,0 × 4,5	530–535
21	Известняковый камень	6,0 × 4,5 × 4,0	530–534
22	Известняковый камень	5,5 × 5,0 × 2,0	527–529
23	Галька из яшмокарцита	4,5 × 4,0 × 1,0	527–528
24	Известняковый камень	6,0 × 6,0 × 2,5	536–539
25	Кремневый чоппер	6,0 × 5,5 × 2,5	529–532
26	Известняковый камень	6,0 × 3,0 × 2,5	529–532
27	Кремневый желвак	7,0 × 4,5 × 3,5	528–531
28	Известняковый камень	8,0 × 4,0 × 4,0	529–535
29	Кремневый желвак	7,0 × 5,0 × 3,5	534–538
30	Известняковый камень	6,0 × 4,0 × 3,0	530–533
31	Яшмокарцитовая галька	3,5 × 3,0 × 2,0	533–535
32	Известняковый камень	5,0 × 3,0 × 2,5	536
33	Известняковый осколок	4,0 × 3,0 × 2,0	535
34	Кремневая галька	4,5 × 4,0 × 1,0	535
35	Известняковый камень	11,0 × 6,0 × 5,0	520
36	Кремневая галька	5,0 × 4,0 × 2,0	525
37	Галька из яшмокарцита	3,0 × 2,0 × 1,0	527
38	Кремневый желвак	4,5 × 2,5 × 2,0	527
39	Известняковый камень	4,0 × 3,0 × 2,0	528
40	Кремневый осколок	4,5 × 4,0 × 2,0	534
41	Галька сланцевая (?)	2,5 × 1,0 × 0,3	537
42	Обломок кремня	4,0 × 3,0 × 1,5	537
43	Обломок кремня мелких размеров	3,0 × 2,0 × 1,0	538
44	Известняковый камень	9,0 × 4,0 × 2,0	532

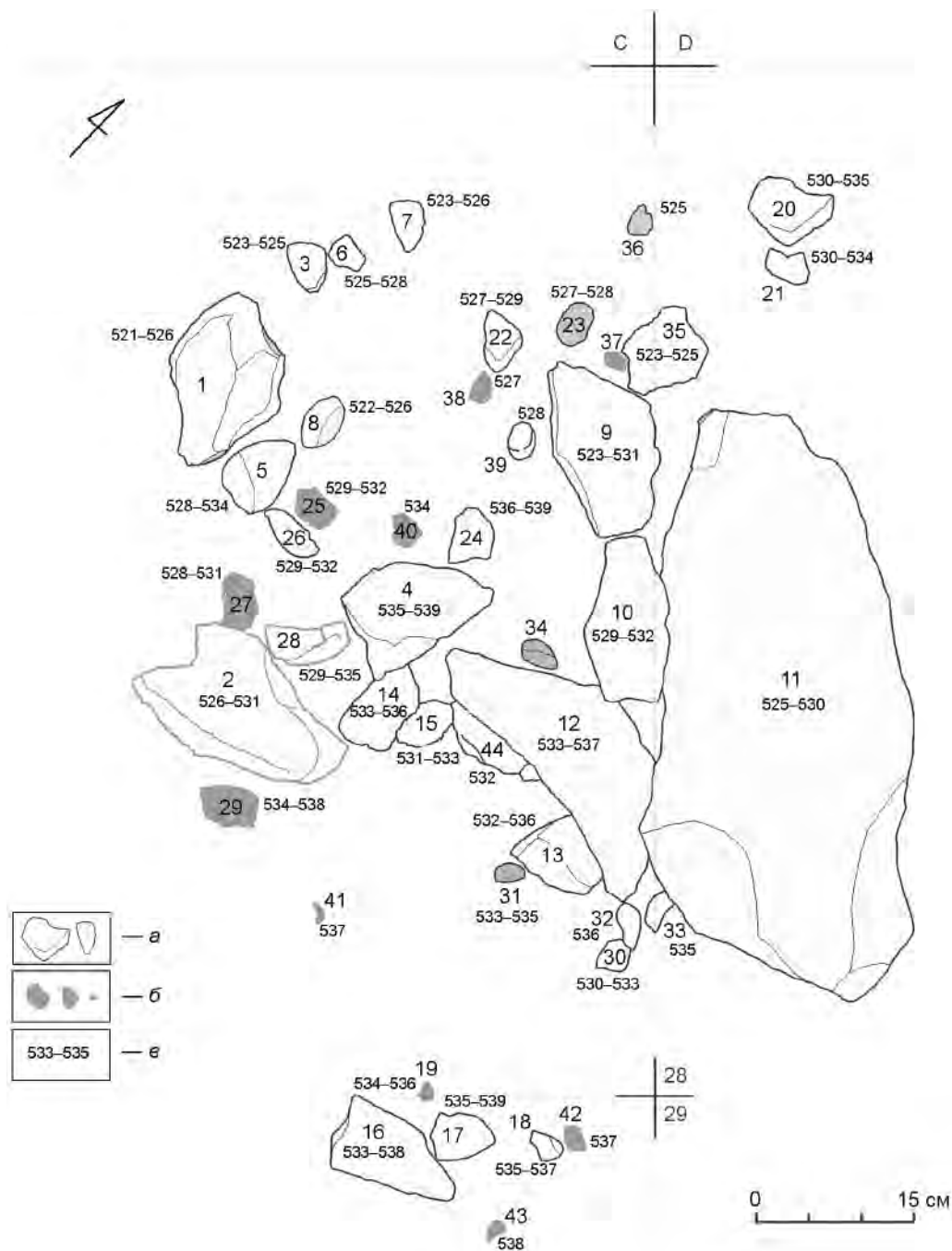

Рис. 6. Байраки, общий план комплекса, 2013 г. Кв. С, D / 28, 29. 1–44 — номера предметов (соответствуют табл.) (а — обломки плит известняка; б — кремневые желваки и обломки, гальки песчаника; в — глубинные отметки)

Fig. 6. Bayraki, general plan of the complex, 2013. Sq. C, D / 28, 29. 1–44 — item numbers (correspond to the table) (a — fragments of limestone slabs; б — flint nodules and fragments, sandstone pebbles; в — depth marks)

террас эоплейстоценового возраста этого материала не должно быть. Известно, что морские отложения с плитами известняка неогенового возраста залегают значительно ниже цоколей надканьонных речных террас. Следовательно, подчеркнем еще раз, во время существования слоя 4 известняковые

плиты, являющиеся экзогенным материалом, были недоступны для обитателей стоянки. Их можно было обнаружить лишь в «обнажениях» русла реки. В таком случае следует заключить, что плиты были извлечены и принесены со стороны долины, происходя из речного русла, образующего более молодую

Михайловскую террасу эоплейстоценового возраста, где лиман очередной трансгрессии Черного моря способствовал обнаружению известняковых плит Сарматского моря. От стоянки до русла пра-Днестра было не менее 2–3 км (рис. 2, 1; 7).

Во второй половине эоплейстоцена, как установлено исследованиями геологов, весь регион представлял собою обширную лиманно-озерную равнину. Во время серии черноморских трансгрессий по руслу пра-Днестра лиманы достигали широты Дубоссар (Билинчис, 1989; Адаменко и др., 1996). В эту пору отмечается некоторое похолодание и иссушение климата. Как показывают палинологические исследования, для рассматриваемой территории было характерно широкое распространение степных, а также лесостепных ландшафтов. Леса распространялись в основном по долинам рек (Медяник, 1986. С. 94).

Заключение

В настоящее время описываемый нами комплекс не имеет полных аналогий. Сегодня он является уникальным для всей территории Восточно-Европейской равнины, а возможно, и Евразии. Согласно имеющимся данным, описываемую нами выкладку из обломков плит известняка следует рассматривать как намеренно созданную, которая была предназначена (согласно основной гипотезе) для хранения желваков кремня — материала для изготовления каменных орудий. Эта версия представляется нам сейчас наиболее вероятной, хотя нельзя исключать и другие. Все использованные обломки плит известняка происходят из морских отложений сарматского (неогенового) возраста. Согласно геологическим данным, повторимся, отложения с плитами находятся в Приднестровье на весьма значительной глубине, располагаясь существенно ниже цоколей надканьонных террас Днестра. К ним относится также и Кицканская терраса, где найдена стоянка Байраки. Следует полагать, что выходы известняков могли быть обнаружены лишь на дне древнего лимана, заметно углубившего русло реки. Отсюда плиты были извлечены и принесены на стоянку. Очевидно, что гоминины хорошо знали окружающую их местность и могли весьма продуктивно использовать имеющиеся разнообразные природные ресурсы.

Еще во время последних раскопок, произведенных в 2014 г., эта выкладка была нами законсервирована: закрыта пленкой и основательно засыпана. В дальнейшем она готовилась для демонстрации в музее. Мы решили окончательно изучить ее в следующем году, но этого не произошло. Исследованиям помешало не только отсутствие надежного финансирования, но и международная

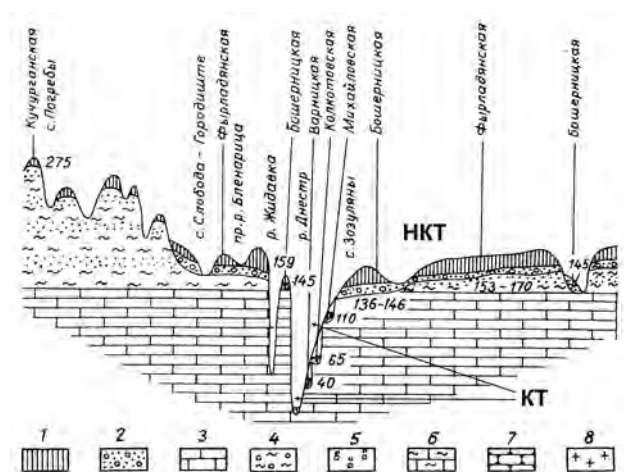

Рис. 7. Геологические профили долины Днестра (1 — покровные отложения террас; 2 — аллювиальные отложения террас; 3 — известняки среднего сармата; 4 — верхнемiocеновые глины и пески; 5 — поздне-меловая кора выветривания; 6 — верхнемеловые известняки; 7 — песчаники венда; 8 — архейские граниты и гнейсы; НТ — надканьонные террасы; КТ — каньонные террасы, Бошернацкая терраса в целом синхронна Кицканской)

Fig. 7. Geological profiles of the Dniester Valley (1 — terrace cover deposits; 2 — terrace alluvial deposits; 3 — Middle Serravallian limestones; 4 — Upper Miocene clays and sands; 5 — Late Cretaceous weathering crust; 6 — Upper Cretaceous limestones; 7 — Vendian sandstones; 8 — Archean granites and gneisses; НТ — supracanyon terraces; КТ — canyon terraces. The Boshernitskaya terrace is generally synchronous with the Kitskansskaya terrace)

[Билинчис, 1989]

обстановка. Так, уже в конце 2014 г. на Украине произошел «майдан» — государственный переворот, что крайне осложнило общую ситуацию в пределах соседней территории — Приднестровской Молдавской Республики, где и расположен изучаемый нами памятник. В дальнейшем положение стало еще более сложным, сделав всякие исследования в регионе практически невозможными. Попытка соавтора этой статьи — молдавского исследователя палеолита С. И. Коваленко — доследовать выкладку осенью 2025 г. так и осталась нереализованной по причине неожиданной и преждевременной кончины ученого. В этом случае вторым соавтором было принято решение обязательно опубликовать все имеющиеся материалы, учитывая важность и уникальность выявленного нами объекта столь древнего возраста.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2026 г.

- Адаменко и др., 1996 — Адаменко О. М., Гольберт А. В., Осиук В. А., Матвишин Ж. Н., Медяник С. И., Моток В. Е., Сиренко Н. А., Чернюк А. В. Четвертичная палеогеография. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев: Феникс, 1996. 200 с.
- Анисюткин и др., 2015 — Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И. Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) // АВ. 2015. Вып. 21. С. 11–30.
- Антропоген и палеолит..., 1986 — Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья // Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев, 1986 г.). Кишинев: Штиинца, 1986. 155 с.
- Астахов, 1999 — Астахов С. Н. Древний палеолит Японии. СПб.: Европейский дом, 1999. 80 с.
- Билинкис, 1989 — Билинкис Г. М. История развития рельефа Молдавии // Четвертичный период. Палеогеография и литология. К XXVIII Международному геологическому конгрессу (Вашингтон, 1989): Сб. ст. / Гл. ред. А. Н. Яншин. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 57–66.
- Билинкис, 1992 — Билинкис Г. М. Геодинамика крайнего юго-запада Восточно-Европейской платформы в эпоху морфогенеза. Кишинев: Штиинца, 1992. 180 с.
- Медяник, 1986 — Медяник С. И. Палеогеографические условия формирования эоплейстоценовых отложений Нижнего Приднестровья (по палинологическим данным) // Четвертичный период. Палеогеография и литология. К XXVIII Международному геологическому конгрессу (Вашингтон, 1989) / Гл. ред. А. Н. Яншин. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 92–96.
- Сычева и др., 2023 — Сычева С. А., Анисюткин Н. К., Хохлова О. С., Пушкина П. Р., Украинский П. А. Палеоэкологические условия многослойной стоянки Байраки в Приднестровье // Эволюция природных систем. 2023 (Известия РАН. Серия географическая). Т. 87, № 8. С. 1238–1257.
- Чепалыга и др., 2012 — Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчикова Т. А. Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: возраст, палеоландшафты, археология // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2012. № 71. С. 123–140.
- Чепалыга и др., 2013 — Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Трубин В. М., Садчикова Т. А., Пирогов А. Н. Геохронология раннего палеолита (олдован) Северного Кавказа и долины Днестра: возможные пути миграций древнейших архантропов в Европу // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований»: Сб. ст. Ростов н/Д.: Изд-во Южного НЦ РАН, 2013. С. 668–671.
- Bordes, 1961 — Bordes F. Typologie du Paleolithique ancien et moyen. I. Bordeaux, 1961. 85 p.
- Schick, Toth, 2006 — Schick K., Toth N. An Overview of the Oldowan Industrial Complex: The sites and the nature of their evidence // The Oldowan: Case Studies Into the Earliest Stone Age / Eds. N. Toth, K. Schick. Gasport: Stone Age Inst., 2009. No. 1. P. 3–42.

An unique arrangement of limestone slabs in the Eopleistocene layer 4 at the Early Paleolithic site of Bayraki (Lower Transnistria)

N. K. Anisyutkin, S. I. Kovalenko (†)⁴

Keywords: Moldova, Transnistria, Bairaki, Oldowan, limestone slab complex

This paper analyzes a complex of localized limestone slab fragments discovered in layer 4 of the multilayered Early Paleolithic site of Bayraki in Transnistria (Moldova). The site is located on the high Kitskany River terrace VII of the Dniester. Paleomagnetic data indicate that the layer dates to the Matuyama period (Jaramillo episode). The limestone slabs and their fragments bordered and covered a round pit (approximately 1 square meter) filled with stone fragments, pebbles, and flint nodules. The pit fill differed from the lithological layer, which consisted of pure floodplain alluvial loam free of foreign inclusions. Only three flint tools of the Oldowan type and a bone fragment of an unidentifiable animal were found in the layer. According to geological data, these limestone slabs are associated with older marine sediments located below the base of the Kitskany Terrace. Most likely, the limestone slabs were quarried by hominins from the riverbed and brought to the site. It is likely that at the end of the Eopleistocene, another Black Sea estuary penetrated here along the valley of the Paleo Dniester River, traces of which have been identified and described in geological publications. It can be assumed that this complex was used to store essential raw materials. Unfortunately, due to the unstable international situation in the region, the site could not be fully explored — the pit itself remained unexcavated. The prospects for further exploration remain unclear.

⁴ Nicolay K. Anisyutkin — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com. Sergey I. Kovalenko — National Museum of History of Moldova, Chisinau, Republic of Moldova.

Новая реконструкция золотой «диадемы» из Майкопского кургана, раскопанного в 1897 г.¹

В. А. Трифонов, В. Г. Данилевич²

Аннотация. В статье представлены результаты реконструкции «диадемы» из Майкопского кургана, открытого в 1897 г. Украшение представляло собой две ленты, свернутые в кольца диаметром 12,5 и 13,5 см с восьмью парами розеток на каждой. Прототипом розеток, вероятно, были 10-лепестковые цветы доместичированных гибридов кавказской яблони.

Ключевые слова: Кавказ, ранний бронзовый век, Майкопский курган, диадема, реконструкция, цветы, яблоня

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-21-37

История проблемы

Комплекс предметов из основного погребения Майкопского кургана, раскопанного в 1897 г. (Отчет ИАК за 1897 г., 1900. С. 2–11), превосходит по своему разнообразию и богатству все известные сегодня погребения раннего бронзового века Кавказа и остается ключом к пониманию культурного кода майкопской культуры. Погребение относится к периоду расцвета культуры и датируется приблизительно 3520–3350 гг. до н. э. (*Wilkin et al.*, 2023. С. 5).

Наиболее полная публикация предметов комплекса появилась всего несколько лет назад (*Пиотровский*, 2020), но даже она не может восполнить все пробелы в наших знаниях об этом исключительном памятнике. Проблема, в первую очередь, в качестве исходной информации. При наличии средств и времени памятник был раскопан плохо и исключительно небрежно зафиксирован даже по стандартам своего времени.

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Трифонов В. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru. Данилевич В. Г. — Ставропольский государственный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, Ставрополь; e-mail: vera_dan60@mail.ru.

© Трифонов В. А., Данилевич В. Г., 2026

Рукописный (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1896. Д. 204) и опубликованный варианты отчетов Н. И. Веселовского оставляют место для многочисленных разночтений, в том числе о взаимном расположении деталей составных украшений, что затрудняет или делает даже невозможным определение их изначального вида.

К таким предметам относится и так называемая золотая диадема, которая после публикации Б. В. Фармаковским его собственной реконструкции (*Фармаковский*, 1914. Цв. вкл. между табл. XIII и XIV) на долгие годы стала одним из символов майкопского феномена в истории культур Северного Кавказа раннего бронзового века.

Однако места расположения деталей диадемы — двух золотых лент и 10 парных золотых пятилепестковых розеток — указаны Н. И. Веселовским настолько расплывчато, что возникли сомнения в реальности существования диадемы в том виде, как ее представлял себе Б. В. Фармаковский (*Пиотровский*, 2020. С. 138). Это мнение, высказанное задолго до его публикации, разделяет С. Н. Корневский (*Корневский*, 2011. С. 101; 2012. С. 72; 2024. С. 77). В экспозиции Золотой кладовой Государственного Эрмитажа ленты и золотые цветы сегодня демонстрируются как две разные, не связанные между собой группы предметов.

Действительно, в обоих вариантах отчета Н. И. Веселовского нет указания на связь между розетками и лентами. Розетки перечислены в контексте описания нашивных украшений

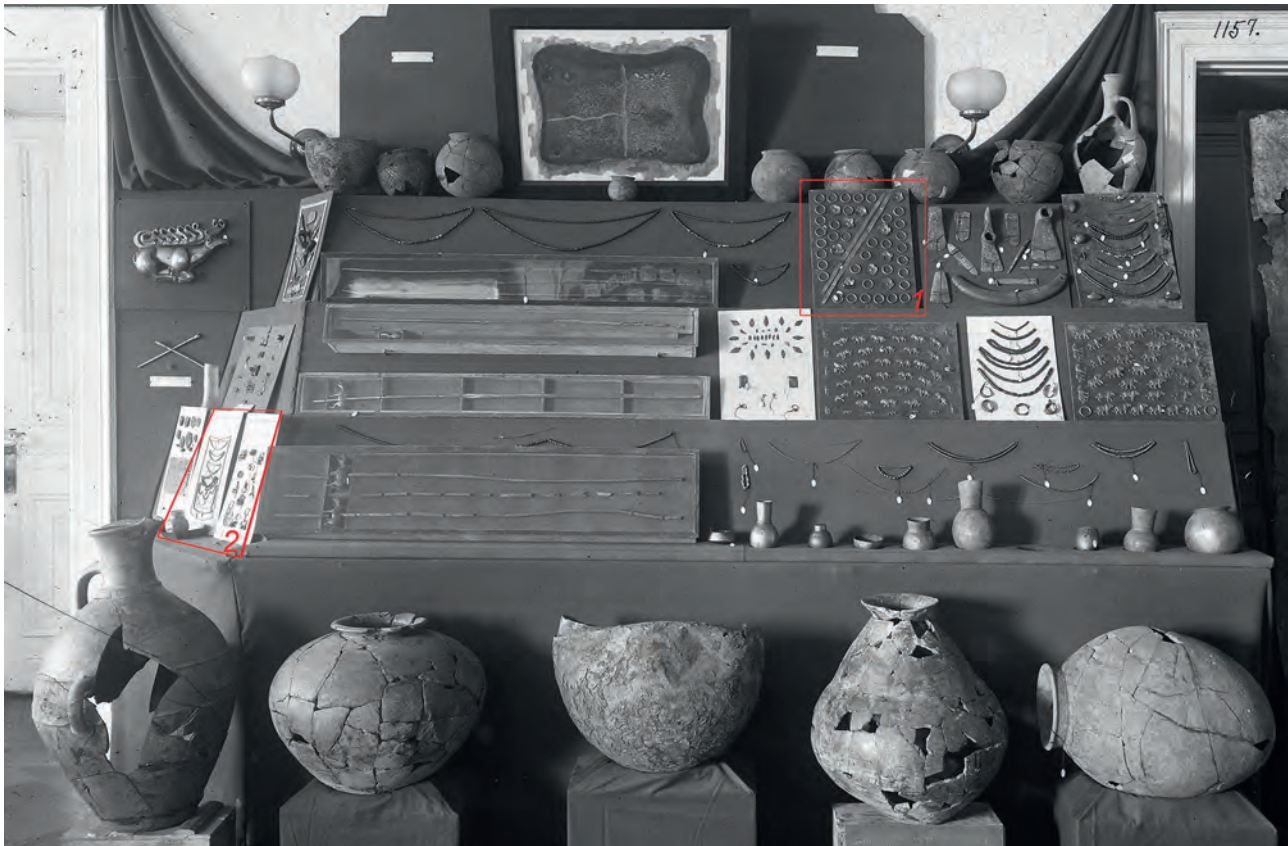

Рис. 1. Находки из раскопок Н. И. Веселовского в Кубанской области, а также приобретения ИАК в 1897 г. на археологической выставке ИАК в Императорском Эрмитаже, 1898 г.: 1 — планшет с золотыми лентами и розетками из Майкопского кургана; 2 — предметы клада из Старомышастовской

Fig. 1. Finds from N. I. Veselovsky's excavations in the Kuban region, as well as acquisitions by the Imperial Archaeological Commission in 1897 at the Commission's archaeological exhibition in the Imperial Hermitage, 1898: 1 — tablet with gold bands and rosettes from the Maykop burial mound; 2 — hoard from Staromyshastovskaya

[2 — НА ИИМК РАН. ФО. Her. № III 7042]

«платья» погребенного, включая бляшки, изображающие львов и быков, бусы и бисер. В рукописи отчета упоминание «золотых розеток из двух чашечек по пять лепестков» первоначально было пропущено, а затем добавлено отдельной строкой с дополнительным номером (126) между описаниями золотых и бирюзовых бус (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1896. Д. 204. Л. 51). Где именно относительно костей скелета лежали розетки, не указано. Следующие два предложения рукописи — о диадеме «...из двух золотых лент, близко подходивших одна к другой». Подробности об их расположении («...широкою стороною на затылке») говорят, скорее, в пользу того что розеток рядом с лентами не было, но и как далеко они были от лент, остается неясным. В опубликованном варианте отчета ленты диадемы описаны как лежащие «под черепом», а двойные розетки, как и в рукописи, упомянуты в списке нашивных укра-

шений платья. Уточнения по расположению касаются только трех крупных орнаментированных бусин — «...у пояса или груди» — и к розеткам эта подробность прямого отношения не имеет (Отчет ИАК за 1897 г., 1900. С. 4).

Если коротко, то из отчета Н. И. Веселовского невозможно сделать уверенное заключение о расположении золотых розеток ни относительно частей скелета, ни относительно золотых лент. Более того, в отчете нет сведений, как именно были найдены 20 розеток относительно друг друга. Складывается впечатление, что в период раскопок и составления отчета Н. И. Веселовский полагал, что золотые ленты и двойные розетки — это разные украшения, соответственно, для головы и на платье. Характерно, что он делает предположение о возможности соединить концы лент «шнурками», имея в виду парные отверстия на противоположных концах лент, но

при этом полностью игнорирует существование остальных парных отверстий на обеих лентах. Это выглядит довольно странным, учитывая, что на выставке Императорской Археологической комиссии 1898 г. в Эрмитаже золотые ленты и розетки были выставлены на одном планшете (рис. 1). С фотографии этого же планшета позднее Н. И. Веселовский отобрал двойную розетку для публикации в Отчете ИАК (Там же. С. 4, рис. 5).

Еще более удивительными оказались инвентарные номера Императорского Эрмитажа, куда в 1901 г., то есть год спустя после публикации, коллекция из Майкопского кургана была передана Императорской Археологической комиссией³. Она была принята под номером 34 с дополнительными номерами для отдельных предметов (Европа без границ, 2013. С. 309–318). На золотые ленты черной тушью были нанесены номера 34–34.1 и 34–35.1, а двойные золотые розетки были разделены на две группы по пять в каждой и пронумерованы соответственно 34–34.2–11 и 34–35.2–11. Проще говоря, инвентарные номера фиксировали связь между двумя лентами и двумя группами двойных розеток, причем комбинация из нижних и верхних розеток осталась такой же, как на фотографиях планшета 1897–1898 гг. Из этого следует, что идея диадемы из двух лент с пятью парными розетками на каждой появилась не позднее 1901 г., а может быть, и раньше.

Трудно сказать, кто был ее автором. Н. И. Веселовский как наиболее вероятный кандидат никогда об этом не упоминал, а Б. В. Фармаковский, которого считают автором реконструкции с его собственных слов (Фармаковский, 1914. С. 52), едва ли мог им быть в 1901 г. В это время он только переехал в Петербург, получил должность в ИАК и готовился к защите диссертации по античной вазовой живописи в Новороссийском университете (Виноградов, 2022. С. 260). Как бы там ни было, позднее при работе с коллекцией Б. В. Фармаковский сделал одно очень дельное наблюдение о соответствии расстояний в парах горизонтальных отверстий на лентах и на нижних розетках. Именно эти отверстия и служили для «нашивания» собранных попарно розеток на ленты. Как он сам не без гордости отметил: «...в Императорском Эрмитаже розетки теперь нашиты на диадемы по моим указаниям» (Фармаковский, 1914. С. 52, табл. XXIV).

³ В списке переданных вещей золотые ленты и розетки указаны под двумя соседними номерами, соответственно 9 и 10 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204. Л. 115).

Как именно это было выполнено технически, Б. В. Фармаковского, видимо, не интересовало. В противном случае он бы непременно узнал, что в полной мере его указания неисполнимы, так как у двух нижних розеток из 10 имеются только четыре, а не шесть отверстий, и нет именно пары для крепления к горизонтальной паре отверстий на ленте (рис. 2, 18, 19). Еще одна розетка была только с одним отверстием для крепления к ленте (рис. 2, 15). Кроме этого, почти все пары розеток собраны без учета взаимного расположения соединительных отверстий, что особенно очевидно на изображении разобранной пары розеток из иллюстраций Б. В. Фармаковского (Фармаковский, 1914. Табл. XXIII, 10). Все вместе эти технические неувязки подрывают доверие к довольно правдоподобной, на первый взгляд, реконструкции майкопской «диадемы» с пятью двойными розетками по центру каждой ленты. Сделана эта реконструкция «достаточно вольно» (Кореневский, 2011. С. 101). Собрать ленты и розетки так, как предлагал Б. В. Фармаковский, без нарушения ювелирной точности оригинала невозможно.

Методика реконструкции

В основе методики реконструкции лежит предположение, что ювелирная точность изготовления «диадемы» была значительно выше, чем допускал Б. В. Фармаковский, и если последовательно придерживаться принципа согласованности в расположении соединительных отверстий во всех деталях (ленты, нижние и верхние розетки), то в конечном итоге реконструкция украшения должна оказаться близкой к оригиналу.

Для проверки этой гипотезы были выполнены макросъемка и обмеры всех соединительных отверстий и расстояний между ними на лентах и розетках⁴, а затем проведен сравнительный анализ схем расположения отверстий. Точность измерений — в пределах 0,125–0,250 мм. Для определения места расположения розеток на лентах сравнивались комбинации отверстий на лентах и нижних розетках. Для определения парности сравнивались комбинации отверстий в верхних и нижних розетках.

Золотые ленты

Две разной длины ленты из золота почти идентичны по форме, ширине, толщине и расположению парных отверстий. Концы лент закруглены. Обе ленты слегка помяты и изогнуты,

⁴ Выражаем благодарность Государственному Эрмитажу и лично Ю. Ю. Пиотровскому за возможность работы с коллекцией.

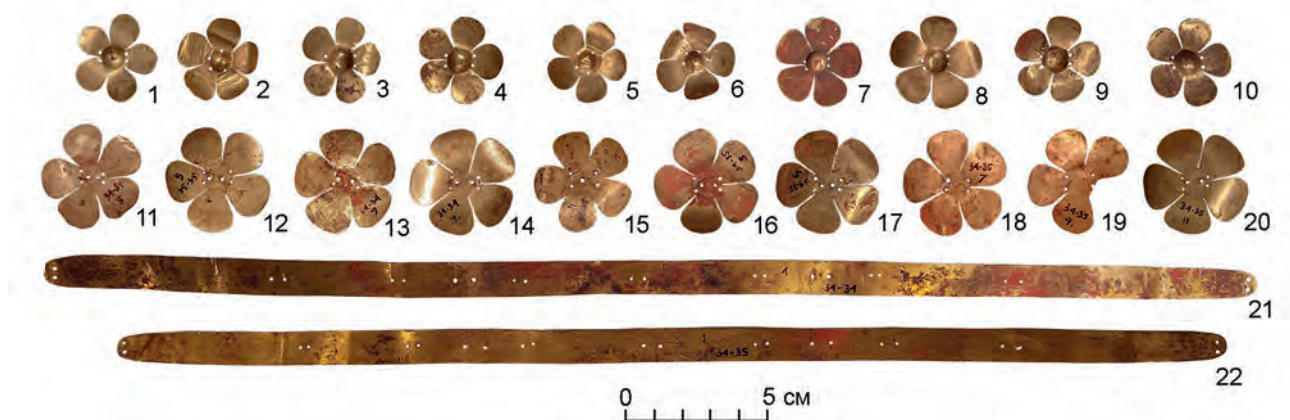

Рис. 2. Расположения отверстий крепления на лентах, нижних и верхних розетках. Верхние розетки (вид сверху): 1 — 2 34–34 (шифр ГЭ); 2 — 4 34–34; 3 — 6 34–34; 4 — 8 34–34; 5 — 10 34–34; 6 — 2 34–35; 7 — 4 34–35; 8 — 6 34–35; 9 — 8 34–35; 10 — 10 34–35. Нижние розетки (вид снизу): 11 — 3 34–34; 12 — 5 34–34; 13 — 7 34–34; 14 — 9 34–34; 15 — 11 34–34; 16 — 3 34–35; 17 — 5 34–35; 18 — 7 34–35; 19 — 9 34–35; 20 — 11 34–35. Ленты (вид со стороны «а»): 21 — 1 34–34; 22 — 1 34–35

Fig. 2. Locations of fastening holes on the bands, lower and upper rosettes. Upper rosettes (top view): 1 — 2 34–34 (here and further — the code of the State Hermitage Museum); 2 — 4 34–34; 3 — 6 34–34; 4 — 8 34–34; 5 — 10 34–34; 6 — 2 34–35; 7 — 4 34–35; 8 — 6 34–35; 9 — 8 34–35; 10 — 10 34–35. Lower sockets (bottom view): 11 — 3 34–34; 12 — 5 34–34; 13 — 7 34–34; 14 — 9 34–34; 15 — 11 34–34; 16 — 3 34–35; 17 — 5 34–35; 18 — 7 34–35; 19 — 9 34–35; 20 — 11 34–35. The bands (view from side «a»): 21 — 1 34–34; 22 — 1 34–35

поэтому результаты измерений длины могут отличаться от истинных на 1–3 мм⁵. На поверхности лент черной тушью нанесены коллекционные номера: 1 34–34 на длинной ленте и 1 34–35 на короткой (рис. 2, 21, 22). Для удобства описания ленты обозначены как 1 (длинная) и 2 (короткая); поверхности с коллекционными номерами как «а», а противоположные — как «б».

Лента 1 (1 34–34)

Длина ленты 430,0 мм, ширина 12,0 мм, толщина около 0,6 мм. Оба конца ленты закруглены с радиусом закругления около 5,0 мм.

На ленте — 11 пар отверстий, которые по размерам, расположению и характеру дополнительной обработки можно разделить на три группы. Для удобства описания все пары отверстий пронумерованы слева направо (сторона «а» — рис. 3, А).

Первая группа включает семь пар горизонтально расположенных отверстий, пробитых со стороны «б» (пары 2, 3, 5–7, 9, 10). Диаметр этих отверстий составляет 0,875–1,000/1,125 мм. Расстояние между отверстиями в парах колеблется от 2,00 до 3,75 мм, причем между парами

нет ни одного совпадения этих размеров (табл.). Заусеницы, образовавшиеся при пробитии отверстий на стороне «а», отогнуты наружу, вероятно, разверткой, затем смяты, расклепаны и выровнены абразивом.

Расстояние между парами составляет 36–38 мм, в одном случае — 43 мм (между парами 9 и 10), то есть эти пары отверстий расположены приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга. От отверстий на концах ленты ближайшая пара отверстий этой группы расположена на расстоянии 75 и 79 мм (рис. 3, А).

Вторая группа включает две пары горизонтально расположенных отверстий, также пробитых со стороны «б» (пары 4 и 8). Диаметр этих отверстий и расстояние между ними в парах больше, чем эти же показатели у отверстий первой группы: диаметр — 1,250 мм, расстояние — 5,000–5,375 мм (табл.). Заусеницы вокруг отверстий на стороне «а» обработаны менее качественно, чем у отверстий первой группы, и выступают над поверхностью ленты. Обе пары отверстий расположены приблизительно на равном расстоянии от отверстий на концах лент (140 и 147 мм) и на расстоянии 119 мм друг от друга.

Третья группа включает две пары вертикально расположенных отверстий на концах лент (пары 1 и 11). В отличие от всех остальных отверстий они пробиты со стороны «а». Заусеницы на стороне «б»

⁵ В публикациях коллекции длина длинной ленты варьирует от 43,3 до 43,0 см (ср.: Европа без границ, 2013. С. 314; Пиотровский, 2020. С. 138).

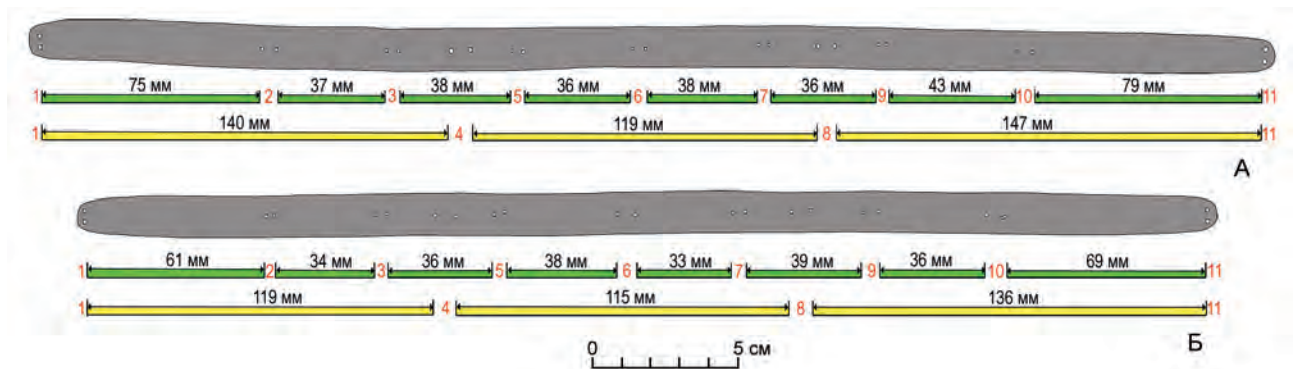

Рис. 3. Изображения золотых лент и схемы расположения отверстий для крепления, Майкопский курган, 1897 г.: А — лента 1, сторона «а» (ГЭ, шифр 1 34–34); Б — лента 2, сторона «а» (ГЭ, шифр 1 34–35).

Условные обозначения: красный/зеленый цвет — номера пар отверстий групп 1 и 3 для крепления розеток и расстояния между ними; красный/желтый — номера пар отверстий группы 2 и расстояния между ними

Fig. 3. Images of gold bands and diagrams of the locations of the mounting holes, Maykop burial mound, excavations of 1897: А — the band 1, side “a” (1 34–34); Б — the band 2, side “a” (1 34–35). Legends: red/green — numbers of holes’ pairs in the groups 1 and 3 for mounting rosettes and the distances between them; red/yellow — numbers of holes’ pairs in the group 2 and the distances between them

Таблица. Расстояния между отверстиями в парах для крепления нижних розеток к лентам 1 и 2*

Table. Distances between holes in pairs for attaching lower rosettes to bands 1 and 2

Параметр	№ пары отверстий										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Лента 1 (ГЭ 1 34–34)											
Расстояние между отверстиями на ленте	1,750	3,500	3,000	5,375	3,125	3,750	2,625	5,000	2,000	4,500	2,500
ГЭ, инв. № нижних розеток	9.34–35	3.34–35	–	–	–	5.34–34	3.34–34	–	–	9.34–34	9.34–35
Расстояние между отверстиями на нижних розетках	3,000	3,625	–	–	–	3,750	2,500	–	–	4,500	3,750
Лента 2 (ГЭ 1 34–35)											
Расстояние между отверстиями на ленте	2,000	2,125	3,500	5,625	2,875	4,875	3,375	5,500	4,375	4,000/4,375	2,000
ГЭ, инв. № нижних розеток	7.34–35	–	–	–	11.34–34	–	5.34–35	–	11.34–35	7.34–34	7.34–35
Расстояние между отверстиями на нижних розетках	3,00	–	–	–	–	–	3,00	–	4,00	4,00	2,25

* Желтый цвет — пары отверстий на концах ленты; зеленый — пары отверстий на ленте и нижних розетках; красный — пары отверстий на ленте, к которым утрачены нижние розетки.

не обработаны. Диаметр отверстий и расстояние между ними в парах на левом и правом концах различны (табл.). По диаметру (1,25 и 1,25 мм) они ближе отверстиям второй группы, а по расстояниям в парах (1,75 и 2,50 мм) — отверстиям первой группы.

Лента 2 (1 34–35)

Эта лента длиной 393 мм короче ленты 1 на 37 мм, но одинаковой с ней ширины и толщины — 12,0 × 0,6 мм. Оба конца ленты также закружены. Порядок расположения 11 пар отверстий такой же, как на ленте 1 (рис. 2, 22; 3, Б).

Семь пар горизонтально расположенных отверстий пробиты со стороны «б» (пары 2, 3, 5–7, 9, 10). Диаметр этих отверстий составляет 0,875–1,000/1,125 мм. Расстояние между отверстиями в парах колеблется от 2,125 до 4,875 мм, причем как и на ленте 1 между парами нет ни одного совпадения этих размеров (табл.). Заусеницы вокруг отверстий, образовавшиеся на стороне «а», аккуратно расклепаны и выровнены абразивом.

Расстояние между парами составляет 33–39 мм. От отверстий на концах ленты ближайшая пара отверстий этой группы расположена на расстоянии 61 и 69 мм (рис. 3, Б).

Вторая группа включает две пары горизонтально расположенных отверстий, пробитых со стороны «а» (пары 4 и 8). Диаметр этих отверстий — 0,875 мм, что соответствует нижнему пределу размеров отверстий первой группы, а вот расстояние между ними в парах больше, чем у отверстий первой группы на обеих лентах, но примерно такое же, как у пары отверстий второй группы на ленте 1, — 5,625 и 5,500 мм (табл.). Заусеницы вокруг отверстий на стороне «б» расклепаны.

Эти пары отверстий расположены в 119 и 136 мм от отверстий на концах ленты и на расстоянии 115 мм друг от друга (рис. 3, Б).

Третья группа включает две пары вертикально расположенных отверстий на концах лент (пары 1 и 11). Как и семь пар отверстий первой группы, они пробиты со стороны «б». Заусеницы на стороне «а» не обработаны. Диаметр отверстий и расстояния между ними в парах на левом и правом концах различны (табл.). По диаметру только одно отверстие (1,375 мм) из четырех немного превосходит диаметры остальных отверстий на ленте, а по расстояниям в парах (2 мм) они ближе отверстиям первой группы.

По результатам обмеров отверстий, расстояний между ними и учета сторон лент, с которых отверстия были пробиты, можно сделать вывод, что выделенные группы отверстий соответствуют трем различным операциям хотя бы потому, что при выполнении каждой из них ленты приходилось переворачивать. Важно отметить, что при очевидном стремлении к точности исполнения предварительного плана работы в процессе изготовления были допущены индивидуальные отклонения, типичные для кустарной работы. Здесь показательны расхождения в размерах отверстий самой многочисленной первой группы (14 пар на двух лентах). Разница в диаметре отверстий составляет 0,250–0,375 мм, разница в расстояниях между отверстиями в парах 1,750–2,750 мм, а разница в расстояниях между парами уже достигает 6,000–7,000 мм. Другими словами, при очевидном сходстве размеров в пределах группы отверстий на обеих лентах почти все расстояния между отверстиями являются уникальными.

Золотые парные розетки

10 нижних и 10 верхних пятилепестковых розеток вырезаны из золотого листа толщиной около 0,375 мм. Размеры розеток в проекции на плоскость могут отличаться за счет изгиба лепестков, при этом расстояния между отверстиями для крепления не искажаются, так как сами отверстия расположены в центральной части розеток на почти плоской поверхности (рис. 2, 1–20).

Нижние розетки

Диаметр нижних розеток составляет 38,0–39,5 мм. Девять из 10 розеток аккуратно вырезаны по одному шаблону. Одна розетка (11 34–34) вырезана небрежно, и ее контур выглядит как неумелое подражание оригиналу. Вероятно, она была изготовлена взамен утраченной. На центральной плоской части розеток расположены парные отверстия для крепления с верхней розеткой и цветка в сборе. На семи розетках пробито по три пары отверстий — две пары вертикально и одна горизонтально между ними в центре. На двух розетках пробиты только две пары отверстий, расположенные симметрично относительно центра розетки (9 34–35 и 7 34–35) — одна из них повреждена (рис. 2, 18, 19). На одной розетке-дубликате (11 34–34) пробиты две пары вертикальных отверстий и одно отверстие в центре между ними (рис. 2, 15). Почти все отверстия пробиты с верхней стороны розеток, за исключением одной розетки (3 34–34), у которой центральная пара отверстий пробита с верхней поверхности, а боковые пары — с нижней. Диаметр отверстий в центральной паре ($\approx 1,000$ – $1,125$ мм) всегда превышает диаметр отверстий в боковых парах (в основном $\approx 0,750$ мм). В двух случаях диаметр отверстий в боковых парах превышает стандартные 0,750 мм. На розетке-дубликате диаметр этих отверстий $\approx 1,000$ мм, а на одной из двух розеток без центральной пары отверстий диаметр боковых отверстий 0,750–1,250 мм. На всех розетках, кроме дубликата, заусеницы смяты и расклепаны.

Расположение парных боковых отверстий имеет общую особенность. Одна пара отверстий расположена напротив выреза между лепестками, а противоположная пара — в основании лепестка (рис. 2, 11–20).

Несмотря на универсальную схему расположения отверстий, расстояния между ними в парах и между парами различаются, то есть каждая комбинация отверстий является индивидуальной.

Верхние розетки

Диаметр верхних розеток составляет $\approx 29,000$ – $31,500$ мм (рис. 2, 1–10). Для соединения розеток в пары на каждой из них с наружной поверхности пробито по две пары отверстий диаметром 0,875–1,250 мм. Из-за значительного изгиба лепестков нескольких верхних розеток трудно надежно определить, были они все сделаны по одному шаблону или использовалось несколько.

Все верхние розетки можно разделить на две группы.

Семь розеток первой группы (2 34–34, 6 34–34, 8 34–34, 4 34–35, 6 34–35, 8 34–35, 10 34–35), вероятно, вырезанные по одному шаблону, имеют небольшие расхождения в линейных размерах, скорее всего из-за дополнительной обработки при изготовлении выпуклой полусферы разного диаметра в центре розетки. У всех семи розеток пары отверстий для крепления с нижними розетками расположены по одной схеме: два отверстия в основании одного лепестка и два противоположных — в основании двух смежных лепестков (рис. 2, 1, 3, 4, 7–10).

Вторая группа из трех розеток (4 34–34, 10 34–34, 2 34–35) была вырезана, видимо, по другому шаблону. У всех трех розеток диаметр полусферы составляет ≈ 7 мм, что на 2–3 мм меньше диаметров полусферы у розеток первой группы (рис. 2, 2, 5, 6). За счет этого вокруг полусферы образуется плоское пространство, на котором независимо от расположения лепестков пробиты отверстия крепления, в двух случаях — четыре, в одном случае (2 34–35) — пять. Отверстия образуют пары, но расстояния между ними короче, чем у отверстий на розетках первой группы, и они лишены характерной для последних симметричности расположения. Еще одним отличием розеток этой группы являются близкие к квадратным формы некоторых отверстий (рис. 2, 2, 5, 6), в то время как на розетках первой группы они круглые.

В целом складывается впечатление, что розетки второй группы сделаны другим мастером взамен утраченных оригинальных.

Отверстия креплений верхних розеток размещены относительно отверстий на нижних розетках таким образом, чтобы верхние лепестки перекрывали пространство между лепестками нижних розеток. Для этого одна пара отверстий размещена в основании одного лепестка, а отверстия противоположной пары — в основании двух смежных лепестков. По этой причине расстояния между отверстиями в парах на верхних розетках, как правило, различные, так как одну пару отверстий надо было разместить на узком основании одного лепестка, а отверстия противоположной пары — в основании двух соседних лепестков. Из-за выреза между этими лепестками расстояние между отверстиями в этой паре всегда немного больше, чем в противоположной паре. Эти ограничения при выборе места расположения отверстий на верхней розетке позволяют предположить, что именно они пробивались первыми. Затем верхняя розетка центровалась относительно нижней, и расположение отверстий переносилось

как по шаблону на плоскую поверхность нижней розетки, где уже была пробита пара отверстий для крепления к ленте. В целом диаметр отверстий для соединения розеток меньше диаметра отверстий для крепления нижней розетки к ленте.

Результатом такой последовательности операций была точная сборка розеток в пары с непрерывным перекрытием лепестками верхней розетки пространства между лепестками нижней. Отклонения в расстояниях между четырьмя отверстиями для соединения розеток, неизбежные при ручной работе, превращают каждую пару соединительных отверстий в уникальную комбинацию.

Реконструкция

Для того чтобы убедиться в существовании или отсутствии связи между розетками и лентами, прежде всего были сопоставлены размеры центральных парных отверстий на нижних розетках с размерами расстояний между отверстиями в парах на лентах. В результате сравнения было установлено, что четыре нижние розетки (3 34–35, 5 34–34, 3 34–34 и 9 34–34) крепились к парным отверстиям 2, 6, 7 и 10 на ленте 1 (34–34), а другие три нижние розетки (5 34–35, 11 34–35 и 7 34–34) крепились к парным отверстиям 7, 9 и 10 на ленте 2 (34–35) (табл.; рис. 4).

Точное место крепления нижней розетки 11 34–34 с одним отверстием для крепления к ленте, которая, видимо, была изготовлена взамен утраченной, установить невозможно. Это могла быть любая пара свободных отверстий первой группы на одной из двух лент.

Нижняя розетка 9 34–35 без пары центральных отверстий крепилась одной парой отверстий к отверстиям одного конца ленты 1, а второй парой отверстий — к отверстиям противоположного конца ленты 1, тем самым замыкая ее в кольцо. Соответственно нижняя розетка 7 34–35 без пары центральных отверстий крепилась одной парой отверстий к отверстиям одного конца ленты 2, а второй парой отверстий — к отверстиям противоположного конца ленты 2, также замыкая ее в кольцо. При таком расположении лепестки всех нижних розеток приобретают одинаковое направление относительно ленты (рис. 4).

Результаты сравнения расположения отверстий для крепления верхних розеток к нижним показали, что из 10 верхних к нижним подходят только четыре. На ленте 1 верхняя розетка 6 34–34 является парой нижней розетки 5 34–34 (пара 6 отверстий на ленте), а розетка 8 34–34 составляет

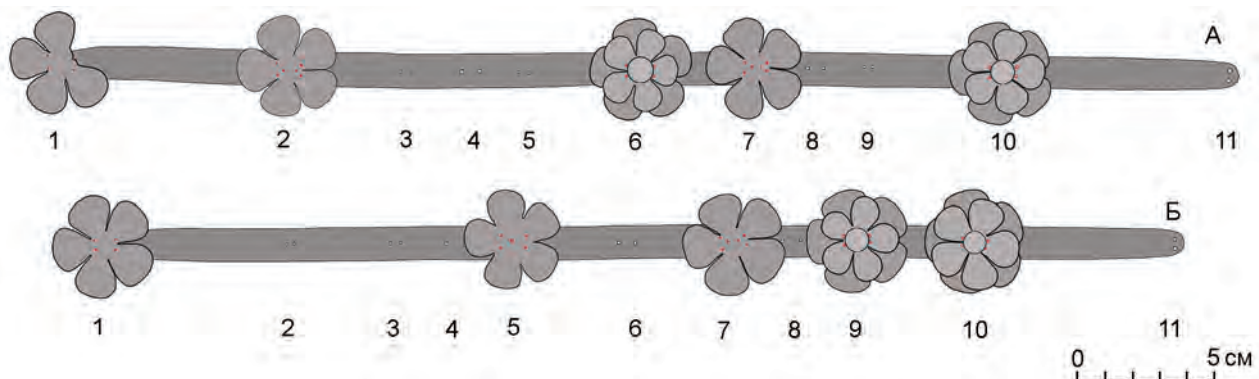

Рис. 4. Схема крепления нижних и парных к ним верхних розеток к лентам 1 и 2: А — лента 1, сторона «а» (ГЭ шифр 1 34–34); Б — лента 2, сторона «а» (ГЭ шифр 1 34–35) (1–11 — номера пар отверстий)

Fig. 4. Diagram of the mounting of the lower and paired upper rosettes to bands 1 and 2: А — the band 1, side “a” (1 34–34); Б — the band 2, side “a” (1 34–35) (1–11 — numbers of holes’ pairs)

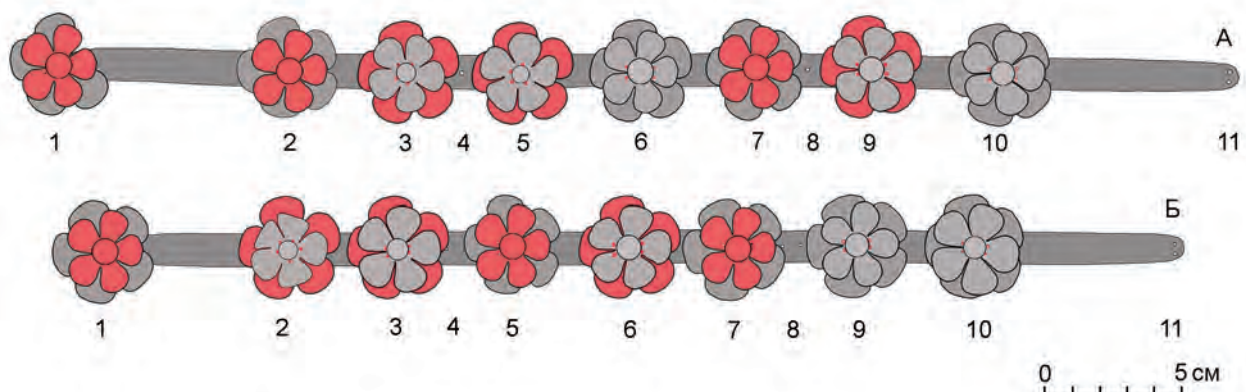

Рис. 5. Схема крепления нижних и верхних розеток, включая утраченные (красные) к лентам 1 и 2: А — лента 1, сторона «а» (ГЭ шифр 1 34–34); Б — лента 2, сторона «а» (ГЭ шифр 1 34–35) (1–11 — номера пар отверстий)

Fig. 5. Attachment diagram of the lower and upper rosettes, including the missing ones (red) to the bands 1 and 2: А — the band 1, side “a” (1 34–34); Б — the band 2, side “a” (1 34–35) (1–11 — numbers of holes’ pairs numbers)

пару с нижней розеткой 9 34–34 (пара 10 отверстий на ленте).

На ленте 2 соответствующие пары образуют розетки на 9-м и 10-м местах крепления к ленте (2 34–34 и 11 34–35; 6 34–35 и 7 34–34). К остальным шести нижним розеткам не подходит ни одна из оставшихся шести верхних розеток.

Таким образом, если места крепления нижних розеток и их парность с верхними определены верно, то на обеих лентах можно закрепить 10 нижних и четыре верхние розетки (рис. 5). При этом остаются свободными еще шесть мест для крепления нижних розеток, которых у нас нет, и шесть верхних розеток, к которым у нас нет пары (на рис. 5 выделены красным).

Если парность отсутствующих розеток была такой же индивидуальной, как и у существующих,

тогда получается, что полный комплект розеток на обеих лентах включал еще шесть нижних розеток, в пару к шести существующим верхним розеткам, и еще шесть верхних, в пару к шести существующим нижним. В итоге, вероятнее всего, в оригинале на каждой ленте крепилось не по пять, а по восемь пар розеток (рис. 6, 1a–2б), причем обе ленты были свернуты в кольца диаметром примерно 13,5 и 12,5 см, а их противоположные концы были соединены нижними розетками: розетка 9 34–35 на длинной ленте 1 и розетка 9 34–35 на короткой ленте 2 (рис. 6, 3). Иначе говоря, из 11 пар отверстий на каждой ленте девять предназначались для крепления двойных розеток.

Точное назначение двух оставшихся пар отверстий (группа 2, пары отверстий 4 и 8) остается

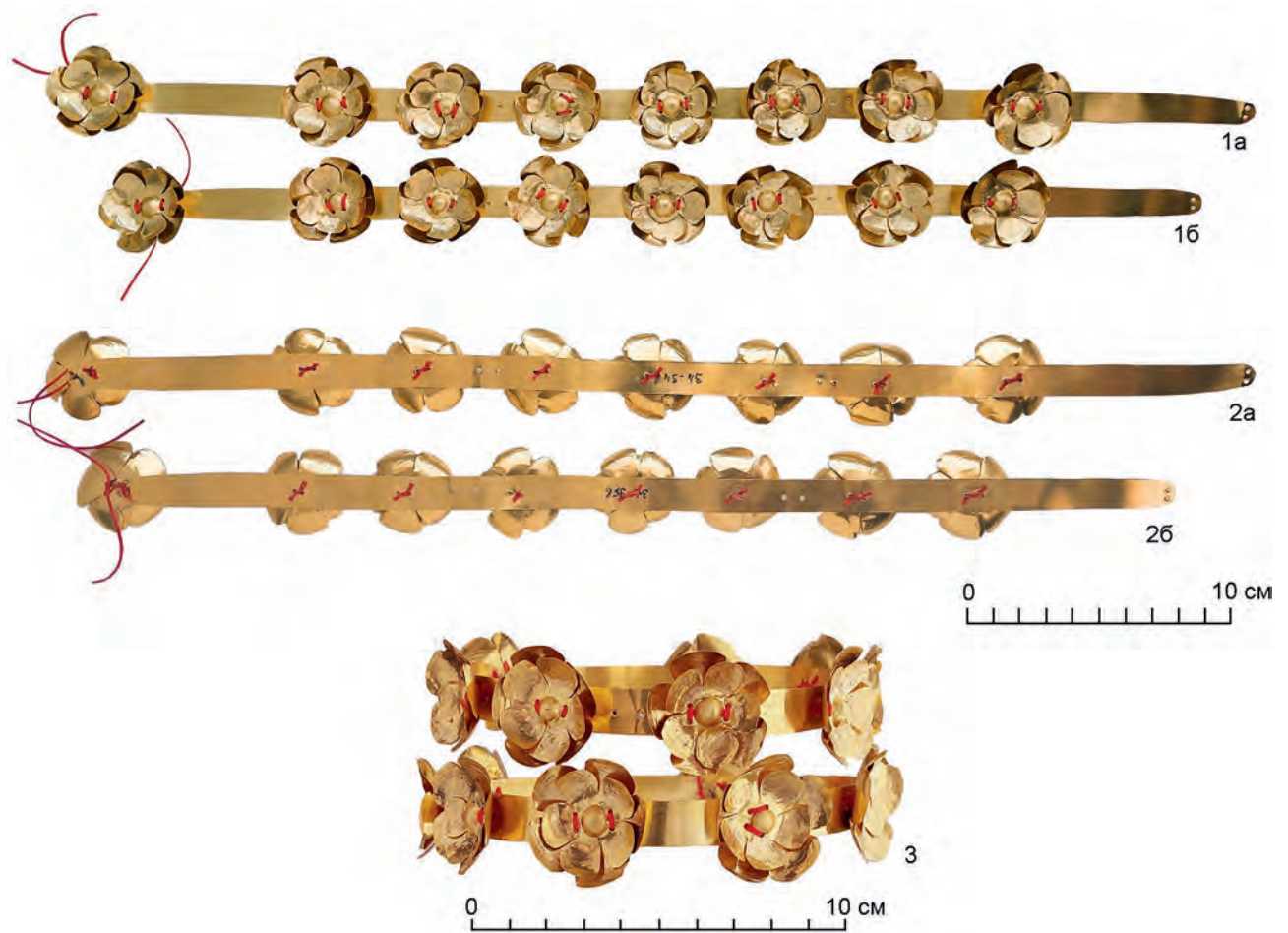

Рис. 6. Реплики лент 1 и 2 с розетками, реконструкция (латунь): 1а, 1б — вид с наружной стороны; 2а, 2б — вид в внутренней стороны; 3 — вид в виде замкнутых колец

Fig. 6. Replicas of the bands 1 and 2 with rosettes, reconstruction (brass): 1а, 1б — view from the outside; 2а, 2б — view from the inside; 3 — view as closed rings

неизвестным. Эти отверстия в лентах были частично перекрыты лепестками розеток. Для надежного крепления ленты к мягкой основе двух пар несимметрично расположенных отверстий недостаточно.

Одно время золотая лента с пятью парами розеток, прикрепленными в соответствии с указаниями Б. В. Фармаковского, демонстрировалась в Эрмитаже свернутой в кольцо с заходящими друг за друга концами (Корневский, 2004. Титул. л.; цв. вкл. 6, 3; Авилова, 2022. С. 283, рис. 2, 4), но такой вариант имеет мало общего с результатами реконструкции и, видимо, с оригиналом.

Предлагаемая реконструкция «диадемы» из Майкопского кургана представляет в новом свете уже известные детали ее обнаружения, а также вносит изменения в основание для ее интерпретации.

Когда пропали

12 майкопских золотых розеток?

Исходя из результатов реконструкции первым возникает вопрос об обстоятельствах исчезновения недостающих 12 розеток — шести нижних и шести верхних.

Можно было допустить, что эти розетки были утрачены до размещения украшения в погребении, тем более что есть явные признаки ремонта и замены утраченной оригинальной нижней розетки довольно грубым дубликатом (10 34–34). Однако такое объяснение кажется невероятным, так как среди исчезнувших есть нижние розетки, в то время как их верхние пары оказались в погребении.

Еще более странным является исчезновение розеток случайными, то есть неоригинальными, парами. Получается, что шесть пар случайным

образом соединенных розеток пропали, а в погребении остались шесть случайно собранных пар и только четыре — оригинальных. Все это скорее говорит о том, что шесть пар розеток пропало не в древности до их размещения в могиле, а во время раскопок. Скорее всего кто-то похитил розетки намеренно парами с тем, чтобы ввести Н. И. Веселовского в заблуждение, что, собственно говоря, и удалось. Если бы не индивидуальная подгонка розеток в парах и на лентах, подозрение в дерзкой и продуманной краже никогда бы не возникло.

В этой темной истории есть и подозреваемый. Это фактический руководитель раскопок Майкопского кургана старший надсмотрщик Императорской Археологической комиссии отставной унтер-офицер И. Ф. Маленко — один из нескольких многолетних помощников Н. И. Веселовского в его раскопках в Кубанской области. В ответ на ходатайство председателя ИАК А. А. Бобринского о награждении И. Маленко и Д. Ефимова серебряной медалью «За усердие» на «Станиславовой ленте», керченский градоначальник М. Е. Колтовский в январе 1896 г. сообщает, что Иван Маленко и Дмитрий Ефимов, еще один археологический надсмотрщик, с которым работал Н. И. Веселовский, известны как «закоренелые счастливчики и опытные воры <...> несмотря на службу при археологии, есть самые отчаянные враги ее, беспрерывно занимаясь тайным кладоискательством и сбывая все найденные древности не представителям археологии, а частным лицам», добавив, что они заслуживают «не награду, а изгнания и устранения от всякого участия в археологии» (цит. по: Императорская..., 2009. С. 172). Несмотря на неодобрительную характеристику, И. Маленко сохранил должность и уже в следующем, 1897, году руководил раскопками Майкопского кургана, которые, скорее всего, начались еще до приезда Н. И. Веселовского в Майкоп. Сообщения о том, что И. Маленко торгует находками и ведет разгульный образ жизни, поступали в ИАК и после 1897 г. В ответ на запросы Комиссии околотовный надзиратель Майкопа Федриков сообщал о кутежах и распутстве И. Маленко, который «уже несколько лет по поручению профессора Веселовского самостоятельно производил раскопки курганов, а профессор приезжал только для того, чтобы забрать то, что найдет Маленко» (цит. по: Императорская..., 2009. С. 175). Это, судя по всему, правда. Н. И. Веселовский сам сохранил в личных бумагах малограмотную опись переданных ему вещей из раскопок в Чамлыцкой и Царской

в 1898 г., где работами руководил И. Ф. Маленко (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Д. 3. Л. 15).

Закрывая глаза на отвратительную репутацию И. Маленко из-за выгод от его чутья «практикованного гробокопателя» (Тункина, 2002. С. 296), Н. И. Веселовский, вероятно, сам стал жертвой этого мошенника.

Ленты и розетки: форма и символика

Если золотые украшения из Майкопского кургана действительно представляли собой замкнутые в кольцо ленты, украшенные цветами, то их диаметры, примерно в 13,5 и 12,5 см, меньше всего соответствуют размерам головного украшения типа диадемы или тиары с сомкнутыми концами. При среднем обхвате головы человека в 55–58 см окружность, например, античных диадем с сомкнутыми концами, хранящихся, как и майкопские украшения, в Золотой кладовой Эрмитажа, как правило, составляет ≈60 см (Максимова, 1979. С. 44–48; Галанина, 1997. Табл. 30; Засецкая, 2011. С. 21–47).

В отчете Н. И. Веселовского расположение золотых лент, в отличие от всех остальных украшений, описано с подробностями, которые позволяют надеяться, что он видел это своими глазами. Рукописный вариант звучит как изложение первого впечатления от увиденного и выглядит достовернее, чем более формальный текст публикации. Из него следует, что ленты лежали рядом (параллельно друг другу?) «на затылке», а не просто «под черепом», как в публикации. С учетом небольшого диаметра колец из лент и их расположения под или над черепом они едва ли могли быть частью матерчатого головного убора конической формы (Фармаковский, 1914. С. 52; Пиотровский, 2020. С. 138). В противном случае они должны оказаться далеко за пределами черепа, учитывая, что его диаметр почти в два раза больше диаметра колец. Скорее всего, свернутые в кольца ленты с цветами служили украшением прически, например, собранных в пучок волос на макушке или затылке, наподобие тех, что носили переднеазиатские правители второй половины III тыс. до н. э. (Woolley, 1934. Pl. 150; Nylander, 1980).

Аналогией майкопской «диадемы» на Кавказе в некоторой степени является серебряная лента с золотыми розетками из Старомышастовского клада. Клад был найден на Кубани в окрестностях станицы Старомышастовской 3 апреля 1897 г., в том же году поступил в ИАК, в 1898 г. был представлен на археологической выставке ИАК вместе с вещами из Майкопского кургана (рис. 1, 2), а в 1901 г. передан в Эрмитаж (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 85). Именно Н. И. Веселовский, а не

М. И. Ростовцев (*Rostovtzeff*, 1920. Р. 8, 9), как считал М. Тальгрэн (*Tallgren*, 1928), а за ним и все остальные (*Мунчаев*, 1975. С. 225; *Корневский*, 2004. С. 48), указал на Старомышастовский клад как «...ближайшую аналогию с предметами Майкопского кургана» (*Веселовский*, 1910. С. 102).

Реконструкция старомышастовской «диадемы», как и майкопской, сопряжена с рядом трудностей. Свернутая в тугой рулон серебряная лента и три золотые розетки находились в серебряном сосуде отдельно друг от друга вместе с остальными предметами клада. В описи, составленной секретарем Кубанского областного статистического комитета историком А. Ф. Щербиной, лента представлена как «длинная гладкая серебряная пластинка (и четыре обломка от нее), шириной около 0,5 см, длиной около 60 см. На концах сделаны два отверстия. Вес 88 долей» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Д. 85. Л. 2). Не исключено, что кроме ошибки с весом (88 долей — это $\approx 3,872$ г, а лента такого размера должна весить не менее 15 г) в описании ленты есть и другие неточности из-за того, что она была свернута в рулон.

Изображение ленты в развернутом виде с прикрепленной к ней золотой розеткой сохранилось на одной из фотографий предметов из Старомышастовского клада, предоставленных А. М. Тальгрэну Эрмитажем. Некоторыми из тех же фотографий для прорисовок еще раньше пользовался М. И. Ростовцев (*Rostovtzeff*, 1920. Р. 8, 9, fig. 8; 9), а значительно позднее Р. М. Мунчаев (*Мунчаев*, 1975. С. 214, рис. 33, 5–11). Скорее всего, и М. И. Ростовцеву, и А. М. Тальгрэну фотографии предоставил сотрудник Эрмитажа Г. И. Боровка. Для публикации А. М. Тальгрэн собрал избранные изображения вещей из клада в коллаж, в том числе ленту с розеткой, снабдив ее коротким описанием с ошибкой в определении материала ленты: «три золотые розетки на тонкой золотой диадеме» (*Tallgren*, 1928. S. 389, Taf. 24, a). Вещи из клада А. М. Тальгрэн впервые осмотрел уже после их публикации, во время посещения Эрмитажа в 1928 г. Каких-либо исправлений в описание ленты и розеток он не внес и после «детального изучения» коллекции (*Tallgren*, 1931. S. 141, 142). Остается неясным, действительно ли на ленте были отверстия для крепления всех трех розеток. Проверить это не удалось. В настоящее время лента, вероятно, утрачена.

Золотые розетки из Старомышастовского клада отличаются от майкопских по форме, размеру и количеству отверстий для крепления (рис. 7). Это семилепестковые розетки, ≈ 11 –12 мм в диаметре при проекции на плоскость. Лепестки узкие,

Рис. 7. Золотая розетка-«бутон» из Старомышастовского клада

Fig. 7. Gold rosette-“bud” from the Staromyshastovskaya hoard

почти с параллельными краями и закругленными окончаниями. Между лепестками — свободное пространство, равное приблизительно ширине лепестков. У всех трех розеток лепестки загнуты вверх, а на одной — даже слегка внутрь, как если бы они изображали бутоны цветов. На плоском основании розеток с нижней стороны пробито по два отверстия диаметром $\approx 0,50$ мм, расстояние между отверстиями 2,25–2,40 мм. Заусеницы вокруг отверстий на внутренней стороне розеток расковырнаны и заглажены. Размер и характер обработки отверстий такой же, как и на розетках из Майкопского кургана, но при этом нет отверстий для крепления дополнительной верхней розетки. Учитывая характер загиба лепестков внутрь, можно предположить, что старомышастовские розетки в форме «бутона» были своего рода оправой и удерживали некую вставку, имитирующую сердцевину цветка, например из золота или цветного камня, которая прикрывала крепление к ленте. Каких-либо дополнительных свидетельств этому предположению нет.

В отличие от майкопских длина старомышастовской ленты (≈ 60 см) вполне соответствует размерам диадемы с сомкнутыми концами. Получается, что в майкопской культуре существовало как минимум две разновидности украшений с цветами на голову, и в обоих случаях они были воплощением социального статуса погребенного.

У этой традиции, вероятно, как и у майкопской культуры в целом, переднеазиатские корни. Самым очевидным проявлением этого обычая, сопоставимого хронологически с майкопской традицией, пока остаются погребения в позднехалколитическом могильнике Тепе Гавра в Северной Месопотамии (*Трифонов*, 1987. С. 20; *Пиотровский*, 2020. С. 136; *Авилова*, 2022. С. 282–284). Здесь нет золотых лент, и многолепестковые розетки (от одной до пяти), судя по парным отверстиям, нашивались на ткань головного убора (*Tobler*, 1950. Р. 90, pl. XXVII; LVIII; CLXXV, fig. 74,

76; CVII, fig. 53–57; CVIII, fig. 58). Социальная символика высокого статуса по рождению здесь достаточно понятна, в первую очередь, из-за присутствия золотых цветов в «богатых» детских погребениях наряду с погребениями подростков и взрослых (Peasnell, 2002. P. 232; Авилова, 2022. С. 284). Сила этой традиции со временем только нарастала. В раннединастическую эпоху золотые ленты и налобники, в том числе и с изображением розеток, превращаются в символ царского достоинства или принадлежности ко двору и нобилитету, причем могут быть как мужским, так и женским декором головы, прически или парика (Woolley, 1934. P. 56, 129, 130, 243, 299, pl. 219, 5; 139; 146; Wygnańska, 2014. P. 90–107; Авилова, 2022. С. 287–289).

Религиозная символика розеток не так очевидна, как социальная атрибутика диадем. Уже были высказаны предположения о возможных связях отдельных категорий погребального инвентаря майкопской культуры с символикой древневосточной религии и мифологии, в том числе с атрибутами Инанны-Иштар — самой популярной богини шумерского, аккадского и вавилонского пантеонов (Трифонов, 1987. С. 22, 23; Корневский, 2012).

В случае с розетками проблема состоит в том, что золотые цветы из Майкопского кургана, Старомышастовского клада и погребений Тепе Гавры не только различаются между собой, но и мало похожи на классические месопотамские восьмилепестковые остроконечные розетки, стилизованные под восьмиконечные звезды — эмблемы Инанны, отражающие ее связь с небесным и земным мирами (Black, Gree, 1992. P. 108, 109, 156). В изобразительной традиции Южной и Северной Месопотамии позднеурукского времени — это очень устойчивая форма розетки, как в миниатюрном исполнении на печатях (Wolkstein, Kramer, 1983. P. 27, 85, 184, 192), так и в декоративно-прикладном искусстве и архитектурном декоре храмов, посвященных Инанне (Mallowan, 1947. P. 32, 95, pl. V; LII, 15; Heinrich, 1936. Taf. 32). Уже в это время розетки приобретают вид фантастических цветов с разноцветными лепестками, позднее многократно воспроизведенными в роскошных элементах головных украшений раннединастического времени (Woolley, 1934. P. 120, 254, pl. 136; 144).

С точки зрения археологической типологии в майкопской культуре такие розетки неизвестны. Привлекательность интерпретации майкопских розеток как символа Инанны сохраняется, если предположить, что в мифологической картине мира майкопской культуры, разделяя общий шумерский нарратив (что само по себе довольно

большое допущение), оставалось пространство для свободной интерпретации конкретных деталей, включая представления об облике божественных цветов.

Каким бы зыбким не было основание такой трактовки золотых майкопских цветов, она, по крайней мере, избавляет от необходимости видеть символику розеток Инанны там, где ее, скорее всего, нет, — на головах фигурок быков, бусах и серебряном сосуде из Майкопского кургана. Интерпретация гравированных фестонов-розеток как знаков «...священного цветка — плода Древа Жизни» (Корневский, 2012. С. 71, 72, рис. 4; 5), скорее всего, является чрезмерным преувеличением. Этот мотив мог использоваться как стилистический прием для изображения совершенно разных объектов — например, челок между рогами на фигурках майкопских быков или стилизованного горного пейзажа на серебряном сосуде из погребения 1130 в Царском могильнике Ура, где в дополнение к нему есть и изображение восьмилепестковой розетки Инанны (Woolley, 1934. P. 166, pl. 167, b; 217). Даже если майкопские золотые ленты с цветами имеют ассоциативную связь с образом Инанны, из этого вовсе не следует, что главным погребенным в Майкопском кургане была женщина и тем более жрица Инанны (см.: Корневский, 2012. С. 78).

Более подходящим прототипом этого лица в шумерской трактовке был бы мужчина — земной супруг богини Инанны, «царь-жрец», часто изображаемый как высокородный пастух ее священного стада (Collins, 1994. P. 107–110; Salje, 2003. P. 481, fig. 110). В этом случае свернутые в кольца золотые ленты с розетками в мужской прическе царственного лица можно было бы трактовать как демонстрацию супружеской верности, религиозной лояльности и божественного покровительства Инанны.

Существуют ли у майкопских золотых розеток природные прототипы?⁶

У символики розеток, кроме социальной и религиозной, есть еще не менее сложный для интерпретации этноботанический аспект, теснее других связанный с культурной идентичностью.

Этнобиологические классификации растений на уровне рода (*genus*) в различных культурах чаще всего совпадают, что предполагает реальность существования примечательных признаков

⁶ Благодарим за помощь в работе над этим разделом канд. биол. наук В. Н. Белоуса (Институт живых систем Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь).

растений одновременно в природе и человеческом восприятии. Это значит, что при изучении древних стилизованных изображений растений, имея достаточные основания, можно определить их природные прототипы, а в контексте конкретной культуры даже надеяться на понимание смысла изображений (см.: *Berlin*, 1992. Р. 21; *Medin, Atran*, 1999; *Miller*, 2000. Р. 149).

При ботанической идентификации стилизованных изображений растений одной из наиболее важных характеристик является форма листьев, по которой таксономисты со времен Карла Линнея почти мгновенно определяют род растения (*Berlin*, 1992. Р. 61). Форма листьев в комбинации с формой плодов позволила определить изображения гроздей и соцветий фиников, плодов и листьев дикой яблони, листьев тополя и ивы⁷ среди подвесок к венкам и «диадеме» Пуаби в царском могильнике Ура. Н. Миллер уклонилась от поиска природных прототипов восьмилепестковых розеток, в том числе с разноцветными лепестками, из-за их чрезмерной стилизации и декоративности, не позволяющих решить, изображают ли они цветы или звезды, или то и другое одновременно (*Miller*, 2000. Р. 149–154, fig. 1–7). В пользу ее сдержанности говорит новый вариант реконструкции «диадемы» Пуаби, представляющий вместо одного украшения несколько ожерелий с подвесками и отдельной двойной низкой золотого бисера с 17 восьмилепестковыми золотыми розетками⁸, которые на реконструкции Л. Вулли размещались вместе с изображениями фиников, яблок и животных (*Woolley*, 1934. Pl. 140).

Аналогичные изображения розеток на печатях позднеурукского времени также выглядят двусмысленно. В одном случае они изображены как цветы на длинных гибких ветвях без листьев или даже без ветвей, которыми «царь-жрец» кормит овец и коз Инанны (*Frankfort*, 1939. Pl. III, a; *Collins*, 1994. Р. 108, fig. 2; *Wiseman*, 1962. Р. 1, pl. 1a; *Sonik*, 2015. Р. 149, fig. 5, 1), в другом — розетки расположены в небесах над ее храмом (*Wolkstein, Kramer*, 1983. Р. 27, 184). Стоит отметить, что подобные розетки в виде цветов связаны с изображениями плетистых растений или кустов, а не деревьев (*Stuckey*, 2005; *Stein*, 2009).

⁷ В альтернативной интерпретации подвески в виде узких листьев, собранных в группы по три и расположенных симметрично под углом друг к другу, изображают листья конопли (*Cannabis*) (*Emboden*, 1995. Р. 99, fig. 2).

⁸ Цит. по: <https://www.penn.museum/collections/object/262856>

Складывается впечатление, что в шумерской изобразительной традиции не цветы превращаются в астральный символ Инанны, а изображение звезды — в фантастический цветок с неизвестными в природе восьмью разноцветными лепестками. В шумерских текстах слово «розетка» в значении украшения или штандарта употребляется только в контексте с Инанной, а слово «звезда» в значении небесного светила используется как синоним декоративного украшения и женской красоты⁹.

Учитывая высокую степень стилистических различий между розетками Инанны и майкопскими цветами, можно предположить, что если последние и имеют символическую связь с образом шумерской богини, то не с ее астральной ипостасью, а с более приземленным образом покровительницы плодovitости и изобилия.

В шумерской литературной и изобразительной традиции образ Инанны ассоциируется с тремя цветущими растениями: финиковой пальмой; вероятно, яблоней; возможно, льном (*Ellison et al.*, 1978; *Veenker*, 1999; *Miller*, 2000; *Miller et al.*, 2016). Косвенно с Инанной как важным персонажем эпоса о Гильгамеше может быть также связано колючее ароматное волшебное растение вечной молодости, похожее на дикую розу, за которым нырял Гильгамеш (*George*, 2003. Р. 523, 721, 723).

Прежде чем сравнивать майкопские розетки с цветами этих растений, следует иметь в виду, что с ботанической точки зрения при отсутствии изображений листьев невозможно уверенно определить природные прототипы золотых цветов даже на уровне семейства¹⁰. С одной стороны, нижняя золотая пятилепестковая розетка может изображать чашелистики, а верхняя — лепестки широко распространенных травянистых форм, например, семейства лютиковых или пионовых (*Жизнь растений*, 1980. С. 210–215; 1981. С. 16, 17). С другой стороны, золотые двойные розетки могут быть подражанием цветам большого семейства розоцветных с двойным набором лепестков. В этой ситуации неопределенности резонно ограничиться поиском прототипов только среди

⁹ The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. «rosette», «star»: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi>

¹⁰ С этой точки зрения форма узких длинных листьев на нескольких золотых многолепестковых розетках из погребений могильника Тепе Гавра (*Tobler*, 1950. Pl. LVIII, a; CVII, 53, 54) может указывать на принадлежность прототипов этих розеток к растениям семейства астровых (*Asteraceae*), с учетом географии, возможно, календуле (*Calendula arvensis* L.).

Рис. 8. Одна из десяти двойных золотых розеток (ГЭ, шифр 6/7 34–35) из Майкопского кургана (1), 1897 г., и ее возможный природный прототип — цветок гибрида яблони с двойным набором лепестков (*Malus domestica*) (2)

Fig. 8. One of 10 double gold rosettes (6/7 34–35) from the Maykop burial mound (1), 1897, and its possible natural prototype — the flower of a hybrid apple tree with a double set of petals (*Malus domestica*) (2)

тех растений, которые связаны с образом Инанны в шумерской письменной традиции.

Мелкие метельчатые соцветия финиковой пальмы могут быть сразу исключены из возможных прототипов майкопских розеток как не имеющие с ними ничего общего. Мелкие (1,5–2,5 см в диаметре) пятилепестковые цветы льна отчасти напоминают майкопские розетки, но неизвестны в 10-лепестковом варианте и уступают им в размере. В письменных источниках лен упоминается в одном контексте с Инанной только как важное хозяйственное растение наряду с ячменем и финиками¹¹.

В отличие от льна образ яблоневого сада используется в одном из гимнов как синоним очаровательности Инанны. В другом гимне она воспевается как порождающая гроздь яблок (Sjöberg, 1988), а в песне Инанны и Думузи есть пожелание, буквально иллюстрирующее изображения на печатях с «царем-жрецом», кормящим цветами овец и коз Инанны: «Пусть мои овцы едят мой цветущий сад яблонь...» (Sefati, 1998. Р. 260–266). Кроме того, в мифе о нисхождении Инанны в потусторонний мир в одном из сюжетов она направляется с демонами к огромной яблоне в Куллабе, районе Урука, где, видимо, был ее храм (Bendt, 1996; Steinkeller, 2018).

¹¹ The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. «flax»: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi>

На фоне ограниченных возможностей ботанического определения шумерский литературный контекст упоминания цветущих яблонь делает их самым подходящим кандидатом на роль природного прототипа майкопских розеток. Это может быть один из domesticiрованных гибридов кавказской (восточной) яблони (*Malus orientalis*), распространенной на Кавказе, в Анатолии и Иране (Walas et al., 2024. Р. 3, fig. 1). Ранние гибриды именно этой яблони росли в садах Месопотамии, вероятно, уже во второй половине IV тыс. до н. э. (Postgate, 1987; Renfrew, 1987; Spengler, 2019. Р. 10), куда они проникли, скорее всего, из иранского Загроса уже в виде domesticiрованного гибрида (*M. sieversii* × *M. orientalis*) (Gharghani et al., 2010; Bina et al., 2020).

Для дикой кавказской яблони характерны типичные для всего семейства розоцветных цветы с пятью лепестками (Брежнев, Коровина, 1981. С. 237, рис. 63), но при гибридизации с domesticiрованными видами могут возникнуть разновидности с двойным набором лепестков. Древние виды таких гибридов яблонь в настоящее время чаще всего используются для выведения декоративных сортов, но на Кавказе разновидность такой яблони, известной под несколькими названиями (*Malus orientalis* Uglitzk., *Malus pumila* Mill., *Malus sieversii* (Ledeb.) M. Roem.), все еще встречается в частных сельских садах как фруктовое дерево. Эти яблони разводят из-за неприхотливости в уходе, устойчивости к болезням и плодовитости (Bussmann et al., 2020).

Современные гибриды яблонь с двойным набором лепестков позволяют представить, как в реальности могли выглядеть древние прототипы золотых майкопских розеток. Цветы яблонь с 10 лепестками были около 4 см в диаметре, нежно-розового цвета в бутонах и белого — при распускании. Лепестки широкие, яйцевидной формы. В центре цветка на цветоножке компактной группой расположены многочисленные тычинки (рис. 8). По размеру и форме такие цветы, с учетом художественной стилизации и технических ограничений, вполне могли быть образцом при изготовлении майкопских розеток.

Вместе с тем следует признать, что до появления более определенных оснований ни ботанические признаки розеток, ни их культурно-исторический контекст не позволяют считать такое предположение окончательно доказанным.

Заключение

Главным результатом анализа конструктивных особенностей золотых лент и розеток из основного погребения Майкопского кургана является

реконструкция первоначального вида украшения, известного как «диадема». Изначально это украшение представляло собой две ленты, свернутые в кольца диаметром 12,5 и 13,5 см с восемью парами розеток на каждой, причем оба набора включали двойную розетку, которая соединяла концы лент. Благодаря уникальности размеров каждой точки крепления розеток установлен изначальный порядок соединения верхних и нижних розеток, а также определено место крепления каждой пары.

Результаты реконструкции позволяют обоснованно предположить, что 10 сохранившихся парных розеток являются только частью из первоначальных 16, а характер утрат подразумевает пропажу розеток во время раскопок летом 1897 г.

Небольшой диаметр сомкнутых колец украшений и место расположения лент указывают, скорее всего, на их использование в качестве декора прически.

Анализ ботанических признаков, зафиксированных в форме двойных пятилепестковых золотых розеток, с учетом религиозного и мифологического контекстов переднеазиатских культурных связей майкопской культуры, позволяет предположить, что прототипом розеток были 10-лепестковые цветы domesticированных гибридов кавказской (восточной) яблони (*M. sieversii* × *M. orientalis*).

Статья поступила в редакцию 5 апреля 2026 г.

НА ИИМК РАН. РО

Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204: О предполагаемой раскопке кургана находящегося в 1-м участке Майкопа. 1896–1904. 152 л.; 1897–1901. Д. 85: О древностях, найденных в ст. Старомышастовской Кубанской области. 14 л.;

Ф. 18. Оп. 1. 1848–1918. Д. 3: Черновые заметки Н. И. Веселовского в разных местах (краткие заметки для дневников). Зарисовки и другие записки. 35 л.

Авилова, 2022 — Авилова Л. И. Возложил на голову его венец из чистого золота // *Stratum plus*. 2022. № 2: За гранью видимого мира. С. 279–302.

Брежнев, Коровина, 1981 — Брежнев Д. Д., Коровина О. Н. Дикие сородичи культурных растений флоры СССР. Л.: Колос, 1981. 376 с.

Веселовский, 1910 — Веселовский Н. И. По поводу ответа В. А. Городцова // *Известия ИАК*. 1910. Вып. 37. С. 98–102.

Виноградов, 2022 — Виноградов Ю. А. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) // *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку* / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 254–271.

Галанина, 1997 — Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.

Европа без границ, 2013 — Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.

Жизнь растений, 1980 — Жизнь растений / Ред. А. Л. Тахтаджян. М.: Просвещение, 1980. Т. 5, ч. 1. 432 с.

Жизнь растений, 1981 — Жизнь растений / Ред. А. Л. Тахтаджян. М.: Просвещение, 1981. Т. 5, ч. 2. 512 с.

Засецкая, 2011 — Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.

Императорская..., 2009 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.

Кореневский, 2004 — Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 248 с.

Кореневский, 2011 — Кореневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.

Кореневский, 2012 — Кореневский С. Н. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны-Иштар // *РА*. 2012. № 4. С. 65–79.

Кореневский, 2024 — Кореневский С. Н. Престиж майкопских головных уборов из благородных металлов и их аналогии // *Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX — первой четверти XXI в.: Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения»* / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2024. С. 77–78.

Максимова, 1979 — Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.

Мунчаев, 1975 — Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 416 с.

Отчет ИАК за 1897 г., 1900 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: ИАК, 1900. 192 с.

Пиотровский, 2020 — Пиотровский Ю. Ю. Майкопский курган (Ошад): от археологического памятника к археологическому источнику // *Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий* / Отв. ред. М. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Пиотровский. Берлин: Dietrich Reimer Verlag, 2020 (*Archäologie in Iran und Turan*; Bd. 19). С. 105–172.

- Трифонов, 1987 — Трифонов В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. 1987. Вып. 192: Древние культуры Кавказа и причерноморских степей. С. 18–26.
- Тункина, 2002 — Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России. СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Фармаковский, 1914 — Фармаковский Б. В. Архаический период в России: памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914 (МАР; № 34). С. 15–78.
- Bendt, 1996 — Bendt A. Inanna Repenting. The Conclusion of Inanna's Descent // *Acta Sumerologica*. 1996. Vol. 18. P. 1–18.
- Berlin, 1992 — Berlin B. Ethnobiological Classification. Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies. Princeton: Princeton University Press, 1992. 354 p.
- Bina et al., 2020 — Bina H., Yousefzadeh H., Venon A., Remoué C., Rousselet A., Falque M., Faramarzi S., Chen X., Samanchina J., Gill D., Kabaeva A. Evidence of an additional center of apple domestication in Iran, with contributions from the caucasian crab apple *Malus orientalis* Uglitzk. to the cultivated apple gene pool // *Molecular Ecology*. 2020. Vol. 31. P. 5581–5601.
- Black, Gree, 1992 — Black J., Gree A. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary. London: The British Museum Press, 1992. 193 p.
- Bussmann et al., 2020 — Bussmann R., Batsatsashvili K., Kikvidze Z., Paniagua-Zambrana N., Khutsishvili M., Maisaia I., Sikharulidze S., Tchelidze D. *Malus orientalis* Uglitzk. *Malus pumila* Mill. Rosaceae // *Ethnobotany of the Mountain regions of Far Eastern Europe: Ural, Northern Caucasus, Turkey, and Iran* / Eds. K. Batsatsashvili, Z. Kikvidze, R. Bussmann. Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 581–589.
- Collins, 1994 — Collins P. The Sumerian Goddess Inanna (3400–2200 BC) // *Papers from the Institute of Archaeology*. 1994. Vol. 5 (1). P. 103–118.
- Ellison et al., 1978 — Ellison R., Renfrew J. M., Brothwell D., Seeley N. Some food offerings from Ur, excavated by Sir Leonard Woolley, and previously unpublished // *Journal of Archaeological Science*. 1978. Vol. 5. P. 167–177.
- Emboden, 1995 — Emboden W. Art and Artefact as Ethnobotanical Tools in the Ancient Near East with Emphasis on Psychoactive Plants // *Ethnobotany, Evolution of a Discipline* / Eds. R. E. Schultes, S. von Reis. 1995. P. 93–107.
- Frankfort, 1939 — Frankfort H. Cylinder Seals: a documentary essay on the art and religion of the ancient Near East. London: Macmillan, 1939. 328 p.
- George, 2003 — George A. The epic of Gilgamesh: The Babylonian epic poem and other texts in Akkadian. New York: Oxford University Press, 2003. 986 p.
- Gharghani et al., 2010 — Gharghani A., Zamani Z., Talaie A., Fattahi R., Hajnajari H., Oraguzie N. C. et al. The role of Iran (Persia) in apple (*Malus x domestica* Borkh.) domestication, evolution and migration via the Silk Trade Route // *Acta Horti*. 2010. Vol. 859. P. 229–236.
- Heinrich, 1936 — Heinrich E. Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk-Warka. ADFU (Ausgrabungen in Uruk-Warka Endberichte). Berlin: Deutsche Forschungsgemeinschaft; Leipzig: Kommissionsverlag O. Harrassowitz, 1936. Bd. 1. 92 S.
- Mallowan, 1947 — Mallowan M. E. L. Excavations at Brak and Chagar Bazar // *Iraq*. 1947. Vol. 9. P. 1–259.
- Medin, Atran, 1999 — Medin D. L., Atran S. Introduction // *Folkbiology* / Eds. D. L. Medin, S. Atran. Cambridge: MIT Press, 1999. P. 1–15.
- Miller, 2000 — Miller N. F. Plant forms in jewellery from the Royal Cemetery at Ur // *Iraq*. 2000. Vol. 62. P. 149–155.
- Miller et al., 2016 — Miller N., Jones P., Pittman H. Sign and image: representations of plants on the Warka vase of early Mesopotamia // *Origini*. 2016. Vol. XXXIX. P. 53–73.
- Nylander, 1980 — Nylander C. Earless in Nineveh: Who Mutilated “Sargon’s” Head? // *American Journal of Archaeology*. 1980. Vol. 84, no. 3. P. 329–333.
- Peasnell, 2002 — Peasnell B. L. Burials from Tepe Gawra levels VIII to XIA/B // Rothman M. S. *Tepe Gawra: The evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002 (University Museum Monograph; No. 112). P. 171–234.
- Postgate, 1987 — Postgate J. N. Notes on fruits in cuneiform sources // *Bulletin on Sumerian Agriculture*. 1987. Vol. 3. P. 115–144.
- Renfrew, 1987 — Renfrew J. M. Fruits from ancient Iraq: the paleoethnobotanical evidence // *Bulletin on Sumerian Agriculture*. 1987. Vol. 3. P. 157–161.
- Rostovtzeff, 1920 — Rostovtzeff M. L'Age du Cuivre dans le Caucase Septentrional et les Civilisation de Soumer et de l'Egypte Protodynastique // *Revue Archéologique*. Cinquième Serie. 1920. T. XII, Juillet-Octobre. P. 1–37.
- Salje, 2003 — Salje B. Uruk and the world of Gilgamesh // *Art of the first cities. The Third millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus. Catalog of an exhibition held in the Metropolitan Museum of Art from May 8 to Aug. 17* / Eds. J. Aruz, R. Wallenfels. 2003. P. 479–484.
- Sefati, 1998 — Sefati Y. Love songs in Sumerian literature: critical edition of the Dumuzi-Inanna songs // *Bar-Ilan Studies in Near Eastern Languages and Culture*. Ramat-Gan: Bar-Ilan University Press, 1998. P. 267–280.
- Sjöberg, 1988 — Sjöberg Å. W. A hymn to Inanna and her self-praise // *Journal of Cuneiform Studies*. 1980. Vol. 40. P. 165–186.
- Sonik, 2015 — Sonik K. Divine (Re-)Presentation: Authoritative Images and a Pictorial Stream of Tradition in Mesopotamia // *The Materiality of Divine Agency* / Eds. B. Pongratz-Leisten, K. Sonik. Berlin: de Gruyter, 2015. P. 142–193.
- Spengler, 2019 — Spengler R. N. Origins of the Apple: the role of Megafaunal Mutualism in the domestication

- of Malus and Rosaceous Trees // *Front Plant Sci.* 2019. 10:617. DOI 10.3389/fpls.2019.00617 // URL: <https://www.frontiersin.org/journals/plant-science/articles/10.3389/fpls.2019.00617/full> (accessed: 10.02.2026).
- Stein, 2009 — Stein D. Winged Disks and Sacred Trees at Nuzi: An Altered Perspective on Two Imperial Motifs // *Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians.* 2019. Vol. 18. P. 573–603.
- Steinkeller, 2018 — Steinkeller P. The Reluctant En of Inana — or the Persona of Gilgameš in the Perspective of Babylonian Political Philosophy // *Journal of Ancient Near Eastern History.* 2018. Vol. 5, no. 1–2. P. 149–177.
- Stuckey, 2005 — Stuckey J. “Inanna and the Huluppu Tree”: One Way of Demoting a Great Goddess // *MatriFocus.* 2005. Vol. 4, no. 4. P. 1–8.
- Tallgren, 1928 — Tallgren A. M. *Staromyšastovskaja // Reallexikon der Vorgeschichte.* Berlin: de Gruyter, 1928. Vol. 12 / Ed. M. Ebert. S. 389.
- Tallgren, 1931 — Tallgren A. M. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // *Eurasia Septentrionalis Antiqua.* 1931. Vol. VI. P. 126–145.
- Tobler, 1950 — Tobler A. J. *Excavations at Tepe Gawra.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950. Vol. II. 444 p.
- Veenker, 1999 — Veenker R. A. Forbidden fruit, ancient Near Eastern sexual metaphors // *Hebrew Union College Annual.* 1999. Vol. 70. P. 57–73.
- Wilkin et al., 2023 — Wilkin Sh., Hommel P., Miller A. V., Boivin N., Pederagnana A., Shishlina N., Trifonov V. Curated cauldrons: Preserved proteins from early copper-alloy vessels illuminate feasting practices in the Caucasian steppe // *iScience.* 26. 107482, September 15. 2023. P. 1–13.
- Wiseman, 1962 — Wiseman D. J. *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum: Cylinder Seals. Vol. I: Uruk — Early Dynastic Periods.* London: British Museum, 1962. 148 p.
- Wolkstein, Kramer, 1983 — Wolkstein D., Kramer S. *Inanna, Queen of Heaven and Earth: Her stories and hymns from Sumer.* New York: Harper&Row Publishers, 1983. 227 p.
- Woolley, 1934 — Woolley L. *Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery.* London: The British Museum Press, 1934. 274 pl.
- Wygnańska, 2014 — Wygnańska Z. Tracing the “diadem-wearers”: an inquiry into the meaning of simple-form head adornments from the Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East // *Polish Archaeology in the Mediterranean.* 2014. No. 23 (2): Special Studies: Beyond ornamentation. Jewellery as an Aspect of Material Culture in the Ancient Near East. P. 85–144.

A new reconstruction of the golden “diadem” from the Maykop burial mound excavated in 1897

V. A. Trifonov, V. G. Danilevich¹²

Keywords: Caucasus, Early Bronze Age, Maykop burial mound, diadem, reconstruction, flowers, apple tree

The article presents the results of a new reconstruction of the original appearance of the “diadem” from the main burial of the Maykop burial mound (excavations of 1897). Initially, this decoration consisted of two ribbons, rolled into rings 12,5 and 13,5 cm in diameter, with 8 pairs of rosettes on each, and both sets included a double rosette that connected the ends of the ribbons. Due to the unique size of each attachment point of the rosettes, the original order of connection of the upper and lower rosettes was established, and the attachment location of each pair was determined. The results of the reconstruction suggest that the 10 surviving paired rosettes are only a part of the original 16, and the nature of the losses suggests that the rosettes were lost during excavations in the summer of 1897. The small diameter of the closed ribbons with rosettes and the location of the ribbons indicate their use as a head decoration. An analysis of the botanical characteristics recorded in the form of double 5-petal golden rosettes, taking into account the religious and mythological contexts of the Near Eastern cultural ties of the Maykop culture, suggests that the prototype of the rosettes was the 10-petal flowers of domesticated hybrids of the Caucasian (eastern) apple tree (*M. sieversii* × *M. orientalis*). It cannot be ruled out that the religious and ritual symbolism of the golden headdress with rosettes goes back to the Sumerian mythological narrative of the “priest-king” and sacred marriage.

¹² Viktor A. Trifonov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru. Vera G. Danilevich — Stavropol State Museum-Reserve named after G. N. Prozriteleva and G. K. Prave, Stavropol; e-mail: vera_dan60@mail.ru.

Реконструкция жилища Ошского поселения чустской культуры¹

Ю. Г. Кутимов²

Аннотация. Осенью 2000 г. в Кыргызстане торжественно отмечалось 3000-летие города Ош. В рамках подготовки программы празднования юбилея города были проведены комплексные археологические работы по исследованию и музеефикации памятников различных исторических периодов, включая проект временной экспозиции жилища чустской культуры, раскопанного в 1970–1980-е гг. Ю. А. Заднепровским на горе Сулайман-Тоо. В статье рассказывается о проекте реконструкции полуземлянки каркасно-столбового типа в натуральную величину, интересном с точки зрения музейного экспонирования, а также рассматриваются особенности домостроительства культур лепной расписной керамики позднего бронзового века Средней Азии в контексте культурных связей со степной зоной Евразии.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Средняя Азия, культуры лепной расписной керамики, конструкции жилищ, культурные связи

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-38-47

Ошское поселение чустской культуры позднего бронзового века на горе Сулайман-Тоо в Южном Кыргызстане было открыто в 1976 г. Археологические работы на поселении проводились под руководством Ю. А. Заднепровского в 1978–1984 гг. Ферганской экспедицией ЛОИА АН СССР совместно с Ошским областным историко-краеведческим музеем. За время археологических работ общая площадь раскопок составила около 2000 кв. м (Заднепровский, 1997).

Из всех памятников чустской культуры Ферганской долины Ошское поселение выделяется уникальной террасовидной планировкой на склоне горы, а также большим количеством обнаруженной здесь расписной керамики, что позволило Ю. А. Заднепровскому сделать предположение, что оно представляет собой нетипичный жилищный комплекс. Формирование поселения на горе Сулайман-Тоо может быть связано с религиозным культом. Очаги в центре жилищ,

наличие солярных и зооморфных изображений на керамической посуде свидетельствуют, что одним из главных объектов поклонения в духовной жизни местных жителей было солнце, а также огонь в качестве его символа. Большое количество наскальных рисунков, обнаруженных на склонах горы, среди которых немало солярных изображений, подтверждает, что Сулайман-Тоо с древнейших времен являлась местом поклонения силам природы. Видимо, Ошское поселение могло входить в обрядовую систему, связанную с сакрализацией горы, местом обитания служителей культа, проводивших ритуальные церемонии (Там же. С. 82–94).

Ошское поселение расположено на южном склоне Сулайман-Тоо, полукругом охватывая ее третью центральную вершину (рис. 1, 1). Величина уклона поверхности горы в данном месте достигает 40°. Поселение имеет террасовидную планировку, жилища расположены ступенчато, одна терраса возвышается над другой (рис. 1, 2); всего таких террас насчитывается более 15. Точные границы поселения остаются неизвестными, южная его часть была разрушена при прокладке дороги, ведущей к музейному комплексу. Общая площадь поселения не превышала 2 га.

Основным типом жилища на Ошском поселении являлась заглубленная в землю полуземлянка каркасно-столбовой конструкции, с кровлей

¹ Исследование проведено по теме государственного задания «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: yuriuz@rambler.ru.

© Кутимов Ю. Г., 2026

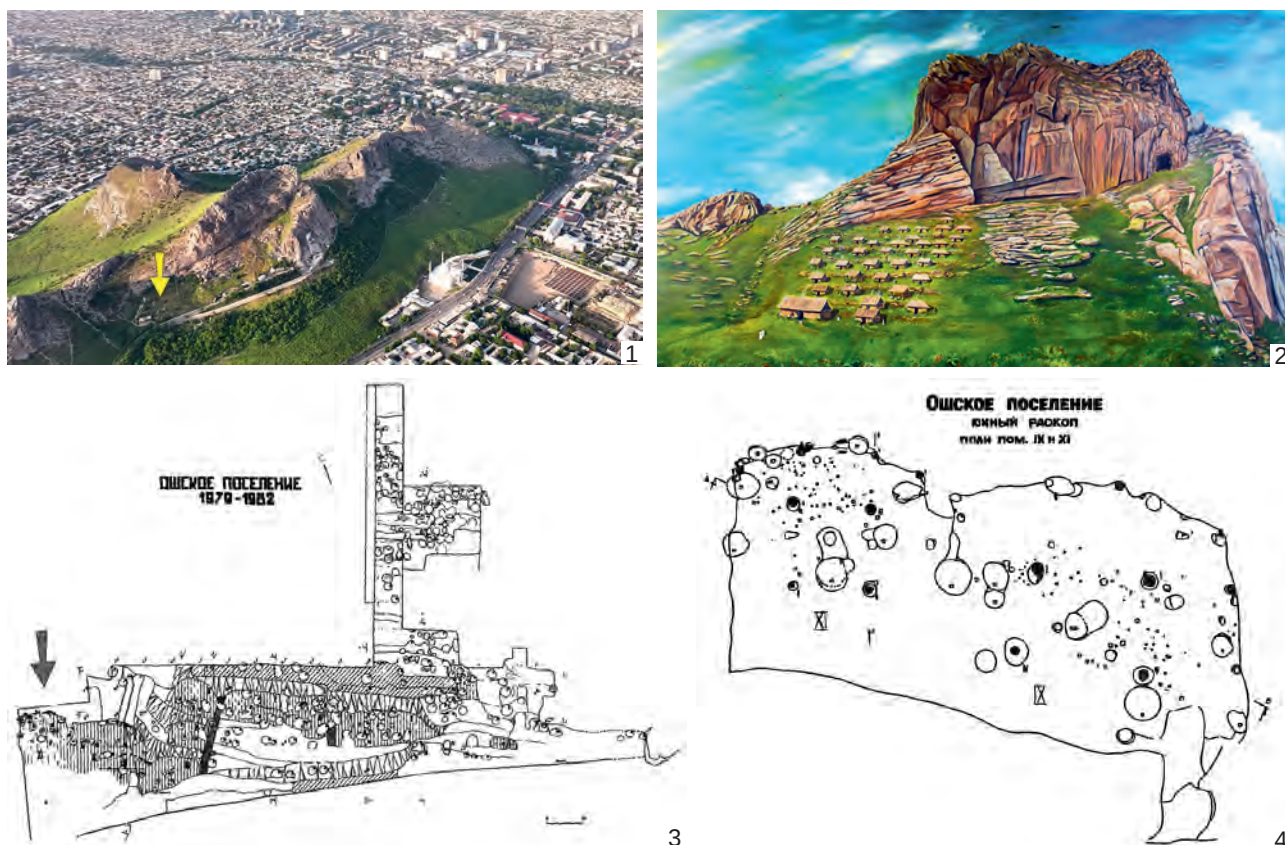

Рис. 1. Ошское поселение: 1 — местоположение на горе Сулайман-Тоо; 2 — графическая реконструкция; 3 — план поселения по раскопкам 1979–1982 гг.; 4 — план жилищ IX и XI

Fig. 1. Osh settlement: 1 — location on the Mount Sulaiman-Too; 2 — graphic reconstruction; 3 — settlement plan based on excavations of 1979–1982; 4 — plan of the dwellings IX and XI

[2 — Национальный историко-археологический музейный комплекс «Сулайман-Тоо»; 3, 4 — *Заднепровский*, 1997. С. 124, рис. 25, 27]

и стенами, сложенными из деревянных жердей. Полы имели глиняную обмазку, в них были вырыты очаги для обогрева и приготовления пищи, а также хозяйственные ямы для хранения продовольственных запасов и топлива для очагов. В обнаруженных при раскопках материалах присутствовало большое количество красно-ангобированной расписной посуды столового назначения, хозяйственная керамическая посуда (котлы, хумы), а также орудия труда и предметы быта — зернотерки, песты, серпы, мотыги и пр. По характеру использования землянки делятся на две группы: жилые, предназначенные для обитания, и хозяйственные, используемые в повседневной хозяйственной деятельности. Одна из землянок имеет площадь около 80 кв. м, вероятно, она могла играть роль общинного дома. Всего при раскопках Ошского поселения были открыты остатки 13 землянок (рис. 1, 3) (*Там же*. С. 9–33).

В октябре 2000 г. в Кыргызстане торжественно отмечалось 3000-летие города Ош. В рамках подготовки государственной программы празднования юбилея в 1997–2000 гг. были проведены комплексные археологические работы по исследованию и музеефикации памятников различных исторических периодов (*Азимов, Кутимов*, 2025. С. 355–357). В числе задач по реконструкции исторических памятников был реализован проект временной экспозиции жилища чувской культуры в натуральную величину.

Источником для реконструкции стали планиграфические материалы раскопок жилых комплексов Ошского поселения и их детальное описание, составленное в 1984 г. архитектором Л. Л. Гуревичем. Согласно данным раскопок и архитектурным обмерным работам, землянка XI может быть реконструирована как «четырёхколонный зал с центральным световым проемом». По периметру от центрального очага землянки XI

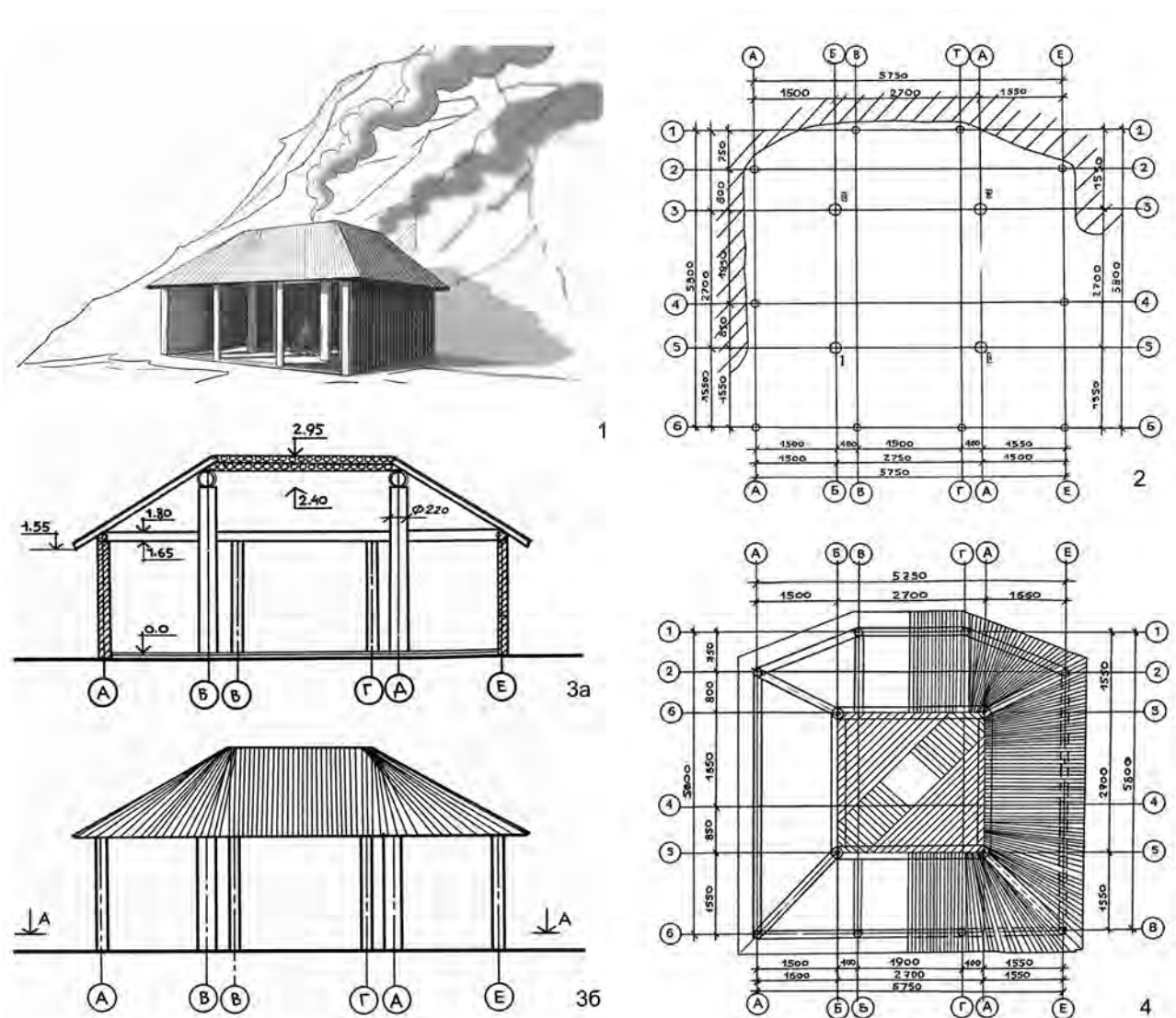

Рис. 2. Ошское поселение, реконструкция жилища XI: 1 — общий вид; 2 — план пола; 3а — разрез в боковой проекции; 3б — вид сбоку; 4 — вид сверху. Рисунки автора

Fig. 2. Osh settlement, reconstruction of the dwelling XI: 1 — general view; 2 — floor plan; 3a — section in side projection; 3б — side view; 4 — top view. Drawings by the author

находятся ямы от центральных опорных столбов, расположенных на расстоянии 2,7 м друг от друга. К северу от очага, вдоль террасированного склона горы, — ямы от периметральных опорных столбов землянки, расположенных на расстоянии 1,85–2,00 м от центральных столбов. В южной части землянки, со стороны входа в нее, ямы от столбов не сохранились. Центральные и периметральные столбы образуют каркас деревянного перекрытия крыши и стен помещения. Размеры жилища — примерно 6,5 × 6,0 м, площадь — около 40,0 кв. м. Рядом с землянкой XI находилась аналогичная по планировке, но бóльшая по размерам землянка IX площадью около 80 кв. м, которая могла

быть общинным домом (рис. 1, 4) (Заднепровский, 1997. С. 19–22, 34–36; Гуревич, 1997).

При реконструкции жилища (рис. 2, 1) использовались реальные размеры, соответствующие обмерным планам (рис. 2, 2). Центральное место в конструкции занимают четыре опорных столба (диаметром 0,22 м), расположенных по углам квадрата 2,7 × 2,7 м. По периметру стен жилища установлены десять вертикальных стоек (диаметром 0,15–0,18 м). Центральные столбы и периметральные стойки скреплены в каркас связующими балками (диаметром 0,20–0,12 м), поддерживающими кровлю (рис. 2, 3а, 3б). В качестве строительного материала для сооружения

Рис. 3. Ошское поселение, строительство музейной экспозиции. Фото автора

Fig. 3. Osh settlement, construction of the museum exhibition. Photo by the author

каркаса постройки использовалось дерево хвойных пород, для стен и кровли — тополиные жерди (диаметром 0,05 м). Кровля была в два слоя перекрыта камышом с обмазкой красной глиной (рис. 2, 4). Стены с наружной стороны обмазаны глиняным саманным раствором, внутри покрыты плетеными камышовыми циновками. Земляной пол жилища утрамбован, промазан глиняным раствором и покрыт циновками. В центральной части постройки, между столбами под световым отверстием в кровле устроен очаг круглой формы. Вокруг очага расположены несколько хозяйственных ям. На стенах и полу жилища выложены овечьи шкуры. Для воссоздания интерьера были изготовлены несколько керамических горшков, стилизованных по форме и росписи под посуду чустской культуры, а также некоторое количество каменного инвентаря (зернотерки, отбойники, песты и пр.) (рис. 3).

Круг памятников культур лепной расписной керамики позднего бронзового — раннего железного века Средней Азии и смежных с ней областей весьма обширен. Кроме чустской культуры Ферганской долины он включает в себя

культуру Яз I в Южном Туркменистане, комплексы Кучук I в Южном Узбекистане и Тилля-тепе в Северном Афганистане, бургулюкскую культуру Ташкентского оазиса, а также отдельные памятники различных регионов (нижние слои Коктепе в Бухарском оазисе, поселение Карим-Берды в Южном Таджикистане и др.). Формирование данной культурной общности во второй половине II тыс. до н. э. в Средней Азии происходило в условиях активного процесса культуругенеза и смешения степных и оседло-земледельческих традиций.

Особенности домостроительства племен чустской культуры позднего бронзового века Ферганской долины изучены по поселениям Чуст и Дальверзин, где представлены различные типы жилищ: глинобитные с использованием сырцовых кирпичей; наземные деревянные каркасные постройки; заглубленные в землю полуземлянки, при сооружении которых использовались деревянные конструкции в сочетании с кирпичными обкладками и глиняными обмазками. Столбовые конструкции в каркасных постройках и полуземлянках устанавливались по периметру сооружения,

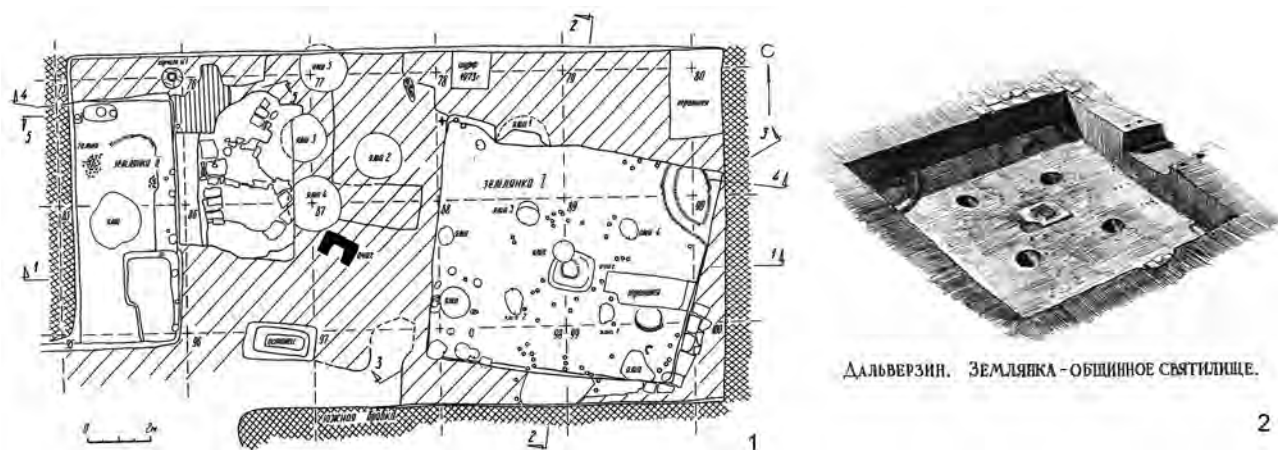

Рис. 4. Дальверзин, землянка I, раскопки 1974 г.: 1 — план; 2 — рисунок пола

Fig. 4. Dalverzin, dugout I, excavations of 1974: 1 — plan; 2 — floor drawing

[НА ИИМК РАН. ФО. Her. I 88260; I 93064]

кровлю поддерживали одна или несколько вертикальных опорных стоек, расположенных в центральной части жилищ. В нижнем горизонте поселения Дальверзин преобладают постройки каркасно-столбового, полуземляночного или наземного типа, на памятнике выявлены большие по площади жилые участки с очагами и хозяйственными ямами без следов сырцовых построек. В среднем горизонте постройки уже в основном сырцовые, в это время возводятся глинобитные оборонительные стены и цитадель, и Дальверзин становится сильно укрепленным поселением (Заднепровский, 1962. С. 85, 86; 1975. С. 117, 118; 1976. С. 10; 1978. С. 11–18; Заднепровский, Матбабаев, 1984. С. 55–57; Матбабаев, Иванов, 2003. С. 103, 104).

Четырехколонные жилища Ошского поселения имеют аналогии в ранних слоях поселения Дальверзин, где в 1974 г. была раскопана четырехугольная в плане заглубленная в землю на 1,0 м полуземлянка I площадью около 60 кв. м. Стены ее были облицованы сырцовым кирпичом. В центральной части помещения находился большой очаг, вокруг которого располагались четыре ямы от столбовых опорных конструкций (рис. 4) (Заднепровский, 1997. С. 37, 38). Появление землянок в Ферганской долине Ю. А. Заднепровский связывал с домостроительными традициями степных племен (Заднепровский, 1975. С. 118). В контексте возможных культурных связей чустской культуры с культурами Синьцзяна можно допустить также некоторую параллель между эволюцией каркасных жилищ в Восточном Туркестане и на памятниках чустской культуры (Матбабаев, Иванов, 2003. С. 106, 107).

Кроме поселений чустской культуры каркасно-столбовые постройки известны в южной части Ферганской долины на памятниках кайраккумской культуры позднего бронзового века, где, судя по расположению очагов, жилища представляли собой наземные каркасные мазанковые постройки площадью до 100 кв. м (Литвинский и др., 1962. С. 153).

На памятниках бургулюкской культуры основным видом построек были полуземлянки различных форм, овальные и прямоугольные, в сочетании с сырцовыми перегородками и глиняными обкладками деревянных стен. В одной из полуземлянок овальной формы площадью около 20 кв. м рядом с очагом находились ямы двух опорных столбов, поддерживающих кровлю, ряд столбовых ям также располагался вдоль периметра землянки (Дуке, 1982. С. 36, 74, 75).

В северных ареалах распространения культур лепной расписной керамики возводили полуземлянки каркасно-опорной конструкции, что ярко демонстрируют памятники чустской культуры Ферганской долины и бургулюкской культуры Ташкентского оазиса.

На многих памятниках южного круга культур лепной расписной керамики, таких как поселения Яз-депе (Массон, 1959), Елькен-депе (Марущенко, 1959), Тилля-тепе (Сарианиди, 1989), Дашлы 30 (Pilipko, 2020), строительство в целом продолжало предшествовать оседло-земледельческие традиции возведения сырцовых глинобитных построек, включая крупные строения (оборонительные стены, цитадели), что особенно явно проявилось в архитектуре храмовых комплексов Тилля-тепе и Джаркутана.

Рис. 5. Джаркутан, цитадель, виды жилищ

Fig. 5. Dzharkutan, citadel, types of dwellings

[Lhuillier et al., 2018. P. 34–36, 43, fig. 3–6, 22]

Остатки прямоугольных полуземлянок и столбовых конструкций зафиксированы среди сырцовых построек на поселении Коктепе близ Самарканда (Люилье и др., 2012. С. 60).

В верхних слоях цитадели Джаркутана исследован поселенческий комплекс язовского времени, включающий жилищные и хозяйственные постройки полуземляночного типа. Сооружения были круглой, овальной или прямоугольной формы, площадью от 5 до 12 кв. м, некоторые имели столбовые ямки по периметру и обкладку стен сырцовыми кирпичами (рис. 5, 1–4). Одна из построек представляла собой две округлой формы полуземлянки, соединенные проходом, в большей из которых, диаметром 2,5 м, находился вход, отмеченный сырцовыми кирпичами, а также яма от центрального опорного столба, поддерживающего кровлю (рис. 5, 5). Явных построек сырцового типа здесь не обнаружено, хотя не исключено, что они были, а общий вид поселенческого комплекса соответствовал дальверзинскому (Мустафокулов и др., 2012. С. 204–210; Lhuillier et al., 2018. P. 34–39). Некоторые керамические формы, обнаруженные в слое поселения вместе с керамикой типа Яз I, имеют преемственность с керамикой бронзового века (Lhuillier et al., 2013. P. 364–366; Lhuillier, 2016. P. 518). Расписную керамику из так называемых мусорных ям, обнаруженных ранее на цитадели Джаркутана, аналогичную керамике из слоя Кучук-Ia (Аскаров, 1976. С. 17, 18; Шайдуллаев, 2000. С. 35–43), очевидно,

можно рассматривать в единовременном комплексе с каркасно-столбовыми полуземлянками цитадели. Поселенческий комплекс полуземляночного типа Джаркутана отражает наиболее ранний период появления племен лепной расписной керамики в низовьях Сурхандарьи и сложения культурных связей с местным оседло-земледельческим населением. Однако в среде традиционного сырцового глинобитного строительства деревянные полуземлянки не получили широкого распространения. Последующее формирование комплексов Кучук-I показывает использование исключительно сырцовых построек, традиционных для местной культуры эпохи бронзы (Аскаров, Альбаум, 1979. С. 18–30). Позднее постройки полуземляночного типа снова появляются в комплексах Яз II (Сверчков, Бороффка, 2016. С. 6–8).

Интересно, что на единовременных памятниках, которые относятся к ранним этапам расселения и формирования язовской культуры на юге Средней Азии, строительные принципы различны. На цитадели Джаркутана возводились деревянные полуземляночные постройки, на поселении Бургут-Курган — постройки из камня и сырцового кирпича, на поселении Улуг-депе — сырцовые дома со столбовыми конструкциями (Lhuillier, 2019. P. 119–123). На многослойных памятниках, где язовские комплексы стратиграфически перекрывают сырцовую архитектуру бронзового века, домостроительство также различается. На цитадели Джаркутана язовские деревянные

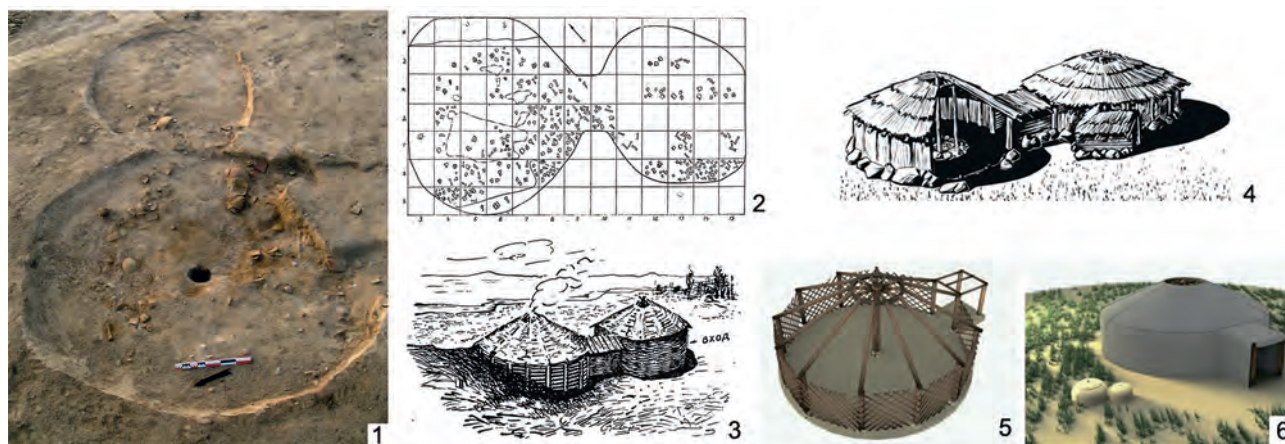

Рис. 6. Восьмеркообразные и круглые жилища: 1 — Джаркутан; 2, 3 — Шаггалалы I; 4 — Шаггалалы II; 5, 6 — Турген II

Fig. 6. Figure-eight-formed and round dwellings: 1 — Dzharkutan; 2, 3 — Shagalaly I; 4 — Shagalaly II; 5, 6 — Turgen II

[1 — Lhuillier et al., 2018. P. 36, fig. 8; 2, 3 — Оразбаев, 1970. С. 140, 144, рис. 7, 9; 4 — Сакенов, 2023. С. 67, рис. 3; 5, 6 — Горячев, 2023. С. 59, рис. 6]

полуземлянки буквально врезаются в остатки сапаллинских сырцовых стен (рис. 5, 5) (Lhuillier et al., 2018. P. 43), в то время как в Южной Туркмении язовский комплекс Елькен II перекрывает комплекс Елькен I времени Намазага VI, сохраняя традиции сырцовых построек (Марущенко, 1959. С. 62, 63).

Глинобитное строительство, традиционное для культур эпохи бронзы южных районов Средней Азии, продолжает свое развитие в культурах лепной расписной керамики позднего бронзового — раннего железного века. Немаловажную роль здесь играла и доступность строительных материалов. На поселении Яз-депе в Южном Туркменистане сделано наблюдение, что жители поселения покинули свои глинобитные жилища, переселяясь на новые места обитания, разобрав деревянные конструкции кровли домов и унеся их с собой в связи с их особой ценностью (Массон, 1959. С. 72).

Каркасно-столбовой тип полуземляночных построек является традиционным для степных культур позднего бронзового века и широко известен на памятниках степной зоны. Полуземлянки тазабагъябской культуры Южного Приаралья представляли собой постройки прямоугольной формы с двумя столбовыми опорами, расположенными рядом с очагом в центральной части, и периметральными столбами (Итина, 1977. С. 200, 201). Поселения андроновской общности Казахстана характеризуются большим разнообразием полуземлянок каркасно-стол-

бовой конструкции, с различным сочетанием камня и дерева (Маргулан и др., 1959. С. 16–40; Маргулан и др., 1966. С. 197–257; Сакенов, 2019; 2020). Восьмеркообразная полуземлянка на цитадели Джаркутана (рис. 6, 1) в виде двух смежных округлых полуземлянок, соединенных проходом, планиграфически близка постройкам поселений Шаггалалы I и II в Северном Казахстане (рис. 6, 2–4) (Оразбаев, 1970. С. 144; Сакенов, 2023. С. 66, 67), а конструктивно — одностолбовым круглыми жилищам поселений эпохи финальной бронзы — раннего железного века в Жетысу в Юго-Восточном Казахстане (рис. 6, 5, 6) (Горячев, 2023. С. 57–59).

Постройки с четырьмя опорными столбами и четырехскатной рамочной кровлей со светодымовым отверстием, конструктивно аналогичные Ошской полуземлянке (рис. 7, 1а, 1б), также известны на поселениях позднего бронзового века в Жетысу в Юго-Восточном Казахстане (рис. 7, 2а, 2б, 3) (Горячев, 2018. С. 91, 92, 96, 97; Goryachev, Frachetti, 2022. P. 30, 31, 43, 44; Горячев, 2023. С. 58–61). Схожая планиграфия выявлена при исследовании жилищно-производственного комплекса андроновского времени поселения Коктас I в Северо-Восточной Сарыарке (рис. 7, 4) (Мерц и др., 2023. С. 91–93).

Очевидные связи домостроительных традиций степных культур и культуры лепной расписной керамики Средней Азии особенно ярко проявляются в северном ареале ее распространения — в чустских памятниках Ферганской долины и бургулюкских поселениях Ташкентского

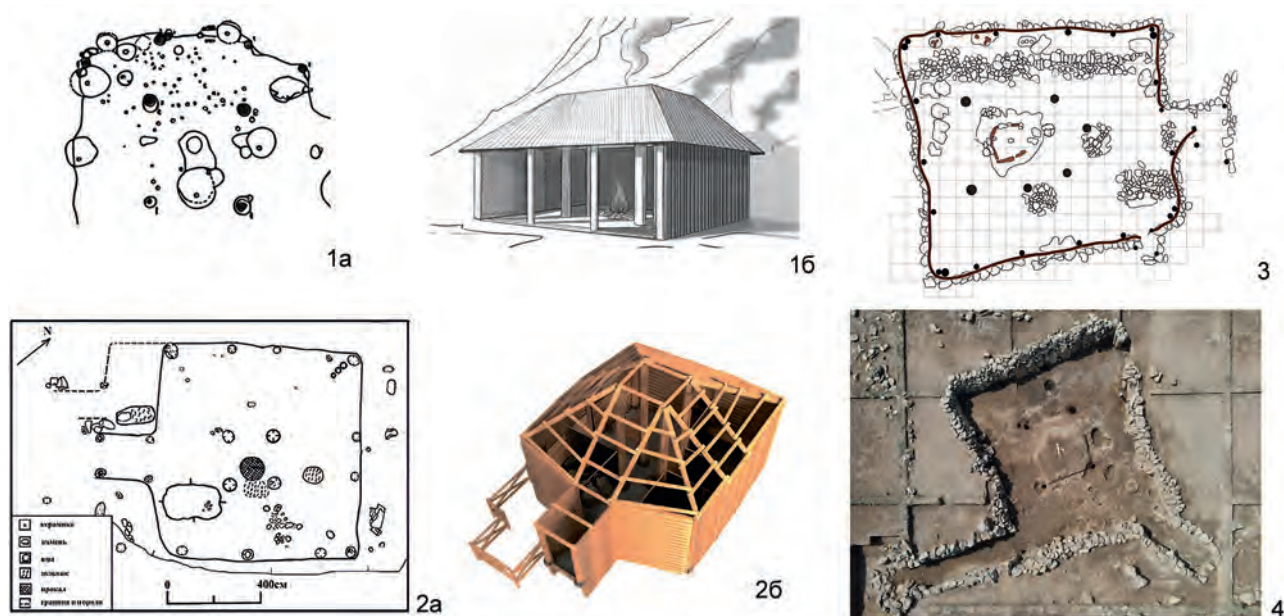

Рис. 7. Жилища с четырехскатной рамочной кровлей: 1а, 1б — Ошское поселение (1б — рисунок автора); 2а, 2б — Турген II; 3 — Талапты I; 4 — Коктас I, фото И. В. Мерц

Fig. 7. Dwellings with hipped frame roofs: 1а, 1б — Osh settlement (1б — drawing by the author); 2а, 2б — Turgen II; 3 — Talapty I; 4 — Koktas I, photo by I. V. Merts

[1а — Заднепровский, 1997. С. 125, рис. 27; 2а, 2б — Горячев, 2023. С. 60, рис. 7; 3 — Горячев, 2018. С. 97, рис. 6]

оазиса, где полуземлянки каркасно-столбовой конструкции являются основным видом построек. Постройки полуземляночного типа чустской культуры Ферганской долины и цитадели Джаркутана в низовьях Сурхандарьи можно рассматривать как наиболее ранний культурно-хронологический признак, характерный для начальных этапов формирования и расселения племен расписной керамики в Средней Азии.

Культура лепной расписной керамики позднего бронзового века представляет один из интереснейших периодов в древней истории Средней

Азии, в котором сочетание различных культурных признаков проявляется особенно многообразно. Формирование этой культуры проходит в условиях активных процессов смешения и изменения различных традиций в Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э., в рамках которых складываются новые культурные комплексы, где домостроительство — один из важных компонентов, свидетельствующих о связях со степными культурами.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2026 г.

Азимов, Кутимов, 2025 — Азимов К. А., Кутимов Ю. Г. Вклад Ю. А. Заднепровского в археологическое изучение Ошского региона Ферганской долины // АВ. 2025. Вып. 48. С. 351–359.

Аскаров, 1976 — Аскаров А. Расписная керамика Джаркутана // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1976. С. 17–19.

Аскаров, Альбаум, 1979 — Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979. 110 с.

Горячев, 2018 — Горячев А. А. Об устройстве поселений эпохи поздней бронзы Жетысу // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 86–105.

Горячев, 2023 — Горячев А. А. Вопросы происхождения юртообразных жилищ в горной зоне Жетысу

// Домостроение в казахской степи: традиции и особенности: Сб. материалов междунар. круглого стола. Астана: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Бозок», 2023. С. 52–63.

Гуревич, 1997 — Гуревич Л. Л. Архитектурные исследования в Оше // Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. С. 114–116.

Дуке, 1982 — Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент: Фан, 1982. 96 с.

Заднепровский, 1962 — Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА; № 118). 328 с.

Заднепровский, 1975 — Заднепровский Ю. А. Землянки бронзового века Ферганы // Новейшие открытия

- советских археологов: Тезисы докладов конф. Ч. 1. Киев, 1975. С. 116–118.
- Заднепровский, 1976 — Заднепровский Ю. А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии // КСИА. 1976. Вып. 147: Археология Средней Азии и Сибири. С. 3–13.
- Заднепровский, 1978 — Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 — археология. М.: [б. и.], 1978. 52 с.
- Заднепровский, 1997 — Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 172 с.
- Заднепровский, Матбабаев, 1984 — Заднепровский Ю. А., Матбабаев Б. Х. Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950–1982 гг.) // Известия материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1984. Вып. 19. С. 46–71.
- Итина, 1977 — Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. X. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Литвинский и др., 1962 — Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-кумов (древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1962. 408 с.
- Люилье и др., 2012 — Люилье Ж., Исамиддинов М., Рапэн К. Раннежелезный век Северного Согда: характеристика и предварительная типологическая хронология // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 2012. Вып. 37. С. 57–66.
- Маргулан и др., 1959 — Маргулан А. Х., Басенов Т. К., Мендикулов М. М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата: [б. и.], 1959. 220 с.
- Маргулан и др., 1966 — Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
- Марущенко, 1959 — Марущенко А. А. Елькен-депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. V. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959. С. 54–109.
- Массон, 1959 — Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 73). 216 с.
- Матбабаев, Иванов, 2003 — Матбабаев Б. Х., Иванов Г. П. Новое о типах жилищ на поселениях чустской культуры в связи с раскопками городища Дальверзин // Археологические исследования в Узбекистане, 2003 год. Ташкент: Национальная энциклопедия Узбекистана, 2004. Вып. 4. С. 101–108.
- Мерц и др., 2023 — Мерц В. К., Горячев А. А., Мерц И. В., Варфоломеев В. В. Исследования 2022 г. производственно-жилого комплекса поселения эпохи поздней бронзы Коктас 1 // Маргулановские чтения. Т. 1. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2023. С. 88–102.
- Мустафокулов и др., 2012 — Мустафокулов С., Бендесу-Сарменьто Х., Рахмонов У., Хасанов М., Люилье Ж., Люне Э. Полевые работы Узбекско-Французской (MAFOUZ) экспедиции на Джаркутане в 2009–2011 гг. // Археологические исследования в Узбекистане, 2010–2011 годы. Вып. 8. Самарканд: ИА АН Республики Узбекистан, 2012. С. 203–213.
- Оразбаев, 1970 — Оразбаев А. М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 129–146.
- Сакенов, 2019 — Сакенов С. К. Дома эпохи бронзы Северного Казахстана // "Edu.e-history.kz". 2019. № 6 (1). С. 296–303.
- Сакенов, 2020 — Сакенов С. К. Архитектура жилищ эпохи бронзы в северной Сарыарке // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (2). С. 851–860.
- Сакенов, 2023 — Сакенов С. К. Жилища круглой формы позднебронзового века (по материалам поселения Шагала-лы II) // Домостроение в казахской степи: традиции и особенности... Астана, 2023. С. 64–68.
- Сарианиди, 1989 — Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Сверчков, Бороффка, 2016 — Сверчков Л. М., Бороффка Н. Период Яз-II: этапы и хронология // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 5–18.
- Шайдуллаев, 2000 — Шайдуллаев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Фан, 2000. 119 с.
- Goryachev, Frachetti, 2022 — Goryachev A., Frachetti M. D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetysay (Kazakhstan) // Археология Казахстана. 2022. № 2 (16). С. 24–56.
- Lhuillier, 2016 — Lhuillier J. Ulug-depe and the transition period from Bronze Age to Iron Age in Central Asia. A tribute to V. I. Sarianidi // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6: Памяти В. И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 509–521.
- Lhuillier, 2019 — Lhuillier J. The settlement pattern in Central Asia during the Early Iron Age // Urban cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries: Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern. Harrassowitz Verlag, 2019 (Schriften zur Vorderasiatischen Archäologie; Vol. 12). P. 115–128.

- Lhuillier et al.*, 2013 — *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Lecomte O., Rapin C.* Les cultures à céramique modelée peinte de l'âge du fer ancien: quelques pistes de réflexion d'après les exemples de Koktepe, Dzharkutan (Ouzbékistan) et Ulug dépe (Turkménistan) // *Cahiers d'Asie centrale*. 2013. Vol. 21/22. P. 357–372.
- Lhuillier et al.*, 2018 — *Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J., Mustafakulov S.* The Early Iron Age occupation in southern Central Asia. Excavation at Dzharkutan in Uzbekistan // *A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennia BC): Proceedings of the conference held in Berlin, dedicated to the memory of V. I. Sarianidi*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2018 (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 17. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan; Vol. XXXV). P. 31–50.
- Pilipko*, 2020 — *Pilipko V. N.* Dashly-30, a settlement of the Early Iron Age in the south of Turkmenistan (piedmont of the Kopet Dag, Etek) // *A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia...* Berlin, 2018. P. 67–111.

Reconstruction of a dwelling at the Osh settlement of the Chust culture

Yu. G. Kutimov³

Keywords: Late Bronze Age, Central Asia, painted handmade ware cultures, dwelling structures, cultural interaction

In the autumn of 2000, Kyrgyzstan celebrated the 3000th anniversary of the city of Osh. As part of the preparations for the anniversary program, comprehensive archaeological research and museumification of monuments from various historical periods were carried out. These included a project for a temporary exhibition of a Chust culture dwelling, excavated in the beginning of 1980s by Yu. A. Zadneprovsky on Sulaiman-Too Mountain. This paper discusses this unique project involving the full-scale reconstruction of a wooden pit-house. It also examines the architectural features of the Late Bronze Age “handmade painted ware cultures” of Central Asia within the context of cultural links with the Eurasian steppe zone.

³ Yuriy G. Kutimov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: yuriuz@rambler.ru.

Уникальная пиктограмма: загадка архаической Березани¹

С. Л. Соловьев, А. К. Каспаров²

Аннотация. В ходе археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 1989 г. в культурном слое первой половины — третьей четверти VI в. до н. э. была найдена баранья лопатка с пиктограммой. Ее широкая часть имела зубчатый край, а гребень — волнистые очертания; на внешней плоскости лопатки острым предметом нанесены профильные изображения двух птиц. Наличие пиктограммы на столь необычной основе, к тому же получившей специальное оформление, указывает на ее использование в культовой сфере жизни обитателей Березанского поселения. Этот уникальный предмет служил для отправления частного культа, скорее всего Ахилла. Указанием на это служат изображения птиц (ворон или чаек), связанных с этим божеством, а также волнообразное оформление гребня лопатки, указывающее на его связь с морской стихией. Птицы на рисунке движутся справа налево, что подразумевает благовест и благорасположение бога к обратившимся к нему. Перечисленные необычные свойства и особенности предмета наводят на мысль о его использовании в магических ритуалах, близких шаманским, в среде как греческих переселенцев или их попутчиков, так и местного населения Борисфена.

Ключевые слова: Березань, Борисфен, Ольвия, архаика, религия, Аполлон, Ахилл, птицы

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-48-53

Березанское поселение (Борисфен) — широко известный памятник греческой архаики в Северном Причерноморье — традиционно ассоциируется исследователями античности с такими яркими проявлениями культуры Древней Греции, как расписная керамика, терракотовая пластика, малая и лапидарная эпиграфика, нумизматика и градостроительство, а также мореплавание и торговля. Взаимодействие греческих колонистов и местного населения также входит в круг вопросов антиковедения, решаемых с помощью археологических материалов этого памятника (Solovyov, 1999; Борисфен — Березань..., 2005).

¹ Исследование выполнено по темам государственного задания: Соловьевым С. Л. — «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (№ FMZF-2025-0012); Каспаровым А. К. — «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (№ FMZF-2025-0010).

² Соловьев С. Л. — Государственный Эрмитаж, ИИМК РАН; e-mail: ssl2610@yandex.ru. Каспаров А. К. — ИИМК РАН; e-mail: alexkas@yahoo.com. Санкт-Петербург.
© Соловьев С. Л., Каспаров А. К., 2026

На фоне многообразия известных источников по истории Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации выделяется исключительная археологическая находка, сделанная в ходе археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 1989 г. (Доманский и др., 1989)³. При проведении полевых работ на северо-западном участке этого памятника, на раскопе Б в культурном слое мощностью 0,30–0,70 м первой половины — третьей четверти VI в. до н. э., сложенном из суглинка темного цвета с большой примесью золы и других остатков жизнедеятельности, представленных многочисленными обломками керамики и костями домашних животных, была найдена лопатка, вероятно, овцы, судя по характерным особенностям суставной поверхности, в возрасте 2,0–2,5 лет.

Лопатка после кулинарной обработки подверглась механическому воздействию, преобразовавшему ее в предмет ритуального назначения (рис. 1). В его широкой части были сделаны

³ Поступила в Березанскую коллекцию Государственного Эрмитажа под полевым номером Бер89-13 и внесена в инвентарную книгу под номером Б89.296.

Рис. 1. Березань. Баранья лопатка (ГЭ, инв. № Б89.296): 1 — вид передней плоскости с пиктограммой; 2 — вид сбоку; 3 — прорисовка пиктограммы

Fig. 1. Berezan. Lamb shoulder blade (State Hermitage Museum, Inv. No. B89.296): 1 — view of the front surface with a pictogram; 2 — side view; 3 — pictogram drawing

зубчатые вырезы, а гребень получил волнистые очертания. Однако наиболее важной для понимания нового назначения этого предмета стала пиктограмма с профильным изображением двух птиц, нанесенная острием на внешней плоскости лопатки. Птицы повернуты влево, имеют разные размеры, вероятно, тем самым намекая на некую перспективу рисунка, их сложенные крылья, а также особенности окраски оперенья голов и туловища более крупной птицы подчеркнуты дополнительными штрихами. Изображения на внутренней плоскости лопатки отсутствуют. Наличие пиктограммы на столь необычной основе, как баранья лопатка, к тому же получившей специальное оформление, безусловно, указывает на ее использование в культовой сфере жизни обитателей Березанского поселения при выполнении неизвестных нам ритуалов, связанных с обращениями к неким божествам.

Для понимания особой важности и датировки этой исключительной находки остановимся более подробно на характеристике ее археологического контекста. Слой, в котором был найден описываемый предмет, подстилал фундаменты двух жилых наземных сырцово-каменных домов второго периода жизни на Березанском поселении и перекрывал серию более ранних грунтовых сооружений, к которым относились четыре полуземлянки (XLVII, XLIX, L, LI), восемь хозяйствен-

ных ям (55–62), канавообразное углубление и колодец № 3, функционировавших в период с конца VII до третьей четверти VI в. до н. э. Особо отметим полуземлянку XLVII, которая по своим размерам (ее площадь 21 кв. м) и конструктивным особенностям (сырцовым стенам, глиняным лежанкам, ступенчатому входу с дверным проемом, ямками в полу для установки перекрытия и хозяйственных сосудов) может быть отнесена к ряду «Дома колониста» (Соловьев, 2008).

В процессе снятия культурного слоя был найден численно значительный хронологически однородный вещественный материал (около 7000 ед.). В составе керамических находок из слоя 85,3 % фрагментов приходится на долю амфорной тары, удельный вес круговой посуды составил 13,2 %, лепной — 1,5 %. Соотношение круговой и лепной посуды (без учета амфор) — 90 и 10 %, а соотношение кухонной круговой и лепной керамики — 50,7 и 49,3 % соответственно. В свою очередь удельный вес кухонной посуды в комплексе круговой керамики (без учета амфор) составил 11,4 %.

В керамическом массиве преобладают обломки остродонных амфор, главным образом их стенок. Некоторое количество профилированных частей амфор позволяет представить состав данной категории керамики. Сюда относятся амфоры Клазомен, Самоса, Хиоса (разные варианты: с белой обмазкой, пухлогорлые, с воронковидным

Рис. 2. Березань, расписная керамика: 1 — фрагмент восточно-греческой амфоры (ГЭ, инв. № Б89.2), Северная Иония (Теос?), первая половина VI в. до н. э.; 2 — фрагмент стенки амфоры стиля Фикеллура (ГЭ, инв. № Б89.72), Милет, вторая четверть VI в. до н. э. Сюжетные аналогии: 3 — Аполлон с лирой и ворон (белофонный килик (ГЭ, инв. № 8140), Аттика, мастерская Пистоксена, 470–460 гг. до н. э.); 4 — Ахилл и Поликсена (краснофигурная гидрия-кальпида (ГЭ, инв. № ГР-2030), Аттика, Берлинский мастер, 500 г. до н. э.)

Fig. 2. Berezan, painted ceramics: 1 — fragment of an East Greek amphora (State Hermitage Museum, Inv. No. B89.2), Northern Ionia (Teos?), 1st half of the 6th cent. BC; 2 — fragment of the wall of an amphora in the Fikellura style (State Hermitage Museum, Inv. No. B89.72), Miletus, 2nd quarter of the 6th cent. BC. Subject analogies: 3 — Apollo with a lyre and a raven (white-background kylix (State Hermitage Museum, Inv. No. 8140), Attica, Workshop of Pistozenos, 470–460 BC); 4 — Achilles and Polyxena (red-figure hydria-calypta (State Hermitage Museum, Inv. No. GR-2030), Attica, Berlin Master, 500 BC)

горлом), Лесбоса. Сравнительно редки находки обломков аттических и коринфских амфор. Встречаются фрагменты пифосов.

Определенное место в керамическом массиве занимает разнообразная столовая посуда, простая и расписная. Она хорошо представлена широко известными группами, среди которых преобладают восточно-греческая и керамика стиля Фикеллура (рис. 2, 1, 2). Известный интерес представляет сравнительно немалочисленная лепная керамика, хорошо представленная как грубой кухонной, так и столовой посудой. Среди других категорий находок отметим поделки из стенок сосудов: пряслице, грузило, намотку, а также бронзовый наконечник стрелы, обломки каменных зернотерок, изделия из кости — деталь флейты и описываемый нами предмет ритуального назначения. Таким образом, имеются веские основания для утверждения о его использовании в первый период жизни на Березанском поселении,

не позднее третьей четверти VI в. до н. э. (Соловьев, 1996; Чистов, 2017).

Для лучшего понимания назначения этого ритуального предмета попытаемся определить биологическую видовую принадлежность изображенных на нем птиц. Несмотря на относительную реалистичность рисунка, его схематичность и отсутствие характерных деталей экстерьера не позволяют сделать это с большой долей вероятности. Прежде всего следует определить, к какой группе пернатых они относятся: водоплавающим или сухопутным.

В пользу первого предположения свидетельствует местоположение самого Борисфена на древнем полуострове, окруженном с трех сторон водами Черного моря, а также имитация морской волны в очертании гребня лопатки. Отсюда напрашивается вывод, что прообразом птиц пиктограммы послужили чайки, до сих пор в большом количестве обитающие

Рис. 3. Возможные прототипы изображенных птиц: 1 — серебристая чайка (*Larus argentatus* Pont.); 2 — серая ворона (*Corvus cornix*); 3 — голова ворона обыкновенного (*Corvus corax*)

Fig. 3. Possible prototypes of the birds depicted: 1 — herring gull (*Larus argentatus* Pont.); 2 — hooded crow (*Corvus cornix*); 3 — a head of raven (*Corvus corax*)

на острове Березань. В таком случае это могла быть самая большая и наиболее часто встречающаяся по всему Причерноморью серебристая чайка (*Larus argentatus* Pont.) или чайка-хохотунья (*Larus cachinnans*) (рис. 3). В составе остатков птиц на Березани серебристая чайка занимает по численности второе место после большого баклана (Яниш, Каспаров, 2015). В Ольвии эта птица тоже весьма многочисленна среди остатков пернатых (Воистовенский, 1958). В это же время в Восточном Крыму, например, на таких крупных памятниках, как Нимфей, Мирмекий, Пантикапей и некоторые другие, эта птица весьма редка и фрагменты ее костей единичны или отсутствуют вовсе (Каспаров, 2023).

Между тем форма клюва и подчеркнутые особенности окраски оперенья сближают птиц пиктограммы с семейством врановых (*Corvidae*): вороном (*Corvus corax*), с черной (*Corvus corone*) и более всего серой (*Corvus cornix*) воронами, широко распространенными в Средиземноморском регионе, в Восточной, Юго-Восточной и Северной Европе (рис. 3). Таким образом, вопрос о видовой принадлежности птиц на нашем рисунке в силу его схематичности не представляется возможным решить с полной определенностью, что существенно усложняет задачу определения семантики изображений и их связи с конкретным божеством греческого, а тем более местного пантеона, о котором, в отличие от первого, данных у нас сравнительно меньше из-за отсутствия достаточных сведений в нарративных и художественных источниках.

Понимая всю сложность интерпретации материальных объектов древних культов, связанных с весьма специфической сферой жизни людей древности, о которой мы можем лишь догадываться, не обладая всей полнотой знаний о ней, а тем более не будучи их современниками, следует

отметить, что в нашем распоряжении все же имеются более или менее достоверные данные о религиозной жизни греков и местного населения Северного Причерноморья, которые позволяют атрибутировать столь неординарный, с нашей точки зрения, предмет культа, как березанская баранья лопатка с пиктограммой, хотя бы в первом приближении.

Птицы в силу их многочисленности и многообразия, а также особенностей поведения и связи с небесной сферой всегда привлекали внимание людей, а потому они присутствуют в той или иной мере во всех древних религиях, включая древнегреческую, что нашло отражение в произведениях прикладного искусства, а позднее и в памятниках письменности. Пернатые обитатели небес рассматривались древними как посланники богов — своего рода посредники между небом и землей, посредством которых люди получали предзнаменования для решения земных задач, связанных с разными сферами их жизни. Для понимания «языка» птиц и их поведения у греков, как, наверное, и у других древних народов, были специальные толкователи, к которым обращались за помощью в предсказаниях в особо важных делах. При этом разным богам были присущи свои виды небесных посланников, нередко выступавшие в произведениях прикладного искусства как атрибуты того или иного божества, помогавшие более быстрому и точному «прочтению» скрытых в них смыслов, которые для нас, к сожалению, часто остаются не понятыми до конца (Mynott, 2020).

Возвращаясь к березанской находке, постараемся примерно очертить круг божеств и культов Ольвии и Борисфена, которые послужили причиной появления столь необычного для жителей этого региона культового объекта (Русева, 1992). Как известно, главным божеством этого

полиса на начальном этапе колонизации являлся Аполлон в двух его ипостасях: Врача и Дельфиния. Не вдаваясь в сложную дискуссию о характере и происхождении этих обликов бога и его связи с Северным Причерноморьем (Шауб, 2009), важно отметить, что его вестником служил ворон (в местных условиях нельзя исключать и широко распространенную здесь и близкородственную ему серую ворону), что нашло отражение в греческой вазописи (рис. 2, 3). Аполлон Врач — покровитель мореплавания, благодетель и защитник первопоселенцев — был самым почитаемым божеством в Борисфене на протяжении всей жизни полиса. Еще одно божество, тесно связанное с этим регионом с начала его освоения древними греками и ставшее его патроном на всю историю полиса, — это Ахилл — герой гомеровского эпоса, особо почитавшийся в Северо-Западном Причерноморье как греческим, так и местным населением Нижнего Побужья. Он являлся защитником полиса и его границ и гарантом благоденствия его жителей. Святилища Ахилла оберегали «чудесные» птицы, скорее всего чайки, в большом количестве обитавшие на островах Левка и Березань. Вместе с тем в греческой вазописи также встречаются указания на связь с ним птиц из семейства врановых (рис. 2, 4).

Наряду с официальными государственными культами Аполлона и Ахилла, требовавшими участия жителей Березанского поселения в известных регулярных празднествах этих богов, вне всякого сомнения, существовали и частные культы, отправлявшиеся членами семей в рамках их повседневных нужд. В таких домашних ритуалах большое значение могли иметь обращенные к этим богам разного рода магические заклинания с просьбами о здоровье и благополучии, часто приуроченные к событиям повседневной жизни. Для этой цели могли использоваться и необычные, и самые простые предметы с атрибутами привычных божеств.

Еще один аспект березанской находки может быть связан с религиозными представлениями местного населения Нижнего Побужья (Шауб, 2008), которые менее всего изучены по причине давней дискуссии о его наличии в этом регионе и удельном весе прежде всего в составе сельского населения. Оставляя в стороне наиболее острые вопросы этой дискуссии, связанные с этнокультур-

ной принадлежностью лепной керамики и грунтовых сооружений типа землянок, присутствие в этом регионе выходцев из Степной и Лесостепной Скифии, как нам представляется, подтверждается многочисленными фактами их материальной культуры (Греки и варвары..., 2018). Что касается религиозной сферы жизни аборигенов, важно отметить то обстоятельство, что в их среде многими исследователями признается широкое распространение ритуалов, сходных с шаманскими. В этом случае наша находка в виде бараньей лопатки с пиктограммой может считаться одним из подтверждений такой точки зрения.

Наконец, не стоит забывать, что в процессе колонизации северных берегов Черного моря наряду с греческими переселенцами активное участие принимали представители анатолийских народов, прежде всего фригийцы и лидийцы, о чем свидетельствуют материалы Березанского поселения (Соловьев, 2013; Solovyev, 2020). В последнее время база связанных с ними археологических источников существенно пополнилась в ходе раскопок в Пантикапее, основанном в столь же раннее время (Асташова, 2019). Можно ожидать, что религиозные представления этой части жителей Березанского поселения также нашли отражение в его материальной культуре, однако для их выявления требуется проведение дополнительного исследования археологических материалов Западной Анатолии.

Учитывая все вышесказанное, мы пришли к выводу, что найденная на Березани баранья лопатка с пиктограммой служила для отправления частного культа, скорее всего Ахилла, особо почитаемого в среде всех жителей Нижнего Побужья. Указанием на это служат изображения птиц (ворон или чаек), связанных с этим божеством, а также волнообразное оформление гребня лопатки, указывающее на его связь с морской стихией. Птицы на рисунке движутся справа налево, что подразумевает благовест и благорасположение бога к обратившимся к нему. Перечисленные необычные свойства и особенности этого уникального предмета наводят нас на мысль о его использовании в магических ритуалах, близких шаманским, в среде как греческих переселенцев или их попутчиков, так и местного населения Борисфена.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2026 г.

Асташова, 2019 — Асташова Н. С. Особенности анатолийской керамики: по материалам из раскопок Пантикапея // Genesis: исторические исследования. М.: НБ-Медиа, 2019. № 5. С. 8–15.

Борисфен — Березань..., 2005 — Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки / Отв. ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; Арс, 2005. 152 с.

- Воистинский*, 1958 — *Воистинский М. А.* Орнитофауна Ольвии // *Археологічні пам'ятки УССР*. Київ: Наукова думка, 1958. Т. 5. С. 156–158.
- Греки и варвары..., 2018 — Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2018. 463 с.
- Доманский и др.*, 1989 — *Доманский Я. В., Виноградов Ю. Г., Соловьев С. Л.* Основные результаты работ Березанской экспедиции // *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*: Сб. ст. / Отв. ред. Г. И. Смирнова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 33–60.
- Каспаров*, 2023 — *Каспаров А. К.* Охота на птиц на двух прибрежных античных памятниках Восточного Крыма // *Боспорский феномен: quarta pars saeculi*. Итоги, вопросы, дискуссии / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 424–435.
- Русяева*, 1992 — *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. 256 с.
- Соловьев*, 1996 — *Соловьев С. Л.* Периодизация жилого строительства античной Березани // *АВ*. 1996. Вып. 4. С. 153–163.
- Соловьев*, 2008 — *Соловьев С. Л.* «Дом колониста» в археологическом контексте архаической Березани // *Античный мир. Искусство и археология* / Отв. ред. Е. Н. Ходза, А. М. Бутягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008 (Труды Гос. Эрмитажа; № 41). С. 216–236.
- Соловьев*, 2013 — *Соловьев С. Л.* Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // *Причерноморье в античное и ранне-средневековое время* / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед. ун-та, 2013. С. 62–77.
- Чистов*, 2017 — *Чистов Д. Е.* Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI — первой половины V в. до н. э. // *АВ*. 2017. Вып. 23. С. 132–152.
- Шауб*, 2008 — *Шауб И. Ю.* О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII — начало III в. до н. э.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. Серия 2, вып. 1. С. 113–120.
- Шауб*, 2009 — *Шауб И. Ю.* Из истории исследования религиозной жизни Ольвии догетской эпохи // *Проблемы истории, филологии, культуры*. М.; Магнитогорск, 2009. № 3 (25). С. 47–54.
- Яниш, Каспаров*, 2015 — *Яниш Е. Ю., Каспаров А. К.* О костных остатках поселения архаического времени Березань в Северном Причерноморье // *АВ*. 2015. Вып. 21. С. 124–139.
- Mynott*, 2020 — *Mynott J.* *Birds in the Ancient World*. Oxford: University Press, 2020. 451 p.
- Solovyov*, 1999 — *Solovyov S. L.* *Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea*. Leiden; Boston; Cologne: Brill, 1999 (Colloquia Pontica; Vol. 4). 148 p.
- Solovyev*, 2020 — *Solovyev S. L.* *Northern Black Sea and Western Anatolia' Relations in the Archaic and Classical Periods* // *A Life Dedicated to Anatolian Prehistory: Festschrift for Jak Yakar* / Barış Gür, Semra Dalkılıç. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Şti. Ltd., 2020. P. 371–382.

A unique pictogram: the riddle of Archaic Berezan

S. L. Soloviev, A. K. Kasparov⁴

Keywords: Berezan, Borysthene, Olbia, Archaic period, religion, Apollo, Achilles, birds

During archaeological excavations by the State Hermitage Museum expedition on Berezan Island in 1989, a ram's shoulder blade with a pictogram was discovered in a cultural layer dating back to the 1st half to the 3rd quarter of the 6th cent. BC. Its wide part had a serrated edge, and the crest had wavy outlines; on the outer surface of the shoulder blade, profile images of two birds were carved with a sharp object. The presence of a pictogram on such an unusual base, which also received a special design, indicates its use in the religious life of the Berezan settlement's inhabitants. This unique object was used for a private cult, most likely of Achilles, who was especially revered by all the inhabitants of the Lower Bug region. This is indicated by the images of birds (crows or seagulls) associated with this deity, as well as the wave-like design of the shoulder blade's crest, indicating its connection with the sea. The birds in the image move from right to left, which implies the sign of deity's benevolence and favor toward those who addressed him. The listed unusual properties and features of this unique object suggest its use in magical rituals close to shamanic ones, both among the Greek settlers or their fellow travelers, and the local population of Borysthene.

⁴Sergey L. Soloviev — The State Hermitage Museum, Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: ssl2610@yandex.ru. Alexey K. Kasparov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: alexkas@yahoo.com.

Погребение всадника из Усть-Лабинского могильника № 2 (по архивным материалам раскопок 1938 г.)¹

А. Н. Ткачёв²

Аннотация. В статье рассмотрено погребение всадника со стеклянным скифосом, предметами вооружения и конской упряжи из раскопок Усть-Лабинского могильника № 2, проведенных в 1938 г. Поскольку большую часть находок из погребения в фондах Краснодарского историко-археологического музея-заповедника найти не удалось (здесь сохранился только стеклянный скифос), предпринята попытка проанализировать состав инвентаря с привлечением архивных материалов КГИАМЗ, ИИМК РАН, личного архива Н. В. Анфимова и архива А. П. Манцевич. Сопоставление рассматриваемых предметов с датированными комплексами позволяет ограничить датировку погребения I в. н. э.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, всадники, конское снаряжение, удила, скифос, мечи с кольцевым навершием, сероглиняная керамика

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-54-62

Усть-Лабинский могильник № 2 — один из наиболее известных памятников меотской культуры. Раскопанный М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым в 1936–1938 гг., он до 1980-х гг. оставался опорным памятником для изучения меотской культуры Прикубанья, на материалах которого в основном и была построена первая периодизация меотской культуры. Результаты раскопок этого памятника, хотя и опубликованные в очень сжатом виде, дали исследователям возможность оперировать разными категориями предметов материальной культуры меотов, опираясь на выделенные хронологические группы погребений (*Лимберис и др.*, 2024. С. 118).

Могильник был открыт в 1929 г. участниками историко-археологического кружка под руководством М. В. Покровского при осмотре карьера по добыче глины на западной окраине станицы Усть-Лабинской. Тогда было исследовано несколько могил, обнажившихся в обрыве карьера. В 1936 г. М. В. Покровским были проведены рас-

копки разрушающейся части могильника, в результате были вскрыты 32 погребения (ТАКК. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 8. Л. 28). В 1937–1938 гг. работы на могильнике проводились Краснодарским историко-краеведческим музеем под руководством Н. В. Анфимова, причем в 1937 г. экспедиция была организована совместно с отделом доклассового общества Государственного Эрмитажа. В работах принимала участие А. П. Манцевич³. В дальнейшем Анастасия Петровна оказывала помощь в датировке материалов раскопок Усть-Лабинского могильника № 2 (НА КГИАМЗ. Оп. 1. Д. 156. Л. 15–16). В 1937–1938 гг. было раскопано еще 147 погребений. За все время работ на могильнике с момента его открытия было исследовано 213 погребений (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 190. Л. 4; Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 29. Л. 5).

Н. В. Анфимов, анализируя материалы Усть-Лабинского могильника № 2, выделил четыре хронологические группы: первую — VI–V вв. до н. э., вторую — IV — начало III в. до н. э., третью — III — первая половина I в. до н. э., четвертую — вторая половина I в. до н. э. — II в. н. э. Среди

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н. э. — III в. н. э.» (проект № 24-18-20014).

² Кубанский государственный университет, Краснодар; e-mail: alexey_tk@mail.ru.

© Ткачёв А. Н., 2026

³ В отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа хранится архив А. П. Манцевич, в котором содержатся блокноты с рисунками, чертежи погребений и описание отдельных вещей из раскопок Усть-Лабинского могильника № 2 1937–1938 гг.

погребений четвертой хронологической группы представляют интерес погребения с предметами конской упряжи; в них были найдены железные удила с простой петлей на конце или с добавочным кольцом, причем лежали они не при скелетах лошадей, а среди другого инвентаря (Анфимов, 1951. С. 198). Среди них выделяется погребение 88, открытое во время раскопок 1938 г.⁴

Погребение 88 обнаружено в кв. XI–XII на глубине 2,74 м. Могильная яма не прослеживалась, что объясняется, по мнению Н. В. Анфимова, однородностью грунта в Усть-Лабинском могильнике. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на восток. Череп лежал на левом боку и был развернут лобной частью к левому плечу. Плечевые кости вытянуты вдоль туловища. Левая рука согнута в локте, предплечье прижато к груди. Правая рука немного согнута в локте, предплечье лежит на тазе. Позвоночник и ребра сохранились почти полностью и располагались в анатомическом порядке. Ноги вытянуты, сближены в коленях и стопах. Кости стоп отсутствуют⁵.

Слева от погребенного вдоль туловища рядом с плечевой костью лежал железный меч длиной 57 см, с узким прямым перекрестием и овальным кольцевым навершием (рис. 1, 1). Между концом клинка меча и левой берцовой костью найден железный нож. На верхней части клинка меча лежали железные удила с кольцами на концах.

Под головой погребенного находилась большая сероглиняная миска диаметром 31,5 см, в которой лежали кости птицы. С правой стороны от скелета обнаружены: кости овцы — рядом с плечевой костью; большой сероглиняный одноручный кувшин с кусочком мела внутри, устьем на северо-восток, — в 10 см от таза. С левой стороны находились: лепной горшок — рядом с берцовой костью; небольшой сероглиняный горшочек — у плечевой кости, вплотную к навершию меча. В ногах погребенного на месте правой стопы обнаружен стеклянный двуручный скифос (рис. 1, 2). В погребении также находилась круглорамчатая железная пряжка (Научный архив Н. В. Анфимова. П. 11. Табл. Л. 13).

⁴ В ходе раскопок Н. В. Анфимов давал фотографиям погребений сквозную нумерацию. В дальнейшем при подготовке отчетов и публикации в МИА № 23 (1951 г.) нумерация погребений была изменена.

⁵ В отчетах Н. В. Анфимова отсутствуют описания обряда и инвентаря по каждому погребению. Результаты раскопок приведены сжато и выборочно по хронологическим группам. Поэтому описание данного погребения сделано по рисункам и фотографиям.

В яму были положены туши лошади и коровы. Скелет лошади лежал на спине слева на расстоянии 0,38 м от человеческого скелета и на 0,45 м выше него; ориентирован головой на восток; конечности подогнуты и приведены к туловищу; череп лежит на правом боку. Скелет коровы (неполный) находился с юга от скелета лошади, ориентирован головой на юг; конечности вытянуты, сохранились только бедренные кости, метаподии и проксимальные фаланги. На 0,32 м выше скелета лошади расчищен скелет собаки (рис. 1, 3). Н. В. Анфимов предположил, что лошадь и корова помещены в яму после некоторой засыпки ямы землей, так как скелеты животных находились на 0,40–0,60 м выше человеческого скелета. Это может указывать на наличие подбоя в одной из стенок погребальной ямы (Научный архив Н. В. Анфимова. П. 280. Л. 3).

Погребальный инвентарь⁶

Несомненный интерес представляет *стеклянный скифос*. Стекло прозрачное, со слабым зеленоватым оттенком⁷, со следами иризации. Сосуд имеет низкое цилиндрическое тулово с резким слегка скругленным переходом к придонной части. Стенки тонкие вертикальные, чуть-чуть прогнуты в верхней части. Венчик слегка загнут внутрь. В придонной части стенки немного расширяются. Ручки припаяны на 0,9 см ниже края венчика. Верхние горизонтальные площадки ручек расплющены и округлены, нижние выступы заострены и опущены вниз. Нижние концы ручек загнуты петлей и припаяны. Верхние и нижние части ручек соединены перемычками, согнутыми под углом. Поддон невысокий кольцевой. Дно сильно вогнуто. Высота скифоса — 6,1 см. Диаметр: по верхнему краю — 8,1 см, придонной части — 8,4 см, дна — 6,7 см. Длина верхних площадок ручек — 2,5 см, нижних — 2,6 см (Лимберис, Марченко, 2003. С. 124, кат. № 33). Скифос изготовлен методом свободного выдувания.

После раскопок Н. В. Анфимовым был сделан карандашный рисунок скифоса (рис. 2, 1) и его профильный чертеж, попавший в публикацию (Анфимов, 1951. С. 197, рис. 17, 12). Автор раскопок предположил, что скифос по своей форме и

⁶ В фондах КГИАМЗ из всей коллекции погребения 88 сохранился только стеклянный скифос (инв. № КМ 3289/А485), остальные вещи не обнаружены.

⁷ Н. В. Анфимов в отчете отметил, что стекло белое прозрачное, со слегка голубоватым оттенком (Научный архив Н. В. Анфимова. П. 11. Л. 13).

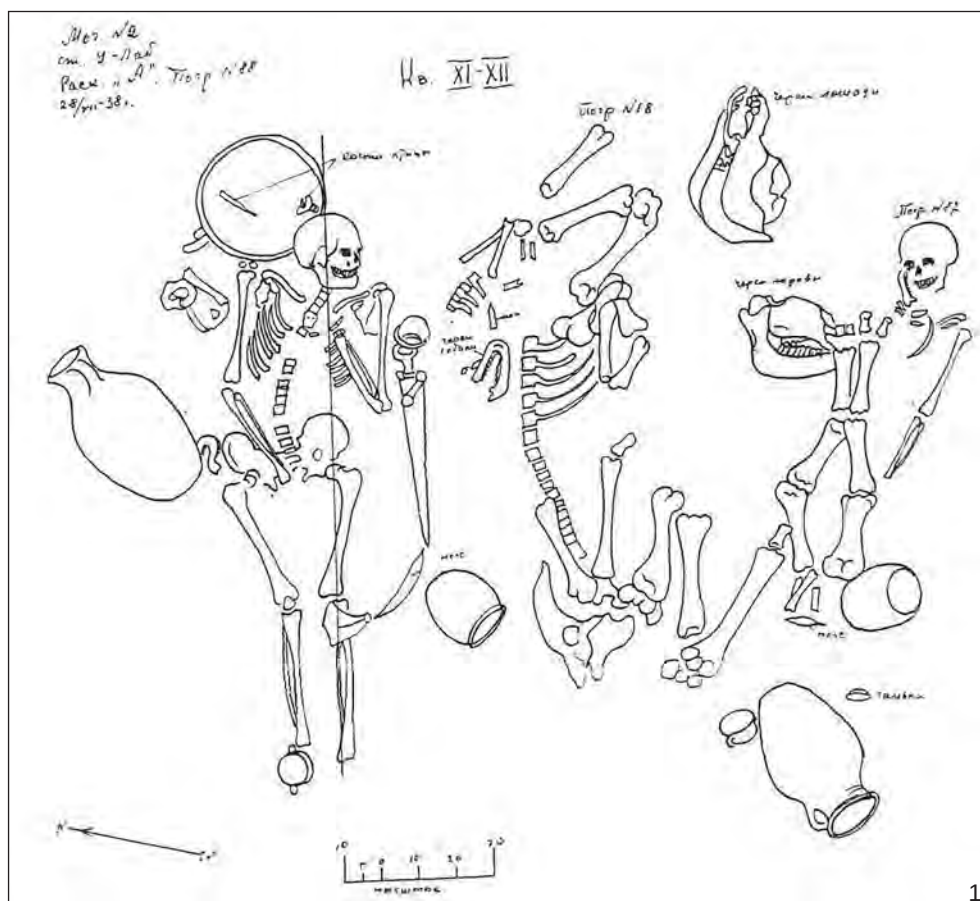

Рис. 1. Усть-Лабинский могильник № 2, раскопки 1938 г.: 1 — погребения 88 и 87, чертёж А. П. Манцевич; 2 — карандашный рисунок Н. В. Анфимова; 3 — вид с севера, фото Н. В. Анфимова

Fig. 1. Ust-Labinskaya burial ground No. 2, excavations of 1938: 1 — burials 88 and 87, drawing by A. P. Mantseвич; 2 — pencil drawing by N. V. Anfimov; 3 — view from the north, photo by N. V. Anfimov

[1 — Архив отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ, архив А. П. Манцевич; 2 — Научный архив Н. В. Анфимова. П. 11. Л. 36; 3 — Там же. Без указания места]

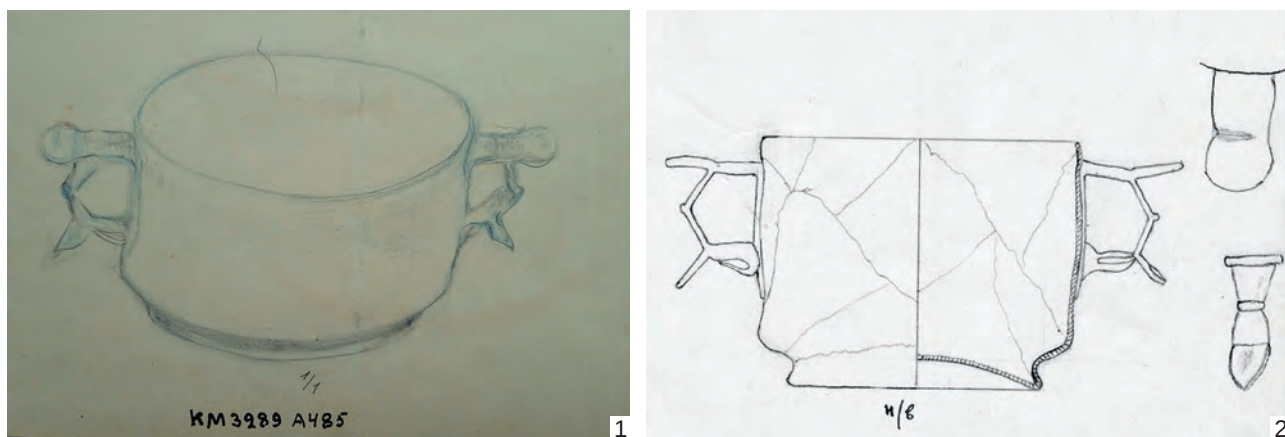

Рис. 2. Усть-Лабинский могильник № 2, погребение 88. Стекланный скифос: 1 — цветной карандашный рисунок Н. В. Анфимова; 2 — чертеж А. П. Манцевич

Fig. 2. Ust-Labinskaya burial ground No. 2, burial 88. Glass skyphos: 1 — colored pencil drawing by N. V. Anfimov; 2 — drawing by A. P. Mantsevich

[1 — Научный архив Н. В. Анфимова. П. 11. Л. 38; 2 — Архив отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ, архив А. П. Манцевич]

конфигурации ручек имитирует металлические сосуды.

Чертеж сосуда из архива А. П. Манцевич несколько отличается от рисунка Н. В. Анфимова по конфигурации стенок и ручек (рис. 2, 2). По описанию А. П. Манцевич, скифос был восстановлен из фрагментов.

Сосуд неоднократно публиковался. Он упомянут в перечне находок римских импортных изделий в Восточной Европе (Кропоткин, 1970. С. 100, № 885а), вошел в каталог стеклянных сосудов позднеэллинистического и римского времени (Лимберис, Марченко, 2003. С. 124, рис. 13, 33) и свод сарматских и меотских комплексов с римскими импортами из Прикубанья (Marčenko, Limberis, 2008. S. 298, Taf. 112, 80).

Скифос из погребения 88 относится к сосудам из дутого стекла формы Isings 39 и датируется I в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2003. С. 109, 124, рис. 13, 33; 180, табл. 1; Marčenko, Limberis, 2008. S. 298, Taf. 112, 80). К. Айсингс датирует их в пределах I в. н. э. (Isings, 1957. P. 55). Подобный скифос из некрополя Пантикапея, изготовленный способом свободного выдувания, отнесен Н. З. Куниной к I в. н. э. (Кунина, 1997. С. 310, № 282).

В погребении находился *железный меч* с узким прямым перекрестием и овальным кольцевым навершием. Клинок обоюдоострый, массивный, овальный в сечении. Судя по рисунку, клинок удлиненно-треугольный, сужается к концу. Длина меча — 57 см, длина рукояти — 8 см, длина клинка — примерно 45 см, ширина клинка

у перекрестия — 4 см, диаметр кольца навершия — 4 см⁸. Меч находился в деревянных ножнах, следы которых сохранились на поверхности клинка (Анфимов, 1951. С. 197).

Меч относится к варианту 2 типа I (с прямым брусковидным перекрестием) по классификации Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко. У него удлиненно-треугольный в плане клинок, плавно сужающийся к нижней части (Лимберис, Марченко, 2020. С. 166, 173).

Мечи с кольцевым навершием (тип I, 2) встречаются в ряде прикубанских комплексов. В погребении 136 могильника городища Спорное вместе с мечом типа I, 2 были найдены псевдокосская амфора и литой стеклянный скифос типа IIa, варианта 1 (Засецкая, Марченко, 1995. С. 96). Эти находки позволяют датировать погребение первой половиной I в. до н. э. (Бочковой и др., 2005. С. 180). Хронология погребения 122/2013 г. Елизаветинского могильника № 2 с мечом типа I, 2 определяется литыми скифосами (тип IIIa, 3) первой половиной I в. н. э. (Засецкая, Марченко, 1995. С. 96, 97). В погребении 126/1981 могильника № 1 городища у хут. Ленина с мечом типа I, 2 находилась фибула с овально расширенной спинкой и узкой ножкой лебяжьинской серии, 2-го варианта, что дает основание датировать погребение второй половиной I в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2020. С. 168). Погребение в земляном склепе 1944 г. могильника № 1 Тбилисского городища,

⁸ Размеры и описание приведены по публикации Н. В. Анфимова 1951 г.

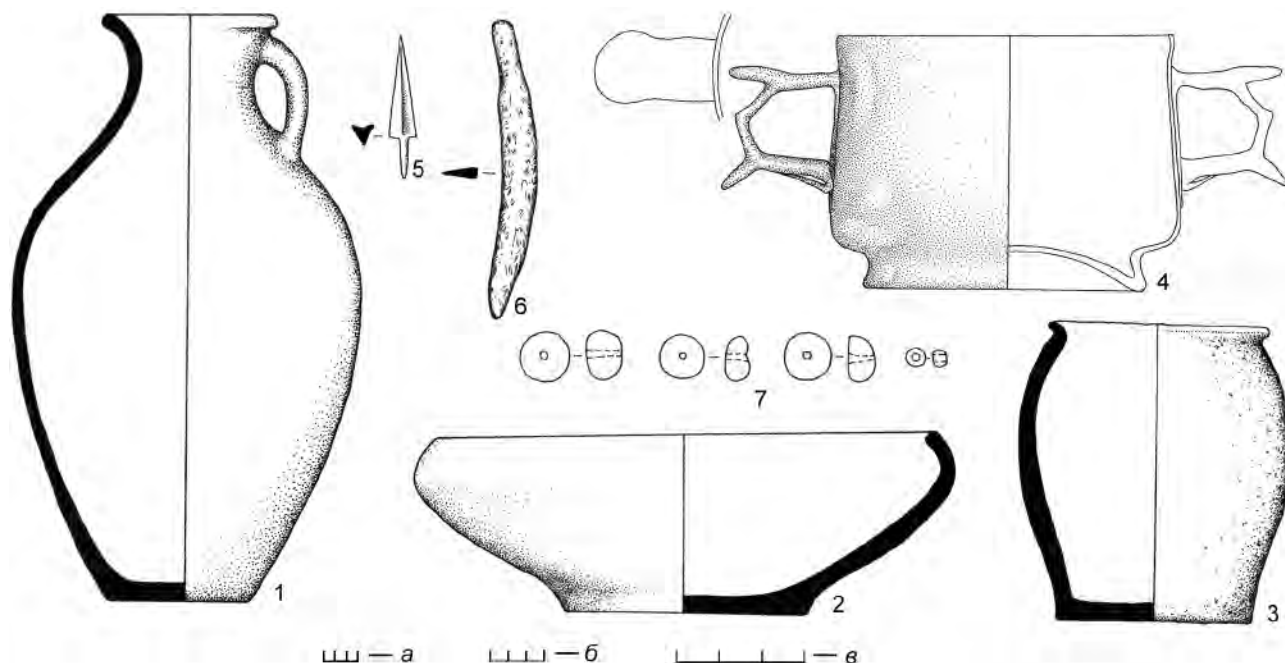

Рис. 3. Усть-Лабинский могильник № 2, погребение 88, раскопки 1938 г., комплекс предметов: 1 — кувшин сероглиняный; 2 — миска сероглиняная; 3 — горшок лепной; 4 — скифос стеклянный; 5 — наконечник стрелы железный; 6 — нож железный; 7 — стеклянные бусины. Масштаб: а — для 1; б — для 2, 3, 5, 6; в — для 4, 7

Fig. 3. Ust-Labinskaya burial ground No. 2, burial 88, excavations of 1938, assemblage of objects: 1 — gray clay jug; 2 — gray clay bowl; 3 — molded pot; 4 — glass skyphos; 5 — iron arrowhead; 6 — iron knife; 7 — glass beads.

Scale: а — for 1; б — for 2, 3, 5, 6; в — for 4, 7

[4 — Marčenko, Limberis, 2008. S. 298, Taf. 112, 80]

где находился меч с кольцевым навершием типа I, 2, датируется I в. н. э. (Там же. С. 169).

Появление у меотов мечей с брусковидным перекрестием свидетельствует о заимствовании этого типа меча у сарматов. Основное время бытования мечей с кольцевым навершием у меотов правобережья Кубани ограничено I в. до н. э. — началом II в. н. э. (Там же. С. 171, табл.).

В погребении 88 на мече лежали **железные удила**. Н. В. Анфимов отмечает, что удила были простые, с кольцами на концах. Единственное изображение удил представлено на карандашном рисунке (рис. 1, 2). Видимо, речь идет о железных двухколенчатых удилах, у которых концы грызл закручены в кольца с псалиями в виде дополнительных колец. Удила с добавочными подвижными кольцами-псалиями являются одними из наиболее простых видов, существовавших на протяжении длительного времени на довольно обширной территории. На памятниках правобережья Кубани помимо Усть-Лабинского могильника № 2 (где они найдены также в погребении № 55/1938 г.) они представлены в могильнике № 2 Старокорсунского городища и могильнике городища Спорное. Например,

в богатом погребении всадника (613з) могильника № 2 Старокорсунского городища находился комплект упряжи из семи пар железных удил, набор серебряных фаларов и меч с бронзовым литым ромбовидным перекрестием. Одна пара железных удил имела добавочные кольца. Комплекс датируется второй половиной I — началом II в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 280).

В погребении 161 с подбоем могильника городища Спорное двух лошадей сопровождали удила с псалиями разных типов, в том числе с подвижными добавочными кольцами. Хронология комплекса, куда входят помимо упряжи меч, наконечник копья, детали портупейного набора и уникальный железный умбон от щита, определяется серединой III в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2013. С. 113).

В Закубанье удила с дополнительными кольцами встречены в таких могильниках, как Ясеновая Поляна, Чернышевский, Штурбинский, Тенгинский, у хут. Городского, Ленинохабльский. Е. А. Беглова и В. Р. Эрлих отмечают, что этот тип нестрогих удил использовался на протяжении всего периода существования Тенгинского могильника — с середины III в. до н. э.

до середины II в. н. э. (Беглова, Эрлих, 2018. С. 158, 369, рис. 185, 4). В погребениях Ленинохавльского могильника встречено шесть пар удил с дополнительными кольцами в позднемеотских погребениях I–III вв. н. э. В погребении 31 находились две пары железных удил с дополнительными кольцами, серебряный кубок, железный шлем, кольчуга, меч, железный канделябр. Комплекс датируется второй половиной II в. н. э. (Лимберис и др., 2025. С. 102).

В парном погребении 7 могильника у хут. Городского одного коня сопровождали удила с колесовидными псалями, другого — удила с кольцевидными псалями. По набору инвентаря погребение датируется концом I — первой половиной II в. н. э. (Сазонов, 1992. С. 257). С. П. Кожухов связывает появление на Кубани этого типа удил с сарматами (Кожухов, 1994. С. 15).

Железные удила с кольцами также встречаются в могильниках Центрального Предкавказья (Нижний-Джулат, Подкумок, Моздок) в погребениях I — первой половины III в. н. э. (Абрамова, 1993. С. 123, рис. 43, 10, рис. 57, 26–28, 65, 26, 27) и в памятниках Предгорного Крыма. Среди псалиев с территории Крыма А. В. Антипенко выделила кольцевидные псалии в отдельный тип с несколькими вариантами. Псалии варианта 1а (кольцевидные железные) являются самыми распространенными (в памятниках Крыма зафиксировано 24 пары) в первые четыре века новой эры (Антипенко, 2023. С. 60–62, рис. 14, 1, 2).

Таким образом, как территориально, так и хронологически рамки бытования подобных удил достаточно широки. По мнению А. В. Симоненко, кольчатые псалии появляются в II–I вв. до н. э. и бытуют в среде кочевников Северного Причерноморья на протяжении длительного времени без особых изменений (Симоненко, 2009. С. 151–154).

Железный наконечник стрелы трехлопастной черешковый с удлинено-треугольной головкой (рис. 3, 5). Основания лопастей срезаны под прямым углом к черешку. Черешок длинный, круглый в сечении, с заостренным концом. Длина — 8,5 см, ширина — 1,6 см, длина пера — 6,2 см, длина черешка — 2,3 см.

Черешковые наконечники стрел приходят на смену втульчатым во II в. до н. э. На Северном Кавказе начиная с I в. до н. э. железные трехлопастные черешковые наконечники полностью вытесняют железные втульчатые и встречаются как в курганах, так и в грунтовых могильниках (Хазанов, 1971. С. 38). Крупные наконечники с треугольным пером А. М. Ждановский отнес к варианту 3 подтипа А типа 3. В курганных комплексах Прикубанья большая часть

черешковых наконечников датируется I–II вв. н. э. (Ждановский, 1988. С. 66, 67, рис. 3). Такие наконечники встречены в уже упомянутом погребении 136 могильника городища Спорное первой половины I в. до н. э. (Бочковой и др., 2005. С. 182) и погребении 367 первой половины I в. до н. э. могильника № 1 городища у хут. Ленина (Лимберис, Марченко, 2019. С. 238).

Возле меча в погребении лежал **нож** (рис. 3, 6) — железный изогнутый однолезвийный с заостренным невыделенным черенком. Клинок равномерно сужается к концу и к черенку. Размеры: длина — 17,6 см, длина клинка — 12,5 см, ширина клинка — 2,2 см.

Керамика из погребения 88 находит аналогии в датированных меотских комплексах. В комплексе был найден **большой сероглиняный одноручный кувшин** (рис. 3, 1). Он имеет вытянутое тулово и невысокое горло. Ручка короткая, дуговидная, крепится непосредственно под венчиком и к плечикам тулова. Высота его — 50 см, диаметр венчика — 14 см, диаметр дна — 12 см. Дно плоское. Хронологическим признаком здесь может являться плоское дно, поскольку такой способ формовки, как ложнокольцевой поддон и плоское дно, приходит на смену выделенным кольцевым поддонам и получает развитие в I в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 232) и первые века новой эры. Это наблюдение касается не только кувшинов, но и мисок.

Миска сероглиняная лощеная с загнутым внутрь краем (рис. 3, 2). Диаметр по венчику — 29,0 см, максимальный диаметр — 31,5 см, высота — 10,5 см. Дно плоское. В миске лежали кости птицы. В 10 см западнее миски, рядом с правой плечевой костью, находились кости овцы. Подобная миска с загнутым краем из погребения 14/1981 г. могильника № 1 городища у хут. Ленина обнаружена в одном комплексе с мечом с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием и бронзовой лучковой подвязной фибулой варианта 2, которая определяет хронологические рамки комплекса в пределах второй половины I — начала II в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2025. С. 70, рис. 1, 8).

Лепной кухонный горшок баночной формы с отогнутым наружу венчиком и плоским дном (рис. 3, 3). Глина снаружи коричневая, в изломе темно-серая, с примесью песка, мелкоотделанной дресвы и слюды. Обжиг слабый. Высота — 17,4 см, диаметр венчика — 12,8 см, диаметр дна — 11,5 см, наибольший диаметр — 16,0 см. Дно плоское, не выделено (без закраины). Говорить о технике изготовления, которая является важным хронологическим признаком, не представляется

возможным. Примерно со второй четверти II в. до н. э. появляются горшки, изготовленные на гончарном круге (Лимберис, Марченко, 2005. С. 240). Горшки с отогнутым венчиком встречены также и в других погребениях Усть-Лабинского могильника четвертой хронологической группы (второй половины I в. до н. э. — II в. н. э.) (Анфимов, 1951. С. 192, рис. 15, 4). В упомянутом уже погребении 136 могильника городища Спорное первой половины I в. до н. э. среди инвентаря присутствуют горшок с отогнутым краем, стеклянный скифос типа Па, варианта 1 (Засецкая, Марченко, 1995. С. 96), псевдокосская амфора и меч с кольцевым навершием (Бочковой и др., 2005. С. 180, рис. 8, 4). Погребение 151 могильника городища Спорное, где встречен горшок с отогнутым краем и меч с кольцевым навершием, датируются I в. до н. э. — I в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2020. С. 171).

В погребении обнаружен **набор бус**, в состав которого входят крупные халцедоновые бусы и три бусины из синего непрозрачного стекла (рис. 3, 7). Поскольку в нашем распоряжении имеется только черно-белый рисунок из архива А. П. Манцевич без описания размеров, мы можем судить только о форме бус. Такие халцедоновые бусы вероятнее всего относятся к варианту б типа 3 и датируются I–II вв. н. э. (Алексеева, 1982. С. 12, табл. 37, 12).

Особенностью погребения 88 являлось то, что кроме захоронения коня в нем находились кости коровы и собаки. По наблюдению Н. В. Анфимова, в погребениях четвертой хронологической группы Усть-Лабинского могильника № 2 могилы с целыми скелетами лошади и коровы составляют довольно большое количество — 28 %. В трех погребениях этой хронологической группы были найдены скелеты лошади, в восьми — коровы (Научный архив Н. В. Анфимова. П. 280. Л. 42). Анализ костных останков из раскопок могильника показал, что коровы были небольшими. Лошади в погребениях в основном некрупные, тонконогие, верховые (Анфимов, 1969. С. 14). Погребение 88 —

единственное в могильнике, где встречены одновременно скелеты лошади, коровы и собаки.

Погребения собак неоднократно фиксировались в грунтовых могильниках Прикубанья. В погребениях 28/1937 и 72/1938 Усть-Лабинского могильника № 2, отнесенных Н. В. Анфимовым к третьей хронологической группе (III — начало I в. до н. э.), на лошадиных скелетах лежали кости собак (Анфимов, 1951. С. 189). В Прикубанском могильнике в 1998–2001 гг. было исследовано 31 погребение всадников, среди которых выделяются 10 захоронений с собаками. Собаки были уложены в ногах или у живота лошади. Эти погребения по амфорам и чернолаковым сосудам датируются IV в. до н. э. Разнообразный погребальный инвентарь, включающий богатые наборы конской упряжи и вооружения, свидетельствует о принадлежности захороненных в Прикубанском могильнике к элитарной группе меотских всадников. Обряд захоронения лошади и собаки вместе с человеком зародился еще в раннемеотское время и получил широкое распространение в IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2021. С. 131). По наблюдениям Н. В. Анфимова, собаки из меотских памятников Усть-Лабинского района были некрупными, размером с небольшую промысловую лайку (Анфимов, 1969. С. 14).

Опорными вещами для хронологии погребения 88 являются скифос и меч. Другие находки из погребения (удила, керамика, наконечник стрелы и бусы) не дают возможности сузить датировку комплекса. Учитывая, что других узко датированных предметов в погребении нет, наиболее верным представляется ограничить дату погребения I в. н. э. Наличие конской упряжи, меча и наконечника стрелы позволяет отнести погребение к разряду всаднических захоронений меотской знати. Оно выделяется на общем фоне своей хронологической группы одновременным захоронением лошади, коровы и собаки и присутствием стеклянного дутого скифоса, который является для прикубанских могильников редкой импортной вещью.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

ГАКК (Государственный архив Краснодарского края)
Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 8: Личный фонд М. В. Покровского 1927–1958 гг. Документы по археологическим исследованиям. 95 л.

НА ИИМК РАН. РО (Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел)
Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 190: Анфимов Н. В. Отчет о раскопках, произведенных в ст. Усть-Лабинской в 1937 г. по Открытому листу № 28/186 от 7-06-37 г. 136 л.;

Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 29: Анфимов Н. В. Отчет о раскопках в ст. Усть-Лабинской в 1938 г. (Открытый лист № 11/257). 180 л.

НА КГИАМЗ (Научный архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына)
Оп. 1. Д. 156: Материалы археологической экспедиции в ст. Усть-Лабинская, могильник № 2. Письмо А. П. Манцевич Н. В. Анфимову. 76 л.

- Научный архив Н. В. Анфимова.** Папка № 11: Отчет о раскопках, произведенных в ст. Усть-Лабинской в 1937–1938 гг. Таблицы, рисунки вещей, фотографии. 136 л.; Папка № 280: Усть-Лабинский могильник № 2. Материалы 1930–1938 гг. (архив в настоящее время находится в научно-технической обработке).
- Архив отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа**
Архив А. П. Манцевич. Материалы раскопок Усть-Лабинского могильника № 2, 1937–1938 гг.
- Абрамова, 1993 — Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М.: ИА РАН, 1993 (Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья; Вып. 2). 240 с.
- Алексеева, 1982 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982 (САИ; Вып. Г1–12). 104 с.
- Антипенко, 2023 — Антипенко А. В. Снаряжение верхового коня I–IV вв. н. э. в Предгорном Крыму: Дис. ... канд. ист. наук. 5.6.3 — археология / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь: [б. и.], 2023. 335 с.
- Анфимов, 1951 — Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 155–207.
- Анфимов, 1969 — Анфимов Н. В. Скотоводство у синдо-меотских племен Прикубанья // Научные труды Краснодарского гос. педагогического института. Исторические науки. Краснодар: КГПИ, 1969. Вып. 103. С. 3–17.
- Беглова, Эрлих, 2018 — Беглова Е. А., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 384 с.
- Бочковой и др., 2005 — Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: КубГУ, 2005. Вып. 5. С. 172–218.
- Ждановский, 1988 — Ждановский А. М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар: КубГУ, 1988. С. 54–68.
- Засецкая, Марченко, 1995 — Засецкая И. П., Марченко И. И. Классификация стеклянных канфаров позднеллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1995. Вып. 32. С. 90–104.
- Кожухов, 1994 — Кожухов С. П. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06 — археология / ИА РАН. М.: [б. и.], 1994. 22 с.
- Кропоткин, 1970 — Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М.: Наука, 1970 (САИ; Вып. Д1–27). 278 с.
- Кунина, 1997 — Кунина Н. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во АРС, 1997. 358 с.
- Лимберис, Марченко, 2003 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Стеклянные сосуды позднеллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: КубГУ, 2003. Вып. 3. С. 106–183.
- Лимберис, Марченко, 2005 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: КубГУ, 2003. Вып. 5. С. 219–324.
- Лимберис, Марченко, 2012 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гузиной. М.: ГИМ, 2012 (Труды ГИМ; Вып. 191). С. 261–280.
- Лимберис, Марченко, 2013 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Всадническое погребение с умбоном из Среднего Прикубанья // Stratum plus. 2013. № 4: В поисках ойума. «Пути народов». С. 105–115.
- Лимберис, Марченко, 2019 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские погребения со стеклянными скифосами зубовского типа // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 2. С. 235–244.
- Лимберис, Марченко, 2020 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология мечей с кольцевым навершием из меотских памятников правобережья Кубани // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 2. С. 164–182.
- Лимберис, Марченко, 2021 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения меотских всадников в сопровождении собак из Прикубанского могильника // Stratum plus. 2021. № 3: Человек, ландшафт, культура. С. 131–150.
- Лимберис, Марченко, 2025 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Двухплетельчатые стержневидные псалии из меотских могильников Прикубанья // Записки ИИМК РАН. 2025. № 32. С. 69–77.
- Лимберис и др., 2024 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. К истории изучения конского снаряжения из меотских памятников Прикубанья // АВ. 2024. Вып. 45. С. 118–126.
- Лимберис и др., 2025 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н., Кондратенко А. В. Всадническое погребение из Ленинохальского могильника // XII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Материалы науч.-практ. конф.: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Традиция; М.: Центр палеоэтнологических исследований, 2025. С. 97–105.

Сазонов, 1992 — Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд.-полиграф. объединение «Адыгея», 1992. С. 244–274.

Симоненко, 2009 — Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 328 с.

Хазанов, 1971 — Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Isings, 1957 — Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Djakarta: Groningen, 1957. 183 p.

Marčenko, Limberis, 2008 — Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in Sarmatischen und Maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Archäologie in Eurasien. Mainz. 2008. Vol. 25. S. 265–400, 222 Taf.

Burial of a horseman from Ust-Labinskaya burial ground No. 2 (based on archival materials from the 1938 excavations)

A. N. Tkachev⁹

Keywords: Kuban region, Maeotians, horsemen, horse equipment, bits, skyphos, ring-pommeled swords, gray clay pottery

In 1938, an expedition from the Krasnodar Museum of History and Local Lore excavated Ust-Labinskaya burial ground No. 2, where several equestrian burials were discovered. The excavation results for this site were published in a summary. Furthermore, the archival documents of the excavator contain a wealth of information not included in official reports. This article concerns burial 88, which contained a glass skyphos, weapons and horse harnesses. Since it was not possible to locate most of the finds from the burial in the museum's collections, an attempt was made to analyze the composition of the inventory and features of the burial rite using archival materials and documents from the Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the RAS, the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, the personal archive of N. V. Anfimov and the archive of A. P. Mantsevich, stored in the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum. A comparison of the inventory under consideration with dated complexes, which include swords with ring pommels, bits, iron arrowheads and gray clay ceramics, allows us to limit the dating of the burial to the 1st cent. AD.

⁹ Alexey N. Tkachev — Kuban State University, Krasnodar; e-mail: alexey_tk@mail.ru.

Эрмитажная коллекция древнеиранской резной кости из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1906 г. Часть 1. Технические характеристики

М. В. Сологубова¹

Аннотация. В статье приведены техническая информация и результаты исследования естественно-научными методами 14 костяных пластин из коллекции Б. В. Фармаковского, часть которых была обнаружена в Ольвии в ходе раскопок 1906 г. Предметы были переданы в Эрмитаж в 1910 г., сейчас они хранятся в отделе Востока под номерами S-313–S-326.

Ключевые слова: Ольвия, резная кость, парфянский период, ритон, искусство Ирана II–III вв. н. э., Б. В. Фармаковский

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-63-70

В собрании отдела Востока Государственного Эрмитажа находятся 14 костяных пластин под номерами S-313–S-326 (рис. 1). Согласно Акту поступления № 592 от 19 марта 1910 г., все 14 пластин были переданы в Императорский Эрмитаж Императорской археологической комиссией (далее — ИАК). Происхождение, указанное в документах, — раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1906 г. Согласно отчету ИАК за 1906 г., большая часть предметов Б. В. Фармаковским была приобретена у крестьян из с. Парутино осенью 1906 г. (Pharmakovsky, 1907. С. 147–152), и только три предмета обнаружены непосредственно в ходе раскопок в первом слое раскопа VIa (Отчет ИАК за 1906 г., 1909. С. 39–44, рис. 35–37). Все 14 пластин были приняты на хранение в отделение древностей. В ходе формирования и структуризации отделов музея после 1917 г. предметы успели побывать на хранении в Скифо-эллинистическом отделении, отделе истории первобытной культуры и, наконец, стать частью коллекции предметов искусства сасанидского Ирана и сопредельных стран отдела Востока.

Более 30 лет пластины находились на экспозиции искусства стран Передней Азии в зале 89 Зимнего дворца. Они были выставлены вместе

с другими предметами иранского прикладного искусства I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. В частности, в одной витрине с костяными пластинами экспонировались не только высокохудожественные керамические налесты и терракотовые статуэтки парфянского времени, но также знаменитый ритон из Нисы². Согласно исследовательской традиции отдела Востока, которая следовала атрибуции В. Г. Лукониной (Луконин, 1977. Рис. 128–132), эти пластины были отнесены к иранскому кругу предметов изобразительного искусства; предполагалось, что некогда они были частью обкладки костяного ритона. В указанной статье автор также придерживается идеи принадлежности костяных пластин к древневосточной традиции резьбы по кости.

Костяные накладки представляют собой четырехугольные (не прямоугольные) слегка выгнутые пластинки, верхняя часть которых неизменно шире основания: замеры произведены по максимальной высоте, а также максимальной и минимальной ширине каждой пластины; в случае присутствия сильных утрат, как на пластинах S-315, S-319 и S-325, речь идет о максимальных сохранившихся высоте и ширине (табл.).

Сохранность пластинок в основном очень хорошая для таких хрупких предметов. Часто

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; e-mail: sologubova@hermitage.ru.

© Сологубова М. В., 2026

² Нисийский ритон СА-15049 в настоящее время находится на экспозиции доисламской Средней Азии в зале 54 Зимнего дворца.

Рис. 1. Ольвийские костяные пластины из коллекции Государственного Эрмитажа (подробнее см. табл.)

Fig. 1. Olbian bone plaques from the collection of the State Hermitage Museum (see table for details)

Таблица. Иранские резные костяные пластины из собрания отдела Востока Государственного Эрмитажа (Акт поступления в Императорский Эрмитаж № 592 от 19 марта 1910 г.)

Table. Iranian carved bone plates from the collection of the Oriental Department of the State Hermitage Museum (Acceptance Act of the Imperial Hermitage No. 592, March 19, 1910)

Фотография / № рис. в Отчете ИАК за 1906 г.	Актуальный инвентарный номер / № по описи отдела древностей. Инвентарное описание	Сохранность	Размеры	Материал ⁱ	Происхождение
Рис. 1, 1 / Рис. 35	S-318/15602 Четырехугольная, суживающаяся книзу, слегка выгнутая пластина, на лицевой стороне — мужская фигура, обращенная влево, в длинной подпоясанной одежде и шароварах; в правой поднятой руке — округлый предмет в виде большого кольца; левая — опущена вниз	Сквозная трещина вдоль пластины ⁱⁱ . Сквозные отверстия на уровне коленей персонажа ⁱⁱⁱ	Высота макс. — 11,8 см; ширина макс. — 3,2 см, мин. — 2,4 см	Предположительно фрагмент большой берцовой кости коровы или лошади	Ольвия. Раскопки Б. В. Фармаковского 1906 г. слой 1, раскоп VIa
Рис. 1, 2 / Рис. 36	S-314/15598 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — арка, в которой изображена обнаженная фигура, обращенная вправо, держащая в руках четырехугольный предмет; прическа с шаровидным пучком волос	Царапины на поверхности, небольшие сколы и углубления, пятна	Высота макс. — 6,5 см; ширина макс. — 3,6 см, мин. — 3,2 см	Фрагмент трубчатой кости крупного копытного животного	То же
Рис. 1, 3 / Рис. 37	S-319/15603 Четырехугольная, суживающаяся книзу, продолговатая, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — обнаженная фигура с упертой в бедро левой рукой	Верхняя часть пластины с головой и правым плечом отсутствует; пластина разбита на две части и склеена; на обороте — скрепляющий прут	Высота макс. — 8,1 см, мин. — 5,6 см; ширина макс. — 2,4 см, мин. — 1,6 см	То же	То же
Рис. 1, 4 / Рис. 38	S-316/15600 Четырехугольная, суживающаяся книзу, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — мужская фигура, повернутая вправо, в длинной рубашке и шароварах; левая рука опирается на рукоять кинжала; правая — опущена вдоль тела; пышная прическа с узлом на затылке	В нижней части — сквозная трещина	Высота макс. — 12 см; ширина макс. — 2,7 см, мин. — 1,5 см	Фрагмент задней метаподии крупного рогатого скота	Ольвия. Приобретено Б. В. Фармаковским у крестьян в с. Парутино осенью 1906 г.
Рис. 1, 5 / Рис. 39	S-321/15605 Четырехугольная, продолговатая, суживающаяся книзу, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — мужская фигура в длинной перепоюсанной рубашке и шароварах; в правой поднятой руке — округлый предмет в виде большого кольца; левая — опущена вдоль тела	Сквозное отверстие на груди фигуры ^{iv}	Высота макс. — 12,4 см; ширина макс. — 3,3 см, мин. — 2,4 см	Предположительно фрагмент большой берцовой кости коровы или лошади	То же
Рис. 1, 6 / Рис. 40	S-324/15608 Четырехугольная, продолговатая, суживающаяся книзу пластина; на лицевой стороне — обнаженная фигура с упертой в бедро левой рукой; правая — поднята на уровне плеча с раскрытой ладонью; голова с пышной прической и в диадеме повернута вправо; локоть правой руки опирается на столбик	Щербинка на верхнем крае	Высота макс. — 10,4 см; ширина макс. — 3,1 см, мин. — 1,8 см	Фрагмент трубчатой кости крупного копытного животного	То же

Таблица, продолжение

Фотография / № рис. в Отчете ИАК за 1906 г.	Актуальный инвентарный номер / № по описи отдела древностей. Инвентарное описание	Сохранность	Размеры	Материал ¹	Происхождение
Рис. 1, 7 / Рис. 41	S-325/15609 Четырехугольная, продолговатая, суживающаяся книзу пластина; на лицевой стороне — сидящая фигура в длинной перепоясанной рубашке, в шароварах, с гривной на шее; в левой руке — жезл; правая — в длинном рукаве, скрывающем кисть руки, — опирается на ручку трона (?); пышная прическа в виде шарообразных пучков волос наверху и у висков; диадема	Низ пластины с ногами фигуры и нижние края обколоты	Высота макс. — 10,8 см; ширина макс. — 4 см, мин. сохран. — 3,5 см	Стенки бедренной кости коровы или лошади	То же
Рис. 1, 8 / Рис. 42	S-320/15604 Четырехугольная, суживающаяся книзу, продолговатая, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — обнаженная фигура с упертой в бедро левой рукой; правая — поднята на уровне плеча; голова с пышной прической и в диадеме повернута вправо	Небольшие щербинки в верхней части лицевой стороны со следами мастиковки; сквозная трещина в нижней части пластины	Высота макс. — 10,3 см; ширина макс. — 3,2 см, мин. — 3,0 см	Фрагмент задней коровьей метаподии	То же
Рис. 1, 9 / Рис. 43	S-315/15599 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — арка, в которой изображена фигура в плаще, обращенная вправо; в правой руке — изогнутый посох (?); прическа с шаровидным пучком волос	Нижняя часть, примерно треть, обломана по диагонали и утрачена	Высота макс. — 5,3 см; ширина макс. — 3,6 см, мин. сохран. — 3,4 см	Фрагмент трубчатой кости крупного копытного животного	То же
Рис. 1, 10 / Рис. 44	S-313/15597 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина. На лицевой стороне арка, в которой изображена обнаженная фигура, обращенная вправо, левая рука поднята, правая — опущена вдоль тела; прическа с шаровидным пучком волос	Царапины на поверхности, небольшие сколы и углубления, пятна	Высота макс. — 6,8 см; ширина макс. — 3,7 см, мин. — 3,4 см	То же	То же
Рис. 1, 11 / Рис. 45	S-322/15606 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — арка, в которой изображена обнаженная фигура в плаще со скрещенными ногами, обращенная вправо, держащая правой рукой у рта длинную флейту; прическа с шарообразным пучком волос	Верхние углы отбиты	Высота макс. — 6,7 см; ширина макс. — 3,6 см, мин. — 3,0 см	Фрагмент бедренной кости крупного копытного	То же
Рис. 1, 12 / Рис. 46	S-326/15610 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — арка, в которой стоит обнаженная фигура с повернутой вправо головой, держащая в руках некий предмет; прическа с шарообразным пучком волос	Царапины на поверхности, небольшие сколы и углубления, пятна	Высота макс. — 6,5 см; ширина макс. — 3,3 см, мин. — 2,8 см	Предположительно фрагмент передней или задней метаподии лошади	То же

Таблица, окончание

Фотография / № рис. в Отчете ИАК за 1906 г.	Актуальный инвентарный номер / № по описи отдела древностей. Инвентарное описание	Сохранность	Размеры	Материал ⁱ	Происхождение
Рис. 1, 13 / Рис. 47	S-323/15607 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — арка, в которой изображена обнаженная фигура, обращенная вправо, с музыкальным инструментом (?) в руках; прическа с шарообразным пучком волос	Царапины на поверхности, небольшие сколы и углубления, пятна	Высота макс. — 6,8 см; ширина макс. — 3,6 см, мин. — 3,1 см	Фрагмент трубчатой кости крупного копытного животного	То же
Рис. 1, 14 / Рис. 48	S-317/15601 Четырехугольная, слегка выгнутая пластина; на лицевой стороне — арка, в которой изображена обнаженная фигура, стоящая на руках; прическа с шарообразным пучком волос	Царапины на поверхности, небольшие сколы и углубления, пятна	Высота макс. — 6,7 см; ширина макс. — 3,4 см, мин. — 3,0 см	То же	То же

ⁱ Автор благодарит за определение материала сотрудников лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А. К. Каспарова и Е. С. Кондрашову.

ⁱⁱ Изначально пластина зафиксирована на бумажной подложке с оборотной стороны. Отреставрирована в 2007 г. в лаборатории реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов Государственного Эрмитажа: проклейка, мастиковка, тонировка.

ⁱⁱⁱ Сквозные отверстия — часть естественной структуры кости, след от кровеносного сосуда или нерва.

^{iv} Сквозное отверстие также имеет естественное происхождение.

присутствуют сколы и щербинки по краям, а также немногочисленные трещинки на внутренней, вогнутой, части. Пластина S-319 единственная имеет следы реставрации, она склеена из двух частей. Сквозные отверстия, как на пластинах S-318 и S-322, естественного происхождения — это следы от кровеносных сосудов или нервов, встречающихся на диафизах костей животных (рис. 2, 1).

Анализ материала

В инвентаре отдела Востока материалом набора резных пластин называется слоновая кость. В Акте поступления от 19 марта 1910 г. пластины обозначены как «14 древних резных костей», без уточнения, какому животному эти кости могли принадлежать. Для ответа на вопрос, какая именно кость была использована в качестве материала пластин, было принято решение обратиться за помощью к специалистам отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа³.

Исследования с помощью оптической микроскопии и рентгенофлюоресцентного анализа

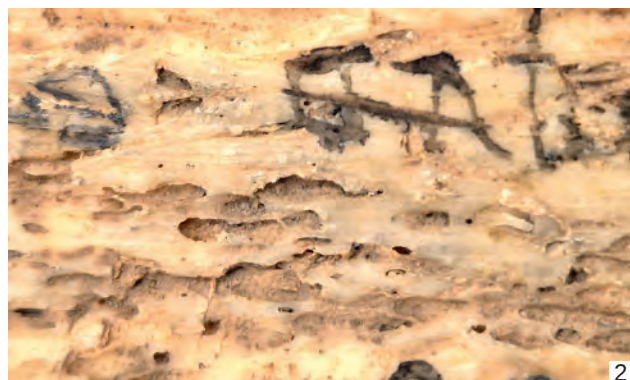
выявили, что пластины были сделаны не из слоновой кости, а из диафизов длинных костей домашних животных. В составе пластин присутствует значительное количество кальция, фосфора и стронция, на внутренней вогнутой части видны остатки губчатой массы кости (рис. 2, 2) и сквозные отверстия от кровеносных сосудов и нервов. Кроме того, ни на одной пластине не обнаружены линии Шрегера — следы дентинных канальцев, выглядящих как перекрестная штриховка на предметах из слоновой кости. Сами кости, предположительно, могли принадлежать крупным копытным, корове или лошади. Для обработки использовались фрагменты трубчатых костей, задних или передних метаподий, а также части бедренной или большой берцовой кости (табл.).

Традиция резьбы по кости в древней Передней Азии предполагала использование в качестве материала не только слоновой кости, но и костей крупного и мелкого рогатого скота: коров, коз и овец. В зависимости от региона могли использовать кости верблюдов, онагров и буйволов. Предметы из костей домашних животных не всегда представляли собой вещи бытового характера (инструменты для шитья и ткачества, повседневной гигиены, украшения для волос, рыболовные снасти и т. д.), но также могли относиться к вещам элитарного предназначения, для которых

³ Автор статьи выражает благодарность сотрудникам отдела научно-технической экспертизы и в частности заместителю заведующего отделом С. В. Хавринову за проведенные исследования и предоставленные фотографии (рис. 2), сделанные с помощью оптических микроскопов Leica M60 и Zeiss, Stemi 508.

1

2

3

Рис. 2. Макрофотографии пластин: 1 — S-318, сквозные следы от кровеносных сосудов или нервов; 2 — S-314, остатки губчатой массы кости на оборотной стороне; 3 — S-313, следы поздней краски на оборотной стороне

Fig. 2. Macro photographs of the plaques: 1 — S-318, through traces of blood vessels or nerves; 2 — S-314, remnants of trabecular bone on the reverse side; 3 — S-313, plaques with traces of later paint on the reverse side

эстетическая функция была определяющей. Например, на поселении Телль-Мардих (древняя Эбла) бронзового века найдены многочисленные резные предметы из костей домашнего скота, в том числе накладки, которые могли служить украшением мебели или же разнообразных ёмкостей для хранения; кость также использовалась для создания цилиндрических печатей (Peyronel, 2016).

Костяные накладки на мебель и предметы прикладного искусства из ассирийских дворцов в основном были сделаны из слоновой кости. Создавались эти предметы, как правило, в мастерских Сирии и Финикии или же ремесленниками и мастерами, вывезенными в Ассирию из тех мест. В I тыс. до н. э. слоновая кость для региона Восточного Средиземноморья была местным сырьем (Winter, 1981). В ахеменидском Иране предметы из слоновой кости, предположительно, имели то же происхождение, что и резные сокровища из царских дворцов Ассирии, — из Сирии (Южной и Северной), Финикии и Египта. Однако среди ахеменидских предметов роскоши есть многочисленные примеры, подтверждающие использование также костей домашнего рогатого скота, а не дорогостоящей слоновой кости, к примеру, для создания фигурных наконечников для ножен (Porada, 1965. P. 140, fig. 76).

Костяные изделия встречаются среди предметов элитарного назначения также в Месопотамии и Иране доахеменидского времени. Они, безусловно, не так многочисленны и разнообразны, как предметы из слоновой кости, однако их становится больше в I тыс. до н. э., предположительно из-за того, что импорт предметов из слоновой кости из Сирии постепенно сокращается, так как к VII в. до н. э. слоны, обитающие в Северной Сирии, преимущественно в долине р. Оронт, были окончательно истреблены, а мастерским нужны были время и ресурсы для того, чтобы перейти к работе с привезенной из Африки слоновой костью (Çakırlar, Ikram, 2016. P. 173; Collon, 1977. P. 220). Возможно, именно поэтому в слоях памятников среднего железного века чаще можно встретить предметы из кости среди отделки оружия, амуниции и конской упряжи.

Анализ пигмента

Рентгенофлюорисцентный анализ не выявил на предметах присутствия пигмента. Кость никогда не была раскрашена. Немногочисленные пятна поздней краски (рис. 2, 3) содержат хром с примесью свинцовых, баритовых и цинковых белил, которые стали использоваться не ранее середины XIX в. Видимо, они являются остатками

красок, которыми могли наноситься инвентарные номера во время камеральной обработки или уже в музее.

Отсутствие следов пигмента на пластинах стало большой неожиданностью. Обычно изделия из слоновой кости, равно как и предметы из костей домашних животных, окрашивали. Для предметов элитарного назначения, относящихся к древневосточной традиции, это правило действовало неукоснительно. Оно было обязательным не только для изделий из кости (слоновой или других животных), но, так или иначе, для всех высокохудожественных предметов прикладного искусства — из дерева, камня, глины и многих других материалов. В древности цвет был неотъемлемой частью смыслового наполнения любого предмета, созданного природой либо человеческими руками. Предметы из кости часто изображали мир во всем его природном и эстетическом многообразии: растительные орнаменты, животных и птиц, людей и божества. Кость разукрашивалась с использованием разнообразных техник. Существуют и письменные свидетельства, из которых можно почерпнуть подтверждение существования практики разукрашивания костяных изделий, некоторые из подобных текстов также содержат сведения о технологии раскраски кости. Безусловно, важнейшие источники были написаны на аккадском языке, некоторые — еще в середине II тыс. до н. э., когда аккадский был языком международного общения. Раскрашенная слоновая кость (*акк. šinni bašlu*) упоминается в амарнской переписке в перечне царских даров вавилонскому царю Бурнабуриашу от египетского фараона Аменхотепа IV (в дальнейшем ставшего Эхнатона) (*Moran, 1992. P. 34*).

Во многом из-за того, что подобные предметы изготавливались и импортировались в Месопотамию из Сирии и Египта, описание технологического процесса окрашивания кости в месопотамских текстах неизвестно, но сам термин *bašālu*, использовавшийся для описания процесса окрашивания такого рода органики, как кость (слоновая и домашних животных), вероятно, подразумевал сложный процесс, когда пигмент внедрялся с помощью растительных кислот типа фруктовых уксусов и нагрева, как это делалось с некоторыми шерстяными тканями (*Thavapalan, 2020. P. 47*).

Процесс «раскрашивания» кости также мог включать украшение предмета сусальным золо-

том, серебром и даже поталью, имитирующей драгоценные металлы. Для инкрустации могли использовать стеклянную пасту или натуральные камни. Обе эти техники — разукрашивания с помощью пигмента и декорирования металлами, камнями или пастой — могли встречаться на одном и том же предмете (*Moorey, 1994. P. 127*).

Заключение

Благодаря проведенной первоначальной экспертизе с помощью естественнонаучных методов мы получили интересные и весьма неожиданные результаты, которые указывают новые направления для будущего исследования набора костяных пластин.

Кость домашних животных, в отличие от слоновой, не кажется подходящим материалом для предметов высокой художественной ценности. Однако экспертиза показала, что для создания пластин использовались диафизы костей домашних животных, а археозоологи смогли уточнить, что материалом служили трубчатые кости крупных копытных животных, предположительно коровы и/или лошади.

На пластинах не выявлены следы пигмента. Однако коллеги из отдела научно-технической экспертизы Эрмитажа нашли на кости следы воскообразного вещества. Может ли это говорить об использовании метода инкрустации не в дополнение, а вместо окрашивания материала с помощью пигмента? Это предположение кажется маловероятным, так как остатки воскообразной субстанции были найдены преимущественно на оборотной стороне пластин, что скорее указывает на применение данного материала в качестве клея, возможно, чтобы прикрепить пластины к основе ритона (?). Следы «клея» также опровергают предположение о том, что неокрашенные предметы могли служить лишь заготовкой для будущего украшения ритона, а не являлись частью уже готового предмета, некогда оказавшегося в Ольвии.

Результаты, представленные в данной статье, должны лечь в основу более детального исследования набора ольвийских костяных пластин, которые, безусловно, заслуживают самого пристального внимания спустя долгие годы «музейного забвения».

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2026 г.

- Луконин, 1977 — Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Отчет ИАК за 1906 г., 1909 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1906 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909. 166 с.
- Çakırlar, Ikram, 2016 — Çakırlar C., Ikram S. When elephants battle, the grass suffers. Power, ivory and the Syrian elephant // *Levant*. 2016. Vol. 48 (2). P. 167–183.
- Collon, 1977 — Collon D. Ivory // *Iraq*. 1977. Vol. 39. P. 219–222.
- Moorey, 1994 — Moorey P. R. S. Ancient Mesopotamian Materials and Industries: The Archaeological Evidence. Oxford: Clarendon Press, 1994. 414 p.
- Moran, 1992 — Moran W. L. The Amarna Letters. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 393 p.
- Peyronel, 2016 — Peyronel L. Bone and ivory manufacturing at Ebla (Syria) during the Early and Middle Bronze Age (c. 2500–1600 BC) // *The Journal of the Council for British Research in the Levant*. 2016. Vol. 48. P. 184–196.
- Pharmakovsky, 1907 — Pharmakovsky B. Archäologische Funde im Jahre 1906. Südrussland // *Archäologischer Anzeiger*. 1907. S. 126–153.
- Porada, 1965 — Porada E. The Art of Ancient Iran: Pre-Islamic Cultures. New York: Crown Publishers, 1965. 279 p.
- Thavapalan, 2020 — Thavapalan S. The Meaning of Color in Ancient Mesopotamia. Leiden; Boston: Brill, 2020. 509 p.
- Winter, 1981 — Winter I. J. Is There a South Syrian Style of Ivory Carving in the Early First Millennium B. C.? // *Iraq*. 1981. Vol. 43, no. 2. P. 101–130.

The Hermitage Museum collection of ancient Iranian carved bone from B. V. Farmakovsky's Excavations in Olbia in 1906. Part 1. Technical characteristics

M. V. Sologubova⁴

Keywords: Olbia, carved bone, Parthian period, rhyton, Iranian art of the 2nd–3rd cent. AD, B. V. Farmakovsky

This article provides technical information on 14 bone plaques from B. V. Farmakovsky's collection, some of which he discovered in Olbia during excavational season of 1906. The objects were transferred to the Hermitage Museum in 1910. They are currently housed in the Oriental Department under the numbers S-316–S-326. A study of the plaques using scientific methods revealed that the objects were made from the bones of domestic animals. They show no traces of pigmentation, but do contain traces of a waxy substance that could have been used as an adhesive to attach the plates to the base.

⁴ Maria V. Sologubova — State Hermitage Museum, St. Petersburg; e-mail: sologubova@hermitage.ru.

Городища Европейского северо-востока XII–XIII вв. (к вопросу об атрибуции некоторых памятников)¹

М. В. Клёнов²

Аннотация. В статье кратко рассмотрена история изучения средневековой фортификации Европейского северо-востока. На основании анализа результатов раскопок городищ вымской культуры (XII–XIII вв.) высказано предположение, что часть памятников с визуальными признаками остатков оборонительных сооружений не относится к объектам фортификации.

Ключевые слова: археология, вымская археологическая культура, фортификация, городище, вал, ров

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-71-81

Введение

Первая половина II тыс. н. э. является одним из важнейших периодов в истории формирования народности коми-зырян³. Среди нескольких десятков археологических памятников эпохи средневековья, известных на территории Европейского северо-востока (далее ЕСВ), особое место занимают поселенческие памятники различного типа, в том числе и так называемые городища⁴. Большинство памятников этого типа

на ЕСВ характеризуется небольшими размерами, слабо выраженным культурным слоем (зачастую поврежденным или уничтоженным в ходе хозяйственной деятельности), плохой сохранностью остатков сооружений, невыразительным и плохо датируемым вещевым комплексом. Многие из них отнесены к типу укрепленных объектов лишь на основании внешних признаков, без проведения археологических исследований. Тем не менее актуальность их исследования заключается в возможности получения информации для реконструкции системы жизнеобеспечения⁵ древнего населения, важным элементом которой были различные постройки, обеспечивающие защиту человеческой деятельности (в том числе и различные типы фортификационных сооружений).

История изучения фортификационных сооружений ЕСВ

На территории ЕСВ в различных источниках (фольклорных, топонимических, письменных) упоминается более 30 объектов, определяемых

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Выявление, изучение и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины» (№ ГР 126021217116-6).

² Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар; e-mail: Klenov_mv@mail.ru.

© Клёнов М. В., 2026

³ В работах региональных исследователей соотносится с термином «пермь вычегодская», часто заменяется другими — пермь, вымская археологическая культура, вымская культура перми вычегодской.

⁴ «Городище — остаток крепостных сооружений принято именовать городищами... как эквивалент понятий „развалины“ или „следы“ укрепленных поселений. Городища отличаются наличием внешних атрибутов, отчетливо различимых на местности. Это эскарпы, рвы, валы, въездные проемы — следы защитных элементов крепостного комплекса» (Моргунов, 2009. С. 18). «Городища как объект, обладающий набором специфических признаков, прежде всего конструктив-

ных, могли иметь у разных народов существенные различия. В том числе различались типы применяемых фортификационных сооружений и методы их сооружения» (Коваль, 2018. С. 181).

⁵ Комплекс (система) мероприятий (социально-экономических, хозяйственно-бытовых), направленных на устранение негативных воздействий окружающей среды на жизнедеятельность населения и обеспечение его благополучия.

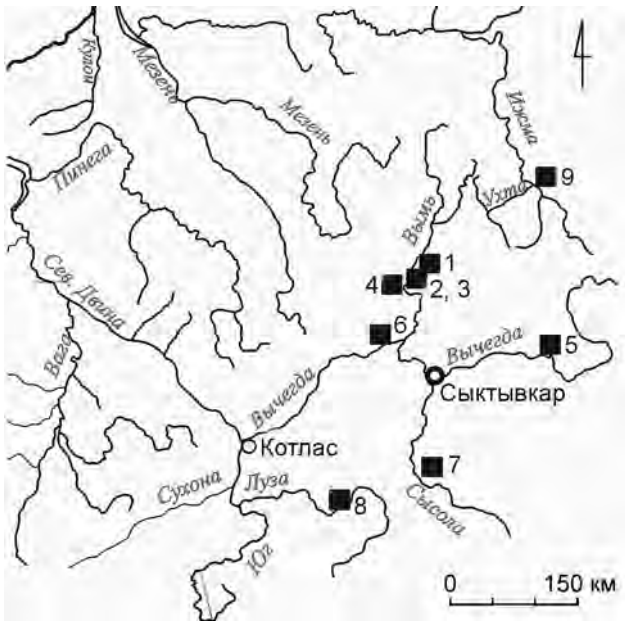

Рис. 1. Городища XII — начала XIV в. на Европейском северо-востоке. План-схема расположения памятников: 1 — Пожегское; 2 — Поп-кар; 3 — Важкар; 4 — Карувшорское; 5 — Новик; 6 — Карыбыйв; 7 — Гуль-чунь (посел.); 8 — Лоемское (посел.); 9 — Понъювом

Fig. 1. Hillforts of the 12th — early 14th cent. in the European North-East. Plan-scheme of the location of archaeological sites: 1 — Pozhega; 2 — Pop-kar; 3 — Vazhkar; 4 — Karuvshor; 5 — Novik; 6 — Karybyyv; 7 — Gul-chun (settlement); 8 — Loemskoe (settlement); 9 — Ponyuvom

как городища⁶ («кары», «чудские городища», «городки»). Многочисленные топонимы с упоминанием слова «городище» до настоящего времени сохраняют широкое распространение, хотя, как показали археологические исследования, далеко не все из них относятся к остаткам укрепленных поселений. До середины 1980-х гг. археологические исследования этих объектов проводились эпизодически и как правило сводились к визуальному обследованию (иногда с шурфовкой) или ограниченному раскопкам (Сидоров, 1924; Лашук, Жеребцов, 2021а; 2021б).

Целенаправленное изучение средневековых поселений и городищ ЕСВ, начавшееся с конца 1980-х гг., позволило существенно пополнить информационную базу по вопросам оборонительного зодчества. В настоящее время на территории

⁶ В данном случае под термином «городище» понимается объект, имеющий внешние признаки, которые без проведения археологических раскопок были определены исследователями как остатки фортификационных сооружений.

Республики Коми установлено местоположение 20 объектов, относимых исследователями к объектам фортификации и датируемых XII — началом XVII в. Большинство памятников исследовалось археологами, коллекции полученных материалов частично опубликованы, накоплен некоторый материал по отдельным вопросам фортификации на ЕСВ (Савельева, Клёнов, 1997; Чеснокова и др., 1998; Игушев и др., 2000; Клёнов, Игушев, 2005; Клёнов, 2007; Королёв, 2013; Археологическая карта..., 2014; Мурыгин, Клёнов, 2015; Лашук, Жеребцов, 2021б). К сожалению, в силу ряда причин (объективных и субъективных) качественно сдвига в изучении вопроса пока не произошло⁷. Соответственно практически нет специальных работ, рассматривающих вопросы средневековой фортификации, как отдельных памятников, так и региона в целом⁸.

Особо следует отметить ситуацию, которая сложилась с памятниками XII — начала XIV в. К интересующему нас периоду относятся девять объектов, которые первоначально определялись как городища вымской археологической культуры (рис. 1). Наличие остатков фортификационных сооружений или их следов (рвов, валов) археологически зафиксировано на четырех памятниках (Пожегском, Карыбыйвском, Новик, Понъювом) (Плюснин, Волокитин, 1990; Савельева, Клёнов, 1992; Клёнов, 2007; Королёв, 2013). Наиболее исследованным объектом является Пожегское городище — небольшое хорошо укрепленное древнерусское поселение, основанное в долине р. Вымь как форпост на пути в Зауралье⁹ (Клёнов, 2024).

Три памятника (Поп-кар, Важкар, Карувшор) имеют внешние признаки, аналогичные следам фортификации (визуально фиксируемые элементы

⁷ Недостатки в изучении городищ как объектов фортификации объясняются отсутствием необходимого количества квалифицированных работников, большим объемом работ и недостатками применяемых методик. Одна из методических ошибок — исследование оборонительных сооружений траншеями, что серьезно ограничивает возможность их реконструкции.

⁸ Исключение составляют две небольшие работы: по осадным городкам XV–XVII вв. (Игушев и др., 2000) и оборонительным сооружениям Пожегского городища (Клёнов, 2024).

⁹ На памятнике изучены остатки построек трех строительных этапов (XII, XIII и XIV вв.), выявлена система дерево-земляных фортификационных сооружений, характерная для небольших крепостей средневековой Руси (рвы, срубные стены, насыпи). Наибольшего расцвета оно достигло в первой половине XIII в.

ландшафта, которые исследователи идентифицируют с остатками оборонительных сооружений), но археологические раскопки на них не производились. Подъемный материал имеется только с городища Поп-кар (Сидоров, 1924. С. 54–60; Памятники..., 1990. С. 18, 26, 33; Клёнов, 2018. С. 140, 141). Два памятника (Гуль-чунь, Лоемское поселение) по результатам археологических исследований определяются как поселения без признаков строительства оборонительных сооружений (Савельева, Клёнов, 1997. С. 141; Клёнов, Игушев, 2005. С. 84).

Конструктивные особенности фортификации городищ ЕСВ XII — начала XIV в.

В настоящее время в результате накопления данных по фортификационному строительству эпохи средневековья Восточной Европы и Западной Сибири возникла необходимость внести ряд уточнений в сложившуюся систему представлений о характере оборонительных сооружений ряда памятников ЕСВ. В статье предпринята попытка анализа имеющейся информации по фортификационным сооружениям трех¹⁰ археологических объектов, относимых исследователями к типу «городище» (Карыбйвское, Новик, Понъювом). Местоположение памятников установлено, они частично исследовались, но не решена проблема их атрибуции (прежде всего типологизации объекта, определения хронологии и культурной принадлежности).

В работе использовались опубликованные по теме данные и полевые отчеты (Архив Коми НЦ УрО РАН)¹¹. При изучении материалов особое внимание уделялось топографии и планиграфии памятников, выявлению остатков (или их следов) оборонительных линий и сооружений. Порядок рассмотрения памятников определялся степенью их изученности. При описании элементов оборонительных сооружений использовалась общепринятая терминология (Губайдуллин, 2006; Носов, 2013).

¹⁰ Четыре памятника в статье не рассматриваются. Результаты анализа остатков фортификационных сооружений Пожеского городища опубликованы (Клёнов, 2024). По Важкарскому городищу известно только его местоположение (с. Онежье) (Сидоров, 1924. С. 60), в настоящее время полностью занято действующим кладбищем. Местоположение городищ Поп-кар и Карувшор известно, но археологические исследования на них не проводились.

¹¹ Также учтены устные сообщения С. М. Плюснина по раскопкам городища Понъювом.

Городище Новик

(Корткеросский район, Республика Коми)

XII–XIII вв. Вымская археологическая культура. Правый берег р. Вычегды, левый берег р. Новик, 2,7 км от дер. Новик (рис. 1; 2, А). Открыто К. С. Королёвым в 1999 г., исследовалось в 2000–2004 гг. Общая площадь раскопов 288 кв. м (рис. 2, Б).

Памятник расположен на мысу 1-й надпойменной террасы Вычегды; состоит из двух площадок, разделенных оврагом¹²; высота над поймой — до 4,5 м; окружен болотистой низиной. В тыловой части мыса прослеживается грунтовая выемка (заплавившая канавка дуговидной формы). Поверхность площадок неровная, нарушена грабительскими ямами, в южной части площадки 1 визуально выделяется возвышение диаметром 8 м и высотой около 1 м¹³ (рис. 2, А, В).

Культурные остатки зафиксированы только при раскопках на площадке 1 (площадь раскопа 216 кв. м). Коллекция инвентаря бедна и невыразительна: фрагменты не более 3–5 круговых и лепных керамических сосудов, топор, обломок ножа, скобы (2 экз.), бусина, глиняные грузила для сетей (3 экз.), оселок, обломок льячки (?), кости животных и рыб (290 ед.) (Королёв, 2013. С. 27–30, рис. 85; 86). Керамическая коллекция представлена в основном фрагментами древнерусской круговой посуды и небольшим количеством лепной керамики, которую весьма условно можно отнести к вымской посуде¹⁴ (Королёв, 2008. Рис. 7).

Площадь распространения находок не превышает 120 кв. м, что соответствует размерам участка, пригодного для строительства жилых и хозяйственных объектов (Там же. С. 127, 128). На площадке 2 (площадь раскопа 72 кв. м) и за ее пределами находки отсутствуют. К. С. Королёв предполагал, что этот участок не являлся «местом постоянного обитания». Малая площадь памятника и незначительное количество находок, по его мнению, указывали на то, что городище являлось «временным убежищем или потаенной сторожевой заставой на восточных рубежах перми вычегодской» на водном пути по Вычегде (Королёв, 2013. С. 30).

¹² Размеры площадок: 1 — 26,0 × 10,0 м; 2 — 14,0 × 10,0 м. Размеры оврага 15,0 × 3,0 (4,0) м при глубине 2,0 м, выемки — 8,0 × 2,5 м при глубине 0,7 м.

¹³ К. С. Королёв предполагал, что это насыпь вала с разрушенной верхушкой (реконструировал насыпь высотой до 1,5 м).

¹⁴ Таким образом, принадлежность памятника к вымской археологической культуре на основании имеющихся материалов сомнительна.

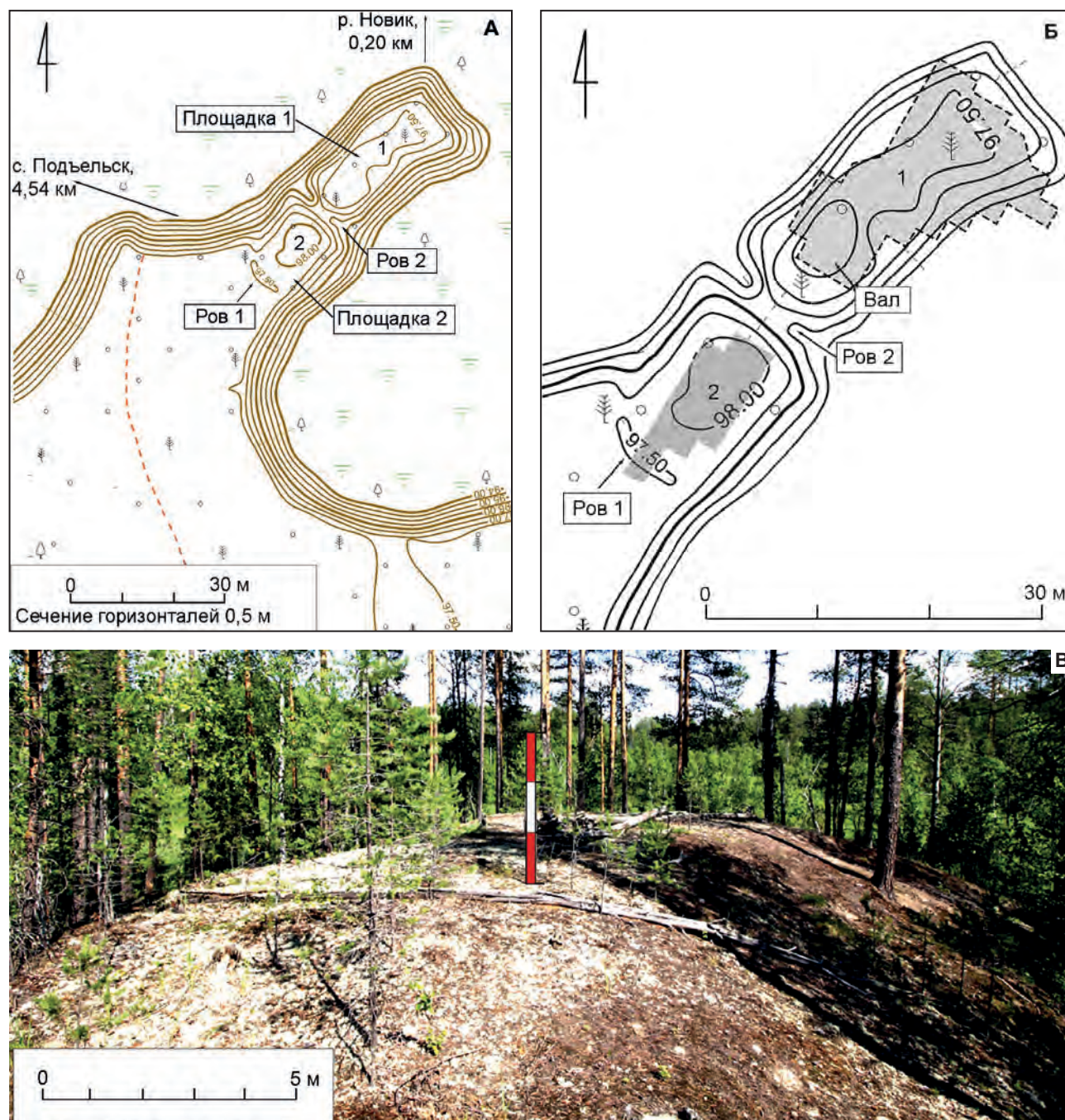

Рис. 2. Городище Новик: А — план-схема памятника; Б — план-схема раскопок 1, 2; В — площадка 1, вид с юга
 Fig. 2. Novik hillfort: А — plan-scheme of the monument; Б — excavation plan 1, 2; В — sector 1, view from the south

Фортификация городища Новик. К остаткам фортификационных сооружений К. С. Королёв относил грунтовую выемку (ров 1), овраг (ров 2) и возвышенность (вал) (рис. 2, А, Б). Следы деревянных оборонительных конструкций в ходе раскопок не зафиксированы.

Грунтовые выемки. Выемка в северной части мыса (ров 1) не перерезает площадку полностью (по краям сохранились проходы шириной не ме-

нее 2 м каждый) (рис. 2, А, Б). Следы выкида грунта не фиксируются (мог сбрасываться на склон или рассеивался по поверхности). Ширина выемки на уровне дневной поверхности — до 2,5 м, глубина — до 0,7 м. В поперечном сечении представляет собой почти симметрично вогнутую линзу. Стратиграфия заполнения однородная, следов делювиальных процессов не прослеживается. Выемка пререзает слой светло-коричневого

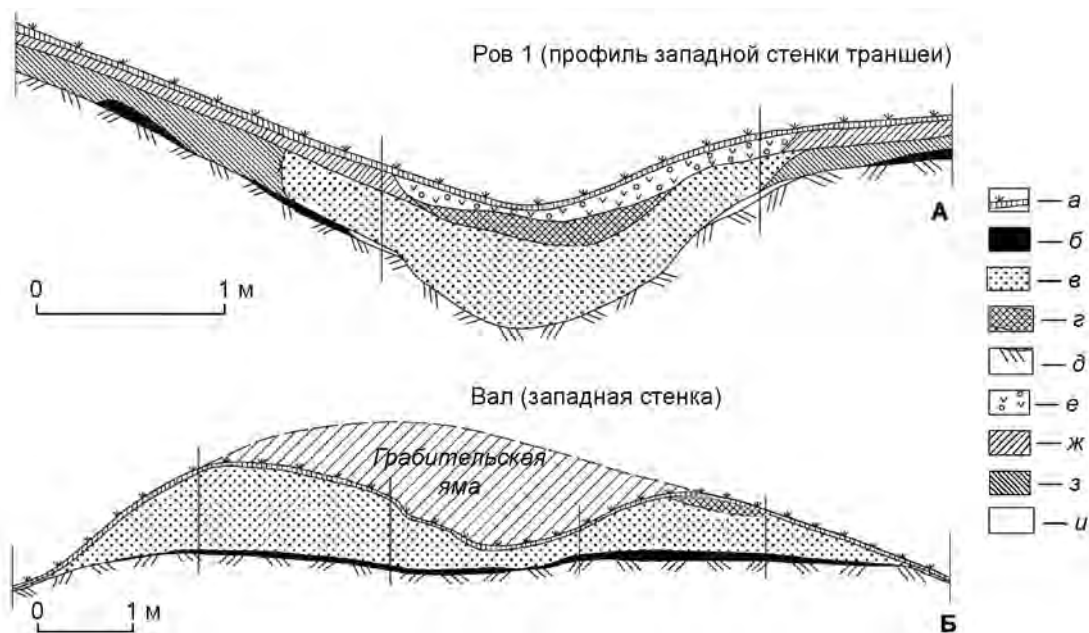

Рис. 3. Городище Новик: А — площадка 2, разрез рва; Б — площадка 1, разрез вала (а — дерн; б — глина; в — смешанный песок; г — углистый песок; д — белый песок (материк); е — коричневый углистый песок; ж — серовато-бурый песок; з — светло-коричневый песок; и — подзол)

Fig. 3. Novik hillfort: A — sector 2, moat section; Б — sector 1, rampart section (a — turf; б — clay; в — gray mixed sand; г — carbonaceous sand; д — white sand (mainland); е — brown carbonaceous sand; ж — grayish-brown sand; з — light brown sand; и — podzol)

[Королёв, 2008. Рис. 3, 5]

песка, погребенный подзол перекрывается подзолистым слоем с затеком углистого песка (следы природного пожара) и лесной подстилкой (рис. 3, А).

Если рассматривать выемку как элемент фортификации (ров 1), то следует отметить, что ров подобных размеров, не имеющий дополнительных элементов защиты, не являлся серьезным оборонительным сооружением. Подобную точку зрения о фортификационной значимости малых рвов высказывали в разное время Ф. Ф. Ласковский, Ю. Ю. Моргунов, В. В. Енуков (Енуков, 2005. С. 82; Ласковский, 1858. С. 76; Моргунов, 2005. С. 26, 36, 53)¹⁵. Мощность укреплений оценивалась суммарной вертикальной высотой защитных сооружений (Моргунов, 2009. С. 31). Поэтому для

¹⁵ «Ограда с невысоким валом и неглубоким рвом не могла служить для защиты от военных набегов, скорее, она препятствовала проникновению диких животных» (Енуков, 2005. С. 82). Ф. Ф. Ласковский отмечал, что острожный вал высотой 2,5 м не был существенной преградой для атакующих (Ласковский, 1858. С. 68, 76, 140). «Вряд ли существенной преградой была выемка шириной по верху 2,1 м и глубиной всего 1 м...» (Моргунов, 2005. С. 29, 37, 53).

повышения уровня защищенности «безвальные» рвы дополнялись наземными защитными сооружениями (Там же. С. 38). В рассматриваемом случае никаких остатков дополнительных сооружений не выявлено. Автор полагает, что в настоящее время недостаточно данных для определения типа рассматриваемого объекта и его принадлежности к археологическому объекту «Городище Новик». В качестве гипотезы, основываясь на отсутствии культурных остатков в заполнении выемки и на раскопе 2, а также на стратиграфическом разрезе объекта, можно предположить, что грунтовая выемка имеет более позднее происхождение (так же, как и пять «грабительских» ям).

Второй объект — это овраг (рис. 2, А, Б), который, по мнению К. С. Королёва, являлся источником получения материала для сооружения насыпи в южной части площадки 1 (то есть фактически это ров 2)¹⁶ (Королёв, 2008. С. 126, 128). Объект не исследовался, что не дает основания рассматривать его как рукотворное сооружение, связанное

¹⁶ «Первоначально грунтовые выемки служили карьерами для получения материкового сырья, необходимого для возведения укреплений...» (Моргунов, 2005. С. 39).

с фортификацией. Изучение топографии участка позволяет предполагать, что это может быть задернованная промоина, образовавшаяся под воздействием природных факторов.

Насыпные сооружения. Холмообразное возвышение в южной части площадки 1 определялось К. С. Королёвым как остатки защитного сооружения — вала. Возвышенность имеет в плане округлую форму диаметром 8 м, что не соответствует форме разрушающихся оборонительных валов (даже из песчаных грунтов). Скорее этот объект можно было бы назвать курганом. Стратиграфический разрез, опубликованный автором раскопок (рис. 3, Б), показывает однородность структуры этой «насыпи», что нехарактерно для насыпных сооружений, где как правило прослеживается слоистость и разнородность грунтов, а также эффект «обратной стратиграфии» (Моргунов, 2005. С. 47). Не фиксируется слой погребенного подзола (древняя дневная поверхность), на котором мог возводиться объект¹⁷. В «насыпи» отсутствуют остатки или следы деревянных оборонительных конструкций, каковыми в условиях песчанистого характера почвы могли бы быть полосы тлена, углистые прослойки с распылчатыми границами, столбовые ямки, канавки, фрагменты венцов срубных стен или остатки столбовых конструкций. Трудно предположить, что остатки конструкций, которые смогли зафиксировать на площадке, не смогли бы заметить при исследовании «вала». Таким образом, явные доказательства искусственного происхождения «объекта фортификации» отсутствуют¹⁸.

Учитывая незначительную площадь памятника (площадь распространения культурных остатков не более 120 кв. м), отсутствие следов деревянных фортификационных сооружений, минимальное количество и состав культурных остатков¹⁹, можно предположить, что памятник

¹⁷ Предполагать, что автор раскопок, исследователь с 30-летним стажем, не мог увидеть и зафиксировать «слоистость» насыпи можно, но маловероятно. Цветовая и структурная однородность насыпи могла быть получена только при вскрытии однородного пласта почвы на большой площади. Тогда, учитывая мощность слоев почвы на севере, получился бы не ров, а полигон.

¹⁸ Вероятнее всего, это форма рельефа в виде небольшой естественной возвышенности округлой формы и относительной высотой до 1 м.

¹⁹ Отсутствие определимых остатков построек жилого и хозяйственного назначения (прежде всего печей, хозяйственных и подпечных ям), крайне огра-

«Городище Новик» является остатками небольшого однодворного поселения, просуществовавшего, судя по ограниченному набору инвентаря и малому количеству остатков жизнедеятельности, незначительное время. Конструктивно оно может быть близко древнерусским жилым постройкам XII–XIII вв. или сибирским зимовьям XVI–XVII вв. (Засурцев, 1963. С. 57, 59–62; Кочеданов, 1978. С. 35, 36; Фараджеева, 2007. С. 119–123). Классифицировать Новик как фортификационный объект не представляется возможным. Вероятнее всего, К. С. Королёв ошибочно принял участок мыса с элементами ландшафта, визуально похожими на остатки оборонительных сооружений (вал и ров), за небольшое городище.

Карыййивское городище (Усть-Вымский район, Республика Коми)

XII в. Правый берег р. Вычегды, 0,9 км от дер. Арабач (рис. 1). Городище открыто А. Н. Гренном в 1924 г., исследовалось А. П. Смирновым (1925), Г. М. Буровым (1959), М. В. Клёновым (1998, 2004, 2007).

Памятник занимает мысовидный участок коренной террасы, образованный логами и крутым склоном террасы, ширина поймы около 200 м. Высота террасы около 30 м, склоны крутые (до 50°). Площадка памятника шириной до 35 м, длиной до 85 м. Поверхность неровная, с наклоном к северу и северо-западу, перепад высот между северным и южным краями до 2 м. Высота площадки над дном логов не менее 8 м. У подножия склона северного участка городища²⁰ фиксируется небольшой уступ (шириной до 5 м), на котором вдоль подошвы склона визуальнo фиксируется заплывшая выемка (длиной до 22 м). Общая площадь памятника — около 1200 кв. м, площадь раскопок — более 300 кв. м (рис. 4, А).

В ходе раскопок изучено не менее 25 объектов (развалы печей, очаги, ямы различного назначения). Коллекция вещевого инвентаря представлена боевым и промысловым оружием (наконечниками стрел, остройгой), орудиями труда (лемехом, пружинными ножницами, долотом), бытовыми предметами (ножами, шилом, ложкарем, кресалом, бритвой, замками, ключом, пряслицами,

ниченный набор наиболее распространенных предметов вещевого инвентаря или их отсутствие (украшения, промысловое оружие, инструменты, ножи, пряслица и т. д.), отсутствие следов производственной деятельности.

²⁰ Высота склона в данном месте около 3,5 м, угол откоса 30–35°.

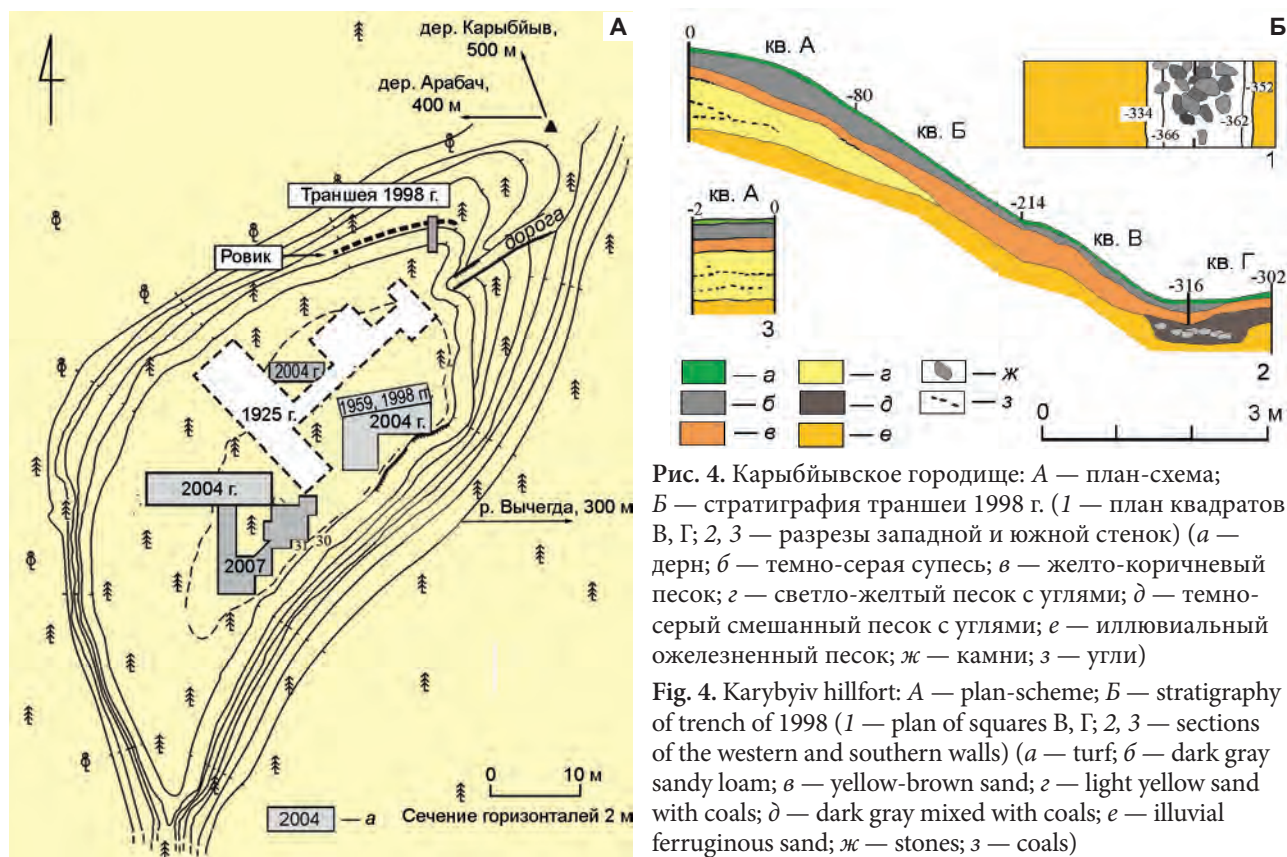

Рис. 4. Карыбйивское городище: А — план-схема; Б — стратиграфия траншеи 1998 г. (1 — план квадратов В, Г; 2, 3 — разрезы западной и южной стенок) (а — дерн; б — темно-серая супесь; в — желто-коричневый песок; г — светло-желтый песок с углями; д — темно-серый смешанный песок с углями; е — иллювиальный ожеженный песок; ж — камни; з — угли)

гребнем и т. д.), украшениями, фрагментами керамических сосудов (круговых и лепных), предметом христианского культа (нательным крестом), остатками производственной деятельности (фрагментами домницы, шлаками). Полученные материалы, прежде всего керамика, подтверждают предположение о том, что Карыбйивское городище относится к кругу памятников, связанных с русской колонизацией Европейского Севера (Клёнов, 2007. С. 147).

Фортификация городища Карыбйив. Памятник с момента его открытия определяется как мысовое городище²¹. Следы фортификационных сооружений, за исключением выемки у подножия северного склона памятника, визуально не фиксируются. Для выявления остатков оборонительной системы с северной стороны площадки по склону была заложена разведочная траншея (1998). Раскопки подтвердили наличие искусственной выемки вдоль подошвы склона (шириной в верхней части около 1,3 м, в придонной — 1,0 м, глубиной не более 0,4 м) (рис. 4, Б). Профиль — под-

трапиевидный, заполнение — темно-серый смешанный с углями песок с включением скопления крупных камней²². Данный объект, вероятнее всего, являлся элементом оборонительных конструкций городища. Аналогичный фортификационный прием зафиксирован при исследовании Пожеского городища (Клёнов, 2024. С. 144). На краю площадки и вниз по склону (кв. А) прослежены углистые прослойки от сгоревшей деревянной конструкции (городни с забутовкой?) (рис. 4, Б).

Археологические исследования с целью выявления оборонительных сооружений после 1998 г. не проводились. Раскопки, затронувшие прилегающие участки площадки²³, не выявили очевидных признаков фортификационных сооружений

²² Заполнение сформировалось в результате разрушения построек по краю площадки городища.

²³ В 1924 и 1925 гг. на западной и северо-западной частях площадки вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек. В 2004 и 2007 гг. в юго-восточной части на участке протяженностью около 40 м было выявлено семь ям (из которых четыре, судя по составу находок, относятся к остаткам жилых построек (избы или жилой клетки)).

²¹ «Чюдцкое городище» у дер. Новоселец (сотная с писцовой книги на город Яренск с уездом 1585/1586 г.) (Мацук, 2021. С. 115).

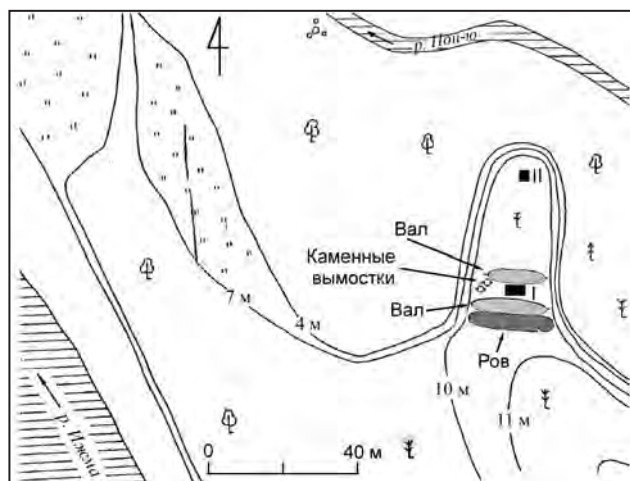

Рис. 5. Городище Понъювом. Ситуационный план памятника, 1989 г.

Fig. 5. Ponyuvom hillfort. Site plan of the monument, 1989 [Волокитин, 1990. Рис. 63]

(рвов, валов, срубных стен), подобных исследованным на Пожегском городище (Клёнов, 2024. Рис. 1, В; 2). Однако топографические особенности памятника и результаты археологических исследований (остатки сооружений, состав коллекции вещевого инвентаря) позволяют относить поселение к объектам с комбинированной фортификацией (сочетанием элементов природной и инженерной защиты). Городище располагалось на мысу 30-метровой террасы и было ограничено крутыми склонами. Основная оборонительная линия, учитывая малые размеры площадки и ее конфигурацию (ширину, форму, перепад высот), могла состоять из срубов, которые использовались как жилые и хозяйственные помещения, что подтверждается находками на прикраевых участках площадки развалов печей, хозяйственных и подпечных ям, бытовых вещей, кухонных и производственных отходов. Срубы могли образовывать сплошную стену, или, что наиболее вероятно, отдельные постройки связывались между собой врубкой продольных бревен, образующих стену (Носов, 2013. С. 37). Типологически городище близко к древнерусским поселениям «замкового» типа (Седов, 1960. С. 123). Вероятнее всего, оно являлось не только центром сельской округи, но и контролировало участок водного пути, по которому могла осуществляться связь с Вымью, Сысолой и Верхней Вычегдой.

Городище Понъювом

(Сосногорский район, Республика Коми)

XI–XIV вв. Правый берег р. Ижмы и левый берег р. Понъю, в 2,8 км от с. Усть-Ухта (рис. 1).

Предположительно относится к вымской археологической культуре. Открыто С. М. Плюсниным в 1989 г., исследовалось А. В. Волокитиным и С. М. Плюсниным. Результаты раскопок С. М. Плюснина в 1989 г. опубликованы только тезисно (Плюснин, Волокитин, 1990. С. 11, 12), полевая документация по раскопкам 1994 г. утрачена, поэтому в статье дается общая характеристика объекта.

Памятник занимает мысовидный участок 10-метровой надпойменной террасы. Площадка неправильной подтрапециевидной формы, длиной до 38 м, шириной 8–20 м, общая площадь — около 540 кв. м (рис. 5). Поверхность площадки неровная, понижается к северу; борта террасы крутые. В южной тыловой части мыса фиксируется выемка, отсекающая площадку, и два валообразных возвышения. Размеры выемки — примерно 25 × 3 м при глубине 1 м. Возвышения длиной 15–20 м, ширина в основании — 4 м, высота — 1 м²⁴. Расстояние между возвышениями составляет около 4 м, на этом участке фиксировались остатки двух очагов, сложенных из валунов²⁵.

Между валообразными возвышениями шурфом (8 кв. м) изучена часть участка жилой постройки с небольшим кострищем (печью-каменкой?), фрагментами горелых плах и следами столбовой конструкции для поддержки кровли (Волокитин, 1990. С. 13). На северной оконечности мыса выявлено кострище размерами 1,0 × 1,2 м. Комплекс вещевых находок на памятнике включает: железную иглу, обломки и обрезки бронзовых пластинок (фрагменты котелка), мелкие фрагменты лепных сосудов и льячки, кусочки глиняной обмазки (печина?), отходы плавки железа (шлаки).

Рассмотрев сохранившиеся материалы, можно предположить, что отнесение памятника к вымской культуре преждевременно. Коллекция археологических материалов крайне незначительна и представлена в основном сильно фрагментированной лепной посудой (сосудами малых или миниатюрных размеров), не имеющей характерной для вымской керамики орнаментации (различных вариантов и комбинаций отпечатков зубчатого штампа, полого чекана, налепов)²⁶.

²⁴ Длина внешнего «вала» — до 20 м, внутреннего — до 15 м.

²⁵ По словам С. М. Плюснина, одна печь была сложена из крупных камней.

²⁶ Сохранился один фрагмент с отпечатком зубчатого штампа. Еще один фрагмент носит следы расчесов на внешней поверхности, что нехарактерно для вымской керамики.

Фортификация городища Понъювом. По мнению исследователей городище на р. Понъю — это небольшое временное укрепленное поселение, контролировавшее устье р. Ухты²⁷. К остаткам фортификационных сооружений относят комплекс из грунтовой выемки (канавки), насыпи и остатков постройки. Зафиксированный комплекс объектов определялся как части укрепленного срубного жилища. Постройка располагалась поперек мыса, продольные стены сооружения были усилены земляной обсыпкой, кровля могла использоваться как площадка для обзора и обороны (Плюснин, Волокитин, 1990. С. 11, 12).

Исходя из предложенной авторами реконструкции, постройка должна была иметь значительные размеры (скорее всего 100–140 кв. м). Вход мог располагаться ближе к северо-западному углу или с западной стороны (северная подсыпка короче южной); внутри сооружения находилось не менее двух очагов, сложенных из крупных камней. Строительство подобного сооружения требовало значительных ресурсов (материальных и физических). Следует отметить, что постройки подобного типа неизвестны на территории ЕСВ. Описание, имеющееся в нашем распоряжении, напоминает жилища эпохи викингов²⁸ или оборонительно-жилищные комплексы (ОЖК) населения Севера Западной Сибири XIII–XIV вв. (Волковицкий, Селин, 2012. С. 178–182; Липс, Кардаш, 2018. С. 174). Археологические раскопки подобных памятников позволяют предполагать, что валы на Понъюваме — это остатки грунтовой подсыпки наружных стен или заполнения межстенных пустот, а грунтовые выемки — место получения материкового сырья, необходимого

для этих работ. Следовательно, скорее всего, здесь имеют место остатки конструкции жилой постройки, а не элементы фортификационного сооружения. Таким образом, в настоящее время нет оснований для определения данного памятника как городища (остатков укрепленного поселения, крепости) и отнесения его к вымской археологической культуре.

Заключение

Появление в начале II тыс. на территории ЕСВ укрепленных поселений связывается исследователями, как правило, с процессом древнерусской колонизации (Савельева, 1993. С. 138). Согласно сложившейся историографической традиции, считается, что городища Новик и Понъювом были построены для контроля участков водных путей в Зауралье. Городище на р. Понъю контролировало устье Ухты, выход на Ижму и Печору (Плюснин, Волокитин, 1990. С. 12). Новик являлся «временным убежищем или потаенной сторожевой заставой на <...> водном пути <...> связывавшем Северную Русь с Припечорьем и Зауральем²⁹» (Королёв, 2013. С. 30). Однако, как уже указывалось, оборонительный потенциал³⁰ этих объектов по имеющимся в нашем распоряжении результатам раскопок ничтожен. Они имеют небольшую площадь и, следовательно, не могли располагать достаточным людским ресурсом. На них не выявлены следы сооружений, которые могли бы быть признаны остатками фортификации, входившей в состав поселенческого комплекса. Коллекции вещевого инвентаря бедны количественно и типологически, что подтверждает малочисленность обитателей и кратковременность обитания. Эти памятники, вероятнее всего, могут быть остатками небольших временных (сезонных) поселений или другими объектами, не имеющими фортификационного назначения. Говорить об этнокультурной принадлежности этих памятников, особенно Понъювома, преждевременно³¹.

Из трех рассмотренных в статье археологических памятников только Карыйбывское городище

²⁷ Участок водно-волокового пути из Выми в Печору.

²⁸ Среди жилищ викингов конца I — начала II тыс. наибольшее сходство наблюдается с северными вариантами жилищ (исландскими и на о-ве Ньюфаундленд). В качестве примера можно рассматривать историко-археологический памятник Л'Ансе-о-Медоуз на Большом Северном полуострове о-ва Ньюфаундленд, датированный началом XI в. (Blumenthal R. View From Space Hints at a New Viking Site in North America. March 31, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/04/01/science/vikings-archaeology-north-america-newfoundland.html?smid=fb-nytimes&smtype=cur&r=0>). Некоторое сходство (в планировке и конструкции очага) прослеживается с постройкой, исследованной А. Н. Кирпичниковым в Старой Ладогге (горизонт Д). Она имела размеры 10 × 17 м, была ориентирована по линии восток–запад, в центре располагался очаг прямоугольной формы из крупных плит (Волковицкий, Селин, 2009. С. 178–182).

²⁹ Совершенно непонятно, кого в этих местах могли «тайно сторожить». Скорее всего, это было временное становище по пути на Каму и Иртыш. Находка русской круговой керамики указывает, что Новик связан с кругом памятников древнерусской колонизации ЕСВ.

³⁰ Прежде всего это совокупность людских и материальных ресурсов.

³¹ На территории ЕСВ памятников типа Понъювом пока не обнаружено. Он, бесспорно, нуждается в дальнейшем изучении.

может быть отнесено к кругу поселений, обладающих системой фортификации. Этот памятник, бесспорно, связан с проникновением групп древнерусского населения на основные водные пути региона (Вычегду, Вымь, Сысолу, Лузу). Городище возведено с учетом естественно-ландшафтных условий территории, топографически доминирует на данном участке речной долины, на его площади имеются следы искусственных грунтовых сооружений (рва) и остатки построек по краям площадки (очевидно, входивших в состав оборонительной линии). Косвенными

признаками особой роли поселения могут считаться следы интенсивной жизнедеятельности его обитателей: значительная коллекция вещевого инвентаря³², бытовых и производственных отходов.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2026 г.

³² В том числе оружие (наконечники стрел), культовые предметы (нательный крест), «статусные бытовые предметы» (шиферное пряслице, бритва, резные костяные изделия).

Археологическая карта..., 2014 — Археологическая карта Республики Коми: научно-справочное издание / Отв. ред. В. Н. Карманов. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. 399 с.

Волковицкий, Селин, 2012 — Волковицкий А. И., Селин А. А. Большие дома Старой Ладogi. Предварительные наблюдения // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 172–187.

Волокитин, 1990 — Волокитин А. В. Отчет о полевых исследованиях 2-го Вычегодского археологического отряда в 1989 г. // Архив Коми научного центра Уральского отд. (НЦ УрО) РАН. 1990. Ф. 5. Оп. 2. Д. 420. 72 л.

Губайдуллин, 2006 — Губайдуллин А. М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2006. 144 с.

Енуков, 2005 — Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Засурцев, 1963 — Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV: Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 123). С. 5–165.

Игушев и др., 2000 — Игушев А. Р., Клёнов М. В., Савельева А. Э. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2000 (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН; Вып. 423). 28 с.

Клёнов, 2007 — Клёнов М. В. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока. Новые материалы раскопок // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы Всерос. конф. / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Полиграф-Сервис, 2007. С. 145–152.

Клёнов, 2018 — Клёнов М. В. Археологические памятники Европейского Северо-Востока. Эпоха средневековья (Неопубликованные материалы исследований ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы / Отв. ред. И. О. Васкул. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2018 (Материалы по археологии Европейского северо-востока (МАЕСВ); Вып. 20). С. 134–144.

Клёнов, 2024 — Клёнов М. В. Укрепленные поселения XII–XIV вв. на Европейском северо-востоке. Пожеегское городище (опыт реконструкции) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 141–153. DOI 10.24852/ра2024.2.48.141.153

Клёнов, Игушев, 2005 — Клёнов М. В., Игушев А. Р. Поселение Гуль-Чунь // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского северо-востока / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2005 (МАЕСВ; Вып. 17). С. 78–90.

Коваль, 2018 — Коваль В. Ю. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X–XV вв.) // Болгар: сохранение и изучение (к 80-летию Болгарской археологической экспедиции). Археология средневековых городских центров Евразии: Материалы Междунар. конф. / Отв. ред. С. Г. Бочаров. Казань, 2018 (Археология евразийских степей; № 5). С. 181–184.

Королёв, 2008 — Королёв К. С. Городище Новик XII–XIV вв. на средней Вычегде (Республика Коми) // РА. 2008. № 3. С. 125–132.

Королёв, 2013 — Королёв К. С. Предки коми-зырян на средней Вычегде (XI–XIV вв.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2013. 92 с.

Кочедамов, 1978 — Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 443 с.

Ласковский, 1858 — Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I: Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1858. 972 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7859/453853/> (дата обращения: 16.06.2023).

Лашук, Жеребцов, 2021a — Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Материалы к этнической истории // Историческая демография. 2021. № 1 (27). С. 57–74.

Лашук, Жеребцов, 2021b — Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к средневековой истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 г.) // Известия Коми

- научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2021. № 4 (50). С. 94–97.
- Липс, Кардаш, 2018 — Липс С. А., Кардаш О. В. Архитектура оборонительно-жилых комплексов аборигенов Севера Западной Сибири VIII века до нашей эры — XVIII века нашей эры // Баландинские чтения. Т. XIII / Отв. ред. Д. Д. Гаркуша. Новосибирск, 2018. С. 173–187.
- Мацук, 2021 — Мацук М. А. Коми край в XVI столетии: история, анализ источников, публикация документов. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2021. 176 с. DOI 10.19110/89606-010
- Моргунов, 2005 — Моргунов Ю. Ю. К проблематике изучения южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов; сост. В. Ю. Коваль, И. Н. Кузина. М.: Наука, 2005. С. 253–268.
- Моргунов, 2009 — Моргунов Ю. Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.
- Мурыгин, Клёнов, 2015 — Мурыгин А. М., Клёнов М. В. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // Известия Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2015. № 3 (23). С. 119–131.
- Носов, 2013 — Носов К. С. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
- Памятники..., 1990 — Памятники истории и культуры: Княжпогостский район Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1990. 96 с.
- Плюснин, Волокитин, 1990 — Плюснин С. М., Волокитин А. В. Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1990. С. 11–12.
- Савельева, 1993 — Савельева Э. А. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского северо-востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1993 (МАЕСВ; Вып. 12). С. 128–140.
- Савельева, Клёнов, 1992 — Савельева Э. А., Клёнов М. В. Пожеское городище. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1992 (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН; Вып. 278). 34 с.
- Савельева, Клёнов, 1997 — Савельева Э. А., Клёнов М. В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н. э.) // Археология Республики Коми. Ч. 6 / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. Гл. 4. С. 651–691.
- Седов, 1960 — Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 92). 158 с.
- Сидоров, 1924 — Сидоров А. С. Памятники древности в пределах Коми края. По археологическим разведкам // Коми му — Зырянский край: Экономический и краеведческий журнал. Устьысольск: Тип. Коми изд-ва, 1924. № 7–10. С. 51–64.
- Фараджеева, 2007 — Фараджеева Н. Н. Срубные постройки древнего Новгорода (вопросы сложения и эволюции) // РА. 2007. № 1. С. 115–125.
- Чеснокова и др., 1998 — Чеснокова Н. Н., Игушев А. Р., Багин А. Л. Устьвым. Владычный городок XV–XVII вв. (Первые результаты археологических исследований 1995 г.) // Северное Приуралье в эпоху камня и металла: Сб. ст. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1998 (МАЕСВ; Вып. 15). С. 164–184.

Hillfort of the European Northeast of the 12th–13th centuries (on the issue of attribution of some monuments)

M. V. Klenov³³

Keywords: archaeology, Vym culture, fortification, hillforts, rampart, ditch

The construction of fortified settlements (“hillfort”) in the European northeast at the beginning of the 2nd millennium is associated by most researchers with the course of ancient Russian colonization. Archaeologists have identified the locations of nine sites that developed as settlements of the Vym archaeological culture. Most of these sites deviate from the fortified structure type based on external features and are difficult to attribute. This article presents a brief overview of the results of an analysis of the defensive structures of three cities of the Vym archaeological culture (12th–13th cent.). During the analysis, the author paid close attention to the topography and planigraphy of the sites, identified traces of structures, and the composition of the inventory. A preliminary assessment of the potential labor involved in constructing elements of defensive lines for some cities (Novik, Ponyuvom) was conducted. The Karybyiv hillfort is classified as a fortification. This system combines natural and engineered elements. Two sites (Novik, Ponjuvom) contained the remains of small temporary settlements without signs of fortifications.

³³ Mikhail V. Klenov — Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Republic of Komi, Russian Federation; Klenov_mv@mail.ru.

Селище Ситка I в XII–XVI вв.: переход от села к монастырю¹

А. А. Кудрявцев, Е. М. Ушанков²

Аннотация. В статье представлена характеристика находок XII–XVI вв. и нумизматических материалов XV–XVI вв. из раскопок селища Ситка I. С учетом формирования кладбища Ситецкого монастыря прослежены изменения в топографии поселения. По археологическим данным представлен процесс перехода села в монастырскую обитель.

Ключевые слова: Великий Новгород, новгородская сельская округа, селище Ситка I, Ситецкий монастырь, кладбище

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-82-94

Раскопки селища Ситка I на месте бывшего Ситецкого монастыря, расположенного к юго-востоку от Новгорода, планомерно ведутся с 2017 г. Географическое положение и характеристика этого поселения, открытого Е. Н. Носовым в 1984 г., уже были представлены в контексте археологического изучения новгородской сельской округи. На данный момент наиболее полно опубликованы материалы исследований первоначального периода его истории, когда во второй половине X — начале XI в. на возвышенности террасы правого берега р. Малый Волховец сформировался небольшой по площади поселок. Его следы фиксируются по развалам печей-каменок и хозяйственным ямам с лепной и раннекруговой керамикой (Кудрявцев, Ушанков, 2025а).

В настоящей работе представлены следующие этапы бытования селища, обозначенные как древнерусский (XII — первая половина XIV в.) и ранний монастырский (вторая половина XIV — XVI в.). По археологическим данным охарактеризован процесс перехода села в монастырскую обитель (рис. 1).

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «История России в ее археологии: от Древней Руси до Российской империи Нового времени» (№ НИОКТР 126011315526-5).

² Кудрявцев А. А. — Институт археологии РАН; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru. Ушанков Е. М. — Государственный Исторический музей; e-mail: ushankov.evgeny@yandex.ru. Москва.

© Кудрявцев А. А., Ушанков Е. М., 2026

Отметим, что благодаря разведочным исследованиям С. Н. Орлова, В. Я. Конечного и Е. Н. Носова в 1950–1990-х гг. на многих сельских поселениях Верхнего Поволжья при сборах подъемного материала была выявлена древнерусская керамика XI–XIII вв. (Орлов, Аксенов, 1961; Носов, 1991; Носов, Плохов, 2005). Но при раскопках большой площадью лишь на некоторых из них были изучены объекты в основном конца I тыс. н. э.: селища Васильевское I и Ситно (Носов, Плохов, 2005. С. 123–135; Еремеев, 2023. С. 132–162). Сведений для изучения новгородских селищ в древнерусский период совсем немного. Исключением является лишь поселение в Перыни, где был зафиксирован комплекс из 19 подполий построек XII–XV вв. (Седов В., 1956).

В XII–XIV вв. территория селища Ситка I значительно увеличилась. Видимо, именно в этот период оно достигает размеров, которые были определены Е. Н. Носовым по распространению темного культурного слоя, — 80 × 260 м (Носов, 1991. С. 10). Такая площадь (2,8 га) соответствует по этому критерию половине исследованных сел Суздальского Ополя (171 селище), площадь которых превосходит 1,5 га (Макаров и др., 2023. С. 45).

Ситецкое поселение в этот период вытянуто вдоль берега реки, окаймляя холм с юго-запада и северо-востока. Закрытые комплексы XII в. (остатки постройки и хозяйственные ямы) были зафиксированы на юго-восточной окраине поселения (раскоп 1, 64 кв. м), на достаточном отдалении от его центральной части, расположенной по данным палеорельефа значительно выше.

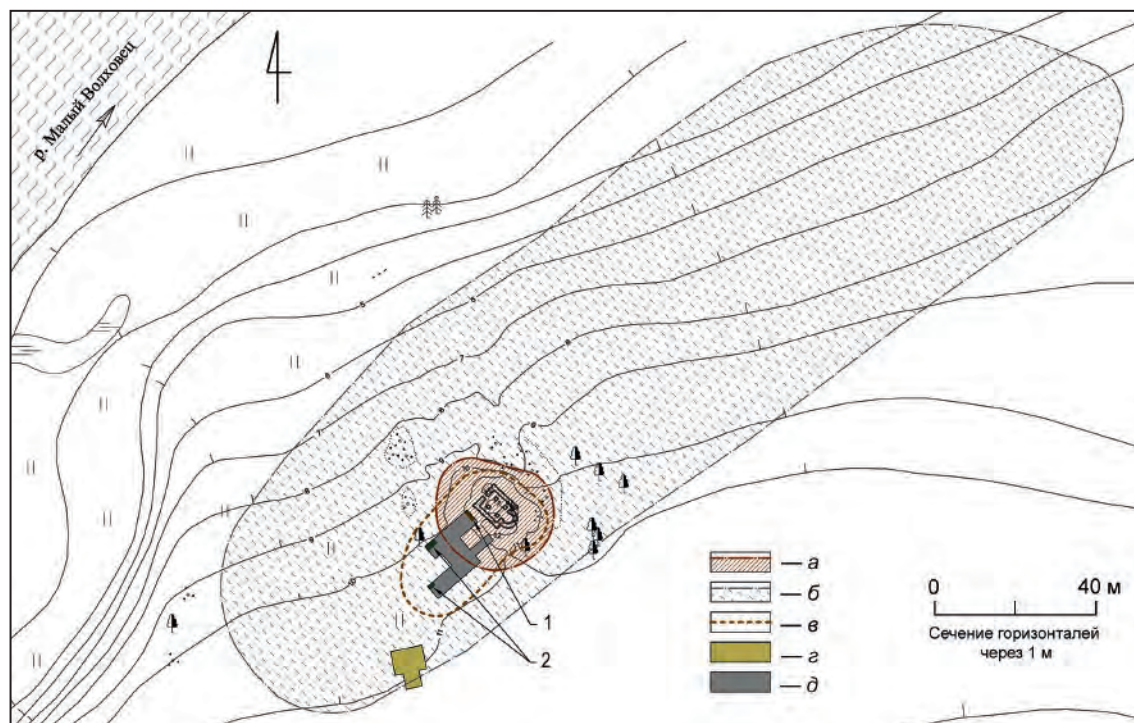

Рис. 1. Селище Ситка I. Инструментальный план Е. Н. Носова 1984 г. с обозначением раскопов 1 и 2 (2017–2025 гг.) и зоны кладбища Ситецкого монастыря: 1 — скопление каменных погребальных плит; 2 — подполья келий XVI в. (а — селище во второй половине X — начале XI в.; б — селище в XII–XVI вв.; в — гипотетическая граница кладбища монастыря; з — раскоп 1 (2017–2019 гг.); д — раскоп 2 (2020–2025 гг.))

Fig. 1. Sitka I settlement. Instrumental plan by E. N. Nosov, 1984, with the designation of excavation areas 1 and 2 (2017–2025) and the cemetery area of the Sitetsky Monastery: 1 — a cluster of stone burial slabs; 2 — cellars of the 16th cent. cells (а — the settlement in the 2nd half of the 10th — early 11th cent.; б — the settlement in the 12th–16th cent.; в — hypothetical boundary of the monastery cemetery; з — excavation area 1 (2017–2019); д — excavation area 2 (2020–2025))

Их датировка определена по фрагментам горшков типа V (рис. 2) согласно типологии керамики Троицкого XI раскопа (Малыгин и др., 2001)³.

На раскопе 2 (148 кв. м), заложенном у южной стены церкви Андрея Юродивого, пока не выявлено следов сооружений, датированных XII–XV вв. Отметим, что эту зону поселения также занимает обширный и многоярусный некрополь Ситецкого монастыря второй половины XIV — XVIII в. При устройстве ряда его погребений были разрушены и перемешаны культурные отложения древнерусского времени.

С 1990-х гг. территория памятника не распахивается — она покрыта луговыми травами и мелким кустарником. Культурные напластования чрезвычайно насыщены гильзами и осколками снарядов времени Великой Отечественной войны. Эти факторы не позволяют осуществлять ряд методических приемов, успешно апробирован-

ных при разведках в Суздальском Ополье — например, сплошные сборы подъемного материала в сочетании с применением металлодетекторов (Макаров, 2023а).

Но об активной жизнедеятельности и развитии селища Ситка I в древнерусский период можно судить по объему массового керамического материала и находкам, происходящим из переборки и промывки перемешанного культурного слоя (темно-коричневой супеси с включениями угля и пещины), заполнения поздних могильных ям и слоя разрушения церкви Андрея Юродивого (архитектурно-археологические исследования руин храма велись под руководством М. В. Вдовиченко в 2013–2020 гг.).

Всего в ходе планомерных раскопок за 2017–2025 гг. выявлено 169 находок, датируемых второй половиной X — началом XX в. Если вещи, относящиеся к первоначальному периоду бытования селища (второй половине X — началу XI в.), в основном представлены лишь небольшим количеством бытовых предметов и стеклянных бус (Кудрявцев,

³ Авторы выражают благодарность за консультации А. В. Шурееву (Новгородский музей-заповедник).

Рис. 2. Селище Ситка I. Раскоп 1. Керамика XII в. из закрытых комплексов

Fig. 2. Sitka I settlement. Excavation area 1. 12th cent. ceramics from closed complexes

Ушанков, 2025а), то численность артефактов XI–XV вв. существенно больше.

Как и на большинстве поселений Древней Руси, наиболее многочисленными предметами, изготовленными из черного металла, являются ножи с клиновидным сечением (рис. 3, 1–4). Всего при раскопках селища Ситка I выявлено семь ножей и их фрагментов, а также два черенка.

Кресала представлены двумя экземплярами. Одно из них — овальное заостренное с отверстиями на концах (рис. 3, 5), характерное для середины XII — середины XIII в. Другое — овальное (рис. 3, 6), датируемое по новгородским аналогиям в рамках середины XIII — XV в. (Колчин, 1959. С. 100, 101, рис. 84, 7–11).

Из слоя кладбища происходят два железных ледоходных шипа (рис. 3, 8), которые в Новгороде широко датируются второй половиной X — XV в. (Там же. С. 114, 115). Выявлен лишь один ключ к навесному замку типа Г (рис. 3, 7). В Новгороде ключи данного типа были распространены в первой половине XIII — начале XV в. (Колчин, 1982. С. 160). Отметим находки ключей этого типа на ряде селищ Суздальского Ополя (Федорина, 2023. С. 193).

К категории хозяйственных предметов относится пряслице из пиррофиллита (рис. 3, 9),

выявленное при разборе слоя разрушения храма Андрея Юродивого (Вдовиченко, 2019. С. 98). Из перемешанных культурных напластований селища происходит орнаментированный свинцовый грузик конической формы (рис. 3, 10). Подобные изделия в Новгороде широко датируются второй половиной X — XV в. и интерпретируются как грузики для вертикального ткацкого станка, допуская, что они применялись и при ручном ткачестве (Олейников, 2014).

Многие бытовые и хозяйственные предметы не были включены в данный перечень, так как рамки их существования очень широки. Они могли относиться и к более позднему времени (каменные рыболовные грузила, точильные камни, железные пряжки, кресальные кремни).

Шире всего в вещевой коллекции для рассматриваемого хронологического этапа представлены украшения и детали одежды из медных сплавов, стекла и других материалов, относящиеся в основном к домонгольскому периоду: два фрагмента спиральноконечных подковообразных фибул (рис. 4, 8, 9), ложновитой перстень (рис. 4, 7), лировидная пряжка (рис. 4, 10), лунница (рис. 4, 6), три обломка стеклянных браслетов (рис. 4, 5а–5в), две бочонковидные золотостеклянные

Рис. 3. Селище Ситка I. Раскопы 1, 2. Хозяйственный и бытовой инвентарь: 1–4 — ножи и их фрагменты; 5, 6 — кресала; 7 — ключ; 8 — шип ледоходный (1–8 — железо); 9 — пряслице пиррофиллитовое; 10 — грузик свинцовый
Fig. 3. Sitka I settlement. Excavations areas 1, 2. Household inventory: 1–4 — knives and their fragments; 5, 6 — flints; 7 — key; 8 — ice-breaking spike (1–8 — iron); 9 — pyrophyllite spindle whorl; 10 — lead weight

бусины (рис. 4, 1), круглая зеленая стеклянная бусина (рис. 4, 2), янтарная зонная бусина (рис. 4, 3), многогранная хрустальная бусина (рис. 4, 4). Отметим фрагмент бусинного височного кольца с гладкой полый бусиной из белого металла (рис. 4, 11), выявленный при разборке слоя разрушения храма Андрея Юродивого (Вдовиченко, 2019. С. 98). Височные кольца этого типа встречаются в погребениях Тверского Поволжья XI–XII вв. (Степанова, 2010. С. 281, рис. 3, 5). Из слоя кладбища также происходит фрагмент писанки, украшенный желтой росписью (рис. 4, 12). В Новгороде находки писанок сосредоточены в культурных напластованиях XI–XII вв. (Макарова, 1967. С. 45).

Особо выделим свинцовую товарную пломбу из перемешанного слоя селища (рис. 5). На ее лицевой стороне представлено погрудное изображение святого, а на обратной — багровидный знак. Такие пломбировочные маркеры для опечатывания различных товаров при транспортировке прежде всего мехов пушных животных датируются концом XI — XII в. Из Новгорода и его окрестностей их происходит более 3100 экземпляров (Гайдуков, 2023. С. 10). Они также представлены в материалах раскопок Рюрикова горо-

дища и Старой Руссы (Носов и др., 2017. С. 130, 226; Торопова, 2020).

Интересно, что подобные сфрагистические находки из раскопок селищ в новгородской округе неизвестны. Очевидно, что это связано со слабой степенью археологического изучения данного микрорегиона. Тем не менее пломба с селища Ситка I является первой находкой для этого типа поселенческих памятников в Верхнем Поволжье. Безусловно, она свидетельствует о вовлеченности жителей поселения в торговые или таможенные операции.

Наиболее яркой находкой для древнерусского периода в истории Ситецкого поселения является бронзовая иконка-образок с изображениями князей Бориса и Глеба. Святые изображены в полный рост с мученическими крестами (Седов Вл. и др., 2026). По иконографическим признакам она относится к первой четверти XIII в.

Иконка происходит из заполнения могильной ямы более позднего погребения. Подчеркнем, что пока нет сведений о подобных предметах личного благочестия, найденных в археологическом контексте. Есть данные лишь о шести случайных находках подобных иконок с изображениями

Рис. 4. Селище Ситка I. Раскоп 2. Украшения и детали одежды (1–11): 1, 2 — стеклянные бусины; 3 — янтарная бусина; 4 — хрустальная бусина; 5а–5в — фрагменты стеклянных браслетов; 6 — лунница; 7 — перстень; 8, 9 — фрагменты фибул; 10 — пряжка (6–10 — медный сплав); 11 — фрагмент височного кольца из белого металла. 12 — фрагмент писанки керамической

Fig. 4. Sitka I settlement. Excavation area 2. Jewelry and clothing components (1–11): 1–3 — glass beads; 3 — amber bead; 4 — crystal bead; 5а–5в — fragments of glass bracelets; 6 — lunette; 7 — ring; 8, 9 — fragments of brooches; 10 — buckle (6–10 — copper alloy); 11 — fragment of a white metal temple ring. 12 — fragment of a ceramic pisanka

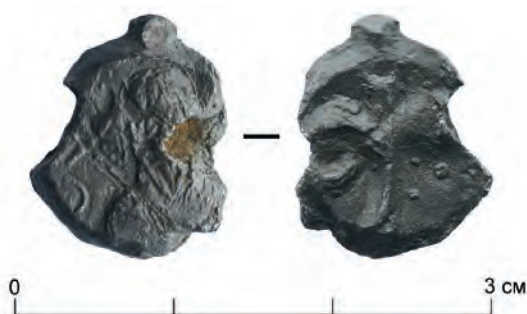

Рис. 5. Селище Ситка I. Раскоп 2. Пломба товарная свинцовая (фотография П. Г. Гайдукова)

Fig. 5. Sitka I settlement. Excavation area 2. Lead commercial seal (photograph by P. G. Gaydukov)

князей Бориса и Глеба. Опубликованы только три из них — менее качественные отливки, выявленные в Польше и Беларуси (Baginska, Musin, 2025. S. 127, рис. 4, 1–3). Еще три иконки происходят из несанкционированных сборов на территории Российской Федерации.

Охарактеризованная вещевая коллекция, в которой преобладают бытовые предметы, украшения и детали одежды, вполне характерна для древнерусских сельских поселений XI–XIV вв. Отметим отсутствие предметов вооружения и снаряжения коня и всадника, стилей для письма. С другой стороны, находки товарной пломбы и иконки с князьями Борисом и Глебом, безусловно, сделанной на заказ, позволяют осторожно поставить вопрос о нерядовом положении Ситецкого села в этот период.

Пломбы и редкие предметы личного благочестия найдены на ряде поселенческих памятников Суздальского Ополя, где были зафиксированы следы пребывания элиты. Особенно отметим здесь селище Кистыш 3 (Макаров, 2023б. С. 322, рис. 165, 3, 8). Однако для полноценных выводов о статусе поселения Ситка I данных пока совершенно недостаточно. Дальнейшее накопление материала, вероятно, позволит более основательно установить положение этого поселка, расположенного между Новгородом и княжеской

резиденцией на Рюриковом городище. Тем не менее представляется вполне уместным существование вокруг Новгорода богатых сел, подобных большим суздальским поселениям.

Видимо, в середине XIV в. село в урочище Ситка становится монастырской обителью — здесь формируется Андреевский Ситецкий монастырь, дата основания которого неизвестна. В 1371 г. в центральной, наиболее возвышенной, части Ситецкого поселения был возведен каменный храм Андрея Юродивого по заказу Натальи в память о ее муже боярине Андрее. В 1360 г. вместе с сыном Семёном Андреевичем она заложила церковь Фёдора Стратилата на Ручью.

Вл. В. Седов на основании летописных сведений и эпиграфических источников представил историю этой боярской семьи, имевшей двор на Фёдоровой улице Плотницкого конца Новгорода. Ученый также охарактеризовал некрополь храма Фёдора Стратилата на Ручью, рассматривая его как боярскую усыпальницу (Седов Вл., 2024. С. 29–44, 179, 180).

Очевидно, что в связи со строительством каменного храма Андрея Юродивого поменялась вся структура Ситецкого селища. В процессе трансформации в монастырь в его центральной части появляется обширная сакральная зона вокруг церкви, которую впоследствии занимает некрополь.

Устойчивая традиция отводить место внутри застройки для приходских, монастырских и семейных кладбищ при храмах сохраняется на протяжении всего средневековья в городах как Древнерусского государства, так и Западной Европы (Беляев, 2005. С. 35). Очевидно, что подобные процессы проходили и в сельской местности (Чернов, 2022. С. 100–114). Для новгородской округи данная проблематика является неразработанной. Пока только кратко охарактеризован факт перехода ряда новгородских селищ в монастыри. Крупные некрополи были изучены при раскопках Аркажского и Юрьева монастырей (Кудрявцев, 2022). Данные археологического изучения Ситецкого поселения в силу уже довольно значительной исследованной площади позволяют сделать попытку проанализировать эти изменения.

При изучении массового керамического материала в рамках XI–XVI вв. не фиксируются какие-либо лакуны. Несмотря на появление здесь монастыря и последующего за этим переустройства структуры поселения, каких-либо прерывов в его развитии не зафиксировано, но очевидно, что жилая зона должна была сместиться, уступив центральную часть селища некрополю.

Начало формирования кладбища Ситецкого монастыря, видимо, относится ко второй половине XIV — XV в. Его маркирует скопление из шести перемещенных каменных погребальных плит, открытое в раскопе 2 на участке у южной стены храма Андрея Юродивого. Вероятно, плиты были потревожены при дальнейшем устройстве некрополя в московский период (XVI–XVIII вв.) и сложены в этом месте.

К изучению подобных погребальных конструкций в Новгороде и его окрестностях обращался Вл. В. Седов. Ученый предполагает их принадлежность жителям людям — небоярскому зажиточному населению — и датирует в рамках XIV–XV вв. (Седов Вл., 2017). Вполне вероятно, что на неисследованных участках, примыкающих к церкви Андрея Юродивого, могли сохраниться и потревоженные погребения под плитами, нельзя исключать и возможное наличие саркофагов, которые могли принадлежать ктиторами или боярской семье, основавшей Ситецкий монастырь. Отметим, что при архитектурно-археологических исследованиях храма Фёдора Стратилата на Ручью были зафиксированы ладьевидный саркофаг, стенка сборного саркофага и большая погребальная каменная плита (Седов Вл., 2024. С. 179, 180).

Всего в ходе исследования кладбища Ситецкого монастыря зафиксировано 154 погребения. Зона их распространения занимает всю площадь раскопа 2. Границы некрополя пока четко не определены. Западная и северная его границы выведены по контуру возвышенности. К востоку от храма зона некрополя отмечена по данным бурений 2019 г. Наиболее значительная южная часть кладбища выходит за пределы раскопа 2.

Погребения залегали в 1–4 яруса. Лишь у 16 индивидов верхнего яруса зафиксированы бронзовые нательные кресты, датируемые в рамках XVII–XVIII вв. Основной массив захоронений не имеет погребального инвентаря и относится ко второй половине XIV — XVI в.

В вещевой коллекции раннего монастырского периода истории Ситецкого поселения (вторая половина XIV — XVI в.) в основном отсутствуют украшения и бытовые изделия. В то же время преобладают статусные находки, которые можно осторожно связать с деятельностью здесь жителями людей, ктиторов или бояр, а также соотнести их с комплексом погребальных каменных плит.

Среди них особенно отметим фрагменты белоглиняных керамических иконок, происходящих из слоя кладбища на участке, расположенном у южной стены храма Андрея Юродивого.

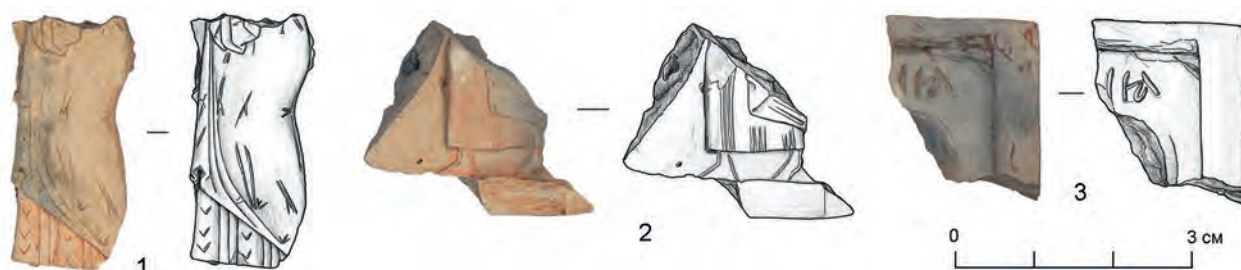

Рис. 6. Селище Ситка I. Раскоп 2. Фрагменты иконок керамических (рисунки А. О. Дмитриевой)

Fig. 6. Sitka I settlement. Excavation area 2. Fragments of ceramic icons (drawings by A. O. Dmitrieva)

На одном из фрагментов представлено изображение хитона с вертикальными каннелюроподобными складками и ромбическими узорами, вертикально расположенными между ними. На хитон накинута плащ, выделяющийся более высоким рельефом и серым или серо-белым цветом на фоне терракотового светлого хитона. На плаще прорисовыванием показано несколько складок, вверху видно наслаивающееся изображение плата или иной ткани поверх плаща, подчеркнутые частыми линиями складок (рис. 6, 1).

На втором фрагменте прослеживается стоящая фигура, от которой сохранилась нижняя часть: виден хитон с тремя тройными вертикальными линиями, изображающими складки или декор ткани, в левой части просматривается косой нижний край плаща или мафория. Внизу, под подолом хитона, узкими рельефными линиями намечены ноги, повернутые влево, то есть фигура вся была обращена влево (рис. 6, 2).

Третий фрагмент представляет собой верхний правый угол иконки. На нем частично видна окружность — нимб (рис. 6, 3). Вверху прорисовыванием была нанесена надпись, от которой остались две буквы, заканчивающие ее: ПΑ — конец имени святого. Последняя буква относится к типу а-йотированная, обозначенному А. А. Зализняком как Пб «перемычка наклонно вверх». Она позволяет датировать надпись не ранее 1320-х гг. (Зализняк, 2000. С. 215, 229)⁴. Видимо, все три фрагмента принадлежали разным иконкам. На двух из них прослежены остатки красной краски.

В отличие от каменных керамические иконки нехарактерны для Северо-Западной Руси и Новгорода. Отметим лишь керамическую иконку

из Вознесенского Оршина монастыря под Тверью с изображением святителя Николая и Глеба. Она отнесена к киевской ремесленной продукции и датирована первой четвертью XIII в. (Пуцко, 2022). Серия рельефных иконок с различными иконографическими сюжетами происходит из южно-русских земель, известны их находки в Киеве. Керамические иконки в Греции и Болгарии датируются в основном в рамках XII–XIV вв. (Архипова, 2017. С. 63). Наряду с Константинополем в Болгарии с конца IX в. существовала традиция изготовления расписных керамических икон (Томев, 1993). Представляется, что фрагменты керамических иконок, найденные на территории Ситецкого монастыря, являются паломническими древностями. Их происхождение связано, вероятно, с Киевом, Болгарией или Византией.

Среди предметов личного благочестия также отметим уже опубликованную створку крестомощевика, датируемую по аналогиям XIV–XV вв. Возможно, ее во вторичном использовании носили как наперсный крест, судя по отпечаткам одежды, прослеженным с обратной стороны створки (Кудрявцев, Седов Вл., 2021).

Интересен комплекс бронзовых накладок, выявленный в ходе изучения слоя кладбища Ситецкого монастыря. Среди них — две крестообразные криноконечные накладки и один фрагмент верхней части аналогичного элемента декора (рис. 7, 1–3). Они могли относиться к сумочной фурнитуре, на что также указывают массивные штифты. Криноконечная форма накладок, напоминающая некоторые типы нательных крестов с подобным оформлением, позволяет их датировать в рамках XIV — первой половины XV в.

Следующие четыре бронзовые ременные накладки являются сердцевидными. Они имеют по два загнутых массивных штифта. У двух из них лицевая поверхность рельефная (рис. 7, 4, 5); две другие имеют выпуклую гладкую поверхность (рис. 7, 6, 7). Можно предположить, что они могли использоваться в качестве украшений книжных

⁴ Авторы выражают благодарность за консультации академику РАН, д-ру филол. наук А. А. Гиппиусу (ИСЛ РАН), чл.-кор. РАН, д-ру искусствоведения Вл. В. Седову (ИА РАН, МГУ), канд. искусствоведения И. А. Стерлиговой (ГИИ), Н. А. Седуковой (НБ МГУ).

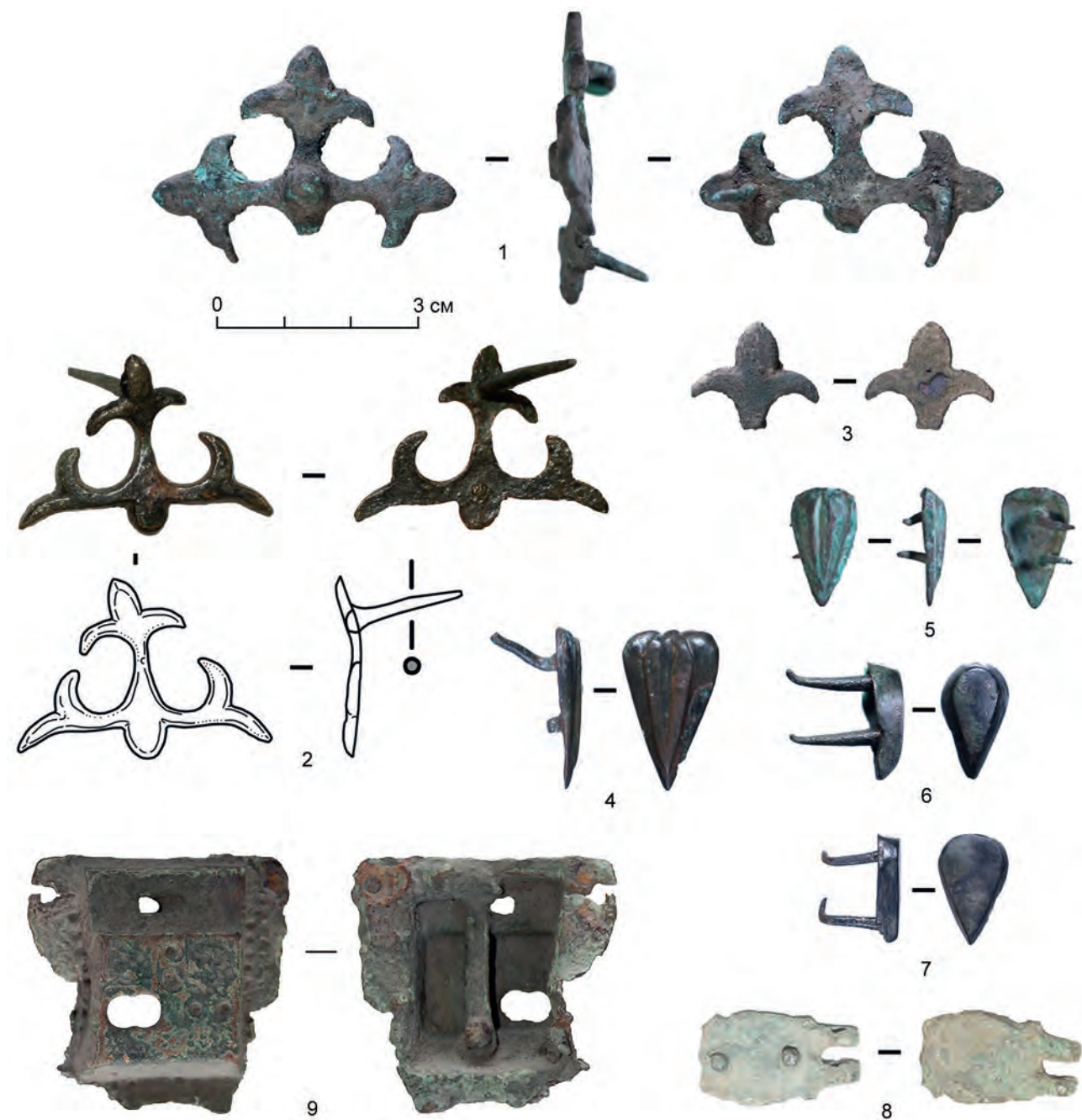

Рис. 7. Селище Ситка I. Раскопы 1, 2. 1–8 — накладки; 9 — замок от сумки. Медный сплав

Fig. 7. Sitka I settlement. Excavation areas 1, 2. 1–8 — overlays; 9 — bag lock. Copper alloy

переплетов, не исключая возможность их применения как деталей поясных или уздечных наборов. Аналогичные изделия выявлены при раскопках на территории Затъмацкого посада в Твери и селища Лучно-1 в округе Полоцка. Они датируются в рамках XV–XVI вв. (Клімаў, 2019. С. 178, рис. 63, 36–38; Лапишин, 2020. С. 115, № 133).

Лишь одна ременная накладка с подвесом на шарнирном соединении найдена на раскопе 1,

расположенном вне зоны некрополя (рис. 7, 8). Она датируется не ранее XIV в. Немного похожая на нее накладка происходит из перемешанного темно-серого слоя Рюрикова городища (Носов и др., 2017. С. 40, рис. 5, 25)⁵.

⁵ Авторы выражают благодарность за консультации С. В. Шполянскому (ГИМ) и П. А. Миляеву (ИИМК РАН).

Рис. 8. Селище Ситка I. Раскопы 1, 2. Монеты XV–XVI вв.: 1 — подделка артига, серебро, медь; 2–5 — денги серебряные; 6–10 — пула медные; 11 — пуло медное, подражание; 12, 13 — копейки серебряные

Fig. 8. Sitka I settlement. Excavation areas 1, 2. Coins of the 15th–16th cent.: 1 — counterfeit of ortig, silver, copper; 2–5 — silver dengas; 6–10 — copper pula; 11 — imitation of copper pula; 12, 13 — silver kopecks

Из раскопа 1 также происходит бронзовый накладной замок от сумки, украшенный циркульным орнаментом (рис. 7, 9). Уже разработана типология подобных запоров и определена их датировка — XV–XVI вв. (Адамов, 2024). Аналогичная замочная накладка с циркульным орнаментом выявлена при разборе перемешанных культурных отложений Рюрикова городища (Носов и др., 2017. С. 62, ил. 10, 11). Замок с зооморфными изображениями на лицевой стороне присутствует на богато украшенной кожаной сумке, случайно найденной в Новгороде при обнажении береговой линии Волхова на Торговой стороне. Внутри сумки был найден денежно-вещевой клад с комплексом из 46 монет, датированный не ранее второй половины 1530-х гг. (Гайдуков, Коньков, 1993; Варфоломеева, 1997. С. 109, рис. 2, 4).

К XV–XVI вв. относятся и нумизматические находки (рис. 8). Всего в ходе археологических исследований найдено 13 монет XV–XVI вв., из них одно подражание малому пулу Ивана III (1452–1505) (рис. 8, 11), а также подделка ливонского артига начала XV в. (рис. 8, 1), которая, судя по всему, является хронологически наиболее ранней нумизматической находкой рассматриваемого периода. Практически все монеты происходят из слоя кладбища, за исключением двух серебряных копеек (рис. 8, 12, 13), обнаруженных в слое разрушения церкви Андрея Юродивого (Вдовиченко, 2018. Л. 23; 2019. Л. 26).

Находки артигов, преимущественно таллинской чеканки, характерны для Новгорода, что связано с торговой деятельностью его жителей, монетной политикой города и нашло отражение в летописных сведениях (Янин, 2009. С. 368;

Горлов и др., 2022. С. 11; Кудрявцев, Ушанков, 2025б. С. 161). Усиление внимания исследователей к подобным находкам в последние годы и привлечение к их изучению естественнонаучных методов позволили выявить значительный процент подделок среди найденных артигов.

Отметим, что в XV в. существовал запрет на розничную торговлю для ганзейских купцов (Казакова, 1975. С. 35, 95; Рыбина, 2009. С. 160), что, конечно, не мешало распространению звонкой монеты за пределы торгового города. Так, помимо Ситки находки артигов и их подделок известны на территории Аркажского и Юрьева монастырей (Орлов, 1963. Л. 12, рис. 20, 2; Седов Вл. и др., 2025. С. 80, 81, рис. 4). Также ливонские монеты, которые впоследствии, вероятно, были утрачены, зафиксированы при раскопках в Перыни (Янин, 1953. С. 385).

Находки ливонских артигов указывают на торговую активность средневековых новгородцев, а выявление среди таких монет подделок свидетельствует о большой востребованности подобного рода денег и достаточно глубоком проникновении иноземной монеты в локальную монетную систему. Появление подделки артига в культурном слое Ситецкого монастыря, вероятно, является свидетельством тесных торговых связей Новгорода с его округой.

Большинство нумизматических находок — это денги (рис. 8, 2–5), копейки (рис. 8, 12, 13) и пула (рис. 8, 6–10) второй половины XV — второй половины XVI в. Все серебряные монеты отчеканены не ранее второй половины XV в. и фактически относятся к периоду формирования единой русской денежной системы, вобравшей

в себя монеты всех существовавших в тот период разновидностей с доминированием московских денег (Спаский, 1970. С. 106). Такой всплеск количества находок серебряных монет может быть связан с усилением роли монет в системе налогового обложения, а также с интенсификацией рыночных отношений.

Присутствие значительного количества пул второй половины XV — XVI в. (рис. 8, 6–10), которые долгое время рассматривались как локальное денежное средство, отвечавшее «потребностям главным образом городской жизни» (Там же. С. 95), и даже подражаний им (рис. 8, 11) также косвенно свидетельствует о значительно более интенсивном участии монеты в денежном обращении, в том числе за пределами городов. Такое положение дел, судя по всему, является отражением общей картины развития торговли на территории русских земель в XV в., когда, как отмечает В. Б. Перхавко, «церковь все более активно втягивалась в сферу обмена» (Перхавко, 2018. С. 439), и в более поздний период.

Помимо нумизматических материалов наступление московского периода в последней четверти XV в. фиксируется и по керамическим материалам, что выражается в появлении белоглиняной керамики. К XVI в. относятся закрытые комплексы: на раскопе 2 частично зафиксированы подполья двух сооружений, углубленных в материк на 1,5–1,6 м. Их стены были расположены в соответствии с ориентацией самой церкви Андрея Юродивого, что позволило осторожно интерпретировать их как монашеские кельи. В заполнении одного из них были прослежены скопления горелого зерна, что также свидетельствует о близости амбара или монастырского хранилища. Видимо, процессы устройства келий и развития некрополя происходили параллельно.

В начале XVII в. Андреевский Ситецкий монастырь был razoren в период шведской оккупации. В 1776 г. его приписали к соседней Кирилловской обители (Секретарь, 2011. С. 472–476). Церковь Андрея Юродивого была разрушена в годы Великой Отечественной войны.

Материалы планомерного археологического исследования селища Ситка I позволяют выявить различные периоды в истории данного поселения. Изначально небольшой поселок, образовавшийся во второй половине X — начале XI в., характеризуется довольно невыразительной вещевой коллекцией, но в XII–XIV вв. его площадь значительно возрастает. По этому параметру он вполне сопоставим с рядом больших суздальских поселений. Среди находок преобладают ординарные украшения и предметы быта, но свинцовая товарная плomba и иконка-образок с изображениями князей Бориса и Глеба указывают на присутствие среди жителей села представителей элиты, принимающей участие в различных экономических операциях и способных заказывать высокохудожественные предметы личного благочестия.

Во второй половине XIV в. осуществляется переход селища в монастырскую обитель. С возведением храма Андрея Юродивого в 1371 г. в центральной части поселения начинает формироваться обширный некрополь, жилые зоны смещаются на окраины, что видно и по составу вещевого комплекса XIV–XVI вв., в котором уже практически нет хозяйственных изделий. В то же время по нему можно фиксировать вероятное присутствие ктиторов или представителей боярской семьи, основавшей монастырь, — на это указывают паломнические древности (фрагменты керамических иконок), комплекс редких накладок, орнаментированный замок на сумку, подделка ливонского артика.

В силу того что культурные отложения древнерусского времени перемешаны и сильно нарушены при устройстве обширного некрополя, многие выводы являются гипотетическими, но в целом на примере материалов раскопок селища Ситка I можно проследить один из путей развития ряда новгородских сельских поселений в XII–XIV вв., когда на их месте формируются монастырские обители.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2026 г.

Адамов, 2024 — Адамов А. А. Конструктивные особенности заповорев от сумки-калиты на Руси. Ч. I: Замки // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Т. 2 / Под ред. Л. В. Татауровой. Братск; Омск: Изд. дом «Наука», 2024. С. 13–20.

Архипова, 2017 — Архипова Е. И. Образец и копия в скульптуре малых форм Древней Руси (по материалам Украины) // В камне и в бронзе. Сб. ст. в честь

Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 61–71.

Беляев, 2005 — Беляев Л. А. Сакральная топография Москвы: храм — кладбище — город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. III: Ментальный ландшафт. Московские села и слободы / Отв. ред. С. З. Чернов. М.: Наука, 2005. С. 29–41.

- Варфоломеева, 1997 — Варфоломеева Т. С. Средневековые кожаные футляры для торгового инвентаря // ННЗИА. Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 105–114.
- Вдовиченко, 2018 — Вдовиченко М. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках церкви Андрея на Ситке в Новгородском районе Новгородской области в 2018 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61799. 91 л.
- Вдовиченко, 2019 — Вдовиченко М. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках церкви Андрея на Ситке в Новгородском районе Новгородской области в 2019 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 66637. 104 л.
- Гайдуков, 2023 — Гайдуков П. Г. О древнерусских товарных пломбах и топографии их находок // Новгородский исторический сборник (НИС). Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2023. Вып. 20 (30). С. 3–28.
- Гайдуков, Коньков, 1993 — Гайдуков П. Г., Коньков Ю. П. Славенский клад русских монет конца XV — XVI в. // Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Вологда: ЛиС, 1993. С. 42–45.
- Горлов и др., 2022 — Горлов К. В., Салмина Е. В., Салмин С. А. «...и начаша пенязми торговати»: о находках ливонских монет конца XIV — начала XV века в Пскове (по материалам Мстиславских раскопок) // Saugus. 2022. Т. 1, № 1. С. 11–25.
- Еремеев, 2023 — Еремеев И. И. Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий. Т. I: Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. СПб.: ИИМК, 2023. 808 с.
- Зализняк, 2000 — Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М.: Русские словари, 2000. С. 134–274.
- Казакова, 1975 — Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л.: Наука, 1975. 360 с.
- Клімаў, 2019 — Клімаў М. В. Археалагічны комплекс Лучна-1 у акрузе Полацка (XI–XVI стст.). Мінск: Беларуская навука, 2019. 567 с.
- Колчин, 1959 — Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–120.
- Колчин, 1982 — Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Кудрявцев, 2022 — Кудрявцев А. А. Селища на месте монастырей в округе средневекового Новгорода // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 215–230.
- Кудрявцев, Седов Вл., 2021 — Кудрявцев А. А., Седов Вл. В. Энколпион XIV в. из монастыря Андрея на Ситке под Новгородом // АВ. 2021. Вып. 31. С. 154–162.
- Кудрявцев, Ушанков, 2025а — Кудрявцев А. А., Ушанков Е. М. Селище Ситка I под Новгородом: характеристика комплексов X в. // Северная Русь от древности к средневековью: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ИИМК РАН, 2025. С. 87–96.
- Кудрявцев, Ушанков, 2025б — Кудрявцев А. А., Ушанков Е. М. Нумизматические и сфрагистические находки западноевропейского происхождения из раскопок церкви Георгия на Торгу в Великом Новгороде в 2023 г. // Русское денежное обращение IX–XVII веков. Т. II: Нумизматический сборник к 70-летию П. Г. Гайдукова. М.: ИА РАН, 2025. С. 156–162.
- Латишин, 2020 — Латишин В. А. Отчет об археологических раскопках объекта культурного наследия «Затьмацкий посад г. Твери» в г. Твери в 2020 г. Т. 3 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 82794. 240 л.
- Макаров, 2023а — Макаров Н. А. 20 лет археологических исследований в Суздальском Ополье // Археология Суздальской земли. Т. 1: Расселение и культурный ландшафт / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 11–23.
- Макаров, 2023б — Макаров Н. А. «Усадьбы знати» на поселениях XII–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2: Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 305–327.
- Макаров и др., 2023 — Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н. Общий характер расселения и динамика освоения территории // Археология Суздальской земли. Т. 1... М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 41–68.
- Макарова, 1967 — Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М.: Наука, 1967 (САИ; Вып. Е1-38). 128 с.
- Малыгин и др., 2001 — Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 82–97.
- Носов, 1991 — Носов Е. Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. М.: НМЗ, 1991. С. 5–37.
- Носов, Плохов, 2005 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 122–154.
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы

- исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- Олейников, 2014 — Олейников О. М. К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв. // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 189–194.
- Орлов, 1963 — Орлов С. Н. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках на месте Аркажского монастыря под Новгородом 1963 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2760а. 23 л.
- Орлов, Аксенов, 1961 — Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. Новгород: Новгородская правда, 1961. Вып. 10. С. 161–168.
- Перхавко, 2018 — Перхавко В. Б. Торговля и торговцы средневековой Руси. М.: Академический проект, 2018. 658 с.
- Пуцко, 2022 — Пуцко В. Г. Керамическая иконка из Вознесенского Оршина монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2022. Вып. 14. С. 193–198.
- Рыбина, 2009 — Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
- Седов В., 1956 — Седов В. В. Поселение XII в. — начала XV в. в Перыни // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 108–117.
- Седов Вл., 2017 — Седов Вл. В. Погребения под каменными плитами в средневековом Новгороде // Памятники археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН, 2017. С. 80–94.
- Седов Вл., 2024 — Седов Вл. В. Церковь Федора Стратилата на Федоровой улице в Новгороде. М.: Квадрига, 2024. 300 с.
- Седов Вл. и др., 2025 — Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А., Пророкова Е. Н. Археологические исследования в Юрьеве монастыре в 2022 г. // ННЗИА. Материалы XXXVIII научной конференции. Великий Новгород: НМЗ, 2025. Вып. 38. С. 74–84.
- Седов Вл. и др., 2026 — Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А., Пророкова Е. Н., Фомичева Ю. С., Яновская Е. Г. Работы Новгородского архитектурно-археологического отряда ИА РАН в июне — июле 2025 г. в Великом Новгороде // URL: <https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions-2025/novgorodskiy-otryad-2025> (дата обращения: 08.03.2026).
- Секретарь, 2011 — Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.
- Спасский, 1970 — Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л.: Аврора, 1970. 256 с.
- Степанова, 2010 — Степанова Ю. В. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum Plus. 2010. № 5. С. 275–283.
- Торопова, 2020 — Торопова Е. В. Древнерусские свинцовые пломбы из раскопок в Старой Руссе: топография и хронология // НИС. 2020. Вып. 19 (29). С. 66–81.
- Тотев, 1993 — Тотев Т. Релефна керамична икона в средневековна България // Преслав: Сб. Т. 4. София: Св. Георги Победоносец, 1993. С. 233–237.
- Федорина, 2023 — Федорина А. Н. Ключи и замки // Археология Суздальской земли. Т. 2... М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 184–207.
- Чернов, 2022 — Чернов С. З. Власьевская, звенигородская деревня XIII–XVI вв. М.; Звенигород: ВООПИК, 2022. 176 с.
- Янин, 1953 — Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 372–385.
- Янин, 2009 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.
- Baginska, Musin, 2025 — Baginska J., Musin A. Brązowa ikonka z Zamłynia, gm. Tyszowce, z przedstawieniem świętych Borysa i Gleba // Rocznik Tomaszowski. T. 14. Tomaszów Lubelski: Tomaszowskie Towarzystwo Regionalne, 2025. P. 119–152.

The Sitka I settlement in the 12th–16th centuries: the transition from village to monastery

A. A. Kudryavtsev, E. M. Ushankov⁶

Keywords: Veliky Novgorod, Novgorod rural district, Sitka I settlement, Sitetsky Monastery, cemetery

The Sitka I settlement, on the site of the former Sitetsky Monastery, is located southeast of Novgorod. It was originally formed in the 2nd half of the 10th cent. as a small settlement on the terrace of the Maly Volkhovets River. This paper presents the stages of this settlement's existence: the Old Rus' (12th–1st half of the 14th cent.) and the early monastic (2nd half of the 14th — 16th cent.). Archaeological data are used to characterize the transition of the Sitka

⁶ Andrey A. Kudryavtsev — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru. Evgeny M. Ushankov — State Historical Museum, Moscow; e-mail: ushankov.evgeny@yandex.ru.

village into a monastery. The artifacts from the Old Rus' period mainly include ordinary household and farm equipment, as well as jewelry and clothing items. However, we note a commercial lead seal and an icon with images of princes Boris and Gleb. Probably, in the mid-14th cent. the Sitetsky Monastery was founded here, and later, a large necropolis was built in the central part of the settlement on the site of a residential area. Finds from the 14th–16th cent. also come from the cemetery layer: fragments of ceramic icons, a set of copper alloy overlays, a bag lock, copper and silver coins of the 15th–16th cent. By the 16th cent., the closed complexes are related: the cellars of two structures, buried 1.5–1.6 m into the mainland, were partially identified. They were oriented towards the Church of St. Andrew the Fool, which allowed them to be cautiously interpreted as monastic cells. In general, using the example of excavation materials from the Sitka I settlement, one of the development paths of a number of Novgorod rural settlements in the 12th–14th cent., when monastic cloisters were formed in their place, can be traced.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Формы реализации пастушеской модели металлопроизводства в условиях степных экосистем Южного Урала и Мугоджар (по материалам позднего бронзового века)¹

В. В. Ткачёв²

Аннотация. Статья посвящена характеристике четырех форм реализации пастушеской модели металлопроизводства в ареале Западноазиатской металлургической провинции позднего бронзового века. Основное внимание уделяется горнодобывающим и горно-обогачительным практикам в аспекте установления их связи с хозяйственными циклами мобильного скотоводства, составлявшего фундамент системы жизнеобеспечения.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Западноазиатская металлургическая провинция, горно-металлургическое производство, локальные центры металлопроизводства, степные экосистемы, мобильное скотоводство

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-95-109

Введение

Металлопроизводство традиционно находится в фокусе внимания исследователей, занимающихся изучением эпохи раннего металла, что закономерно, учитывая исключительную роль этой отрасли экономики для общества того времени. Родоначальник историко-металлургического направления в нашей стране Е. Н. Черных обосновал концепцию последовательной смены в Евразии на протяжении IV–II тыс. до н. э. грандиозных металлопроизводственных систем — металлургических провинций, объединявших родственные очаги металлургии и металлообработки, иногда образующие зоны металлопроизводства с близкими технологическими и морфологическими характеристиками производимой продукции. Минерально-сырьевую базу очагов металлопроизводства составляли горно-металлургические области и центры, располагавшие

доступными для разработки в древности источниками медных руд и легирующих компонентов для производства бронз (Черных, 1966; 1970; 1976; 1978; 2013; Chernykh, 1992). Заметим, что в перечисленных фундаментальных сочинениях основоположника археометаллургии Е. Н. Черных вопросы разработки сквозной морфологической типологии металлических изделий занимали довольно скромное место, детальная классификация представлена, пожалуй, только в работе, посвященной сейминско-турбинским бронзам (Черных, Кузьминых, 1989).

Достаточно плодотворным в этом направлении можно признать опыт типологических построений для металла позднего бронзового века (ПБВ) восточного фланга Евразийской металлургической провинции (Аванесова, 1991). Но понастоящему революционной стала разработка В. С. Бочкарёвым морфологической классификации металлических изделий из ключевых очагов металлургии и металлообработки, которая легла в основу глобальной периодизации развития металлопроизводства ПБВ Юга Восточной Европы, основанной на объективных технологических критериях (Бочкарев, 2017). Проведение аналогичной работы для Урало-Казахстанского региона остается в высшей степени актуальной задачей.

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Геоэкологические основы и технологические аспекты оптимизации природопользования в степных регионах России и сопредельных территорий» (№ ГР 126013016160-7).

² Институт степи Оренбургского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Оренбург; e-mail: vit-tkachev@yandex.ru.

© Ткачёв В. В., 2026

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется согласование историко-металлургических подходов Е. Н. Черных и концепции очагов культурогенеза В. С. Бочкарёва, предполагающей формирование блоков культур и сопряженной с периодизационной схемой развития металлопроизводства ПБВ на Юге Восточной Европы (Бочкарев, 1995а; 2017; и др.). Для реконструкции механизмов глобальных трансформаций в эпоху раннего металла важное значение имеет признание за металлопроизводственным очагом статуса фракции археологической культуры (субкультуры) (Бочкарев, 1995б. С. 114–118). Рассматривая историко-металлургическую (по Е. Н. Черных) и культурно-историческую (по В. С. Бочкарёву) таксономию в таком ракурсе, можно констатировать соответствие очагов металлопроизводства археологическим культурам, а металлопроизводственных зон — блокам культур (Ткачев, 2024. С. 94).

Историко-металлургические исследования помимо своей основной задачи, связанной с систематизацией колоссального массива данных по горному делу, металлургии, металлообработке и обмену в сфере металлопроизводства, зачастую позволяют более полно раскрыть потенциал археологических источников для реконструкции различных хозяйственно-культурных систем эпохи палеометалла. Нужно отметить, что обсуждению механизмов функционирования историко-металлургических образований эпохи палеометалла, конкретных форм организации и ритуально-магического сопровождения горно-металлургического производства, товарного обмена и распространения металла, в том числе с привлечением историко-этнографических параллелей, в работах Е. Н. Черных отводилось значительное место (Черных, 1976. С. 159–171; 2007. С. 110–180). Однако полученные в последние годы данные актуализируют необходимость поиска новых объяснительных моделей эффективного функционирования грандиозных историко-металлургических систем и их структурных компонентов, включая территориальные и локальные центры металлопроизводства, с учетом альтернативных адаптационных стратегий, во многом определявшихся особенностями занимаемых экологических ниш.

Наступление эпохи бронзы в степях Северной Евразии ознаменовалось рядом культурных новаций. К числу наиболее выдающихся достижений этого времени следует отнести формирование пастушеской модели металлопроизводства. Стержнем концепции является обоснование надежно установленных устойчивых технологиче-

ских алгоритмов поиска, добычи, пиротехнического обогащения медных руд, восстановления из обогащенных рудных концентратов черновой меди, ее рафинирования и легирования с последующей отливкой и кузнечно-слесарной обработкой металлических изделий. Указанный набор технологических операций существенно отличался от пирометаллургических практик, характерных для древнеземледельческой (дунайско-древневосточной) модели металлопроизводства (Богданов, 2020).

Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степной Евразии, основанной на многоступенчатом процессе добычи и переработки рудного сырья с преобладанием вторичных сульфидов меди, подробно описаны в цикле специальных работ (Богданов, 2020; 2022; Ткачев, Богданов, 2022; Богданов и др., 2023; и др.). В эпоху бронзы использовались различные варианты сульфидных, сульфидно-кремнекарбонатных медных руд в медистых песчаниках и сланцах, а также руды зон окисления и вторичного обогащения (цементации) различных по генезису месторождений (колчеданных, скарновых, порфировых и др.), включавшие главным образом халькозин, нередко в ассоциации с ковеллином, реликты сульфидов меди и железа, представленные борнитом и халькопиритом, а также продукты их окисления. В памятниках алакульской культуры впервые появляются бесспорные свидетельства прямого использования первичного сульфида меди — халькопирита; в ПБВ получает широкое распространение технология штейнового передела, превратившего металлургию из сложного искусства на грани таинства в рутинную процедуру (Богданов и др., 2025). Новые подходы коренным образом меняют устоявшиеся стереотипные представления об использовании в древности неких азурит-малахитовых руд зон окисления месторождений меди с ничтожным содержанием полезного компонента. Такие материалы в эпоху палеометалла в качестве металлургического сырья не воспринимались, отбраковывались и выбрасывались в отвал.

Эти открытия, позволившие освоить практически все доступные в древности месторождения и рудопроявления меди разных геолого-генетических и рудно-формационных типов, предопределили взрывной рост масштабов металлопроизводства. По сути они выступают в качестве технологических критериев целой исторической эпохи, охватившей продолжительный период с IV по II тыс. до н. э. и получившей название «бронзовый век».

В орбиту указанных технологических новаций в ПБВ была вовлечена территория Южного Урала и Мугоджар, где сосредоточены значительные меднорудные ресурсы. В южных отрогах Уральских гор в ПБВ сформировались степной Приуральский, Зауральский и Уральско-Мугоджарский горно-металлургические центры (ГМЦ), игравшие существенную роль в системе крупнейшего историко-металлургического образования ПБВ — Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (ЗАМП) (*Černych*, 2013). В настоящей статье основной упор сделан на материалы наиболее хорошо изученного в археометаллургическом отношении Уральско-Мугоджарского ГМЦ, функционирование которого в ПБВ было связано с металлопроизводственной деятельностью носителей одного из локальных вариантов алакульской культуры (*Ткачев*, 2011; *Зайков и др.*, 2013; *Ткачев et al.*, 2013). Для обсуждения ряда частных вопросов будут привлекаться данные, полученные коллегами в ходе исследования памятников ПБВ по обе стороны Уральского хребта, а также географически удаленных объектов Юга Восточной Европы и Урало-Казахстанского региона с горно-металлургической производственной специализацией.

Универсальный характер ключевых технологических звеньев пастушеской модели металлопроизводства на обширных пространствах степного пояса Евразии не вызывает сомнений, но механизмы ее реализации изучены недостаточно. Вариативность хозяйственно-культурных моделей детерминировалась культурными традициями различных групп населения, наличием либо отсутствием меднорудных источников и легирующего сырья для цветной металлургии, направленностью контактов, связанных с трафиком металла, и другими факторами. Но определяющее значение все-таки имели особенности освоенных степных и горно-степных экосистем, образующих жизненную среду конкретных человеческих популяций. В основе системы жизнеобеспечения населения эпохи бронзы степей Евразии лежало скотоводство различной степени мобильности. Именно этим обстоятельством, как правило, был обусловлен выбор адаптационных стратегий. В этом смысле особенности организации горно-металлургического производства в значительной мере зависели от характера скотоводческого хозяйства.

Целью данного исследования является реконструкция некоторых форм (вариантов) реализации пастушеской модели металлопроизводства, характеризующейся гармоничным сочетанием

подвижного скотоводства, основанного на сезонной ротации пастбищ и водных источников, с отдельными технологическими стадиями горно-металлургического производства. Отметим, что основной акцент будет сделан на особенностях организации горных работ и обогащательных операций на медных рудниках в аспекте установления их связи с хозяйственными циклами мобильного скотоводства, составлявшего фундамент системы жизнеобеспечения.

Методические подходы

В качестве методической основы реализованной исследовательской программы был выбран комплексный подход, успешно применяемый в ландшафтной археологии (*Landscape Archaeology*), обособившейся как самостоятельное направление в середине 1970-х гг. от археологии поселений (*Settlement Archaeology*), испытав значительное влияние идей постпроцессуализма (*Корякова*, 2012. С. 9, 10). Наиболее динамично ландшафтный подход к изучению памятников древней истории развивается в США, Австралии и Европе (*Knapp, Ashmore*, 1999; *Anschuetz et al.*, 2001; *Handbook of Landscape...*, 2008). В целом становление этого направления стало закономерным итогом адаптации в археологическом контексте концепции культурного ландшафта, разработанной изначально в географии, а затем внедренной в исследовательскую практику философии, культурологии, этнологии, лингвистики, социологии. Поэтому иногда данный подход именуют археологией культурного ландшафта.

Первоначально ландшафтная археология, ориентированная на установление связи объектов материальной культуры с конкретными геосистемами в контексте реализации адаптационных стратегий и преобразующей деятельности человека (антропогенное воздействие на природную среду), представляла собой преимущественно набор специфических исследовательских процедур междисциплинарного характера. Но впоследствии, по мере укоренения феноменологического подхода, акцентирующего внимание на изучении структуры человеческого опыта и сознания, это направление существенно расширило исследовательские горизонты за счет обращения к идеационным и социокультурным аспектам, что особенно характерно для британской школы ландшафтной археологии (*Johnson*, 2012).

В ходе изучения археологических памятников и геоархеологических производственных объектов ПБВ Уральско-Мугоджарского региона был задействован почти весь арсенал методов

ландшафтной археологии: ГИС-технологии, включая современные приемы картографирования с применением приборов глобального позиционирования, дешифровка космо- и аэрофотоснимков, инструментальная топографо-геодезическая съемка, средства малоглубинной геофизики (магнитометрическая и георадарная съемка), палеопочвенные, палинологические, археозоологические, палеоантропологические, геоархеологические, археометрические (в том числе изотопные) исследования. Включение в протокол исследовательских процедур перечисленных методов естественных, технических и точных наук способствует более полной реализации гуманитарного потенциала вещественных источников, позволяет акцентировать внимание на человеке и его деятельности (Корякова и др., 2019. С. 41).

Учитывая повсеместную сопряженность селитебных, погребальных, культовых объектов и мемориальных комплексов, образующих компактные археологические микрорайоны, с геоархеологическими производственными объектами на площади медных месторождений и рудопроявлений (рудниками), не менее важную роль в данной работе играли методы горной археологии (Mining Archaeology). Первоначально этот раздел археологии был сосредоточен на междисциплинарном исследовании горнодобывающих технологий, используемых в прошлом, лишь частично затрагивая социально-экономические и культурные аспекты этих практик. Но с течением времени объектами изучения горной археологии стали и другие звенья производственной цепочки операций (*Chaîne Operatoire*), включая переработку, торговлю, использование сырья, и связанные с ними идеологические, социальные и пространственные сферы человеческой деятельности (Stöllner, 2014).

В работе анализировались пространственные параметры горнодобывающих производственных структур крупнейшей историко-металлургической системы эпохи раннего металла Евразии — Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Черных, 1978. С. 71–77, рис. 9; 2013. С. 219–242; Chernykh, 1992. P. 190–234; Černych, 2013). Наиболее информативными и детально исследованными являются горно-металлургические области и центры Урало-Казахстанского региона и Донбасса.

На этапе интерпретации результатов ландшафтно-археологических исследований высокую эффективность продемонстрировало использование метода археолого-этнографических аналогий, широко используемого в этноархеологии

(Ethnoarchaeology), восходящего к парадигме постпроцессуализма (Кузнецов, 2006). В нашем случае наиболее информативным оказалось сопоставление с историко-этнографическими данными о ведении на рассматриваемых территориях скотоводческого хозяйства казахским и башкирским населением в XVIII — начале XX в.

Географическая ординация основных объектов исследования

Предваряя характеристику источников, сразу оговоримся, что автор при использовании понятий, отражающих археометаллургический аспект историко-металлургической проблематики, будет придерживаться предложенного ранее таксономического ряда: локальный центр металлопроизводства — территориальный центр металлопроизводства — очаг металлопроизводства — зона металлопроизводства — металлургическая провинция (Ткачев, 2024). Учитывая направленность статьи, основное внимание будет уделяться исходным таксономическим единицам — локальным центрам металлопроизводства, наиболее выразительно отражающим специфику хозяйственно-культурных моделей, включавших горно-металлургические производственные структуры.

В качестве опорных исследовательских полигонов были выбраны эталонные археологические микрорайоны (АМР), приуроченные к геоархеологическим производственным объектам, представленным древними рудниками на площади месторождений и рудопроявлений меди с различной геологической позицией в южных отрогах Уральских гор, включая Мугоджары. Такие компактные «кусты» синхронных археологических памятников, производственной доминантой которых являются рудники, можно рассматривать в качестве локальных центров металлопроизводства.

Районы исследований достаточно равномерно распределяются в границах Уральско-Мугоджарского субрегиона, что позволяет составить объективное представление о механизмах функционирования локальных хозяйственно-культурных моделей в обособленных степных и горно-степных экосистемах с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов. С точки зрения физико-географического районирования указанная территория располагается в пределах Прижноуральской степной предгорно-равнинной области и Мугоджар, ранее объединявшихся в рамках Уральско-Мугоджарской низкорной провинции (Чибилев Ал., Чибилев Ант., 2012.

С. 1663, 1664, табл. 2, рис. 1; Шакиров, 2011. С. 93, рис. 24; Географический атлас..., 1999. С. 58, 59).

В северо-западной части региона к числу наиболее полно изученных относятся Ишкининский и Шаншарский АМР, локализующиеся, соответственно, в пределах Губерлинского приречно-мелкосопочного и Алимбет-Каргалинского грядово-мелкосопочного районов Саринско-Губерлинского округа Центрально-Приюжноуральской мелкосопочно-высокоравнинной провинции. Меднорудные объекты, вокруг которых концентрировались многочисленные памятники археологии ПБВ различных категорий, располагаются в зоне Главного Уральского разлома и приурочены к гипербазитовым и тальк-карбонатным рудоносным комплексам, связанным с колчеданным оруденением кипрского типа. Эти районы представляют собой эталонные образцы горно-степных ландшафтов.

На северо-востоке Уральско-Мугоджарского ГМЦ были проведены масштабные ландшафтно-археологические исследования Еленовско-Ушкаттинского АМР в бассейне реки Камсак, расположенного в подзоне южной степи Верхнекумакского увалисто-останцового района Орь-Кумакского округа Урало-Тобольской возвышенно-равнинной провинции. Здесь компактные группы археологических объектов сосредоточены в окрестностях рудников ПБВ, вскрывающих зоны окисления и вторичного сульфидного обогащения медно-колчеданных (уральского и кипрского типов) и медно-порфировых месторождений, рудоносные комплексы которых представлены пироксенитами, базальтами и яшмами, гранитоидами и контактовыми зонами в геологических структурах Домбаровского рудного района.

На южной оконечности Уральско-Мугоджарского ГМЦ объектами исследования стали Шуулдакский и Сарлыбайский АРМ в верховьях реки Шет-Иргиз, в пределах одноименного физико-географического района Каульжурско-Шет-Иргизского округа Восточно-Примугоджарской равнинно-увалистой провинции. Горные выработки на медь ПБВ Южно-Мугоджарского (Берчогурского) рудного района приурочены преимущественно к медно-колчеданным базальтовым с яшмовыми прослоями рудоносным комплексам, а также к контактовым зонам базальтов с гранитоидами, где оруденение комплексное, связанное с сульфидно-кварцевыми жилами. В ландшафтном отношении пенеплен Восточных Мугоджар в южной его части представляет собой возвышенную холмистую равнину на границе степной и полупустынной зон.

Материалы исследования и обсуждение

Все исследованные компактные группы археологических памятников, приуроченные к меднорудным объектам, разрабатывавшимся в ПБВ, локализируются в пределах степных и горно-степных экосистем Уральско-Мугоджарского субрегиона. В ходе ландшафтно-археологических исследований надежно установлено, что основу системы жизнеобеспечения составляло скотоводство при подсобной роли охоты. Никаких признаков занятия земледелием не зафиксировано. Видовой состав стада соответствовал степному типу скотоводства и включал крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, в ряде случаев верблюда-бактриана при полном отсутствии свиньи. Собака активно использовалась в хозяйстве, но в пищу не употреблялась. Подсобную роль играла охота. Кости диких животных составляют до 10 % остеологических коллекций поселений. Основными промысловыми животными были сайгак и кулан, охота велась и на косуль и кабанов, обитавших в тугайных лесах степных речек. Объектами добычи являлись также сурки, хорьки, зайцы, корсаки, лисицы.

Реализованная населением ПБВ Уральско-Мугоджарского субрегиона адаптационная стратегия и сложившаяся модель скотоводческого хозяйства демонстрируют высокую степень эффективности. Быстрая регенерация степных и полупустынных геосистем с сохранением экологической функции была возможной лишь при условии использования подвижных форм скотоводства. При этом отличительной особенностью хозяйственно-культурной системы являлось гармоничное сочетание горно-металлургического производства и одной из форм мобильного скотоводства (отгонной, или яйлажной) с круглогодичным содержанием скота на подножном корме, сезонной ротацией пастбищ и водных источников. Отдельно следует отметить, что некоторые маршруты перекочевков совпадали с торговыми путями (караванными дорогами), по которым осуществлялся трафик металла и легирующих компонентов для производства оловянных бронз (Ткачев, 2019). В данном случае археологические микрорайоны следует рассматривать как компактные территории, в пределах которых функционировали устойчивые хозяйственные структуры отдельных социальных единиц (Синюк, 1990. С. 6). Однако, констатируя универсальность реконструируемой хозяйственно-культурной модели, эффективность которой обеспечивалась совпадением сезонных хозяйственных (скотоводческих) и технологических производственных

(горно-металлургических) циклов, нужно отметить вариативность ее реализации. В настоящее время можно выделить четыре формы реализации пастушеской модели металлопроизводства.

Стационарная комплексная форма. Такой вариант функционирования горно-металлургической производственной инфраструктуры предполагал присутствие долговременного круглогодичного поселения на площади рудника или в непосредственной близости от него. Это довольно редкая форма реализации пастушеской модели металлопроизводства, поскольку топографическая приуроченность селитебных памятников в подавляющем большинстве случаев отлична от ландшафтной ординации рудников на площади месторождений и рудопроявлений меди, олова и других полезных ископаемых, являвшихся критически важным сырьевым ресурсом для металлургии. Как правило, рудники располагаются в труднодоступных районах, на значительном удалении от водных источников, зачастую на пересеченной местности со сложным рельефом, где отсутствуют удобные площадки для размещения поселений.

Тем не менее такой вид организации горно-металлургического производства достаточно хорошо изучен. Эталонным объектом данного типа является Ишкининский АМР на северо-западной периферии Уральско-Мугоджарского ГМЦ, которому посвящена обширная литература — одно ее перечисление способно исчерпать лимитированный объем статьи. Для нашего исследования наибольший интерес представляет реконструкция хозяйственно-культурной модели, осуществленная на основе анализа обширного археозоологического материала, включая определение видового и половозрастного состава стада, сезона забоя скота, с привлечением историко-этнографических данных о скотоводческом хозяйстве и демографических параметрах башкирского населения рода сары из племени усерган, проживавшего в этой местности с XVIII в., что подробно описано в специальной работе (Ткачев и др., 2025).

Установлено, что ограниченная емкость локальной экосистемы предопределила специфику практикуемой населением ПБВ отгонной (ял-лажной) формы мобильного скотоводства, когда основная масса стада домашних животных перемещалась с частью населения на летние пастбища, маркированные могильниками и мемориальными комплексами с горно-металлургическим символическим контекстом. Особенностью горно-металлургических практик в данном случае являлось то обстоятельство, что отдельные группы населения, занимавшиеся добычей, пиротехниче-

ским обогащением руд, операциями, связанными с металлургическим переделом, включая отжиг древесного угля и др., вероятно, были освобождены от ведения скотоводческого хозяйства. Это обусловлено сезонным характером горнодобывающей и горно-обогачительной деятельности, требовавшей пребывания горняков в теплое время года на стационарном поселении вблизи рудника. В окрестностях поселения и рудника зафиксированы многочисленные пункты кратковременных, но в то же время регулярных посещений родственных групп населения с целью осуществления торгово-обменных операций (скот в обмен на продукцию горно-металлургического производства).

Ишкининский локальный центр металлопроизводства входит в ряд аналогичных горно-металлургических комплексов ЗАМП, которые можно соотнести с обсуждаемой формой реализации пастушеской модели металлопроизводства. Подобную картину, в частности, мы наблюдаем на восточном фланге провинции, где стационарное поселение финала эпохи бронзы Бозшаколь 1 образует единый комплекс с синхронным рудником на площади одноименного медно-порфирового месторождения в Баянаульском ГМЦ (Воякин, Усманова, 2023). Возможно, к этой же категории объектов в Донецком ГМЦ на западной периферии ЗАМП относится поселение Медная Руда на одноименном рудопроявлении медистых песчаников, где были обнаружены плавильные мастерские, связанные с расположенным рядом долговременным поселением срубной культуры (Татаринев, 2001. С. 214). Не исключено, что круглогодичный характер носило и поселение Кудуксай на реке Киимбай рядом с известным Еленовским рудником в северо-восточной части Уральско-Мугоджарского ГМЦ. Помимо стационарных жилищ с каменными контурами здесь выявлены теплотехнические сооружения с каналами-дымоходами для пиротехнического обогащения и декрипитации медных руд, металлургические печи отражательного типа, тигельные устройства для рафинирования черновой меди, обогащенные рудные концентраты, шлаки и другие продукты металлургического передела (Фомичев, 2014; Ткачев, Богданов, 2022. С. 45, 46, рис. 3, 1–4).

Стационарная специализированная форма. Данный вариант пастушеской модели металлопроизводства характеризуется обустройством долговременных поселений горняков непосредственно на территории рудников. Поселенческие структуры обычно включают плавильные

мастерские, выступая в качестве полноценных инфраструктурных объектов производственных участков. Зачастую такого рода жилищно-производственные комплексы, приуроченные к меднорудным источникам, вынуждены были функционировать в экстремальных условиях — вдали от воды, на гребнях безлесных увалов, совершенно не защищенных в любое время года от непрерывно дующих сильных ветров. И тем не менее можно уверенно констатировать довольно широкое распространение стационарных всесезонных поселений с горно-металлургической производственной специализацией на площади медных месторождений и рудопроявлений.

Эталонными объектами рассматриваемой категории являются поселения горняков и металлургов ПБВ на Каргалах и прежде всего наиболее тщательно изученное селище Горный, причем такая характеристика применима только для комплексов поздней фазы В (*Черных и др.*, 2002. С. 70–124). В этот период сезонное поселение срубной культуры фазы А сменяет стационарный поселок с материалами сусканского облика, происходит кардинальное изменение стратегии обитания. К этому периоду функционирования поселка Горный относятся основные жилые и производственные комплексы № 1 и 2, включавшие монументальные жилые отсеки, рудный и плавильные дворы с многочисленными теплотехническими сооружениями и др.

Видимо, практика обустройства стационарных жилищно-производственных комплексов на рудниках получила достаточно широкое распространение в ЗАМП. Так, например, на Донбассе долговременное (круглогодичное) специализированное поселение с плавильными мастерскими срубной культуры было выявлено на Клиновом медном руднике (*Татаринов*, 2003. С. 50). При этом, как и на Каргалах, допускается возможность горнодобывающей деятельности в зимнее время года посредством подземных вариантов проходки. Возможно, подобную описанную ситуацию можно предполагать для поселений, содержащих материалы ПБВ, — Кресто-Воздвиженское (Кресто), Милыкудук, Соркудук, Айнаколь, Златоуст — на площади Джезказганского месторождения в Центральном Казахстане (*Маргулан*, 2001. С. 60).

Сезонная специализированная форма. Это один из типичных для всего ареала ЗАМП вариантов реализации пастушеской модели металлопроизводства. Чаще всего такая форма обусловлена крайне неблагоприятными для постоянного проживания условиями в районах локализации

меднорудных источников, прежде всего отсутствием доступа к воде. Обычно на рудниках или в непосредственной близости от них фиксируются временные стоянки-мастерские для пребывания в теплое время года либо местонахождения керамики, горнопроходческих орудий и пр., не образующие культурного слоя.

Такой тип организации горных работ на меднорудных объектах задокументирован в ходе реконсцировочных геоархеологических исследований в экстремальных природно-климатических условиях полупустынной зоны на южной оконечности Мугоджарских гор. Наиболее показательна в этом плане ситуация, отмеченная на руднике Южный Жамантау, являющемся на сегодняшний день самым южным горнорудным объектом Уральско-Мугоджарского ГМЦ. Он отстоит на 60 км от ближайших древних выработок и приуроченных к ним археологических памятников кожумбердынской культурной группы алакульской линии развития, сосредоточенных на правобережье реки Шуулдак. Рассматриваемая территория характеризуется очень плохой обеспеченностью гидроресурсами и полным отсутствием древесной и даже кустарниковой растительности. В районе локализации рудника Южный Жамантау известны лишь немногочисленные родники и сухие сая, частично наполняющиеся водой только в период весеннего половодья.

Однако именно здесь находится один из крупнейших в Уральско-Мугоджарском ГМЦ древних техногенных объектов, эксплуатировавшихся в бронзовом веке. На поверхности отвалов и производственных обогатительных площадок было обнаружено семь каменных орудий древнего горного промысла со следами длительной эксплуатации, представленных кайлами, молотами, рудодробильными камнями, изготовленными из габбро, диабазов, окаменелого известняка.

Детальное обследование окрестностей рудника почти не дало результатов. Однако факт присутствия в этом районе носителей алакульской культуры все-таки удалось засвидетельствовать. В 500 м к югу-юго-востоку от рудника в верховьях безымянного сая в горном распадке было обнаружено местонахождение керамики. Морфологические характеристики и орнамент отдельных образцов соответствуют стандартам алакульской гончарной традиции. В данном случае можно говорить о временной сезонной стоянке горняков ПБВ. В 100 м от описанной площадки на одной оси по направлению к руднику находится вертикально вкопанная глыба ярко-красного джасперита размерами 40 × 50 × 70 см.

Ближайшие выходы джасперитов имеются в 400 м к востоку. Вероятно, она была специально перенесена на окраину поселения и является менгиром. Примечательно, что менгир на окраине стоянки Южный Жамантау раскололся еще в древности в силу природных воздействий, при этом на внутренних поверхностях трещин образовались лишайниковые окаменелости, что подтверждает древний возраст этого объекта.

Масштаб горных работ на обсуждаемом меднорудном объекте в бронзовом веке был весьма значительным. Но, вероятно, горный промысел носил сезонный характер и представлял собой своеобразные производственные экспедиции специализированных профессиональных групп горняков. Отсутствие топлива делало невозможным осуществление сколько-нибудь крупного пиротехнического обогащения и металлургического передела. Указанные обстоятельства на фоне явно избыточного объема извлеченной рудной массы по отношению к весьма скромным демографическим параметрам мобильных групп рудознатцев в местах добычи подтверждают наличие внутреннего обмена в границах Уральско-Мугоджарского ГМЦ. Вероятно, основным объектом торгово-обменных операций в данном случае являлась обогащенная сухим способом медная руда.

В Приуральском ГМЦ подобный вид пастушеской модели металлопроизводства являлся, видимо, преобладающим в среде горняков и металлургов срубной культуры, разрабатывавших рудопоявления Каргалинского рудного поля. Сезонный характер селитебных объектов фазы А поселения Горный, представленных «жилищами-ямами» и «жилищами-норами», не вызывает сомнения (Черных и др., 2002. С. 26–69). Учитывая ничтожно малое количество обычных скотоводческих селитебных и погребальных памятников ПБВ на Каргалах, предполагаемый исследователями Горного наиболее рациональный «вахтовый» стиль организации горных работ в карьерах (разносах), шахтах и штольнях (Черных, 2007. С. 115) представляется вполне обоснованным.

Безусловно, лишь в теплое время года могли функционировать карьеры открытого типа и связанные с ними горноперерабатывающие комплексы, включавшие пожаровые ямы-печи для пиротехнического обогащения медных руд, шламовые отвалы и площадки Михайловского и Белоусовского рудников, являющихся опорными объектами для изучения технологических алгоритмов добычи и переработки рудного сырья в рамках пастушеской модели металлопроизвод-

ства (Богданов, 2022). Заметим, что на этих эталонных геоархеологических производственных объектах вообще отсутствуют селитебные структуры; обнаружены лишь разрозненные образцы срубной керамики и кости домашних животных, хотя масштабы горнодобывающих и горно-обогачительных работ весьма внушительные.

На Донбассе подавляющее большинство выявленных срубных и сабатиновских жилищно-производственных участков на рудниках представлено стоянками-мастерскими с сезонными (в летний период) жилищами и плавильными комплексами. Самые выразительные из них исследованы на рудниках Пилипчатино 1 и 2, Клиновое 1, Вискровка (Татарин, 2003. С. 45–50). К этой же группе, видимо, следует отнести и объекты техногенного участка в северо-восточной части карьера рудника Червонэ озеро-1 на Картамышском рудопоявлении, где раскопками вскрыты селитебные структуры двух стратиграфических горизонтов, культовые сооружения, места складирования и сортировки руды, теплотехнические конструкции для ее пиротехнического обогащения, металлургические печи, предназначавшиеся для штейнового передела и восстановления черновой меди из обогащенных рудных концентратов (Бровендер, 2008).

Еще одним выразительным примером сезонной специализированной формы пастушеской модели металлопроизводства может служить жилищно-производственный комплекс алакульской культуры на руднике Воровская Яма в Зауральском ГМЦ. Помимо качественно проведенных археологических раскопок и археозоологических исследований, включая определение сезона забоя домашнего скота, в данном случае следует отметить реализацию масштабной аналитической программы, в том числе осуществление археометрических измерений изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмалях зубов и костных тканях животных, что является действенным инструментом изучения локальной мобильности. Такой комплексный подход позволил надежно обосновать сезонный характер организации горных работ и пирометаллургических практик на руднике Воровская Яма, поскольку фактически все животные были забиты в теплое время года. Кроме того, на основании изотопных отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ удалось установить, что значительная часть стада связана своим происхождением с достаточно удаленными территориями, отстоящими от рудника на расстояние 20–100 км к востоку и юго-востоку (Ankusheva et al., 2024).

Сезонная комплексная форма. Данный вариант реализации пастушеской модели металлопроизводства является основным на всем пространстве ЗАМП. Она близка предыдущей, но имеет ряд качественных отличий. Главное из них заключается в том, что рудники располагаются не в труднодоступных местах с экстремальными условиями пребывания вдали от водных источников, а наоборот, локализуются в благоприятной обстановке вблизи водотоков или родников, формируя комфортную среду для сезонного относительно длительного нахождения скотоводческого населения в теплое время года. Указанное обстоятельство определяло и альтернативную стратегию хозяйственного освоения таких территориальных локусов, характеризующихся наличием обильных летних пастбищ. Вместе с группами горняков-металлургов в места летних кочевий перемещалась значительная часть населения с основной массой стада домашних животных.

Характеристика этой наиболее типичной формы пастушеской модели металлопроизводства содержится в цикле специальных работ, посвященных интерпретации данных, полученных в ходе ландшафтно-археологических исследований памятников ПБВ Южного Урала и Мугоджар, где приведена система аргументации, в том числе историко-этнографические параллели с отсылкой к соответствующим источникам и литературе (Ткачев, 2017; 2019; 2020а; 2020б; 2021; Ткачев и др., 2013; 2023). Поэтому здесь можно ограничиться кратким описанием основных итогов изучения рассматриваемого вопроса.

Наиболее распространенным видом организации мобильного скотоводческого хозяйства (яйлажная форма) в Уральско-Мугоджарском регионе в ПБВ являлась модель, когда летние пастбища располагались в верховьях степных рек, начинающихся с орографических систем Южного Урала и Мугоджар, а зимовки — в низовьях рек, защищенных от ветра местах, приречных тугаях и песках на магистральных водных артериях. Сезонные перемещения имели широтную либо меридиональную направленность и незначительную амплитуду, не превышающую 40–80 км. Аналогичная пространственная организация летних кочевий (жайлау) и зимовок (кыстау) на данной территории была характерна для казахов родов жагалбайлы из племени жетыру и торткара из объединения алимулы вплоть до этнографической современности.

Такая система хозяйствования сложилась, в частности, в разветвленной системе правых притоков реки Ирғиз в Южных Мугоджарах

(Шуулдакский и Сарлыбайский АМР), бассейне реки Камсак (Еленовско-Ушкаттинский АМР), в среднем течении реки Жаксы-Каргалы (Шаншарский АМР). Корректность приведенных историко-этнографических аналогий получила подтверждение при сравнении демографических параметров групп населения, использовавших емкость освоенных локальных экологических ниш. В ходе изучения Шаншарского, Шуулдакского и Сарлыбайского АМР было установлено, что демографические параметры палеопопуляций кожумбердынской культурной группы ПБВ и численность наличного населения в известных по историко-этнографическим источникам казахских скотоводческих хозяйств в тех же местностях практически идентичны, что свидетельствует о сопоставимости моделей хозяйствования.

Отличительной особенностью описанной хозяйственно-культурной модели, функционировавшей в Уральско-Мугоджарском субрегионе в ПБВ, является то обстоятельство, что в местах летних пастбищ в большинстве случаев была организована добыча и первичная переработка медных руд. Именно в этих районах помимо сезонных поселенческих структур, многочисленных некрополей и памятников культового назначения (святилищ с петроглифами), мемориальных комплексов присутствуют медные рудники с производственными обогатительными площадками. Перечисленные объекты материальной культуры демонстрируют, что географическое пространство осваивалось не только утилитарно, но также в духовной и семантической проекциях. Их локализация вблизи памятников горной археологии маркирует манифестацию монопольного права отдельных групп населения на эксплуатацию ограниченных жизненно важных ресурсов, какими являлись пастбищные угодья и меднорудные источники. Эффективность хозяйственно-культурной модели обеспечивалась за счет совпадения хозяйственных циклов, связанных с сезонными перекочевками значительной части населения к местам летних пастбищ, и технологических звеньев горно-металлургического производства.

Близкая модель скотоводческого хозяйства, основанная на регулярной ротации пастбищ и водных источников, сложилась в южной части Приуральского ГМЦ на территории западно-алакульской культурной группы на левобережье Урала, где сезонные миграции меридиональной направленности осуществлялись от устьев к верховьям рек Киялы-Бурти, Карагашты, Тузлуккуля, Бурти, Бердянки и др. Здесь, в районах летовок, сосредоточена основная масса

медных рудников. Аналогичная картина зафиксирована и в верхнем течении реки Илек, но при сопоставимой амплитуде кочевания в пределах 40–60 км сезонные перемещения населения имели преимущественно широтную направленность. Скот отгонялся на летние пастбища в верховья рек Тамды, Табантал, Есет, Жаман-Каргала, Бутак, Жаксы-Каргала, являющихся правыми притоками реки Илек первого и второго порядка. И в этом случае все известные медные рудники располагаются в местах летних пастбищ, и также можно констатировать сопоставимость системы расселения казахов в новое время. В этих местах находились совместные кочевья родов табын и тама из поколения жетыру, кете, шекты, шомекей из племени алимулы. Примечательно, что в ПБВ Среднее Поуралье и сопредельные районы в верховьях Уила и бассейне Утвы являлись трансграничной территорией — срубно-алакульским пограничьем, где наиболее отчетливо наблюдается культурная диффузия, что закономерно при совместном использовании пастбищных угодий.

Конечно, описанная форма реализации пастушеской модели металлопроизводства предполагает широкую сеть распространения металлургического сырья и функционирование долговременных поселений, куда доставлялись обогащенные рудные концентраты и осуществлялись заключительные технологические операции пирометаллургического передела. Иногда локальные центры металлопроизводства располагаются на значительном удалении от меднорудных источников, а тем более от встречающихся гораздо реже месторождений олова. Тогда подготовленный к рафинированию и литью металл поставлялся, видимо, в слитках. Примерами таких поселений с выразительными свидетельствами металлообработки могут служить, в частности, Усово Озеро, Капитаново II, Мосоловское в Доно-Донецком регионе (Березанская, 1990. С. 52–74; Пряхин, 1996; Пряхин и др., 2000).

В этом смысле применительно к территории Южного Зауралья очевидные перспективы имеет интерпретация синташтинских и раннеалакульских (петровских) поселений с выразительными свидетельствами металлопроизводственной деятельности как зимовок степных скотоводов (кыстау или кышлау в позднекочевнической казахской и башкирской терминологии, соответственно). В этом плане «укрепленные» поселения Южного Зауралья, вероятно, представляют собой яркие образцы рационально организованных поселенческих структур, максимально приспособленных для стационарного пребывания степно-

го скотоводческого населения в зимний период хозяйствования и защищенных от весенних паводков системой рвов, валов, обводных и радиальных водоотводных каналов.

Рассматриваемая модель носила универсальный характер. Так, например, ландшафтно-археологические исследования горно-металлургического комплекса срубной культуры Михайло-Овсянка в Среднем Поволжье, в ходе которых определялся сезон забоя скота, изучался изотопный состав стронция, азота и углерода в костях животных, показали, что горные работы производились летом — осенью, а скотоводство носило отгонную форму (Шишлина и др., 2020). Новотемирский рудник алакульского времени в Южном Зауралье, по мнению исследователей, обслуживал группу близлежащих поселений долины реки Темир-Зингейка, что подтверждают изотопные отношения стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в эмалях зубов и костных тканях животных, хотя результаты определения сезона забоя скота дали неоднозначные результаты (Анкушева и др., 2021; Анкушева, Епимахов, 2025). Наглядной иллюстрацией обсуждаемого сюжета могут выступить памятники Картамышского АМР на площади одноименного рудопроявления медистых песчаников на Донбассе (Бровендер, 2008. С. 184).

Еще более выразительные материалы получены в процессе изучения целой серии поселений с горно-металлургической производственной специализацией в Центральном Казахстане, содержащих материалы широкого культурно-хронологического диапазона — от раннеалакульского (петровского) времени до финала бронзового века. Речь, прежде всего, идет о выдающихся памятниках в верховьях реки Атасу (Атасу, Мыржик, Ак-Мустафа), связанных в единую производственную цепочку с меднорудными объектами Северо-Бетпакалинского ГМЦ (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 21–67), а также о поселении Талдысай в Жезказган-Улытауском ГМЦ (Талдысай..., 2020).

Уместно заметить, что недавно независимо от нас подобную точку зрения на проблему мобильности в пределах андроновского ареала высказали немецкие специалисты в области горной археологии из Германского горного музея в Бохуме (Deutsches Bergbau-Museum Bochum). В ходе реализации казахстанско-германского проекта были исследованы горные выработки, связанные с добычей касситерита, в массиве Дельбегетей (Аскаралы) в Калба-Нарымской зоне Казахстанского Алтая, а также сопряженные с ними селитебные, погребальные и ритуальные комплексы. Для нашей

темы наибольший интерес представляют осуществленные в рамках этих работ археометрические измерения изотопного состава азота, углерода, кислорода и стронция в костных тканях и эмалях зубов животных и людей. На основании полученных данных, а также аналитического изучения химического состава и изотопных отношений свинца в металлических изделиях авторы приходят к выводу, что горно-металлургические практики в районе оловянных месторождений носили сезонный характер, а горняки-металлурги были вовлечены в пастушеские группы и перемещались вместе с ними на богатые летние пастбища. Район Дельбегетей / Аскаралы использовался как сезонное место встреч, куда приезжали различные группы, чтобы использовать пастбища и залежи олова в теплое время года (Stöllner et al., 2023).

Приведенные данные имеют принципиальное значение для реконструкции механизмов функционирования в ПВВ конкретных очагов металлопроизводства и металлургических провинций, поскольку имеют прямое отношение к формированию сетей обмена, связанных с циркуляцией металла, включая легирующие компоненты, среди которых олово занимает главное место. Возможно, с сезонной мобильностью в том же районе связано и функционирование в бассейне реки Песчанки в северо-западных предгорьях Калбинского хребта недавно выявленного локального центра металлопроизводства, включавшего четыре неизвестных ранее оловянных рудника (Бетегели-2–5) и два поселения горняков-металлургов (Бетегели-1 и Карасу) позднего бронзового века (Самашев и др., 2025). Но на этот вопрос ответить определенно смогут только будущие исследования.

Учитывая исключительную редкость, значительную территориальную удаленность источников олова и высокую значимость этой лигатуры для производства бронз в ПВВ, можно предположить существование торговых путей, совпадавших с маршрутами сезонных миграций отдельных групп скотоводов, горняков и металлургов, которые могли быть задействованы для снабжения оловом металлопроизводственных центров, лишенных этого сырьевого ресурса, что, в частности, для Арало-Каспийского региона хорошо согласуется с историко-этнографическими данными (Ткачев, 2019. С. 43–46, рис. 2).

Заключение

Таким образом, в ПВВ в ареале ЗАМП можно реконструировать четыре варианта реализации пастушеской модели металлопроизводства.

Все они были максимально приспособлены к особенностям степных экосистем и позволяли сохранять их динамическое равновесие за счет рационального использования природно-ресурсного потенциала. Развитие данной металлопроизводственной модели достигает своего апогея на заключительной стадии бронзового века, когда на восточном фланге ЗАМП возникают грандиозные протогородские структуры, такие как Семиярка и Кент с его производственным участком Алат, которые предстают перед нами как своеобразные логистические и металлопроизводственные «хабы» (Radivojević et al., 2025; Варфоломеев и др., 2017; Жауымбаев и др., 2017). В последнем случае пирометаллургические технологии уже базировались преимущественно на многоступенчатом переделе первичного сульфида меди — халькопирита, о чем сообщают многочисленные медные и железные шлаки. Это неизбежно привело к открытию металлургии железа и ознаменовало наступление переходного периода к раннему железному веку, который В. С. Бочкарёв и М. Т. Кашуба предлагают выделить в отдельную стадию глобальной археологической периодизации с рабочим наименованием «ферраэнеум» или «биметалликум» (Бочкарев, Кашуба, 2017).

Завершая работу, отметим, что здесь был освещен фактически только один аспект реализации пастушеской модели металлопроизводства бронзового века, связанный с вариантами организации горнодобывающей и горно-обогажительной деятельности на рудниках. Однако и на этом уровне можно констатировать вариативность производственных практик. Способы разведки, проходки, обогащения рудного сырья, равно как и его транспортировки, пирометаллургического передела обогащенных рудных концентратов для получения черновой меди, ее последующего рафинирования и легирования и, наконец, литья и кузнечно-слесарной обработки металлических изделий, несомненно, должны стать предметом отдельного исследования. Предстоит выяснить формы товарного обмена и социальной организации металлопроизводства (индивидуально-семейная, клановая и др.), изучить вопросы ритуально-магического сопровождения горно-металлургических практик и многие другие. Мы в самом начале пути разработки концепции пастушеской модели металлопроизводства, и путешествие обещает стать увлекательным.

Статья поступила в редакцию 26 марта 2026 г.

- Аванесова, 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
- Анкушева, Епимахов, 2025 — Анкушева П. С., Епимахов А. В. Регионы выпаса домашних копытных по данным изотопного состава стронция в материалах древних рудников Новотемирский и Воровская Яма (Южное Зауралье) // Археология евразийских степей. 2025. № 1. С. 173–187.
- Анкушева и др., 2021 — Анкушева П. С., Киселева Д. В., Бачура О. П., Алаева И. П., Анкушев М. Н., Окунева Т. Г. Труд и питание горняков бронзового века Южного Зауралья (по данным изотопного состава стронция в остеологических остатках рудника Новотемирский) // Stratum Plus. 2021. № 2: Природа и общество в поздней преистории. С. 69–83.
- Березанская, 1990 — Березанская С. С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.
- Богданов, 2020 — Богданов С. В. Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник (УИВ). Екатеринбург, 2020. № 4 (69). С. 6–14.
- Богданов, 2022 — Богданов С. В. Специфика рудного протолита в металлургии бронзового века степного Приуралья // Археология евразийских степей. 2022. № 2. С. 206–217.
- Богданов и др., 2023 — Богданов С. В., Булатов В. А., Корочкова О. Н., Спиридонов И. А., Ткачев В. В. Депонирование элементов исходных руд и лигатур в металле бронзового века Зауралья // Вестник СПбГУ. Серия «История». 2023. Т. 68, вып. 4. С. 1104–1140.
- Богданов и др., 2025 — Богданов С. В., Ткачев В. В., Семин Д. В. Ранние свидетельства использования халькопирита в металлопроизводстве позднего бронзового века Уральской горно-металлургической области // Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского региона в среднем и позднем бронзовом веке. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2025. С. 17–22.
- Бочкарев, 1995а — Бочкарев В. С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конф. / Отв. ред. В. С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 18–29.
- Бочкарев, 1995б — Бочкарев В. С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.): Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1995. С. 114–123.
- Бочкарев, 2017 — Бочкарев В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum Plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 159–204.
- Бочкарев, Кашуба, 2017 — Бочкарев В. С., Кашуба М. Т. От бронзы к железу: скачок или поэтапный переход (по материалам эпохи поздней бронзы — раннего железа Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского региона) // Археология восточно-европейской степи. 2017. Вып. 13. С. 87–112.
- Бровендер, 2008 — Бровендер Ю. М. Итоги раскопок техногенного участка на Картамышском рудопоявлении // Древности. 2008. Т. 7. С. 184–203.
- Варфоломеев и др., 2017 — Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент — город бронзового века в центре казахских степей. Материалы и исследования по культурному наследию / Ред. З. С. Замашев. Астана: Казахский науч.-исслед. ин-т культуры, 2017. 338 с.
- Воякин, Усманова, 2023 — Воякин Д. А., Усманова Э. Р. Горно-металлургический комплекс Бозшаколь 1. Алматы: МИЦАИ, 2023. 282 с.
- Географический атлас..., 1999 — Географический атлас Оренбургской области / Сост. и науч. ред. А. А. Чибилев. М.: ДИК, 1999. 96 с.
- Жауымбаев и др., 2017 — Жауымбаев С. У., Евдокимов В. В., Кукушкин А. И., Шохатаев О. С. Поселение металлургов Алат эпохи поздней бронзы, Каркаралинский район, Карагандинская область // Вестник Карагандинского ун-та. Серия «История. Философия». 2017. № 2 (86). С. 52–59.
- Зайков и др., 2013 — Зайков В. В., Юминов А. М., Анкушев М. Н., Ткачев В. В., Носкевич В. В., Епимахов А. В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1. С. 174–195.
- Кадырбаев, Курманкулов, 1992 — Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алматы: Наука, 1992. 247 с.
- Корякова, 2012 — Корякова Л. Н. Формирование и развитие археологии поселений (зарубежный опыт) // УИВ. 2012. № 4. С. 4–13.
- Корякова и др., 2019 — Корякова Л. Н., Краузе Р., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., Косинцев П. А. Археология образа жизни (по материалам исследований памятников эпохи бронзы Южного Зауралья) // УИВ. 2019. № 4. С. 40–51.
- Кузнецов, 2006 — Кузнецов О. В. Процессуальная археология и этноархеология охотников и собирателей // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 134–149.

- Маргулан, 2001 — Маргулан А. Х. Сочинения: В 14 т. Т. 2: Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джезказган — древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 144 с.
- Пряхин, 1996 — Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1996. 176 с.
- Пряхин и др., 2000 — Пряхин А. Д., Отрощенко В. В., Беседин В. И., Бровендер Ю. М. Поселение эпохи бронзы Капитаново-II: материалы работ Украинско-Российской археологической экспедиции. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000 (Археологические памятники Донского бассейна). 50 с.
- Самашев и др., 2025 — Самашев З., Водясов Е. В., Садибеков А. Б., Зайцева О. В. Добыча олова и производство бронзы в Восточном Казахстане во II тыс. до н. э. (по материалам поселения Бетегели-1) // Археология Казахстана. 2025. № 4 (30). С. 11–27.
- Синюк, 1990 — Синюк А. Т. Археологический микрорайон: концепции и методологический аспект // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы: Тезисы докл. науч. конф. Воронеж: Воронежский ун-т, 1990. С. 5–7.
- Талдысай..., 2020 — Талдысай — поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи: Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 240 с.
- Татаринев, 2001 — Татаринев С. И. Жилище горняков бронзового века на Клиновском медном руднике в Донбассе // Археологический альманах. Донецк, 2001. № 10. С. 209–214.
- Татаринев, 2003 — Татаринев С. И. Древние горняки-металлурги Донбасса. Славянск: Печатный двор, 2003. 132 с.
- Ткачев, 2011 — Ткачев В. В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.
- Ткачев, 2017 — Ткачев В. В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum Plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 205–230.
- Ткачев, 2019 — Ткачев В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // УИВ. 2019. № 1 (62). С. 38–47.
- Ткачев, 2020а — Ткачев В. В. Трансграничная зона срубной и алакульской культур в степном Приуралье: физико-географический и горно-металлургический аспекты // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 116–128.
- Ткачев, 2020б — Ткачев В. В. Возможности ландшафтной археологии в изучении локальной мобильности степных скотоводческих культур эпохи палеометалла // УИВ. 2020. № 4 (69). С. 32–41.
- Ткачев, 2021 — Ткачев В. В. Концепция культурного ландшафта в ретроспективе эпохи поздней первобытности (по материалам позднего бронзового века Южного Урала) // Stratum Plus. 2021. № 2: Природа и общество в поздней преистории. С. 53–67.
- Ткачев, 2024 — Ткачев В. В. Историко-металлургическая таксономия: геоархеологический и археометаллургический аспекты // РА. 2024. № 3. С. 89–100.
- Ткачев, Богданов, 2022 — Ткачев В. В., Богданов С. В. Назначение печей шахтного типа Западноазиатской металлургической провинции // УИВ. 2022. № 4 (77). С. 41–54.
- Ткачев и др., 2013 — Ткачев В. В., Байтлеу Д. А., Носкевич В. В., Юминов А. М., Бебнев А. С., Вдовин А. Г., Анкушев М. Н., Жалмагамбетов Ж. М. Междисциплинарные исследования древнего рудника Шаншар на севере Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 248–264.
- Ткачев и др., 2023 — Ткачев В. В., Косинцев П. А., Бачура О. П., Байтлеу Д. А. Модель скотоводческого хозяйства населения позднего бронзового века с горно-металлургической производственной специализацией в Южных Мугоджарах (Западный Казахстан) // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 2. С. 377–395.
- Ткачев и др., 2025 — Ткачев В. В., Косинцев П. А., Кисагулов А. В., Бачура О. П. Археозоологические исследования на поселении горняков и металлургов позднего бронзового века вблизи древнего Ишкининского медного рудника (Южный Урал) // Stratum Plus. 2025. № 2: В поисках культурных корней. С. 105–120.
- Фомичев, 2014 — Фомичев А. В. Металлургический комплекс на поселении Кудук-сай в Еленовско-Ушкатинском археологическом микрорайоне // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография: Сб. ст. / Отв. ред. Е. П. Токарева, В. Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. Кн. (ММХIV) I. С. 293–300.
- Черных, 1966 — Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966. 143 с.
- Черных, 1970 — Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Черных, 1976 — Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.
- Черных, 1978 — Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

- Черных, 2007 — Черных Е. Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007 (Каргалы; Т. V). 200 с.
- Черных, 2013 — Черных Е. Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
- Черных, Кузьминых, 1989 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных и др., 2002 — Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Журбин И. В., Лопес-Саец Х. А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М. И. Каргалы. Т. II: Горный — поселение эпохи поздней бронзы. Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.
- Чибилев Ал., Чибилев Ант., 2012 — Чибилев Ал. А., Чибилев Ант. А. Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 1 (6). С. 1660–1665.
- Шакиров, 2011 — Шакиров А. В. Физико-географическое районирование Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 617 с.
- Шишлина и др., 2020 — Шишлина Н. И., Рослякова Н. В., Бачура О. П., Киселева Д. В., Кузнецова О. В. Пастухи и металлургия бронзового века: анализ изотопных данных // УИВ. 2020. № 4. С. 15–23.
- Ankusheva et al., 2024 — Ankusheva P. S., Rassadnikov A. Yu., Ankushev M. N., Bachura O. P., Chechushkov I. V., Kiseleva D. V., Zazovskaya E. P., Epimakhov A. V. Meat Supply of Alakul Miners at the Bronze Age Vorovskaya Yama Copper Mine (Southern Trans-Urals) // Environmental Archaeology. 2024. Vol. 31, no. 1. P. 31–52.
- Anshuetz et al., 2001 — Anshuetz K. F., Wilshusen R. H., Scheick C. L. An Archaeology of Landscapes: Perspectives and Directions // Journal of Archaeological Research. 2001. Vol. 9, no. 2. P. 157–211.
- Černykh, 1992 — Černykh E. N. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: University press, 1992. 335 p.
- Černykh, 2013 — Černykh E. Die Eurasische (Westasiatische) metallurgische Provinz der Spätbronzezeit: Aufstieg — Blüte — Niedergang // Unbekanntes Kasachstan — Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. I. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. P. 185–200.
- Handbook of Landscape..., 2008 — Handbook of Landscape Archaeology / Research handbooks in archaeology. World Archaeological Congress research handbooks in archaeology. Vol. 1 / Eds. B. David, J. Thomas. California: Left Coast Press, 2008. 719 p.
- Johnson, 2012 — Johnson M. H. Phenomenological Approaches in Landscape Archaeology // Annual Review of Anthropology. 2012. Vol. 41 (1). P. 269–284.
- Knapp, Ashmore, 1999 — Knapp A. B., Ashmore W. Archaeological Landscapes: Constructed, Conceptualized, Ideational // Archaeologies of Landscape: Contemporary Perspectives / Eds. W. Ashmore, A. B. Knapp. Oxford: Blackwell, 1999. P. 1–30.
- Radivojević et al., 2025 — Radivojević M., Lawrence D., Merz V. K., Merz I. V., Demidkova E., Woolston-Houshold M., Villis R., Brown P. J. A major city of the Kazakh Steppe? Investigating Semiyarka's Bronze Age legacy // Antiquity. 2025. Advance online publication. URL: <https://doi.org/10.15184/aqy.2025.10244>. P. 1–9.
- Stöllner, 2014 — Stöllner T. R. Chapter 7. Methods of Mining Archaeology (Montanarchäologie) // Archaeometallurgy in Global Perspective. Methods and Syntheses / Eds. B. W. Roberts, C. P. Thornton. New York; Heidelberg; Dordrecht; London: Springer, 2014. P. 133–159.
- Stöllner et al., 2023 — Stöllner Th., Özyarkent H., Gontscharov A. Andronovo Mobility Revisited: New Research on Bronze Age Mining and Metallurgical Communities in Central Asia // Rethinking Migrations in Late Prehistoric Eurasia / Eds. M. Fernández-Götz, C. Nimura, Ph. W. Stockhammer, R. Cartwright. Oxford University Press, 2023 (Proceedings of the British Academy; Vol. 254). P. 110–141.
- Tkačev et al., 2013 — Tkačev V., Zajkov V., Juminov A. Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary) // Unbekanntes Kasachstan — Archäologie im Herzen Asiens... Bd. I. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 471–482.

**Forms of implementation of the pastoral model of metal production
in the steppe ecosystems of the Southern Urals and Mugodzhar
(based on Late Bronze Age materials)**

V. V. Tkachev³

Keywords: Late Bronze Age, West Asian metallurgical province, mining and metallurgical production, local metal production centers, steppe ecosystems, mobile livestock farming

Based on the results of landscape and archaeological studies of local metal production centers of the Late Bronze Age in the Southern Urals and Mugodzhar, and drawing on historical and ethnographic parallels, four forms of implementation of the pastoral model of metal production, typical for the entire area of the West Asian metallurgical province, are reconstructed. All of them are characterized by a harmonious combination of mobile livestock breeding, based on the seasonal rotation of pastures and water sources, with individual technological stages of mining and metallurgical production. Some seasonal migration routes coincided with trade routes that carried metal and alloying components for the production of tin bronzes. High population mobility ensured the stability of exchange networks associated with the circulation of metallurgical products. The economic and cultural system was maximally adapted to the characteristics of steppe ecosystems and allowed for the maintenance of their dynamic equilibrium through the rational use of natural resource potential.

³ Vitaly V. Tkachev — Institute of Steppe of the Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg; e-mail: vit-tkachev@yandex.ru.

О возможных значениях крупных курганов раннего железного века для построивших их сообществ¹

Т. Р. Садыков²

Аннотация. В статье описываются некоторые планиграфические и стратиграфические закономерности, выявленные на материале крупных «погребально-поминальных комплексов» раннего железного века. Эти закономерности являются важным дополнительным источником информации для реконструкции социальной и культурной истории и должны анализироваться в той же степени, что и непосредственно материальная культура. Реконструкция социальных и культурных процессов, особенно в отношении дописменных обществ, в любом случае останется до некоторой степени гипотетической, но при опоре на достоверно зафиксированные археологические данные может в какой-то мере претендовать на обоснованное расширение наших представлений о способах и возможностях воздействия культуры на человеческую природу.

Ключевые слова: пояс Евразийских степей, ранний железный век, ранние кочевники, скифо-сибирский мир, погребально-поминальные комплексы, планиграфический анализ

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-110-120

Введение

Курган, как уже неоднократно отмечалось, не должен рассматриваться просто как насыпь над погребением, которая только маркирует это погребение и величина которой всего лишь напрямую отражает социальный статус погребенного. В разные эпохи значение и значимость кургана для построившего его общества довольно сильно различались. Этот показатель — место кургана внутри социального механизма с использованием самых разных оптик (см. например: *Johnson*, 2024) — в некоторых случаях может рассказать об изучаемом сообществе не меньше, чем его материальная культура.

Как и любой другой археологический памятник, курган после физической утраты (раскопок) переходит в набор данных, который является очень специфическим типом исторического и культурно-антропологического источника.

При этом, конечно, чем хуже раскопная документация — тем шире и противоречивее трактовки данных, а чем детальнее и надежнее — тем более конкретные и обоснованные предположения можно выдвинуть на ее основе. В некоторых случаях тщательное документирование хорошо сохранившегося археологического памятника может даже отразить не только «реальность» на определенный момент, но и отпечатать (точнее, запечатать) некоторую последовательность действий. Тогда в реконструкциях появляются не только пространственные, вещественные данные, но и временные, фиксирующие набор и порядок действий.

Любой набор действий и древнего, и современного человека может носить как утилитарный, так и неутилитарный характер: граница между ними, как и сегодня, нечеткая. Неутилитарные действия обусловлены культурой, и, конечно, их значения при утрате контекста реконструируются только гипотетически. В археологии принято называть неутилитарные действия «ритуальными», и, чтобы не увязнуть в терминологических спорах, можно продолжить использовать это же обозначение. Ритуал в этом смысле можно определить как последовательность действий, каждое из которых несет культурную нагрузку, не всегда понятную даже для непосредственного участника, а часто

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: timur.r.sadykov@gmail.com.

© Садыков Т. Р., 2026

просто имитационную. Его цель может быть довольно практической: получение удачи, исправление жизненной ситуации, противодействие энтропии или даже что-то более конкретное. А применительно к погребальному обряду это может быть и избавление от тела, и сохранение тела и так далее, но сама последовательность действий при этом может опираться на систему допущений (представлений), совершенно не считаваемую без понимания контекста, поскольку культура и есть система этих представлений. И на основе зафиксированных действий можно предположить реконструкцию этих представлений.

Все это в полной мере относится и к курганной археологии. Сначала будут рассмотрены возможности анализа внутренней планиграфии и стратиграфии курганной насыпи и околокурганного пространства как источника для определения конкретного набора действий и возможности интерпретаций этого набора действий; потом — место отдельного кургана (и, соответственно, связанных с ним действий) в жизни создавшего его сообщества; в конце — прямые и косвенные параллели выявленных закономерностей в хронологически и/или культурно близких сообществах. Все эти вопросы могут быть рассмотрены достаточно подробно на основе погребально-ритуального комплекса Туннуг, расположенного в «Долине царей» в Туве (*Caspari et al.*, 2018; *Sadykov et al.*, 2020), с привлечением широкого круга аналогий.

Курган Туннуг.

Планиграфия и внутренняя хронология

В ходе изучения насыпи кургана Туннуг и его непосредственного окружения накопилось достаточно много информации как о процессе строительства памятника, так и о действиях, осуществленных на его территории после сооружения, в том числе уже после исчезновения сообщества, которое его построило и использовало. Памятник находится в пойме реки, далеко отстоит от благоприятных для жилья мест и удобных путей передвижения, и, как следствие, каждый эпизод антропогенной активности на памятнике обусловлен какой-то отдельной причиной. Непрерывность этой активности и маловероятна, и как минимум не фиксируется археологически, но протяженность во времени этих эпизодов очень велика. Прямой стратиграфией (разграниченной последовательностью почвенных слоев) эти отдельные периоды активности практически не считаются из-за специфики пойменного процесса почвообразования, при котором развалы каменных

конструкций могут остаться незадернованными на протяжении тысячелетий, но метры нового суглинка могут перекрыть погребенную почву геологически единомоментно. При этом эпизоды наложений и переиспользования в некоторых случаях зафиксированы достаточно четко.

Интерпретация раскопной документации, как обычно, может быть проведена через ряд этапов. Первый шаг — реконструкция раскопанного объекта до его археологизации, но уже после всех эпизодов активности. Этот этап чисто технический: надо учесть все перемещения и разрушения, утрату большей части органических материалов, связанные как с природными процессами, так и с последующими антропогенными следами, не относящимися к предмету непосредственной реконструкции. Второй шаг — уже после максимально возможного восстановления облика археологического памятника на момент его завершения — реконструкция этапов его сложения. Это может быть как проведение ритуалов, так и стадии строительства, подготовка к ритуалам, когда действия, возможно, еще не имеют культурного наполнения, а диктуются исключительно практическими соображениями. В черед этих этапов возможны и микроэтапы, отдельные действия, например, эпизоды использования огня, фиксируемые как прокалы и угли, или же депозиции отдельных предметов или тел, или даже их частей, когда они зафиксированы не в «естественных» положениях, что может объясняться только какими-то дополнительными целенаправленными действиями людей, участвовавших в ритуале. В археологическом памятнике всё, что не является следствием действия сил природы, сделал человек по какой-то определенной причине. Даже для появления «случайной находки» необходимо, чтобы именно здесь человек что-то потерял или выбросил.

Следы последующего использования

Уже после основного этапа функционирования кургана Туннуг на памятнике отложились следы еще нескольких эпизодов антропогенного воздействия. Рассмотрим их в обратной последовательности.

1. В годы, непосредственно предшествующие началу археологического изучения, часть территории памятника попадала в зону покосов. Заготовка сена на территории памятника практически никак не повлияла на его сохранность, разве что на поверхности появилось несколько потерянных тракторных деталей. Но в советское

время небольшое возвышение, на котором стоит курганный насыпь, использовалось и как место летней стоянки. На поверхности найдено «колесо» от юрты, а среди незадернованного камня в верхнем слое — хозяйственные инструменты и капкан с клеймом «Завод имени Сталина» (г. Павлов, Нижегородская область), что существенно сужает датировку. По всей видимости, окружающая памятник пойма в первую очередь использовалась как место выпаса лошадей, как в некоторые (особо сухие) годы происходит и сейчас. В зимние периоды через край кургана проходила сезонная дорога (зимник), более прямой путь, связывающий пос. Чкаловка с пос. Хадын, связь между которыми летом возможна только далекими объездными путями. С укреплением этой дороги М. П. Грязнов связывал выемки камня из кургана (Грязнов, 1980. С. 5), однако эти разрушения оказались минимальны и в основном заделаны незадернованные участки по краям насыпи.

2. Несколько небольших курганных насыпей появились на южной периферии памятника в средневековую эпоху (Chan et al., 2022). Возможно, строители этих погребений даже приносили на памятник свой камень, а не переиспользовали камни расположенной рядом гигантской насыпи. Как минимум некоторые средневековые курганы сложены исключительно из красного камня, схожего с камнем окружающих гор, то есть в этот период основной курган, видимо, оставался практически нетронутым.

3. В III–IV вв. н. э. на южной периферии памятника формируется большая (почти 1000 кв. м) аморфная насыпь (так называемый курган-кладбище), содержащая почти сотню погребений кокзельской археологической культуры (Sadykov et al., 2021; Садыхов и др., 2025). Эта насыпь разрушила и перекрыла цепочку «поминальников», относящихся к изначальному «раннескифскому» кургану, и камни этой насыпи, очевидно, брались из основного кургана. Но масштаб этих памятников несопоставим друг с другом, небольшие разрушения зафиксированы только по южному краю. Примерно этим же временем датируются и впускные погребения в насыпь основного кургана, но все они устроены непосредственно в слое камня и не доходят до уровня изначальной глиняно-деревянной конструкции. Таким образом, этот материал легко и четко отделяется от более раннего и не вносит дополнительной путаницы. Кроме того, есть находки и других эпох, но в единичных экземплярах, а не целыми комплексами, то есть памятник посещался, но активно не использовался.

Этот краткий очерк антропогенной активности на территории археологического памятника после его сооружения представлен здесь как свидетельство непоколебимости данных об основном периоде его функционирования.

Последовательность действий и их целенаправленность

Основные выявленные эпизоды сложения изначального ритуально-погребального комплекса:

- строительство глиняно-деревянной платформы и окружающей ее каменной стены; совершение нескольких погребений;
- установка на поверхности каменных стел и их вовлечение в ритуал;
- проведение на глиняно-деревянной поверхности платформы обряда массового жертвоприношения коней и людей.

На заключительном этапе функционирования весь комплекс сооружений (глиняно-деревянная платформа, окружающая стена и пространство между ними) был покрыт целиком слоем камня, а вокруг насыпи на расстоянии 10–12 м от ее края было сложено несколько десятков небольших каменных структур (так называемых поминальников), окружающих основную насыпь со всех сторон, кроме западной. Эти действия в некоторых случаях однозначно последовательны, в других — могут быть полностью или частично синхронны.

Сложно сказать, воспринималась ли постройка изначальной конструкции (глиняно-деревянной площадки для проведения последующих обрядов) как какое-то ритуализированное действие или чисто утилитарно и хозяйственно — как строительство. На этом этапе нарастания социальной сложности маловероятно существование отдельной специальности «строители курганов» со сложившимися цеховыми устоями и присущим каждой профессиональной группе особым типом цинизма по отношению к своему ремеслу. Гораздо более вероятно, что люди, строившие курган, на период его сооружения были оторваны от своих обычных практик и воспринимали этот отрезок времени как уникальный. Но при этом курган, очевидно, строился не в ходе какого-то экзистенциального действия, а по четкому плану, как массовое, но скоординированное и целенаправленное усилие, отражающее какое-то определенное представление. Руководитель этого процесса должен был быть для строителей каким-то религиозным или хотя бы административным авторитетом, что, возможно, предполагало сопровождающую возведение кургана ритуальную активность. Ее следы, правда, пока обнаружены не были.

Рис. 1. Туннуг 1. Схема взаимного расположения глиняно-деревянной платформы, окружающей каменной стены и каменных колец («поминальников») вокруг кургана

Fig. 1. Tunnug 1. The central clay-wood platform, the surrounding stone wall, and additional stone structures around the kurgan

Первыми построенными сооружениями являются глиняно-деревянная платформа диаметром около 80 м и отстоящая от нее стена из каменной плитки внешним диаметром около 110 м (рис. 1). Их взаимное хронологическое соотношение не до конца понятно. Прямую стратиграфическую взаимосвязь в данном случае не проследить, по-

скольку они отстоят одна от другой и нигде друг друга не перекрывают. При этом планиграфически они однозначно составляют единый комплекс. Можно только отметить, что предварительная постройка стены, отделяющей сакральное пространство от окружающего профанного, и последующая — центрального сооружения

(что представляется достаточно логичным, если исходить из общих представлений) — кажется маловероятной на основе полевых наблюдений: ямы и глиняные возвышения подходят к стене вплотную, и в эти ямы впоследствии частично обрушились составлявшие ее камни. Более вероятно, что стена окружила уже построенную платформу (или это были одновременные параллельные процессы), но не наоборот. У кургана Туннуг ее внешний диаметр — 110 м — совпадает с внешним диаметром стены кургана Аржан 1, диаметр центральной платформы — 80 м — не только с диаметром центральной платформы Аржана 1 (Грязнов, 1980. С. 10), но и с диаметром кургана Аржан 2 (Чугунов, 2009). Это, конечно, отражение каких-то общих представлений о мерах длины и степени необходимой монументальности.

Центральное сооружение кургана — глиняно-деревянная платформа — имеет исключительно сложное внутреннее устройство (*Sadykov et al.*, 2020). Платформа поднималась над поймой, видимо, не более чем на 2 м (эта оценка еще требует уточнения), а в центре находилась прямоугольная область и множество направленных к центру трапециевидных отсеков, в целом составляющих паутинообразную в плане структуру. Часть этих отсеков не была заполнена глиной и отразилась на современной поверхности в виде ям, но сущностно это не ямы, а провалы, поскольку эти не заполненные глиной пустоты были, видимо, изначально перекрыты деревом. Все жертвоприношения, тем не менее, совершались не в них и не над ними, а на самой платформе — над отсеками, заполненными глиной. Возможно, какие-то дополнительные деревянные конструкции возвышались и над поверхностью этой платформы, поскольку в некоторых случаях края кластеров (отдельных площадок жертвоприношений) очень четкие и прямые (*Sadykov et al.*, 2025. Fig. 2). Как бы то ни было, именно искусственно созданная поверхность платформы, а не древняя поверхность до ее постройки, была местом проведения погребальных и постпогребальных ритуалов. Это сильно отличает Туннуг от других «раннескифских» памятников.

Выбор места и принципы строительства центрального сооружения пока понятны только в самых общих чертах. К западу от кургана проходит палеорусло, к моменту постройки уже давно не действующее, а площадь будущего кургана, видимо, несколько возвышалась над окружающим ландшафтом. Погребенной почвы под курганом нет, вся площадка перед строительством была тщательно очищена от дерна. Возможно, актив-

но использовался естественный рельеф — то есть платформа могла быть до какой-то степени вырезана из аллювиального останца, а не только насыпана. Лежащие в основе конструкции лиственничные бревна приволокли с расстояния как минимум несколько километров. Они были не слишком тщательно обработаны — зафиксировано много сучьев. Этими бревнами были сформированы контур и внутреннее строение кургана: все последующие планиграфические комплексы — ямы, платформы, кластеры жертвоприношений — коррелируют с системой расположения нижнего уровня бревен, который сохранился почти везде. Платформа, таким образом, строилась именно для проведения будущего ритуала — с разделением на необходимые для него отдельные участки, и, следовательно, сама ее конструкция отражает не только технологические, но и трансцендентные представления ее строителей.

Центральные срубы, видимо, были построены и размещены в структуре кургана на том же этапе, что и возведение общей конструкции. Как минимум дендрохронологически на данном этапе (обработан еще не весь материал) между ними не зафиксировано какого-то временного зазора ни в одну из сторон. Срубы сработаны совершенно иначе, чем дерево для платформы в целом. Все бревна окорены и отесаны, пол сделан из полубревен, его поверхность ровная, на стыках бревна сруба подработаны с обеих сторон с остатком.

Дерево для обоих срубов заготовлено в один год, они поставлены в общее углубление так, что уровень их перекрытия соответствует уровню древней поверхности. В южном срубе меньшего размера зафиксировано богатое нетронутое погребение в колоде, в большем северном — одна колода, тела трех мужчин, двух лис и набор предметов, не составляющий погребального инвентаря. Содержимое этого сруба было, возможно, дополнительно потревожено вскоре после заполнения. Этот сруб можно интерпретировать как разрушенное центральное погребение, но можно и как место жертвоприношения какого-то особого рода, совершенного в самом центре, в непосредственной близости от богатого погребения.

Мы не можем однозначно сказать, отстояло ли по времени от центральных погребений жертвоприношение десятков коней и нескольких людей на поверхности кургана (*Sadykov et al.*, 2024b), как и установка и какое-то использование в ритуале каменных стел (*Sadykov et al.*, 2024a): стратиграфически это не проследить. В известном описании Геродотом погребения скифского царя (Hdt. IV: 71–72) жертвоприношения проводятся

на поверхности кургана через один календарный год. Конечно, это очень далекая и непрямая параллель, в которой могло отразиться общее представление о необходимости сопровождения погребенного боевым отрядом в посмертном существовании, но детали могли поменяться очень значительно. Например, мы видим, что на Туннуге коней принесено в жертву значительно больше, чем в описании Геродота, а людей — меньше. Но что прослеживается достаточно четко — та же двучастность жертвоприношения — отделение собственно смерти от инсталляции, в том смысле, что процесс не заканчивался убийством, важны были также последующие действия с телами, как минимум их правильное последующее размещение и, видимо, дополнительное украшение и снаряжение. Так, видимо, можно объяснить и значительный процент сломанных удил как в Туннуге, так и в Аржане 1 — ими снаряжались не живые, а уже мертвые кони. Возможно, инсталлировалась и не вся туша целиком: среди костных останков гораздо меньше ребер, чем черепов или длинных костей, но это может быть связано и с сохранностью. Наверное, если процесс убийства и подготовки тел к инсталляции проходил непосредственно на жертвенной площадке и если этот процесс предполагал кровопускание, то оправданным кажется оставление пустот в теле кургана. Во взрослом коне около 50 л крови, принесено в жертву более сотни жеребцов, то есть это как минимум 5 куб. м крови — столько земля, а точнее глина и суглинки не впитают.

Все следы этого грандиозного ритуала впоследствии были скрыты слоем камня. К этому времени уже совершены все погребения, принесены все жертвы, утрачивают свое значение стелы (они останутся под каменным слоем). Физически и ресурсно это был самый затратный процесс: около 10 тыс. т камня, причем самых разных типов, то есть не из какой-то одной каменоломни, перекрыли все предыдущие конструкции. Возможно, цепочка окружающих курган «поминальников» (небольших каменных колец), практически не содержащая находок, продолжала формироваться и после сооружения каменной насыпи. На поверхности насыпи иногда фиксируются подработанные камни, которые могли быть взяты из этих колец, но это могли быть и последующие перемещения.

Таким образом, на памятнике зафиксировано несколько отдельных событий, из которых по меньшей мере два эпизода связаны с организацией массовой работы, оторвавшей от привычной жизни сотни или тысячи людей на значи-

тельное время, что указывает на высокую степень организованности построившего курган сообщества. Часть этих действий находит параллели в ритуальных практиках «культуры оленных камней и херексуров» — паутинная планиграфия, отделение стены от центрального сооружения, цепочка «поминальников», использование оленных камней, жертвоприношение коней, — но все эти параллели не прямые. Планиграфический рисунок Туннуга сложнее, чем у херексуров, его стена впоследствии была скрыта под общей каменной насыпью, «поминальники» не содержат конских останков, оленные камни используются иначе, жертвоприношения коней гораздо более массовы и совершены по совершенно иному обряду. Зафиксированы и новые ритуальные элементы, которые никак не связаны с предыдущей культурной традицией: жертвоприношения людей, погребения в колодах и с оружием, использование золота, звериный стиль на предметах конской упряжи и оружии и многое другое. Все это манифестирует появление нового сообщества с какой-то новой системой представлений о мире и о себе в этом мире.

О месте памятника

в природном и культурном ландшафте

Огромный размер кургана, значительные трудозатраты и скоординированность усилий однозначно говорят о сложном строении общества, появлении какой-то формы иерархии, легитимизированного сотрудничества и, видимо, принуждения, а может быть, и насилия. Социальная структура общества неминуемо, хоть иногда и в неочевидном преломлении, отражается в археологических памятниках. С археологической точки зрения курган Туннуг вместе с курганами Аржан 1 (Грязнов, 1980) и Аржан 5 (Рукавишников, 2017) однозначно составляют общность, обычно обозначаемую как «аржанский горизонт». Его специфика состоит в том, что все исследованные памятники отражают только самый верх этой пирамиды, а археологическое представление не только низшего, но и среднего уровня пока в полной мере неясно. Такая ситуация — значительное отличие элитных погребений от остальных — может сложиться или в случае завоевания и, соответственно, импорта элиты — таких случаев много и они хорошо известны, — или же в самом начале появления этой иерархии, когда элите еще надо ярко подчеркивать свою субкультурность (Савинов, 2002; Садыков, 2025). Во всех последующих социальных образованиях скифского культурного круга, в том числе и в Туве, «царские» памятники

выделяются среди остальных, но в целом разделяют с ними общие культурные и обрядовые характеристики (Чугунов, 2024). В краткий период «аржанского горизонта» апроприация рядовыми кочевниками нового культурного кода еще не произошла.

Как следствие при изучении этого феномена не получится выделить полноценную археологическую культуру, полностью заполняющую определенную территорию в определенный промежуток времени (Бочкарёв, 2024), изучить ее внутреннюю структуру и внешние связи, прямых предшественников и потомков и на этой основе представить реконструкцию ее внутренней и внешней истории. Такая методическая ситуация случается при изучении некоторых археологических феноменов, особенно кочевнических (см., например: Чугунов, 2020; Малашев, 2025). Общество (или его часть) находилось в процессе значительных культурных и социальных трансформаций, люди меняли самоидентификации и, соответственно, саморепрезентации и сами способы жизни; создавались новые общности на каких-то не существовавших прежде основах, и в ходе этих событий появлялись археологические памятники, которые правильнее воспринимать не как отражающие какой-то сложившийся социум с присущей ему культурой, а как памятники, отражающие событие, исторический эпизод, действие.

Строго говоря, любой курган — это отражение одного эпизода, события. Если оно произошло в рамках сложившейся культуры, то мы можем использовать его как отражение всей этой культуры. Но если единой культуры нет, то памятник корректнее рассматривать как свидетельство межкультурной коммуникации. Как в археологии поселений совершенно иначе рассматриваются слои разрушений, где археологический материал может относиться как к культуре этого поселения, так и представлять иную культуру его разрушителей (то есть это археология исторического эпизода), так и в погребальных памятниках переходного типа мы видим отражение происходящих процессов, а не полную и сложившуюся картину.

Все пока выявленные памятники аржанского горизонта находятся в так называемой «Долине царей» в Уюкской котловине, которая с точки зрения кочевника представляла собой, видимо, периферийную (Чугунов, 2020) и очень изолированную область, своего рода тупик. Ее расположение хорошо вписывается в описанную Геродотом концепцию специального участка земли, значимого для кочевника, на котором расположены «царские» могилы, в то время как вся остальная

степь может быть спокойно временно оставлена, и незачем воевать за эти незаселенные земли (Hdt. IV: 127), поскольку важны люди (и скот), а не территория. Это описание другого региона и другой эпохи, но, видимо, подобное представление разделяли все сообщества скифского типа — элитные курганы, как правило, расположены компактными группами, а в случае с «Долиной царей» в Туве — еще и в относительно труднодоступном месте.

Но даже внутри «Долины царей» курган Туннуг проезжающему мимо всаднику был, по всей видимости, незаметен. При огромном диаметре он был очень невысок, а от прямого обзора с проезжих речных террас его дополнительно укрывал пойменный лес. Курганы, особенно «царские», часто становятся маркерами присутствия, ориентирами в степи, но в данном случае эта функция явно не была основной. Здесь же необходимо вспомнить и гипотезу об изначальном строительстве кургана Туннуг на сухом открытом месте и последующем значительном климатическом (и гидрологическом) сдвиге, в результате которого курган оказался в болоте, что повлекло за собой строительство всех последующих курганов в «Долине царей» на другом берегу Уюка, на высокой речной террасе. Эта гипотеза пока совершенно не подтверждается геоморфологическими данными (Беляев и др., 2021).

Расположение кургана в пойме нехарактерно не только для культур скифо-сибирского мира в целом, но даже внутри «аржанского горизонта» Туннуг несколько выделяется. Аржан 1 и Аржан 5 стоят на высокой речной террасе, а Аржан 1 даже положил начало цепочке «царских» мемориалов, крайней точкой которой стал Аржан 2 (Chugunov et al., 2010). Как относительно близкую аналогию можно отметить разве что культуру оленных камней и херексуров, где подавляющее большинство херексуров построено на открытом пространстве в степи, но есть и подтапливаемые, и труднодоступные памятники, из которых частично изучен только Сандаохайцзы (Guo, 2022). Такое нетипичное расположение могло быть вызвано как конкретными историческими обстоятельствами, например, вероятностью вторжения, при котором памятнику лучше было остаться незамеченным, так и личным выбором погребенного, по какой-то причине облюбовавшего необычное место, или же особыми качествами погребенного, которого было решено похоронить где-нибудь подальше.

Но вопрос расположения Туннуга можно рассмотреть и с другой стороны. Если смотреть вокруг из точки кургана, то возникает иллюзия, что ты

находишься в самом центре долины. Возможно, та же иллюзия могла посетить и строителей памятника. В окружающей пойме это один из немногих относительно сухих островков. Возможно, среди местного населения и, вероятно, с давних пор, поскольку при раскопках зафиксировано немного материала предшествующей эпохи, этому месту приписывали какую-то форму сакральности. В момент выбора места для сооружения кургана для его строителей эта его сакральность могла показаться важнее, чем прямое манифестирование своей власти. Может быть, учитывалось и расположение вдали от тайги и диких зверей, если предположить, что все следы массового жертвоприношения предназначались не для них, а для птиц. Такое объяснение необычности расположения тем более вероятно, чем вероятнее вторичность погребальной функции ранних скифских курганов (как и херексуров) по отношению к ритуальной. Место для ритуальной площадки, на которой произойдет какое-то важное событие, должно обладать каким-то другим набором характеристик, отличным от места для погребения. Погребение при этом могло быть приурочено к уже сложившемуся «месту силы», как в средние века в некоторых случаях погребения совершались вокруг (а иногда и внутри) церквей. Эти две функции при определенном наборе представлений могут друг друга непротиворечиво дополнять.

О разных причинах монументальности

В различных культурах отдельные типы объектов по разным причинам начинают рассматриваться как сверхценные, утрачивают человекообразность и требуют сверхусилий, поскольку строятся не для конкретных людей, а для чего-то абстрактного большего. Где-то этот процесс происходит в отношении дворцов, где-то — крепостей и стен, где-то — общественных зданий, где-то — храмов, а где-то — погребений харизматичных лиц. Этот выбор, конечно же, очень показателен для характеристики того или иного сообщества.

Для складывающейся кочевой цивилизации выбор объектов для монументализации очевидным образом ограничен. В кочевой культуре все всегда редуцируется до минимально необходимого, и совмещение ритуального центра и точки погребения носителя власти кажется совершенно естественным, и, может быть, здесь даже не выделить функцию, которая являлась первичной и более значимой. Они могли совместиться изначально, а разные люди могли считать более важными разные аспекты священности этих «священных мест».

В труде Геродота отмечено, что сверхценное значение для скифов имели земли с «отеческими могилами» (Hdt. IV: 127), и археологическая реальность хорошо отражает описанную им социальную структуру (Алексеев, 2003). Экстраполяцию этих сведений на другие эпохи и территории, конечно же, можно проводить только со значительными оговорками, принимая во внимание и неизбежную внутреннюю социальную эволюцию, и возможные влияния на общества скифского типа со стороны соседних культур. Скифы во времена Геродота уже были хорошо знакомы как с эллинскими общественными институтами, так и с ближневосточными системами репрезентации как административной, так и религиозной власти.

Но какое-то ядро, какая-то основа представлений, описанных Геродотом, восходит, видимо, еще к моменту сложения культурного кода скифо-сибирской общности и может отразиться в материалах всех относящихся к ней археологических культур. Детали погребального обряда в этих культурах различны, но наличие оружия и предметов в зверином стиле повсеместно. Способы конских жертвоприношений варьируются вплоть до почти полной редукции (так называемые клады конского снаряжения), но сама идея общераспространена. Традиция устройства отдельного «царского» некрополя также универсальна. Каждое из этих сообществ проживало свою историю и, наиболее вероятно, не отождествляло себя с рассматриваемой сегодняшней наукой сверхобщностью культур скифо-сибирского мира. Но социальные и культурные законы приблизительно универсальны, и с учетом локальной специфики эти сообщества отражали характерные для своего времени черты.

Рассматривая эту эволюционную линию в самых общих чертах как до, так и после Геродота, можно попытаться распознать этапы, через которые проходит, наверное, любая система властной репрезентации. *Формирование* может произойти как на местной основе, так и прямым импортом элиты из инокультурной, более структурированной общности, что, вообще говоря, бывает чаще. Но даже появление на местной основе более вероятно путем копирования уже сложившейся у соседей системы и ее легитимации на каком-то религиозном или псевдорелигиозном основании. *Закрепление* происходит на основе простой повторяемости или, если сформулировать мягче, традиционности, поскольку любое изменение трудозатратно, и при любом сложившемся и работающем порядке он (порядок) все более консервируется. При признаках дисфункциональности

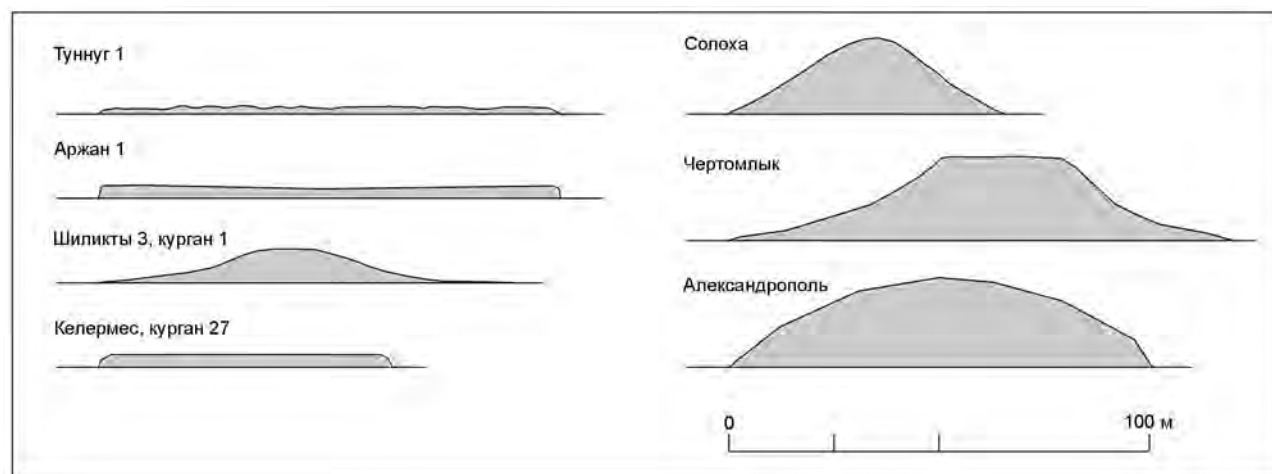

Рис. 2. Схема примерного соотношения силуэтов крупных «скифских» курганов

Fig. 2. Approximate silhouettes of some elite Scythian burial mounds

и разобщения происходит, как правило, дополнительная опора на традицию, демонстративность, показательность, да и *имитация* этой традиционности как к тому времени уже единственного обоснования собственного существования.

Все эти этапы косвенно отражаются на размерах (рис. 2) и сложности курганных насыпей. Расцвет и последующий упадок культур скифо-сибирского типа наиболее изучен в Северном Причерноморье, в собственно скифской культуре, уже без всяких кавычек. Классические скифские курганы IV в. до н. э. — это именно гигантские насыпи, возведенные над погребениями царей, где все большую значимость приобретает размер насыпи и особенно ее высота, как в курганах Чертомлык или Александропольский. Показательная монументальность, а не массовое вовлечение в ритуальные взаимодействия, в данном случае, видимо, является основной социальной функцией, и самые высокие курганы — они же и самые поздние, хоть и не самые богатые. На этом фоне архаические скифские (северокавказские) курганы предыдущей эпохи с богатыми центральными погребениями (Галанина, 1997) не так высоки, но при этом гораздо сложнее планиграфически. Здесь зафиксировано больше следов массовых жертвоприношений, а в структуре кургана Красное знамя — даже отдельный «храм» (Петренко, 2006), что предполагает вовлеченность в погребальные и поспогребальные ритуалы множества людей. Схожая картина наблюдается и в эпохально синхронных (Чугунов, 2023), но располагающихся в азиатской части евразийской степи Шиликтинских курганах (Черников, 1965; Толеубаев, 2018) или Аржане 2. Они также содер-

жали богатейшие центральные погребения, но при этом имели и сложное внутреннее строение, а их постройка и использование состояли из нескольких событий (Чугунов, 2011).

Если экстраполировать эту закономерность далее в прошлое, то самые ранние памятники должны иметь в еще большей степени ритуальное, религиозное, а не административное значение, поскольку сама по себе власть, наверное, еще не стала самодостаточной ценностью, а наоборот, являлась подтверждением и дополнением каких-то религиозных представлений. И свидетельства этого первого этапа (курганы Аржан 1 и Туннуг) в целом могли представлять собой прежде всего религиозные, ритуальные сооружения, которые содержат погребения, но эта функция еще не вышла на первый план.

Заключение

Царские курганы в культурах скифского типа могли выполнять очень разные религиозные и социальные функции. Это не просто насыпь над погребением, но архитектурное сооружение, и чем более раннее, тем в целом более сложное, поскольку в самых ранних памятниках насыпь, видимо, планировалась прежде всего как ритуальная площадка. Эта функция видоизменялась, но оставалась востребованной в той или иной степени и при возведении всех последующих скифских памятников.

Рассматривая курган как архитектурное сооружение, мы неосознанно можем воспроизвести традиционное для архитектурных сооружений представление, что его настоящая история начинается после его постройки, во время «функционационирования», или даже воспринять его как

погребальный памятник в современном понимании — что он был построен, чтобы стоять вечно, что он предназначен для последующего обозрения, может, поклонения, но не активного взаимодействия. Это, видимо, не так. Строительство могло включать множество этапов, и уже эти этапы могли отражать какие-то неутилитарные представления. Ритуалы на кургане могли восприниматься как гораздо более важный аспект, чем внешний облик памятника после их проведения. Это предполагает внимание именно к последовательности действий на кургане, а не только его описание исключительно с архитектурной точки зрения.

После постройки и погребения курган оставался важной точкой в степи, обозначая укорененность погребенного, его потомков и его племени на этой земле, размерами отражая его значимость в социальной иерархии. Других материальных способов подтверждения социального положения в кочевой культуре могло и не быть, даже если материальный способ подтверждения и не считался основным. Все эти аспекты на разных этапах социальной эволюции обладали разной степенью важности, что до некоторой степени отражается и в археологических материалах.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2026 г.

- Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Беляев и др., 2021 — Беляев Ю. Р., Панин А. В., Бронникова М. А., Кирюхина А. Д., Кошурников А. В., Крамынин А. М., Павлов М. А., Константинов Е. А., Курбанов Р. Н., Захаров А. Л., Сычев Н. В. История формирования рельефа западной части Турано-Уюкской котловины (Тувинское нагорье) в позднем плейстоцене // Геоморфология. 2021. № 52 (4). С. 15–27.
- Бочкарёв, 2024 — Бочкарёв В. С. О современном состоянии проблемы определения понятия «археологическая культура» // АВ. 2024. Вып. 42. С. 50–55.
- Галанина, 1997 — Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с.
- Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.
- Малашев, 2025 — Малашев В. Ю. Раннекочевнические древности степной Евразии и «археологическая культура» // КСИА. 2025. Вып. 280. С. 279–290.
- Петренко, 2006 — Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 2006. 310 с.
- Рукавишников, 2017 — Рукавишников И. В. Звериный стиль Аржана-5 (комплексный подход в изучении предметов, декорированных в зверином стиле) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 163–175.
- Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.
- Садыков, 2025 — Садыков Т. Р. «Аржанский горизонт» как локальный субкультурный исторический феномен // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. А. П. Деревянко и др. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2025. С. 76–78.
- Садыков и др., 2025 — Садыков Т. Р., Каспари Дж., Блохин Е. К. Туннуг 1: кокельский большой курган на периферии памятника. СПб.: ИИМК РАН, 2025 (Труды ИИМК РАН; Т. LXII). 208 с.
- Толеубаев, 2018 — Толеубаев А. Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП Садвакасов А. К., 2018. 528 с.
- Черников, 1965 — Черников С. С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 192 с.
- Чугунов, 2009 — Чугунов К. В. Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. С. 48–52.
- Чугунов, 2011 — Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 262–335.
- Чугунов, 2020 — Чугунов К. В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // АВ. 2020. Вып. 26. С. 136–143.
- Чугунов, 2023 — Чугунов К. В. Раннескифский период в Центральной Азии в русле концепции культурно-хронологических горизонтов: опорные памятники и новые открытия // Мәдени мұра. 2023. № 1 (100). С. 19–36.
- Чугунов, 2024 — Чугунов К. В. Аржан-2: погребально-поминальный комплекс в тувинской «долине царей». СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. 516 с.
- Caspari et al., 2018 — Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) — an early Scythian kurgan in Tuva Republic, Russia // Archaeological Research in Asia. 2018. Vol. 15. P. 82–87.
- Chan et al., 2022 — Chan A., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I., Caspari G. The polymorphism and tradition of funerary practices of medieval Turks in light of new

- findings from Tuva Republic // *Plos One*. 2022. Vol. 17, no. 9. P. e0274537.
- Chugunov *et al.*, 2010 — Chugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz: Philipp von Zabern, 2010. 330 S.
- Guo, 2022 — Guo W. On the Relationship between the Sandaohaizi Site Group and the Tuva Arzan Cemetery // *Archaeology and Cultural Relics*. 2022. Vol. 6. P. 109–117.
- Johnson, 2024 — Johnson J. A. The Spacetimes of the Scythian Dead: Rethinking Burial Mounds, Visibility, and Social Action in the Eurasian Iron Age and Beyond // *Arts*. 2024. Vol. 13, no. 3. P. 87.
- Sadykov *et al.*, 2020 — Sadykov T., Caspari G., Blochin J. Kurgan Tunnug 1 — New Data on the Earliest Horizon of Scythian Material Culture // *Journal of Field Archaeology*. 2020. Vol. 45, no. 8. P. 556–570.
- Sadykov *et al.*, 2021 — Sadykov T., Caspari G., Blochin J., Losch S., Kapinus Y., Milella M. The Kokel of Southern Siberia: New data on a post-Xiongnu material culture // *Plos One*. 2021. Vol. 16, no. 7. P. e0254545.
- Sadykov *et al.*, 2024a — Sadykov T., Blochin J., Asochakova E., Fedorova D., Caspari G. A new type of Early Iron Age stela from Tuva (Inner Asia) // *Archaeological Research in Asia*. 2024. Vol. 38. P. 100524.
- Sadykov *et al.*, 2024b — Sadykov T., Blochin J., Taylor W., Fomicheva D., Kasparov A., Khavrin S., Malyutina A., Szidat S., Caspari G. A spectral cavalcade: Early Iron Age horse sacrifice at a royal tomb in southern Siberia // *Antiquity*. 2024. Vol. 98, no. 402. P. 1538–1557.
- Sadykov *et al.*, 2025 — Sadykov T., Blochin J., Khavrin S., Caspari G. Expanding the corpus of the earliest Scythian animal-style artefacts // *Antiquity*. 2025. Vol. 99, no. 408. P. 1569–1585.

On the possible meanings of the large Early Iron Age kurgans for the communities that built them

T. R. Sadykov³

Keywords: Eurasian Steppe Belt, Early Iron Age, early nomads, Scytho-Siberian world, funerary and memorial complexes, planigraphic analysis

The article describes certain planigraphic and stratigraphic patterns identified in the structures of large “funeral and memorial complexes” of the Early Iron Age. These patterns constitute an important additional source of information for social and cultural history and should be analyzed to the same extent as the material culture itself. Reconstructing social and cultural processes, especially in prehistoric societies, will always remain somewhat hypothetical, but when based on reliably recorded archaeological data, it may, to some extent, advance our understanding of the ways and means by which culture influences human nature.

³ Timur R. Sadykov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: timur.r.sadykov@gmail.com.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

Изучение красок на минеральной основе из раскопок палеолитических памятников открытого типа: особенности методического подхода¹

М. Н. Желтова, М. А. Комагорова²

Аннотация. В статье рассматривается методический подход к изучению минеральных красок из раскопок палеолитических памятников открытого типа. Несмотря на массовость находок пигментов (преимущественно охры), вопросы их происхождения (природного или антропогенного), технологии приготовления и функционального назначения остаются дискуссионными. На материалах стоянок среднего (Челюскинец II) и верхнего (Костёнки 1, 14 и др.) палеолита Русской равнины (120 образцов) апробирован комплекс методов: бинокулярная микроскопия, рентгеновская порошковая дифрактометрия и электронно-зондовый микроанализ. Однако ключевые критерии антропогенного происхождения оказались выявлены при детальном визуальном и микроскопическом изучении.

Ключевые слова: палеолит, минеральные краски, минеральные пигменты, оксиды железа, охры, изготовление красок в палеолите, технологии в палеолите, красящие растворы

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-121-131

Введение

Краски на минеральной основе — частая находка на палеолитических стоянках. Основную массу этих находок составляют так называемые охры — краски красно-коричнево-желтой гаммы на основе оксидов железа. Значительно реже и в меньшем количестве представлены белая и черная краски. Они встречаются в культурных слоях стоянок в виде мелких и крупных отдельностей разной степени твердости, пятен прокрашенного

культурного слоя, порошкообразных россыпей. Окрашенные предметы представлены единичными экземплярами.

В отечественном палеолитоведении у истоков изучения красок стоял Николай Дмитриевич Праслов (Праслов, 1992). Многие годы в ходе раскопок верхнего слоя второго комплекса стоянки Костёнки 1 он отбирал образцы, создав значительную коллекцию. Им же были проведены первые эксперименты по получению красной краски путем обжига и последующего перетирания железистых конкреций с лучистой структурой (сферосидеритов), которыми изобилует культурный слой стоянки. Были сделаны выкраски на бумаге красками, полученными в ходе экспериментов, а также красками из культурного слоя, разведенными водой (Праслов, Галибин, 1982) (рис. 1). Н. Д. Прасловым были опубликованы и первые результаты естественнонаучных анализов, выполненных в лабораториях Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа (Праслов, 1997).

К сожалению, эта работа была прервана на долгие годы. В настоящее время ситуация с изучением красок существенно изменилась к лучшему — стали более доступными методы

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов Российского научного фонда № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности» (руководитель К. Н. Степанова) и № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)» (руководитель А. А. Аноikin).

² Желтова М. Н. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: mpraslova@mail.ru. Комагорова М. А. — Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана РАН, Москва; e-mail: egorova.com@gmail.com.

© Желтова М. Н., Комагорова М. А., 2026

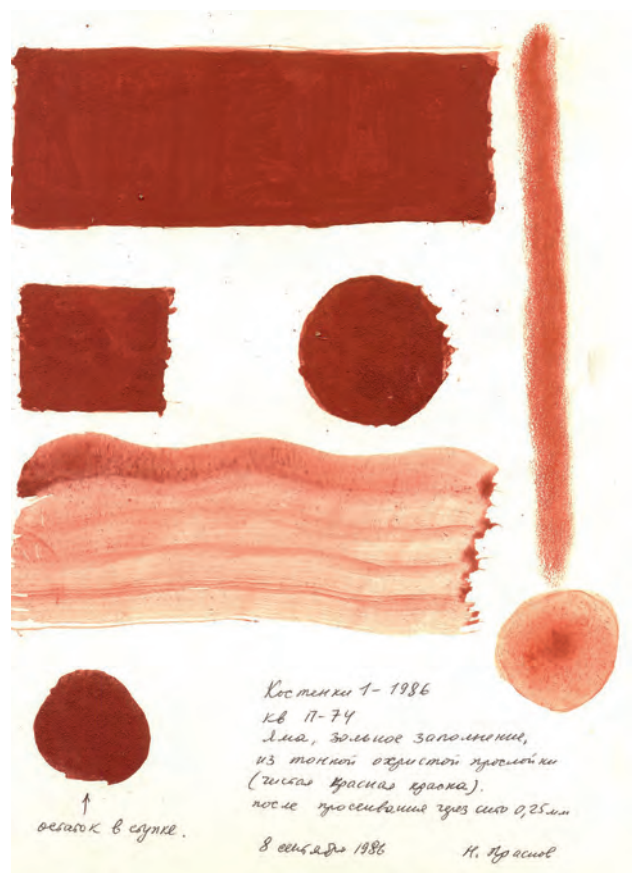

Рис. 1. Костёнки 1, слой I, раскопки Н. Д. Праслова, 1986 г. Выкраска на бумаге красной краской из прослойки в заполнении ямы в квадрате П 74

Fig. 1. Kostenki 1, layer I, excavations by N. D. Praslov, 1986. Painting on paper with red paint from the interlayer in the filling of the hole in the square П 74

[Личный архив Н. Д. Праслова]

лабораторных исследований, накопились обширные материалы со стоянок разных эпох и территорий, что привело к появлению ряда публикаций по этой тематике (Житенев и др., 2020; Житенёв, Анисовец, 2023; Лбова и др., 2018а; 2018б; Степанова, 2023; Янишина, Желтова, 2018; Тетенькин и др., 2020; 2026; и др.).

Попробуем рассмотреть алгоритм изучения образцов пигментов из раскопок палеолитических памятников открытого типа. Первыми очевидными шагами в изучении любых древних красок являются химический и минералогический анализы. Определенный опыт в данной области исследований позволяет предполагать возможные результаты: основным компонентом «охр» являются оксиды или гидроксиды железа — гематит (оксид железа Fe_2O_3) в более-менее чистом

виде или минералы группы гётита (собирательное название для природных минеральных агрегатов, представляющих собой смесь гидратов оксида железа Fe_2O_3). Минеральной основой белых красок являются карбонатные породы, а черных — уголь в той или иной форме. Черный цвет образцу могут придавать также оксиды марганца, но пока неясно, использовались ли они в качестве пигмента. Тем не менее лабораторное изучение состава образца — это всегда необходимый этап исследований, на основе результатов которого можно двигаться дальше. Часто, впрочем, этим все и ограничивается. Однако основные вопросы остаются: являются ли наши находки природными образованиями или они каким-то образом модифицированы человеком? Если природными — то принесены ли они на стоянку человеком или представляют собой органичный элемент отложений, вмещающих культурные остатки? Если же принесены со стороны — то какова была технология превращения их в красящие составы, а главное, с какой целью это делалось, каковы были варианты их использования? На эти вопросы могут быть даны только ответы, основанные на результатах других лабораторных исследований.

Основательный анализ методического подхода к изучению пигментов как массового материала дан в работе В. С. Житенёва и Ю. Д. Анисовца (Житенёв, Анисовец, 2023). Авторы разработали алгоритм изучения пигментов при помощи естественнонаучных методов с учетом ценности получаемой информации для каждого метода в соотношении с разрушительным эффектом для образца. Кроме того, учитывая важность процедуры отбора проб в полевых условиях, ими была разработана подробная система описания образцов непосредственно в процессе отбора. Чем более подробно составлено такое описание, тем более информативны будут результаты лабораторных анализов пигментов. Однако для образцов из старых раскопок сопровождающая образец информация зачастую весьма скудна.

Изучая пигменты со стоянок, особенно образцы окрашенного слоя, необходимо иметь сравнительный фоновый материал — образцы неокрашенного культурного слоя. В старых коллекциях таких образцов практически нет. Это существенно усложняет понимание того, например, насколько исследуемый материал является искусственно привнесенным и переработанным.

Именно эти проблемы стали ключевыми для нашего исследования. Располагая небольшой, но представительной серией со стоянки среднего палеолита, а также богатой коллекцией образцов

с верхнепалеолитических стоянок Русской равнины, мы поставили цель — выработать критерии рукотворности найденных в слое образцов красок.

Материалы и методы

Среднепалеолитические образцы представлены коллекцией стоянки Челюскинец II (раскопки Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН / ИАЭТ СО РАН под руководством А. К. Очередного 2024 г.). Это разнородный материал, представленный как отдельностями сырья, так и вырезанны-

ми фрагментами окрашенного культурного слоя, включающими фоновые неокрашенные участки. Помимо Челюскинца II единственный обнаруженный нами образец со среднепалеолитической стоянки Носово I представлял собой россыпь частиц лессовидного суглинка без каких-либо примесей пигмента, несмотря на указания Н. Д. Праслова на яркие выразительные пигменты в слое стоянки (Праслов, 1997). Лабораторными методами соединений железа в пробе также не было обнаружено (табл. 1).

Таблица 1. Образцы с памятников среднего палеолита
Table 1. Samples from Middle Paleolithic sites

№ п/п	Арх. шифр	Описание	Вероятное происхождение	Результат РФА	Химический состав
Носово I					
1	Г-6	Желтый сыпучий мелкозернистый материал, достаточно однородный	Природное, частицы отложений, вмещающих культурные остатки	Кварц, кальцит, глинистые минералы	Si, Al (Ca, K, Mg, Fe)*
Челюскинец II					
2	№ 85	Фрагмент конкреции гематита сизо-черного цвета, имеющий ярко-красную корку толщиной около 1–2 мм. Корка мягкая, с включениями оксидов марганца, на ней большое количество микрофрагментов карбонатных пород и зерен кварца. На поверхности образца в углубленных частях наблюдаются линейные борозды, в выступающих — заполировки	Природное, но воздействие на корку явно более позднее, возможно, рукотворное (термообработка)	Гематит, гётит, кварц	Fe, Si, Al
3, 4	№ 77	Слоистая корка (3), возможно, гематитовой конкреции. Основная часть образца — красная рыхлая масса, слегка сцементированная, сверху облепленная разнородным песком с карбонатным цементом. Красная масса расположена на вогнутой части образца, видимая толщина красного прослоя — 1–2 мм. На боковой части образца красная корка постепенно переходит в желтое лимонитовое пятно (4) размером 1 × 3 мм	Природное, но возможна термообработка для получения красного цвета	(3): гётит, кварц; (4): гематит, гётит, кварц	(4): Fe, Si, Al
5, 6	№ 84	Образец представляет собой фрагмент плохо спрессованного песчаника, сцементированного лимонитом (5). С одной стороны на песчанике красная рыхлая корка (6) толщиной более 5 мм. Корка однородная, без примесей, но на границе с песчаником наблюдается прослой кварцевых зерен меньше 1 мм. Корка имеет мелкокомковатую текстуру. На возвышенностях микро-рельефа наблюдаются микрозаполировки. На поверхности корки небольшое количество черных выделений, очевидно, оксидов марганца	Красная корка (6) явно неприродного происхождения	(5): гёмит, кварц; (6): гематит, гётит	(5): Fe (Si, Al); (6): Fe (Si, Al)
7	№ 82	Плоский фрагмент гематита сизо-черного цвета около 3 мм, в слоистой корке. Выпуклая поверхность покрыта слоем красной охры, вогнутая — состоит из прослоек красной охры, затем снова сизого гематита, затем желтой охры. Толщина прослоек — доли миллиметра. В свою очередь желтый слой имеет микрослоистую текстуру	Природное, но возможна термообработка для получения красного цвета	Гематит, гётит	Fe (Al)
8	№ 251	Плотный комок субстанции красно-рыжего цвета. Масса тонкозернистая, с черными блестящими плоскими вкраплениями, налипшими окатанными прозрачными кварцевыми зернами. Внутри — более плотная красно-коричневая однородная субстанция. Поверхность выветрелая. В массе присутствуют мелкие каверны. Комок затерт со всех сторон	Неприродное, возможны термообработка и замешивание	Гематит, гётит, кварц	Fe, Si (Al, K)

Таблица 1, окончание

№ п/п	Арх. шифр	Описание	Вероятное происхождение	Результат РФА	Химический состав
9	Без №	Плоский черно-красный слоистый фрагмент лимонитовой конкреции, вероятно, корка. На внешней поверхности — песок, сцементированный глинистым материалом. Между слоями наблюдаются интерстиции, заполненные порошкообразной красной и желтой охрой, иногда попадаются зерна кварца. Слои плотные, темно-красно-коричневые на свежем сколе	Природное, но возможна термообработка для получения красного цвета	Гематит, кварц, гётит	Fe (Ca)
10	№ 79	Небольшие фрагменты сильно выветрелой ожелезненной породы, вероятно, кристаллической (большое количество включений слюды). В целом образец кирпично-красного цвета, неясно слоистой текстуры. На поверхности налипли зерна кварца	Природное	Гематит, кварц	Si, Fe, Al (K)
11	№ 80a	Красная тонкозернистая масса, перемешанная с окатанными кварцевыми зёрнами	Возможно рукотворное происхождение — термообработка и перемешивание	—	—
12	№ 80б	Разломанный на две части фрагмент гематитовой конкреции, корка в виде тонкозернистой массы без включений, на поверхности — черные пятнышки с металлическим блеском (следы марганца?). Цвет — градиент от красного до желтого	Природное	Гематит, гётит, кварц	—
13	Без №	Песок, слегка сцементированный оксидами железа красного цвета	Возможно, рукотворное	Кварц, гематит	—
14	№ 185	Очень плотная корка гематитовой конкреции. Внутри — сизо-черный плотный слой шириной около 3 мм. Снаружи — «рубашка» очень сыпучей красной охры. На поверхности налипли зерна кварца и черные включения (возможно, оксиды марганца). На выпуклых частях наблюдается сильные заполировки	Природное, возможна термообработка	Гематит, гётит, кварц	—
15	№ 186	Песок, хорошо сцементированный оксидами железа красного цвета. На одной из поверхностей образца наблюдается примазка желтого цвета, однородная, порошковидная, без кварцевых включений	Возможно, рукотворное	Кварц, гематит	—
16	№ 78	Песок, сцементированный карбонатным (?) материалом, одна из поверхностей покрашена красным на 1–2 мм. Граница между окрашенным слоем и породой достаточно резкая, маркированная желтой прослойкой. Красная масса рыхлая, сама порода более плотная. Весь образец сильно затерт	Возможно рукотворное происхождение покрашенного слоя	—	—
17	№ 83	Песок мелкозернистый, сцементированный светлым (по-видимому, карбонатным) цементом. Внутри цемент ярко окрашен красным, оксидами железа. С поверхности сильно затерт	Возможно, рукотворное	—	—
18	№ 81	Песок мелкозернистый, сцементированный ярко-красным оксидом железа. На поверхности тот же песок, но сцементированный чем-то светлым	Возможно, рукотворное (пролитые растворы? перемешивание?)	—	—
19	№ 235	Корка лимонитовой конкреции. Тонкозернистая, внутренняя часть окрашена красным, с поверхности — желтым, плотная. Большое количество очень мелких черных включений (оксид марганца?)	Природное	—	—

* В таблице без скобок перечисляются элементы, показавшие значительный процент в составе пробы, в скобках — все остальные обнаруженные элементы.

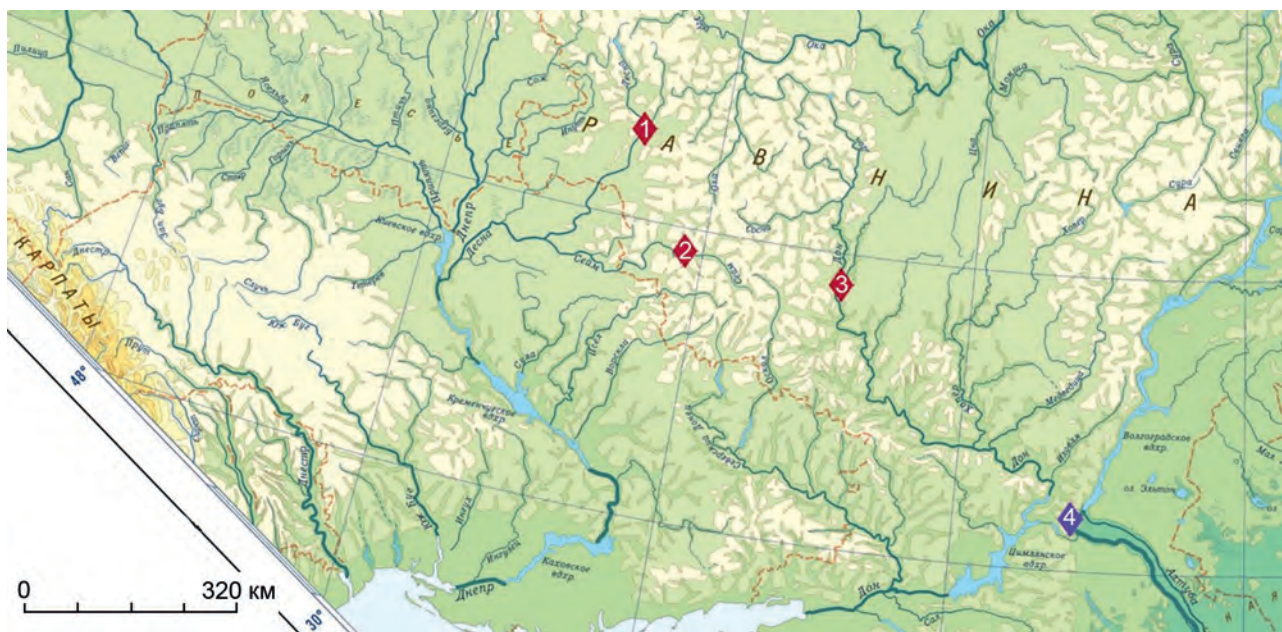

Рис. 2. Памятники верхнего (♦) и среднего (◆) палеолита, материалы которых были включены в программу исследования красок (1 — Хотылёво 2; 2 — Авдеево; 3 — Костёнки; 4 — Челюскинец II)

Fig. 2. Upper (♦) and Middle (◆) Paleolithic sites, the materials from which were included in the paint research program (1 — Khotylevo 2; 2 — Avdeev; 3 — Kostenki; 4 — Chelyuskinets II)

Все образцы пигментов со стоянки Челюскинец II происходят с небольшого участка площадью около 4 кв. м, на котором не выявлено каких-либо объектов; на другом участке памятника, ранее раскопанном Л. В. Кузнецовой широкой площадью около 117 кв. м, образцов красок обнаружено не было (Кузнецова, Сергин, 1999. С. 100, 101; Кузнецова, 2006). Каких-либо объектов на памятнике не найдено, рассматривать образцы красок в планиграфическом контексте не представляется возможным и по причине очень малой вскрытой площади на том участке, где были обнаружены краски. Отбор проб в культурном слое не представлял никаких проблем — все отдельности залегали дискретно в не окрашенном примесями песке желтоватого цвета, на границе прослоев в средней части литологического слоя 3 и фактически на границе ритмов субгоризонтального накопления суглинков и супесей, вне границ прослоев ярко-красного ожеженного песка, составляющего естественную часть отложений, вмещающих культурные остатки (Желтова и др., 2025. С. 15). Образцы ярко-красного песчаника были взяты как фоновые, предполагалось, что они могли служить источником сырья для изготовления красной краски.

Значительная часть исследованного нами на сегодняшний день верхнепалеолитического материала происходит из старых раскопок: стоянки Костёнки 1 и 21 (раскопки Н. Д. Праслова),

Костёнки 4 (раскопки А. Н. Рогачева), Авдеево (раскопки Г. П. Григорьева); часть — из новых: стоянки Костёнки 14 (раскопки А. А. Синицына) и 17 (раскопки А. А. Бессуднова), Хотылёво 2 (раскопки К. Н. Гаврилова) (рис. 2).

Для сравнения с материалами среднего палеолита со стоянки Челюскинец II было решено взять две серии образцов из костёнковских стоянок. Именно из верхнего слоя второго комплекса стоянки Костёнки 1 происходит наиболее представительная серия — 98 образцов, разнообразных по структуре и цвету. Многие из них связаны с объектами поселения — землянками, ямами и приоточными зонами.

Коллекция образцов из Костёнок 1 отбиралась Н. Д. Прасловым в течение многих лет — с 1984 по 1994 г. — в процессе раскопок второго комплекса. Она включает в себя образцы красок на основе охры в виде твердых отдельностей, сыпучих материалов, плотных конгломератов, состоящих из культурного слоя и частиц пигментов, в некоторых случаях с подложкой из неокрашенного культурного слоя (рис. 3). Из более ранних раскопок Костёнок 1 происходят немногочисленные твердые отдельности охры и единичные окрашенные предметы, которые мы не включали в анализируемую серию.

Вторая серия образцов происходит из культурных слоев II и III стоянки Костёнки 14, а также

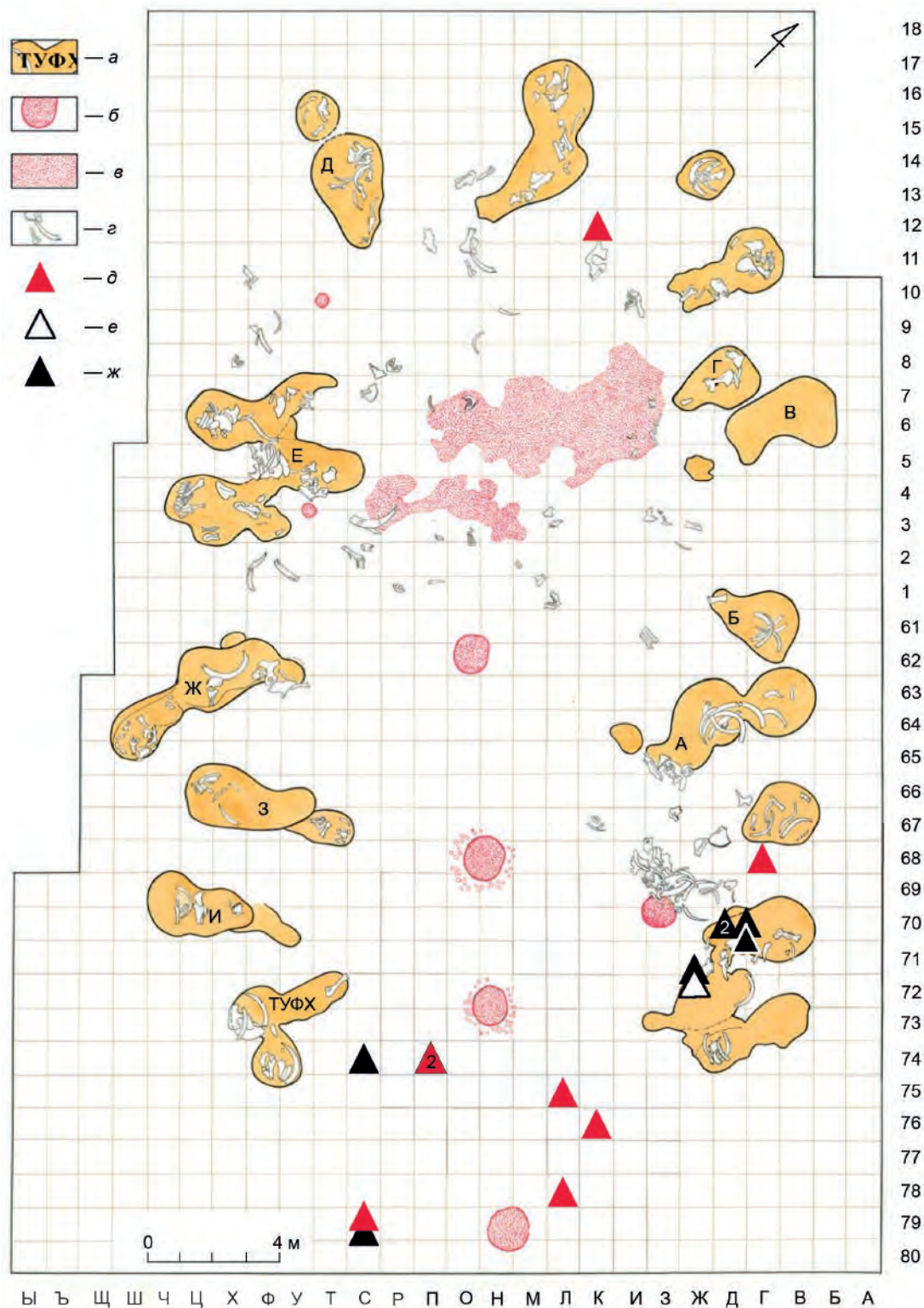

Рис. 3. План второго комплекса стоянки Костёнки 1 по состоянию на конец 1980-х гг. с распределением изученных образцов красок (а — землянки и ямы-хранилища; б — очаги и ямки с зольно-углистым заполнением; в — зольно-углистые пятна; г — кости и бивни; д-ж — образцы краски (д — красной, е — белой, ж — черной))

Fig. 3. Plan of the second complex of the Kostenki 1 site as of the late 1980s with the distribution of the studied paint samples (a — dugouts and storage pits; б — fire pits and pits filled with ash and coal; в — ash-carbon stains; г — bones and tusks; д-ж — paint samples (д — red, е — white, ж — black))

включает два образца с неуточненной принадлежностью к слою (что на данном этапе для нас неважно).

Была выработана следующая методика работы с образцами: имеющиеся 120 образцов были изучены под бинокулярным микроскопом Альтами СМ0745, для каждого из них было сделано детальное морфологическое описание с археологической и петрографической точек зрения. Затем 60 из них были отобраны для проведения минералогического анализа. Методом рентгеновской порошковой дифрактометрии были идентифицированы кристаллические фазы, как

индивидуальные, так и их смеси. Анализ проводился на дифрактометре ДРОН-2.0 с гониометром ГУР-8. Расшифровка полученных дифрактограмм проводилась с помощью программы Search-Mach-1.

По результатам минералогического анализа были отобраны 20 образцов для проведения анализа химического состава. Химический состав зерен изучался на электроннозондовом микроанализаторе JCSA-733 фирмы JEOL с энергодисперсионным Si(Li)-детектором с системой анализа INCA Energy 350 фирмы Oxford Instruments (Желтова и др., 2025. С. 15) (табл. 2).

Таблица 2. Образцы с памятников верхнего палеолита Костёнки 1 и Костёнки 14
Table 2. Samples from the Upper Paleolithic sites of Kostenki 1 and Kostenki 14

№ п/п	№ образца	Объект	Описание	Результат РФА	Хим. состав
Костёнки 1, слой I					
1	K1(I)-84, д-68	Пространство между двумя ямами-хранилищами	Фрагменты песчаника, сильно запачканные ожелезнённым тонкозернистым материалом. Естественное вторичное образование	Кварц, гётит, кальцит	–
2	K1(I)-85, д, е / 70, пол, пакет 1157	Камера землянки ГДЕЖЗ 69–74	Углистая масса, включающая многочисленные кварцевые зерна, частицы карбонатных пород и кусок угля	Кварц, минерал из группы апатита	–
3	K1(I)-85, д, е / 70, 71, средняя часть пола	Там же	Мало материала: россыпь мелкозернистых частиц угля, кварца, единичный твердый кусочек красного гематита и несколько слипшихся углистых комочков из тех же компонентов	Кварц, кальцит	–
4	K1(I)-85, е-70, ч 1-1	Там же	Уголь с налипшими песчаными зёрнами	Кварц, кальцит	–
5	K1(I)-85, е-70, основание пола, ч 11-3	Там же	Кварцевые зерна и частицы карбонатных пород, густо перемешанные с угольной пылью. Карбонатные породы непережженные	–	–
6	K1(I)-85, ж-72 (Б-3), основание пола	Там же	Кремовая мелкокомковатая россыпь с точечными многочисленными розовыми примазками по поверхностям комков (от розового до оранжевого цвета — сильно «разбеленный» красный неяркий пигмент)	Кварц, кальцит	Ca, Si, Al, Fe, K
7	K1(I)-85, ж-72	Там же	Россыпь разноразмерных частиц (от среднезернистых до пылеватых): угля, карбонатных пород, кварцевых зерен. Цвет образца темно-серый	Кварц, кальцит	–
8	K1(I)-72, к-12	Ямочка	Образец состоит из окатанных кварцевых зерен и обломков карбонатных пород, плотно скрепленных густо покрашенным охрой цементом; прочный, не сыплется. Масса в целом ярко-вишневого цвета	Кварц, гематит, кальцит	–
9	K1(I)-87, к-76	Яма в северной четверти квадрата	Россыпь комковатого культурного слоя, состоящего из сцементированного песка и суглинка с включениями микрочастиц угля, карбонатных пород, кварцевых зерен и единичных комочков ярко-красной охры. Без увеличения цвет образца малиновый	Гематит, гётит	–
10	K1(I), л-75	Дно ямки	Россыпь комковатого культурного слоя, состоящего из сцементированного песка и суглинка с включениями микрочастиц угля, карбонатных пород, кварцевых зерен и единичных комочков ярко-красной охры. Без увеличения цвет образца малиновый, в порошкообразном виде становится ярко-оранжевым	Кварц, гематит	–

Таблица 2, окончание

№ п/п	№ образца	Объект	Описание	Результат РФА	Хим. состав
11	K1(I)-89, л-78	Дно ямки, «блин охры»	Образец культурного слоя, вмещающий охристую массу. Слой пористый, хорошо сцементирован. Одна из поверхностей покрыта толстым слоем охры. В основном теле образца наблюдаются равномерно распределенные частицы охры. Неплотно сцементированные комочки тонкозернистой массы бордового цвета с немногочисленными включениями микрочастиц мела, костного угля, лессовидного суглинка и единичных окатанных зерен кварца. Масса пористая, встречаются отдельные плотные комочки охры без каверн и примесей. Явно неприродное образование	Кварц, гематит, кальцит	Si, Fe, Al, Ca, Ti, K, P
12	K1(I)-86, п-74	Прослой II-I с черным пятном	Образец культурного слоя, две противолежащие поверхности которого покрыты слоями ярко-красной охры. Слой представляет собой скрепленные карбонатным цементом частицы песка и суглинка с включениями большого количества микрочастиц угля, мела. Толщина около 4 см. Цвет светло-серо-бежевый. Слои охры толщиной до 2 мм представляют собой равномерно покрашенный субстрат, местами тонкослоистый, также содержащий примеси, характерные для непрокрашенного слоя. Граница между покрашенным и непрокрашенным слоями резкая. Явно рукотворный состав	Кварц, кальцит	Ca, P
13	K1(I)-86, п-74	Прослой II-I без черного пятна	Очень маленький образец культурного слоя. Слой представляет собой скрепленные карбонатным цементом частицы песка и суглинка с включениями микрочастиц угля, мела. Одна поверхность образца покрашена охрой. Граница с непрокрашенной частью резкая. Красящий состав определенно рукотворный	Кварц, кальцит	Si, Ca, Al, Fe, K, Ti, P, K, Cu
14	K1(I)-85, с-74, № 26	–	Конгломерат частиц кварца и обломков карбонатных пород, сцементированный угольной пылью. Сыпучий	Кварц	–
15	K1(I)-89, с-79	–	Кварцевые зерна (немногочисленные) и частицы карбонатных пород, густо перемешанные с угольной пылью. Карбонатные породы непережженные	Кварц, кальцит	–
16	K1(I)-89, с-79	–	Очень маленький фрагмент охристой красной массы с включением в центре непрокрашенного культурного слоя. Граница между слоями резкая	–	–
Костёнки 14					
17	K-14 1999, р-73	–	Скрытокристаллическая довольно равномерно зернистая красная охра с многочисленными следами биотурбации, в которых наблюдаются другие материалы: грибы, вторичный кальцит и пр.	Кварц, гематит	–
18	K14 (III) A-17, T-63, 281, 18	Слой III	Конкреция гематитовая по пириту или марказиту (форма кристаллов)	Гематит	–
19	K14 (II)-2023, C-38	Слой II	Довольно рыхлая охра на слое, микрокомковатая, с растительным детритом	Кварц, кальцит	Si, Al, Fe, Ca
20	K14, Ф-37	–	Охра неравномерными пятнами, возможно, из-за подстилающей поверхности, масса втоптана в слой	Кварц, кальцит	Si, Al, Fe
21	K14 (II)-2023, P-37	Слой II	Образец слоя с желтым (лимонитовым) цементом по песку, подстилаемым слоем с тонкими прослоями красной охры. Выше, пятнами, — песок с желтым лимонитовым цементом. Это не желтая охра, не антропогенное образование	Кварц, кальцит	Si, Al, Fe, Ca
22	K14 (II)-2023	Слой II	–	Кварц, кальцит	Si, Al, Fe, Ca
23	K14 (III)-2014, O-39, 246	Слой III	–	Кварц, кальцит, гётит	Si, Fe, Ca

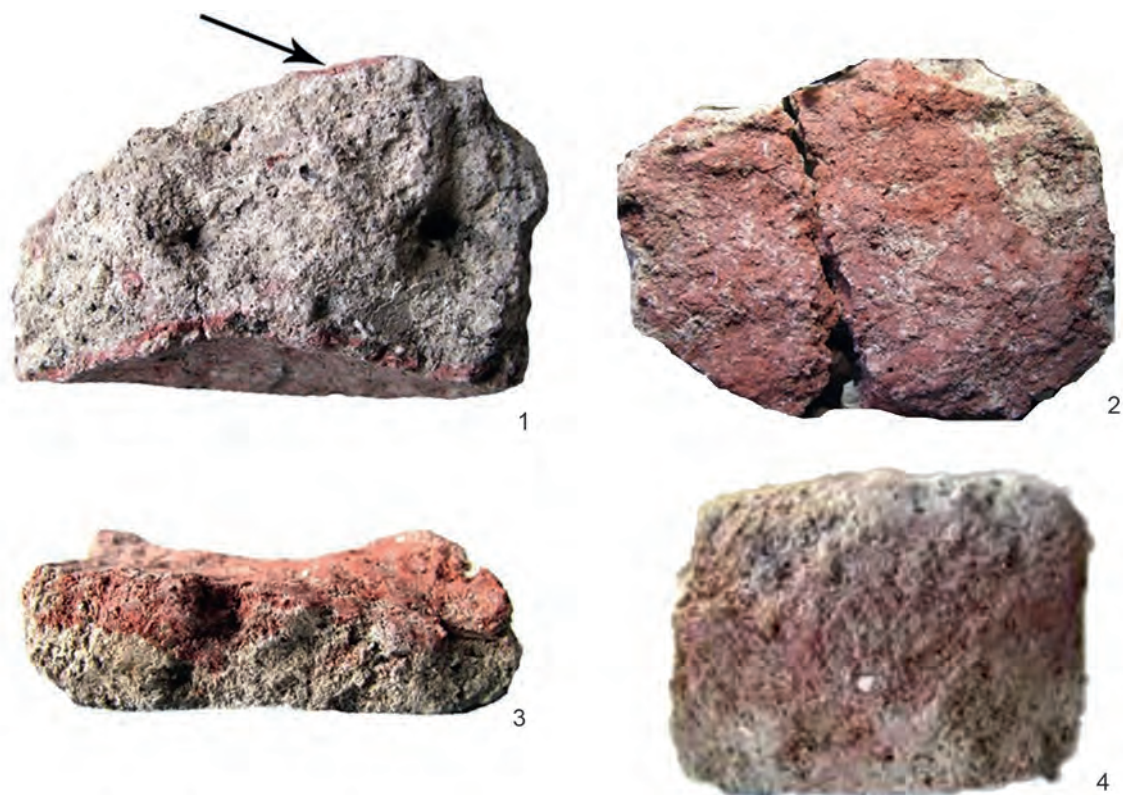

Рис. 4. Костёнки 1, слой I, образцы красной краски: 1 — без шифра, раскопки 1986 г.; 2 — кв. л-78, дно ямки, «блин охры»; 3 — без шифра, раскопки 1986 г.; 4 — кв. р-74, ямка с железом

Fig. 4. Kostenki 1, layer I, red paint samples: 1 — without code, excavations 1986; 2 — sq. л-78, bottom of the pit, “ocher pancake”; 3 — without code, excavations 1986; 4 — sq. р-74, pit with a rod

Обсуждение

Результаты минералогического этапа показали, что понимание минерального состава образца не дает никакой новой информации для установления происхождения субстрата. Подавляющая часть образцов имела в своем составе кварц, кальцит, гётит, гематит, что в целом было понятно и при визуальном осмотре. Образцы черного цвета, где можно было предположить наличие оксидов марганца, обнаруживали все те же кварц и кальцит, что означает угольное происхождение черного пигмента. Уголь же выбранными нами методами лабораторных анализов не обнаруживается.

Образцы красного и желтого цветов во всех случаях в основе имеют соединения железа.

При отборе для изучения химического состава предполагалось, что есть вероятность обнаружить в составе элементы, проливающие свет на происхождение вещества. И отчасти эти ожидания оправдались. Например, в трех образцах из Костёнок 1 был выделен фосфор, что, очевидно, означает мелко истолченную кость в составе смеси (табл. 2, № 11 (рис. 4, 2), 12, 13). Все три образца представляют собой остатки явно рукотворных субстанций

на основе охры. Весьма интересно, что при проведении минералогического анализа углистой массы со дна камеры землянки ГДЕЖЗ 69–74 Костёнок 14 был определен минерал группы апатита (табл. 2, № 2; рис. 5, 3).

Поскольку результаты инструментальных исследований не привели к пониманию, какие из образцов являются природными образованиями, а какие — рукотворными, было проведено повторное изучение образцов под бинокулярным микроскопом, с акцентом на физических свойствах минералов, которые удавалось установить.

Повторный визуальный осмотр позволил четко описать явно рукотворные фрагменты покрашенного культурного слоя, где были хорошо видны границы проникновения пигментного раствора в первичный субстрат. Кроме того, были выделены несомненно природные образования, такие как руинированные фрагменты кристаллических пород, обломки песчаников, карбонатных пород и т. п. Также удалось установить, что большинство черных образцов приобрели свой цвет за счет вкраплений угольков или угольной пыли. Ни минералогический, ни химический анализ

Рис. 5. Костёнки 1, слой I (камера землянки ГДЕЖЗ 69–74): 1 — образец белой краски (кв. ж-72, основание пола); 2, 3 — образцы черной краски (2 — кв. е-70, основание пола; 3 — кв. д, е / 70, пол)

Fig. 5. Kostenki 1, layer I (dugout chamber ГДЕЖЗ 69–74): 1 — white paint sample (sq. ж-72, floor base); 2, 3 — black paint samples (2 — sq. е-70, floor base; 3 — sq. д, е / 70, floor)

не позволил определить углерод, для этого нужно было бы использовать рамановскую спектроскопию. Однако в этом нет необходимости: совокупность физических диагностических признаков (цвет черты, способность пачкать руки, блеск) позволяет определить уголь простым визуальным осмотром. Разумеется, в подборке присутствовали образцы, происхождение которых так и осталось неустановленным, но и аналитика также оказалась бесполезной для определения их генезиса.

Выводы

Во-первых, изучение образца невооруженным глазом и под микроскопом иногда дают принципиально различные картины — так, например, было с образцом «белой» (визуально кремовой) краски из Костёнок 1, со дна камеры землянки ГДЕЖЗ 69–74 (табл. 2, № 6; рис. 5, 1). На первый взгляд довольно однородная и почти белая, под микроскопом она выглядела как кремовая мелкокомковатая россыпь с точечными многочисленными розовыми примазками по поверхностям комков, от розового до оранжевого цвета, то есть цвет был сильно «разбеленным» красным. Такая ситуация могла возникнуть при контакте залежавших рядом красной и белой масс. Однако в этом случае частицы красной субстанции были относительно равномерно рассеяны в белой основе.

Во-вторых, существуют критерии рукотворности происхождения остатков красок в слое, не зависящие от их химического и минерального со-

става, а также наличия или отсутствия какой-либо связующей основы (кроме воды). Границы непрокрашенного культурного слоя с субстанцией, содержащей пигменты, позволяют достаточно четко определить ее исходную консистенцию. Если она была густая, то граница резкая, проникновение частиц пигмента в непрокрашенный слой почти не наблюдается (рис. 4, 1–3). Чем более жидкой является консистенция красящего состава, тем больше частиц проникает в культурный слой, причем наблюдается широкая зона угасания яркости окраски (рис. 4, 4 — сверху белый субстрат, в середине — красный, внизу — неокрашенный культурный слой; размытые границы прослоев свидетельствуют о том, что краски были жидкими). При втаптывании порошкообразного сухого пигмента в слой такая зона значительно меньше.

В-третьих, критерием рукотворности красок является однородность структуры образца, а в случае наличия примесей — равномерность их распределения в теле образца.

Таким образом, следы водных растворов красок и просыпанных сухих фракций могут быть определены как рукотворные визуально под увеличением. Также мы считаем важным выводом, что аналитические методы определения минерального и химического состава вещества, содержащего пигмент, бесполезны для определения вероятной рукотворности образцов.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2026 г.

Желтова и др., 2025 — Желтова М. Н., Комагорова М. А., Анисовец Ю. Д., Житенев В. С., Ульянова Д. В., Курбанов Р. Н., Степанова К. Н., Аношкин А. А., Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Казаков Е. В., Ремизов С. О., Очередной А. К. Древнейшие свидетельства приготовления растворов и вязкопла-

стичных масс из красочных пигментов на Русской равнине в среднем палеолите // Нижневолжский археологический вестник. 2025. Т. 24, № 3. С. 5–44.

Житенев и др., 2020 — Житенев В. С., Лаврова В. Д., Анисовец Ю. Д., Виноградова Е. А., Статкус М. А.

- Красочные пигменты из культурного слоя и мужского погребения Сунгиря: предварительные результаты // *Camera Praehistorica*. 2024. № 2. С. 32–65.
- Житенёв, Анисовец, 2023 — Житенёв В. С., Анисовец Ю. Д. Красочные пигменты как массовый материал: обсуждение методического подхода к исследованиям // *Вестник Московского университета*. 2023. Серия 8 «История». Т. 64, № 4. С. 142–173.
- Кузнецова, 2006 — Кузнецова Л. В. Местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище // *Археология Нижнего Поволжья*. Т. 1: Каменный век / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. С. 22–27.
- Кузнецова, Сергин, 1999 — Кузнецова Л. В., Сергин В. Я. Местонахождение Челюскинец II // *Археологический альманах*. Донецк, 1999. № 8. С. 99–108.
- Лбова и др., 2018а — Лбова Л. В., Губар Ю. С., Кулик Н. А. Пигментосодержащие материалы в составе коллекции Малой Сыи (ранний верхний палеолит) // *Universum Humanitarium*. 2018. № 2. С. 42–65.
- Лбова и др., 2018б — Лбова Л. В., Кулик Н. А., Губар Ю. С. Петрографический и спектральный анализ пигментосодержащих материалов в составе коллекции Малой Сыи. // *Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. 2018. Т. 24. С. 115–118.
- Праслов, 1992 — Праслов Н. Д. Использование красок в палеолите // *КСИА*. 1992. Вып. 206: Проблемы палеолита Восточной Европы. С. 95–100.
- Праслов, 1997 — Праслов Н. Д. Краски в палеолитическом искусстве // *Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф.* / Ред. В. Г. Котов. Уфа: [б. и.], 1997. С. 81–84.
- Праслов, Галибин, 1982 — Праслов Н. Д., Галибин В. А. Палеолитические краски // *Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги* / Ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л.: Наука, 1982. С. 257–259.
- Степанова, 2023 — Степанова К. Н. Следы от приготовления минеральной краски из железистых конкреций: сопоставление данных экспериментов с археологическими материалами верхнего палеолита // *АВ*. 2023. Вып. 40. С. 334–352.
- Тетенькин и др., 2020 — Тетенькин А. В., Демонтерова Е. И., Канева Е. В., Анри О., Говри Ру Э. Охра в позднепалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48, № 3. С. 33–42.
- Тетенькин и др., 2026 — Тетенькин А. В., Мороз П. В., Демонтерова Е. И., Разгильдеева И. И. Что они делали с охрой? (Результаты трасологического исследования микропытен охры на каменных артефактах стоянки Коврижка IV, поздний палеолит, р. Витим, Байкало-Патомское нагорье) // *Уфимский археологический вестник*. 2026. Т. 26, № 1. С. 59–71.
- Янишина, Желтова, 2018 — Янишина О. В., Желтова М. Н. Использование красных красок на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1 (второй комплекс, слой I) // *Universum Humanitarium*. 2018. № 1. С. 107–136.

The study of mineral-based paints from excavations at open-air Paleolithic sites: peculiarities of methodological approach

M. N. Zheltova, M. A. Komagorova³

Keywords: Paleolithic, mineral paints, mineral pigments, iron oxides, ocher, Paleolithic paints production, Paleolithic technologies, dye solutions

This article examines a methodological approach to the study of mineral-based paints recovered from excavations at open-air Paleolithic sites. Despite the abundance of pigment finds (primarily ochres), questions regarding their natural versus anthropogenic origin, preparation technologies, and functional purposes remain debated. Using materials from Middle Paleolithic (Chelyuskinets II) and Upper Paleolithic (Kostenki 1, 14, and others) sites on the East European Plain (120 samples), we tested a complex of methods: binocular microscopy, X-ray powder diffraction, and electron microprobe analysis. We demonstrate that instrumental studies of mineral and chemical composition alone are insufficient for unambiguous identification of the anthropogenic origin of pigments. Key criteria for human modification were identified through detailed visual and microscopic examination.

³ Maria N. Zheltova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; mpraslova@mail.ru. Maria A. Komagorova — Mineralogical Museum named after A. E. Fersman of Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: egorova.com@gmail.com.

Бронзовые литые денежные знаки и наконечники стрел в слоях и комплексах Березанского поселения: опыт пространственного intra-site анализа¹

Д. Е. Чистов, А. А. Гиблова, Ю. И. Ильина, И. В. Корнеева²

Аннотация. В работе представлены результаты пространственного intra-site анализа распределения архаических литых денежных знаков и бронзовых наконечников стрел в слоях Березанского поселения (Борисфена) по материалам раскопок 2004–2018 гг. Наиболее репрезентативные данные получены для периода урбанизации памятника (фазы II-A, II-B). Самая высокая концентрация монетных знаков прослеживается в жилых кварталах, а не на улицах или в общественных зонах. Наконечники стрел, по-видимому, не имели хождения в качестве разменной мелкой монеты наряду со стреловидными и дельфиновидными знаками.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Борисфен (Березанское поселение), пространственный intra-site анализ, ГИС (QGIS), литые монетные знаки, монеты-стрелки, монеты-дельфинчики, наконечники стрел

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-132-144

Березанское поселение (античный Борисфен) — уникальный археологический памятник, расположенный на небольшом, в наши дни необитаемом острове Березань в Черном море, напротив устья Днепро-Бугского лимана. Борисфен был основан колонистами из ионийского города Милета в 647/646 гг. до н. э. (Euseb. Chron. Can. 95b Helm.) и является древнейшей греческой апойкией в Северном Причерноморье.

В ходе многолетних (1962–2018 гг.) полевых исследований Березанского поселения и его некрополя археологической экспедицией Государственного Эрмитажа был накоплен огромный объем данных, включающих различ-

ные виды картографической и статистической информации — планы раскопок последовательно сменявшихся строительных периодов, перечни стратиграфических единиц (контекстов, также чаще называемых списками в отечественной классической археологии), описи индивидуальных находок, статистические описи массового археологического материала и пр. Реализуемый авторами проект направлен на комплексное изучение данных, полученных в ходе 15 лет (2004–2018 гг.) раскопок в северо-восточной части Березанского поселения, на участке «О-Западный» (рис. 1). Предполагается определить наиболее результативные сочетания пространственного анализа с применением ГИС и традиционной стратиграфической хронологизации применительно к материалам раскопок античного урбанизированного центра, изучить пространственное распределение различных групп находок в сопоставлении с функциональным зонированием исследованной территории. На примере отдельно взятого района античного города планируется выявить особенности функционального зонирования в границах квартала и отдельно взятого жилого дома, попытаться сопоставить специфику территорий жилой застройки и общественных пространств.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-28-01952, «Комплексное изучение античного городского памятника методами пространственного анализа и стратиграфической хронологизации (на примере Березанского поселения)») в Государственном Эрмитаже.

² Чистов Д. Е., Гиблова А. А., Ильина Ю. И., Корнеева И. В. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; e-mail: d.chistov@gmail.com, giblovaaa@yandex.ru, iouliailiyina@gmail.com, korneeva.iv@hermitage.ru.

© Чистов Д. Е., Гиблова А. А., Ильина Ю. И., Корнеева И. В., 2026

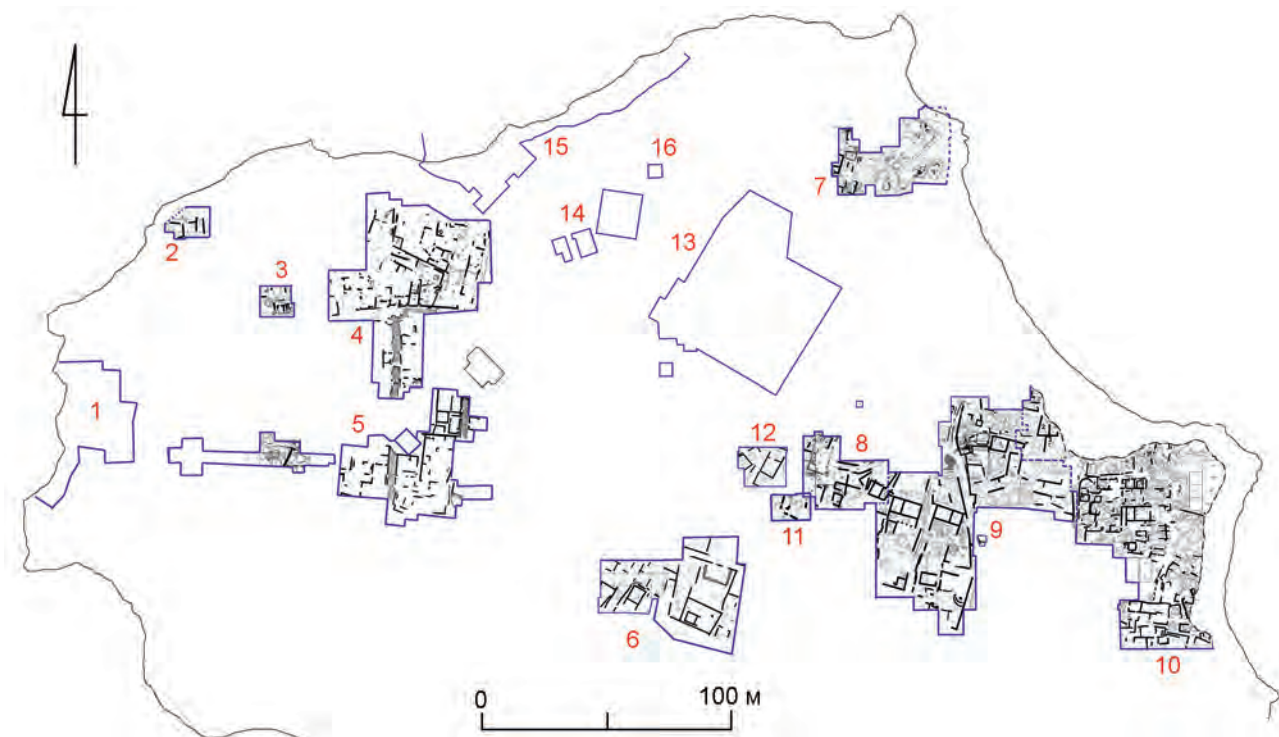

Рис. 1. Сводный план основных раскопов в северной части о-ва Березань (на 2018 г.): 1 — некрополь; участки: 2 — «С-1»; 3 — «С-2»; 4 — «Северо-западный А»; 5 — «Северо-западный Б»; 6 — «Т»; 7 — «Г»; 8 — «Р-1В» (восточный); 9 — «О-Западный» (1991–2018); 10 — «О-Восточный» (1960–1980); 11 — «Р1» (западный); 12 — «ГШ»; 13 — «А1» (Э. Р. фон Штерн, М. Ф. Болтенко); 14 — «С4-6» (Э. Р. фон Штерн); 15 — «В8» (Э. Р. фон Штерн, М. Ф. Болтенко); 16 — «Ж» (Э. Р. фон Штерн)

Fig. 1. Summary plan of the main excavations in the northern part of Berezan Island (2018): 1 — necropolis; sections: 2 — “C-1”; 3 — “C-2”; 4 — “North-Western A”; 5 — “North-Western B”; 6 — “T”; 7 — “G”; 8 — “P-1B” (eastern); 9 — “O-Western” (1991–2018); 10 — “O-Eastern” (1960–1980); 11 — “P1” (western); 12 — “ГШ”; 13 — A1 (E. R. von Stern, M. F. Boltenko); 14 — “C4-6” (E. R. von Stern); 15 — “B8” (E. R. von Stern, M. F. Boltenko); 16 — “Ж” (E. R. von Stern)

Применение методов пространственного intra-site анализа средствами ГИС к городскому памятнику в данном случае оправдано, поскольку в границы раскопа «О-Западный» попадают различные функциональные зоны городской застройки: части трех городских кварталов (G, H, I) и отрезки двух разделяющих их улиц (У-6, У-7). В этих кварталах выявлены как жилые домохозяйства, так и общественные сооружения — здания G-1, H-1 и двор с круглым алтарем H-3. Кроме того, архаическое и раннеклассическое Березанское поселение хорошо стратифицировано: исследованные слои и сооружения в подавляющем большинстве случаев можно с уверенностью отнести к определенным периодам и фазам со средней продолжительностью 40–70 лет. Это открывает возможности для работы с большими выборками археологического материала.

Периодизация

Положенная в основу этой работы периодизация Березани с конца VII до конца V в. до н. э. выглядит следующим образом: наиболее ранний стратиграфический горизонт, то есть I строительный период, представлен многочисленными заглубленными в грунт с уровня погребенной почвы объектами конца VII — середины VI в. до н. э. — землянками и хозяйственными ямами. Более ранних сооружений до сих пор не обнаружено (Solovyov, 1999. Р. 3, 4). Выраженный культурный слой этого времени отсутствует или выделяется только на отдельных участках. Характер использования территории поселения этого периода указывает на то, что первоначальный Борисфен длительное время существовал как очень небольшой поселок с непостоянным или даже сезонным населением, возможно, как торгово-ремесленная станция — эмпорий.

Второй период, связанный с урбанизацией Борисфена, датируется 540–480/460 гг. до н. э. (Чистов и др., 2012. С. 41–104; 2020. С. 60–163). Начало масштабного строительства каменно-сырцовых домов и появление уличной сети наблюдаются на Березани почти одновременно с установлением персидского протектората Ахеменидов над Ионией в 546 г. до н. э. (Herod. I, 153–168). Культурные отложения Березанского поселения формировались наиболее интенсивно именно в это время благодаря использованию камня и сырцового кирпича при строительстве зданий, их последующему разрушению и перестройке. В стратиграфии поселения переход от I ко II периоду отмечен слоями нивелировок, заполнявшими более ранние землянки и ямы первой половины VI в. до н. э. Их перекрывают кладки, относящиеся к самым ранним многокамерным домам. Основания этих стен часто возводились непосредственно на уровне погребенной почвы. В свою очередь II период состоит из двух фаз (II-A, II-B), переход между которыми на многих участках маркирован слоями пожаров, разрушений и последующих перестроек. Завершение фазы II-B во второй четверти V в. до н. э. также связано с неустановленными событиями, которые привели к оставлению поселения большей частью его жителей. Точная хронология этого процесса неизвестна; мы можем лишь предположить, что он происходил примерно между 480-ми гг. и серединой V в. до н. э.

Период III (середина — вторая половина V в. до н. э.) — время упадка и резких изменений в городской структуре Березанского поселения (Копейкина, 1981. С. 206–208; Solovyov, 1999. С. 98–113). Культурные слои этого периода задокументированы лишь немногими сооружениями. Среди них — землянки (Solovyov, 1999. С. 101–109; Чистов и др., 2012. С. 106), а также отдельные наземные дома из камня и сырцового кирпича (Чистов, Ильина, 2015).

Предмет анализа

Мы представим попытку анализа пространственного распределения трех групп находок: бронзовых литых стреловидных и дельфиновидных знаков, а также бронзовых наконечников стрел. Литые денежные знаки, в архаическую эпоху получившие распространение в среде ионийских апойкий и их варварского окружения на западе и северо-западе Понтийского региона, представляют собой уникальное явление, по технологии изготовления, использованию, распространению не вполне сопоставимое с гречески-

ми монетами того же и последующих периодов. На Березани, в Ольвии и на архаических поселениях ольвийской хоры в Нижнем Побужье известны две основные группы подобных знаков — так называемые монеты-стрелки, распространенные в Истро-Понтийском регионе и на северо-западе Понта Эвксинского с первой половины VI в. до н. э. и несколько позднее получившие распространение на Березани, в Ольвии и на архаических поселениях Ольвийской хоры, и монеты-дельфины, которые отливались и находились в обращении в основном в Нижнем Побужье. Необычная форма этих знаков с нестабильным весом, вполне возможно связанных с культовой сферой, вызывает у некоторых исследователей сомнение в их использовании в качестве денег (*de Callataj*, 2019), несмотря на встречаемость в городских слоях, наличие десятков крупных кладов и множества групповых находок — «кошельков» (*de Callataj*, 2019. Р. 263, fn. 34; *Cojocaru*, 2021. Р. 32, fn. 21). Более того, известны стреловидные знаки с надчеканками, характерными для ранних монет Аполлонии, Истрии и Месембрии (Балабанов, 2011. С. 169).

Происхождение литых денежных знаков и семантика их формы до сих пор вызывают дискуссии. Появление стреловидных монет связывали с имитацией скифских боевых наконечников стрел, даже сопоставляя форму отдельных «стрелок» с типами боевых наконечников архаического периода (Карышковский, 1988. С. 30–33). Подтверждением этому могут служить так называемые монетизированные боевые наконечники стрел, лишенные функциональности путем заливки втулки свинцом или иными способами. Они присутствуют наряду со стреловидными монетами в составе кладов и в числе находок на теменосе Истрии. Сами же стреловидные знаки, по данным последних исследований, отливались из бронзы того же состава, что и боевые наконечники, или даже переплавлялись из них (*Talmaçchi*, 2017. Р. 49; *Талмацки, Кристя-Стан*, 2023). Изначальную функцию специально отлитых нефункциональных стреловидных монет описывают также как культовую, то есть они служили своего рода жетонами, которые приобретались верующими для пожертвований Аполлону или использовались как вотивы в религиозных ритуалах (*de Callataj*, 2019. Р. 268, 269). Форма стреловидной монеты, в свою очередь, объясняется связью с культом Аполлона Врача, распространившегося в ионийских апойкиях Северо-Западного Причерноморья (Анохин, 1986. С. 83–85; *Карышковский*, 1988. С. 33), или культа бога-всадника, его возможного фракийского аналога (*Лазаренко*, 2022). Согласно

альтернативной гипотезе, форма стреловидных литых знаков могла ассоциироваться с листьями оливкового дерева, рыбой и зернами пшеницы или ячменя, то есть наиболее востребованными товарами в среде греческих колонистов и их варварского окружения (*Talmatchi*, 2013).

Изучение распределения литых денежных знаков и функциональных наконечников стрел в культурном слое Березанского поселения способно, как нам представляется, дать качественно новую информацию о характере их использования. Ранее одним из авторов уже публиковалась работа по исследованию в контекстах разных стратиграфических периодов всех известных на Березани типов монет-дельфинчиков и монет-стрелок (*Chistov*, 2019)³, поэтому здесь мы сосредоточимся исключительно на пространственном анализе встречаемости этих групп находок без разбивки на типы.

Общий объем выборки из раскопок 2004–2018 гг. насчитывает 824 литых денежных знака (в том числе 571 дельфиновидный и 224 стреловидных), а также 255 боевых наконечников стрел. Поскольку не все контексты пригодны для пространственного анализа (исключаются случайные находки, а также находки из старых отвалов, грабительских шурфов и т. п.), исследуемая в ГИС выборка сократилась до 734 литых денежных знаков (511 дельфиновидных и 223 стреловидных) и 232 наконечников стрел. Важно заметить, что нумизматические находки в архаических и раннеклассических напластованиях Березани представлены почти исключительно дельфиновидными и стреловидными знаками. На территории раскопа «О-Западный» обнаружена лишь одна монета — серебряный пантикапейский диобол первой половины V в. до н. э. (*Чистов и др.*, 2020. Табл. 80, 20), а также единичные экземпляры редких литых знаков большого номинала — дельфиновидного, весом 37,35 г, и сегментовидного, весом 49,52 г, с изображениями «стрелки» с нервюрами и головы рыбы на разных сторонах (*Chistov*, 2019. Р. 106, fig. 9, 1, 2).

Методика

Методические основы исследования в кратком изложении таковы. Работа выполнена в ПО QGIS 3.40. На топооснове, в качестве кото-

рой использован сводный векторный план раскопа «О-Западный», в полигональном слое были вычерчены мультиполигоны по границам 719 контекстов, исследованных экспедицией Эрмитажа за 2004–2018 гг. Для всех записей этого слоя внесены различные атрибутивные данные, включающие идентификационные номера контекстов, их принадлежность к стратиграфическим периодам, объектам. Площадь полигона, помноженная на высчитанную по нивелировочным отметкам мощность слоя, позволила вычислить для каждого контекста его приблизительный объем. Кроме того, в ГИС были оцифрованы определенные в ходе многолетних раскопок зоны застройки границы наделов отдельных домов, кварталов и улиц. Зональные слои были использованы для выполнения пространственного анализа; при помощи инструментов ГИС получены статистические сводки атрибутов контекстов, относящихся к тем же стратиграфическим периодам (фазам) и попадающим в их границы. Для этой цели к атрибутам самих контекстов присоединялась информация из полевой базы данных, в данном случае сведения о наличии и количестве литых денежных знаков и наконечников стрел.

Площадь и мощность слоя в стратиграфическом юните (контексте) может значительно различаться в силу специфики объекта, с которым он связан (заполнение наземного помещения или подвала, полуземлянки, хозяйственной ямы, колодца и пр.), и принципа его выделения в ходе раскопок (реальные слои или заполнение, условные горизонты при снятии верхних слоев). По этой причине для каждого контекста концентрация находок определенного типа рассчитывалась как их количество, деленное на объем слоя стратиграфического юнита, в котором они были найдены (в куб. м). Полученные показатели концентрации находок на 1 куб. м и были нами использованы для зональной статистики. Также они служат основой визуализации сосредоточения находок на плане раскопа по контекстам — для более детального пространственного анализа или в тех случаях, когда определение достоверных границ домовладений и функциональных зон застройки невозможно (периоды I и III)⁴.

³ Эта работа была выполнена на материалах исследований раскопа «О-Западный» в 2004–2016 гг. В представленной статье мы анализируем более многочисленную выборку, включающую находки двух последних полевых сезонов (2017, 2018 гг.).

⁴ В таких визуализациях в QGIS использована градиентная символизация по диапазонам значений по естественным интервалам Дженкса с так называемой отрисовкой на основе правил, благодаря которой в случае взаимного перекрытия нескольких контекстов одного строительного периода в первую очередь отрисовываются контексты с наибольшими значениями

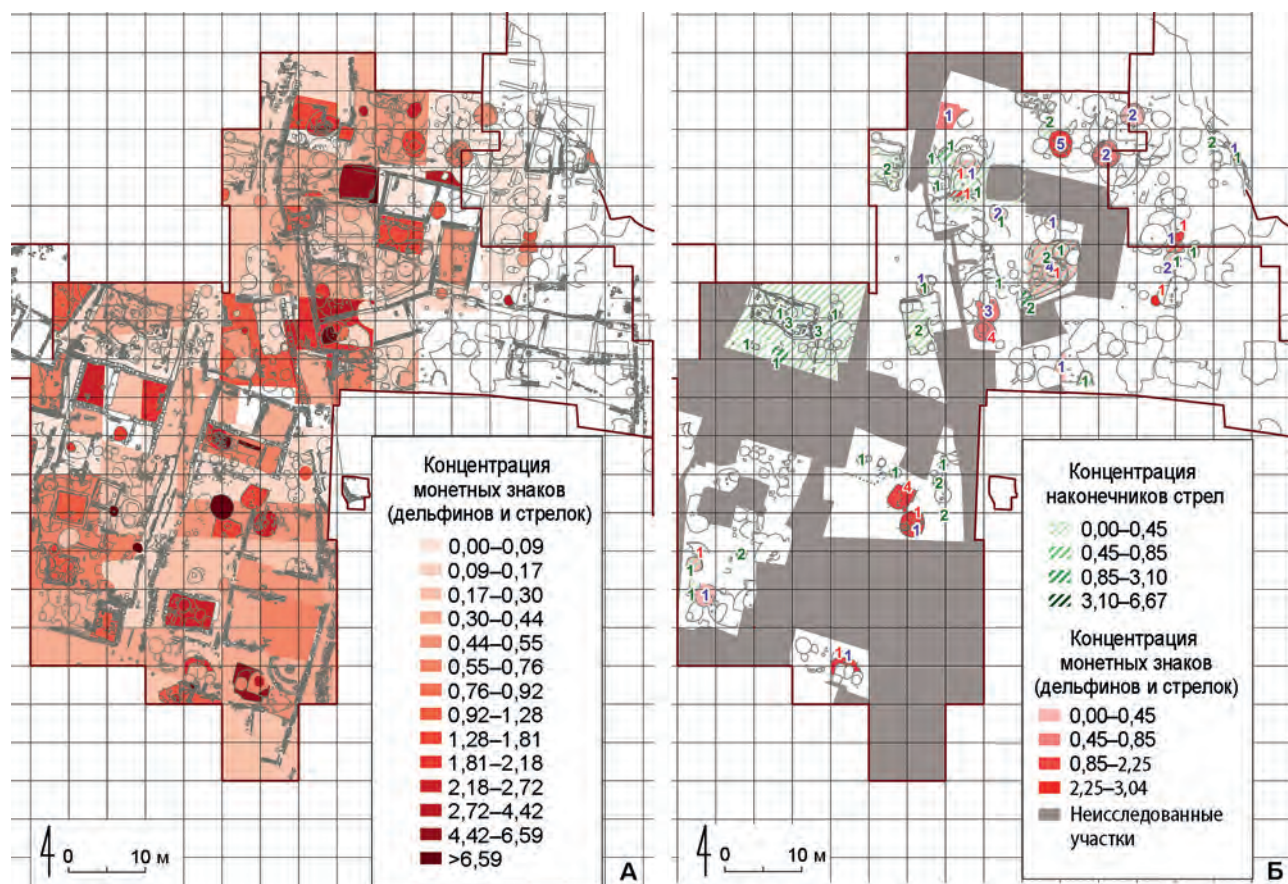

Рис. 2. А — визуализация суммарной концентрации денежных знаков (дельфиновидных и стреловидных монет) в контекстах всех строительных периодов и недатированных слоев на плане раскопа «О-Западный» 2004–2018 гг.; Б — период I, концентрация литых денежных знаков и наконечников стрел (цифрами обозначено количество находок в отдельных контекстах: зеленым цветом — наконечников стрел, синим — стреловидных, красным — дельфиновидных знаков)

Fig. 2. A — visualization of the total concentration of monetary units (dolphin-shaped and arrow-shaped coins) in the contexts of all construction periods and undated layers on the plan of the “O-Western” excavation area, 2004–2018; Б — period I, concentration of cast monetary units and arrowheads (numbers indicate the number of finds in individual contexts: green — arrowheads, blue — arrow-shaped, red — dolphin-shaped coins)

Описанный выше подход выработан авторами для анализа данных массовых находок (прежде всего керамики), не имеющих никаких иных привязок к плану, кроме границ контекста. Однако в данном случае он также применим, поскольку не все монетные знаки и наконечники имеют 3D-координаты, но при этом их находки достаточно многочисленны для репрезентативной статистики. Как представляется, такой метод может быть также полезен для ретроспективного применения к любым категориям материала в старых раскопках, документация которых имеет

концентрации. Таким образом возможно получить подобие «тепловой карты» сосредоточения определенных находок на плане раскопа.

описания контекстов (списков), но не содержит конкретных точек находок на плане.

Описание результатов

Дельфины и стрелки встречаются в слоях Березанского поселения почти повсеместно (рис. 2, А), хотя массовым материалом они не являются: хотя бы один литой монетный знак встречен примерно в трети контекстов (243 из 719). Их количество в одном контексте нашей выборки варьируется от 1 до 18. Единственное исключение — яма 116 III строительного периода, где был найден маленький клад из 10 дельфиновидных знаков (Чистов и др., 2012. С. 113, табл. 124.25). Наконечники стрел встречаются реже: в 149 контекстах они присутствуют в количестве от 1 до 7.

Таблица. Средняя концентрация находок в контекстах на 1 куб. м (см. рис. 3, Б, Г)
 Table. Average concentration of finds in contexts per 1 m³ (see Fig. 3, Б, Г)

Зона	Стреловидные монеты		Дельфиновидные монеты		Все литые знаки		Наконечники стрел	
	Фаза							
	II - А	II - В	II - А	II - В	II - А	II - В	II - А	II - В
Улица У6	0,11	0,05	0,15	0,13	0,26	0,18	0,05	0,05
Улица У7	0,03	0,08	0,08	0,34	0,10	0,43	0,40	0,04
Н-1	0,17	0,21	0,20	0,24	0,36	0,45	0,14	0,04
Н-2	0,37	0,04	0,26	0,19	0,62	0,23	0,17	0,09
Н-3	0,11	0,02	0,13	0,08	0,24	0,09	0,04	0,01
G-1	0,28	0,15	0,25	0,65	0,53	0,79	0,42	0,20
G-3	0,04	0,07	0,00	0,14	0,05	0,21	0,30	0,03
G-4	0,43	0,01	0,59	0,03	1,02	0,03	0,07	0,00
G-2	0,16	0,04	0,05	0,03	0,21	0,07	0,10	0,06
G-?	0,00	0,03	0,11	0,09	0,11	0,12	0,01	0,03
I-1	0,14	0,13	0,15	0,56	0,28	0,69	0,08	0,12
I-2	0,06	0,09	0,00	0,37	0,06	0,45	0,29	0,06
I-3	0,05	0,10	0,08	0,51	0,13	0,61	0,02	0,18
I-? (участок к востоку от I-3)	0,35	0,11	0,17	0,69	0,52	0,80	0,00	0,00
? (к западу от улицы У6)	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,08	0,12	0,12

Период I (рис. 2, Б)

Во взаимном расположении большинства объектов I строительного периода отсутствуют признаки упорядоченности, хотя полуземлянки и связанные с ними хозяйственные ямы образуют скопления — кластеры, не имеющие четких границ и теряющие плотность с севера на юг, то есть по направлению от берега и предполагаемой гавани к центральной части острова. Поэтому применение зонального анализа для этого горизонта не было оправдано и визуализация концентрации находок выполнена по отдельным комплексам (рис. 2, Б). Очевидных закономерностей в распределении находок для этого периода не выявлено: повышенная концентрация в северной части раскопа связана с большим числом ранних комплексов и меньшей долей не исследованных до материка участков. Преобладание стреловидных знаков объясняется тем, что массовый выпуск первых серий «дельфинчиков» определенно имел место только с начала II периода, в рамках третьей четверти VI в. до н. э.

Несколько групповых находок стреловидных монет в ранних полуземлянках (в основном относимых к фазе I-B), напротив, указывают на их обращение уже в рамках I периода, по меньшей мере во второй четверти — середине VI в. до н. э. (Chistov, 2019. Р. 99–10, fig. 2, fn. 6). Только в одной полуземлянке (СК 47) I периода найдены четы-

ре дельфиновидные монеты группы Г, однако в ее заполнении присутствовали и другие примеси поздних материалов (Чистов и др., 2020. С. 46).

Фаза II-A (рис. 3, А, Б; 4, А; табл.)

Для фазы II-A, то есть времени появления на Березанском поселении уличной сети и существования первых многокамерных городских домов с внутренними дворами, в границах раскопа «О-Западный» выделяется только два вида зон городской застройки — территории жилых кварталов и разделяющих их улиц. Средняя концентрация стреловидных и дельфиновидных монет в археологических контекстах этих зон очень близка, при небольшом преобладании дельфиновидных монет, при этом суммарная концентрация литых денежных знаков в границах жилой застройки почти в два раза выше, чем на улицах. Концентрация находок наконечников стрел, напротив, выше на территории улиц, хотя в среднем для этой фазы она сопоставима с показателями денежных знаков (рис. 3, А). Пространственный анализ, выполненный по отдельным наделам и улицам, дает схожую, но более неравномерную картину (рис. 3, Б, числовые значения — см. табл.). Соотношение дельфиновидных и стреловидных монет нестабильно, в некоторых домах концентрация стреловидных знаков оказывается выше. Общая концентрация литых денежных знаков

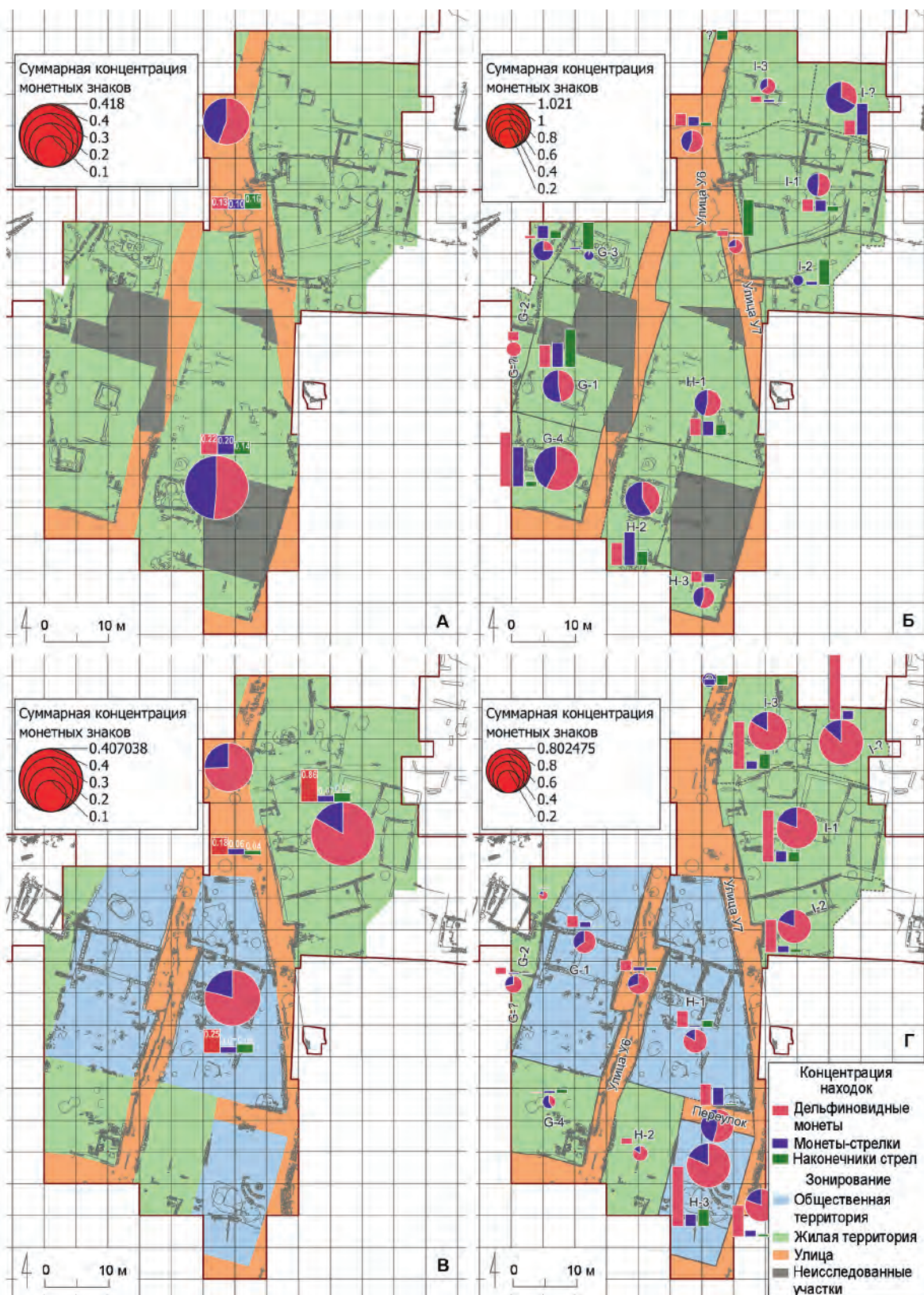

Рис. 3. Суммарная концентрация литых денежных знаков по функциональным зонам (А, В) и участкам домовладений (Б, Г): А, Б — фаза II-А; В, Г — фаза II-В

Fig. 3. Total concentration of cast monetary units by functional zones (A, B) and household sites (Б, Г): A, Б — phase II-A; В, Г — phase II-B

заметно увеличивается в южной части квартала G. Визуализация концентрации находок по отдельным контекстам этой фазы (рис. 4, А; табл.) показывает их сосредоточение в отдельных помещениях (особенно в полуподвальных) погибших в пожаре жилых домов.

Распространение дельфиновидных литых денежных знаков на Березани, как и в Ольвии, логично связывать со второй колонизационной волной и выдвиганием на ведущие позиции в регионе культа Аполлона Дельфиния (Анохин, 1989. С. 8). Вместе с тем представляется маловероятным, что их эмиссия связана именно с Ольвией, а распространение является отражением гражданско-конфликтного процесса групп колонистов, почитавших разные эпиклезы Аполлона (Solovyov, 2006. Р. 68–72) — этому противоречит значительная доля дельфиновидных знаков на Березани в слоях третьей четверти VI в. до н. э.

Значительно больший разброс дает концентрация наконечников стрел (рис. 3, А, Б), которая на территории некоторых участков очень невелика, а на других сопоставима или превышает концентрацию литых денежных знаков. Следует учесть, что в некоторых случаях (улица У7, дом I-2) данный показатель не отражает реальной картины, поскольку для них средняя концентрация рассчитана всего из нескольких контекстов малого объема (хозяйственной ямы, водостока и т. п.). Более релевантна визуализация по контекстам (рис. 5, А), на которой видно наибольшее сосредоточение наконечников стрел в районе слияния улиц У6 и У7, в северной части участка Н-1 и в доме G-3. Примечательно, что та же территория в месте слияния улиц У-6 и У-7 в северной части квартала Н характеризуется и большой концентрацией литых денежных знаков (рис. 4, А). Здесь раскрыты мощные слои пожара последней четверти VI в. до н. э. и развалы сырца, но строительные остатки имели плохую сохранность.

Фаза II-B (рис. 3, В, Г; 4, Б, В; табл.)

Стратиграфическая фаза II-B — это время, последовавшее после пожаров и разрушений последней четверти VI в. до н. э., следы которых выявлены на большей части территории раскопа «О-Западный». За разрушениями последовали перестройки, в ходе которых часть границ домовладений осталась неизменной, но на территории кварталов G и Н возникли общественные здания G-1, Н-1 и двор с круглым алтарем Н-3. Поэтому для фазы II-B выделены три функциональные зоны застройки — территории общественных сооружений, жилых домов и

улиц. Визуализация пространственного анализа (рис. 3, В) во всех трех зонах наглядно демонстрирует резкое изменение соотношения стреловидных и дельфиновидных монет в пользу последних. Это связано с общим трендом на снижение количества монет-стрелок, которые, по-видимому, выходят из обращения на Березани к позднеархаическому — раннеклассическому времени (Chistov, 2019. Р. 100, 101, fig. 2). Одинаково низкая концентрация стреловидных монет (0,06–0,07 на куб. м) может даже означать, что значительная часть этих находок представляет собой примеси из слоев предшествующей фазы. Для дельфиновидных монет, как и для литых денежных знаков в целом, прослеживается та же тенденция, что и для фазы II-A — их средняя концентрация заметно выше на территории жилой застройки, на втором месте — общественные пространства, и только на третьем — территория улиц. Однако при рассмотрении отдельных контекстов хорошо видны несколько участков сосредоточения находок литых денежных знаков: в северо-восточной части раскопа (рис. 4, Б) — в помещениях дома I-1⁵; на общественной территории в юго-западной части раскопа (рис. 4, В) — в здании G-1, при входе во двор с круглым алтарем Н-3, и в предшествующих алтарю котлованах неясного назначения СК 80 и СК 81⁶.

Концентрация боевых наконечников стрел для этой фазы сопоставима с монетами-стрелками (рис. 3, В, Г). Она также немного ниже на улицах, нежели в границах кварталов, но при этом снижается по сравнению с уровнем предшествующей фазы. В абсолютных значениях разница не кратная (67 и 79 единиц), но необходимо учесть, что частично или полностью не раскрыты ранние слои под зданиями G-1, Н-1 и двором Н-3.

Период III (рис. 4, Г)

Как уже отмечалось выше, III (классический) период — это время деградации городской застройки Борисфена. На территории раскопа «О-Западный» этот строительный горизонт в основном представлен мусорными слоями, перекрывающими позднеархаические строительные остатки. По-видимому, большая часть городских домов в это время стояла в руинах, хотя улицы по-прежнему могли использоваться немногочис-

⁵ Дом I-1, «Дом Пифея» — одно из самых больших по площади домовладений Березанского поселения (Chistov, 2023).

⁶ О здании G-1 (МК-2) см.: Чистов и др., 2012. С. 132–147; о дворе с алтарем Н-3 см.: Чистов, 2021.

Рис. 4. Концентрация литых денежных знаков по контекстам (А–В, шкала общая): А — фаза II-A; Б, В — фаза II-B (цифрами обозначено суммарное количество дельфиновидных и стреловидных монет в контекстах); Г — период III (цифрами обозначено количество находок в отдельных контекстах: зеленым цветом — наконечников стрел, синим — стреловидных, красным — дельфиновидных знаков)

Fig. 4. Concentration of cast monetary units by contexts (A–B, general scale): A — phase II-A; B, B — phase II-B (numbers indicate the total number of dolphin-shaped and arrow-shaped coins in contexts); Г — period III (numbers indicate the number of finds in individual contexts: green — arrowheads, blue — arrow-shaped coins, red — dolphin-shaped coins)

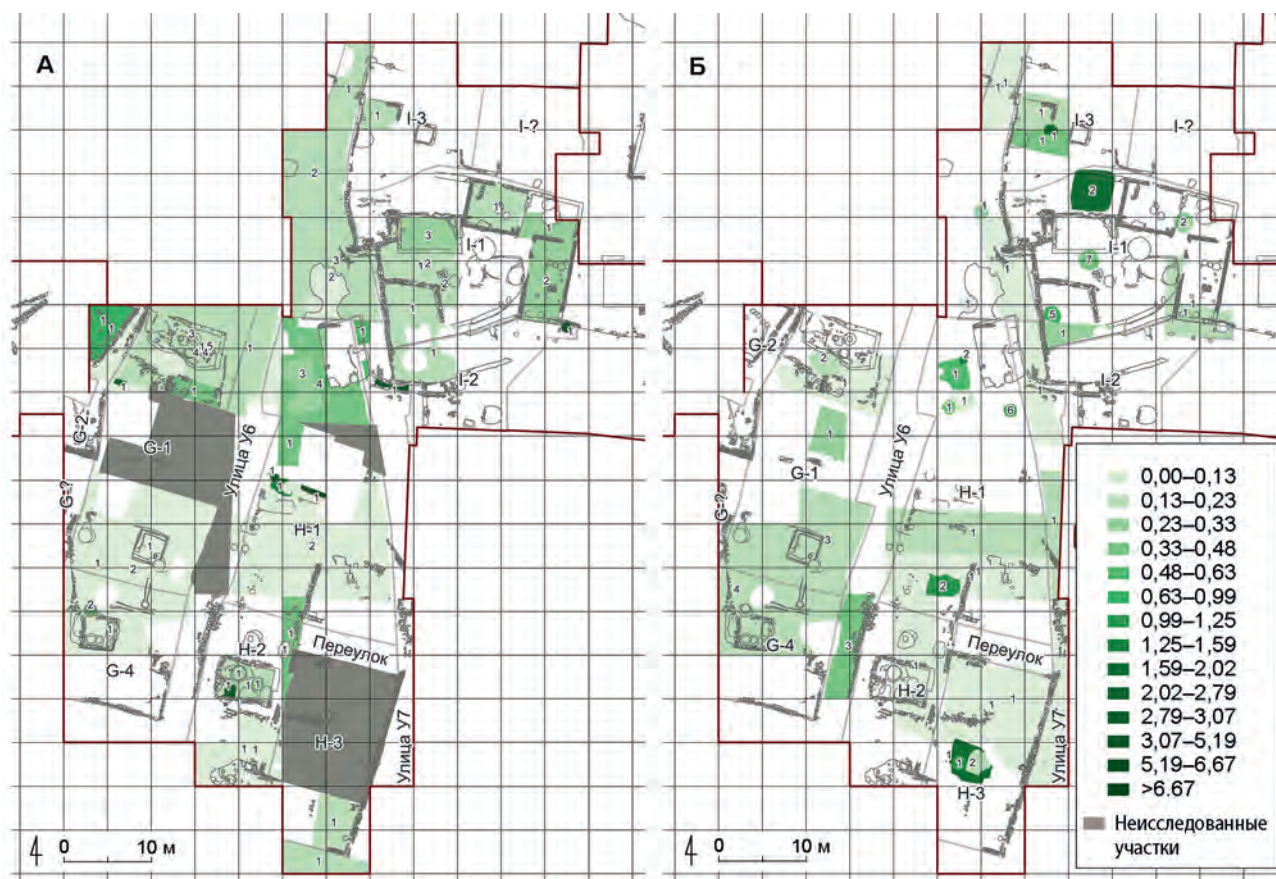

Рис. 5. Концентрация наконечников стрел в контекстах фазы II-A (А) и II-B (Б).

Цифрами обозначено количество наконечников в отдельных контекстах

Fig. 5. Concentration of arrowheads in the contexts of Phase II-A (A) and II-B (B).

Numbers indicate the number of arrowheads in individual contexts

ленными жителями, соорудившими свои жилища посреди старых кварталов. На территории двора общественного здания G-1 после середины V в. до н. э. появляется полуземлянка и строятся помещения нового дома, по-видимому, включившего в себя и заброшенную общественную постройку (Чистов, Ильина, 2015; Чистов и др., 2020. С. 165–175), а во дворе соседнего здания Н-1 немногим ранее возникает еще одна круглая полуземлянка (Чистов и др., 2012. С. 105–108). Пространственный анализ сосредоточения на-

ходок литых денежных знаков и боевых наконечников стрел для этого периода возможен только по контекстам (рис. 4, Г) и в данном случае приносит лишь ожидаемые результаты — наибольшая концентрация наблюдается в заполнении полуподвальных помещений классического дома, синхронных ему ямах и полуземлянке.

Краткие итоги

Подведем некоторые итоги на основании приведенных выше наблюдений. В слое периода

существования Борисфена как урбанизированного центра (фазы II-A и II-B) литые денежные знаки попадали неравномерно: их средняя концентрация оказывается выше на территории жилых домовладений, чем на городских улицах. Для одной и той же территории этот показатель может меняться — так, например, в доме I-1 фазы II-B по сравнению с предшествующим временем концентрация дельфинов заметно возрастает. Визуализация по контекстам указывает на то, что в границах отдельных домов находки также распределяются неравномерно: более всего насыщены стреловидными и дельфиновидными знаками некоторые помещения (особенно полуподвальные), хозяйственные ямы и колодцы жилых домов.

Общественные постройки и примыкающие к ним участки позднеархаической фазы II-B по средней концентрации литых денежных знаков более схожи с улицами, чем с жилыми домами. Однако при масштабировании до отдельных контекстов можно проследить определенные участки их сосредоточения. В частности, привлекает внимание концентрация литых денежных знаков (в основном дельфиновидных) в помещениях предполагаемого гестия G-1 и в зоне перед круглым алтарем двора H-3. Противоположная картина на территории соседнего общественного здания H-1 объясняется тем, что почти все его кладки были в древности разобраны до фундаментов. Современный ему слой сильно потревожен и не фиксировался по границам внутренних помещений.

Насколько типично распределение дельфиновидных и стреловидных литых знаков в застройке Борисфена для монетных находок античного города? Ответу на этот вопрос препятствует сравнительно малое количество опубликованных карт концентрации монет на территории античных памятников и их отсутствие для архаической и раннеклассической эпох. Применение инструментов ГИС в археологии увеличивает число таких исследований, однако определение каких-либо общих закономерностей затруднено целым рядом факторов: разной долей находок монет вне датированных контекстов, различиями в методах подсчета и уровнях детализации (район или квартал города, дом, помещение). Ф. де Каллатай, посвятивший специальную работу вопросу интерпретации пространственного распределения монет в слоях античных городов, святилищ и военных лагерей (*de Callatay*, 2022), предупреждает об опасностях таких прямолинейных интерпретаций, как связь уровня богатства жителей дома или квартала с количеством найденных монет.

Вместе с тем он устанавливает несколько закономерностей, действительно подтверждающихся на разных памятниках. В их числе — сниженное количество монет в производственных зонах, возрастание интенсивности их находок по мере приближения к торговым участкам (агоре, лавкам, иным местам, которые могут находиться и за чертой города), повышенная концентрация утерянных монет в определенных местах обмена на улице или у входа в здание.

Так, в ходе раскопок Олинфа было установлено повышение количества находок монет в домах по мере приближения к агоре (*Cahill*, 2002. P. 266–273, fig. 60), хотя у этого факта нет простого объяснения — лавки в этих домах встречаются не чаще, чем в других частях города, а концентрация монет в примыкающем к агоре квартале остается значительной, даже если исключить находки из лавок (*Ibid.* P. 269). В целиком раскопанном квартале VI.1 Помпей наблюдалась явная корреляция между концентрацией находок монет и расположением таверн (притом что в крупных жилых домах той же инсулы монетных находок значительно меньше; *Hobbs*, 2013. Fig. 23), а в кварталах VIII и I.1 наибольшая концентрация монет наблюдается в помещениях вдоль уличного фронта, часть из которых использовалась как лавки (*Ellis*, 2017. P. 304, 305, fig. 10, 3). Схожая картина выявлена при изучении римского военного лагеря и поселения при нем в Неймегене (Нидерланды) — монеты сосредоточены в основном в постройках, вытянувшихся вдоль основных улиц, хотя в этих же контекстах прослеживались повышенная концентрация и других категорий находок (*Kemmers*, 2005. P. 127–129, 143, fig. 4, 5; 4, 6).

Пространственный анализ концентрации литых денежных знаков в архаической ионийской апойкии на Березани дает картину, отличающуюся от приведенных выше примеров из более поздних эпох. Агора Борисфена к настоящему времени не найдена, а в кварталах, исследованных на раскопе «О-Западный», расположение лавок по особенностям планировки достоверно не определяется⁷. В домах Березанского поселения изолированные торговые помещения с отдельным выходом на улицу в целом не были распространены и могут только предполагаться в отдельных случаях. Свидетельств интенсивной уличной торговли пространственный анализ концентрации дельфиновидных и стреловидных литых денежных знаков также не выявляет. Как уже отмечалось,

⁷ Возможно, такую роль выполнял блок помещений на границе домов I-1 и I-3 (*Chistov*, 2023. P. 276, 277).

большая часть «дельфинов» и «стрелок» находилась в жилых кварталах, причем наибольшая концентрация находок чаще наблюдается не во внутренних дворах, а в крытых постройках, куда они попадали, будучи втоптаннными в земляной пол или выброшенными вместе со строительным мусором в заглубленные полуподвальные помещения при очередных перестройках. Сосредоточение литых знаков возле входа в дома с улицы не прослеживается. Причиной последнего, правда, может быть недостаток примененного в данной работе метода: концентрация находок «растягивается» на всю площадь контекста, который может иметь разные размеры и конфигурацию.

В пространственном распределении функциональных наконечников стрел почти не усматривается явных общих черт с литыми денежными знаками. Вероятно, это может свидетельствовать о том, что они не находились у ионийских колонистов в обращении в качестве мелкой монеты наряду с «дельфинами» и «стрелками». Позднеархаические слои менее насыщены ими по сравнению с контекстами фазы II-A, завершившейся пожарами и разрушениями. Однако различия не столь существенны и для того, чтобы это можно было считать прямым свидетельством уличных боев.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2026 г.

- Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа: Сб. ст. / Отв. ред. А. С. Русаева. Киев: Наукова думка, 1986. С. 68–89.
- Анохин, 1989 — Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 136 с.
- Балабанов, 2011 — Балабанов П. Немонетные формы денег в Скифии и Фракии // Античный мир и археология. 2011. Вып. 11. С. 162–180.
- Карышковский, 1988 — Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев: Наукова думка, 1988. 164 с.
- Копейкина, 1981 — Копейкина Л. В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // Советская археология. 1981. № 1. С. 192–208.
- Лазаренко, 2022 — Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Ч. 3: Культурное предназначение монет-стрелок. Раздел 2: Какова природа Аполлона Врача и к какому культу надлежит отнести монеты-стрелки (монеты-копья) // Новый Гермес. 2022. № 14-1. С. 20–72.
- Талмацки, Кристя-Стан, 2023 — Талмацки Г. М., Кристя-Стан Д. Исследование монетных знаков (видоизмененных наконечников стрел скифского типа и специально отлитых «монет-стрелок») Истро-Понтийского региона при помощи XRF и microPIXE // Прочнее меди: Сб. ст. к 80-летию В. А. Дергачева / Отв. ред. Л. В. Дергачева. Кишинэу: Stratum plus, 2023. С. 621–642.
- Чистов, Ильина, 2015 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Новые данные о Березанском поселении классического периода // Археологія і давня історія України. Киев. 2015. Вып. 1 (14): OLBIO in memoriam V. V. Krapivina. С. 230–250.
- Чистов и др., 2012 — Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Материалы

- Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2: Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 297 с.
- Чистов и др., 2020 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2020. 436 с.
- Cahill, 2002 — Cahill N. Household and city organization at Olynthus. New Haven — London: Yale University Press, 2002. 383 p.
- de Callataj, 2019 — de Callataj F. Did “dolphins” and non-functional arrowheads massively found in and around Olbia, Istros and Apollonia have ever had a monetary function? // Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion (Pontica et Mediterranea; VIII) / Eds. V. Cojocaru et al. Cluj-Napoca: Mega, 2019. P. 257–279.
- de Callataj, 2022 — de Callataj F. Coins as a proxy for the places of exchanges in Antiquity: what can be deduced so far from archaeological site maps? // Markt, Märkte und Marktgebäude in der antiken Welt (Philippika; 100) / Hrgs. K. Dross-Krüpe, K. Ruffing. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. S. 87–117.
- Chistov, 2019 — Chistov D. The Chronology of arrowhead and dolphin-shaped monetary signs from Berezan // Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity: Select Papers from the Third International Conference “The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast” / Eds. G. R. Tsetskhladze, S. Atasoy. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 99–107.
- Chistov, 2021 — Chistov D. New data on the late archaic civic centre of the Berezan Settlement. Courtyard with Altar in the City Block “H” // An den Ufern des Bug. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im

- Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen (Frankfurter Archäologische Schriften) / Hrsg. J. Fornasier, A. V. Bujskich. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. S. 115–136.
- Chistov, 2023 — Chistov D. The House of Pythes, son of Pericles, in the North-Eastern Area of the Archaic Berezan Settlement // Tios. Tieion on the Southern Black Sea in the Broader Context of Pontic Archaeology / Eds. G. R. Tsatskheladze, Ş. Yıldırım. Oxford: Archaeopress, 2023. P. 273–289.
- Cojocaru, 2021 — Cojocaru V. “Arrow-money” and “Scythian” coins as a medium of exchanges between money economy and prestige economy in the north-western Black Sea area // *Arheologia Moldovei*. 2021. Vol. 44. P. 29–48.
- Ellis, 2017 — Ellis S. J. R. Re-evaluating Pompeii’s coin finds. Monetary transactions and urban waste in the retail economy of an ancient city // *The Economy of Pompeii* / Eds. M. Flohr, A. Wilson. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 293–337.
- Hobbs, 2013 — Currency & exchange in ancient Pompei. Coins from the AAPP excavations at Regio VI, Insula 1. London, 2013 (*Bulletin of the Institute of Classical Studies*; Suppl. 116). 245 p.
- Kemmers, 2005 — Coins for a legion: an analysis of the coin finds from Augustan legionary fortress and Flavian canabae legionis at Nijmegen. Diss. ... PhD. Uni, 2005. 288 p. // URL: <https://hdl.handle.net/2066/40928> (accessed: 19.04.2026).
- Solovyov, 1999 — Solovyov S. L. Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden: Brill, 1999 (*Colloquia Pontica*; Vol. 4). 148 p.
- Solovyov, 2006 — Solovyov S. L. Monetary Circulation and the Political History of Archaic Borysthene // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2006. Vol. 12, No. 1. P. 63–75.
- Talmatchi, 2013 — Talmatchi G. New possible approach on the significance of “Arrowhead”-shaped monetary signs especially cast for trade purposes // *Peuce*. 2013. Vol. 11. P. 307–326.
- Talmatchi, 2017 — Talmatchi G. About the chronology of monetary signs based on the last results of the Dobrudzhan archaeological researches // *Ex nummis lux: Studies in Ancient Numismatics in Honour of Dimitar Draganov* / Ed. D. Boteva. Sofia: Bobokov Bros. Foundation, 2017. P. 49–57.

Cast bronze monetary signs and arrowheads in layers and complexes of the Berezan settlement: an attempt of intra-site spatial analysis

D. E. Chistov, A. A. Giblova, Yu. I. Ilyina, I. V. Korneeva⁸

Keywords: Northern Black Sea region, Borysthene (Berezan settlement), intra-site spatial analysis, GIS (QGIS), cast monetary units, arrowhead coins, dolphin coins, arrowheads

This article presents the results of the distribution study of cast monetary units (arrow-shaped and dolphin-shaped) and bronze arrowheads in the layers of the Berezan settlement (ancient Borysthene) using spatial intra-site analysis based on the GIS “QGIS”. The study was conducted based on excavations carried out between 2004 and 2018 at the area “O-Western” (fig. 1). A sample of 734 monetary units and 232 arrowheads was analyzed (fig. 2, 1). It was established that no patterns in the distribution of the studied groups of material were observed in the Early Archaic Period I (late 7th — 1st half of the 6th cent. BC) (fig. 2, B). During the urbanization period (phases II-A and II-B, 2nd half of the 6th–1st half of the 5th cent. BC), the concentration of coinage in residential areas is significantly higher than on the streets or in public areas. The highest density of finds was noted in semi-basements, pits and wells, rather than in courtyards. In the areas of public buildings (G-1, courtyard with an altar H-3), isolated clusters of coins were recorded, but the average concentration there was comparable to that in the streets (fig. 3; 4, A–B; table). The distribution of arrowheads does not correlate with coin finds, which argues against their use as a currency equivalent (fig. 3, B, 1). Based on the data obtained, it can be concluded that spatial analysis does not record signs of intensive street trading within the settlement, since the majority of coins were found in covered buildings of residential areas.

⁸ Dmitriy E. Chistov, Anastasiya A. Giblova, Yuliya I. Ilyina, Irina V. Korneeva — The State Hermitage Museum, St. Petersburg; e-mail: d.chistov@gmail.com, giblovaaa@yandex.ru, iouliailiyina@gmail.com, korneeva.iv@hermitage.ru.

Фауна млекопитающих поселения Горожане¹

М. В. Саблин, А. В. Михайлов²

Аннотация. В статье анализируется остеологическая коллекция с поселения X–XI вв. у дер. Горожане. В коллекции преобладают кости домашних животных (лошади, свиньи, коровы, мелкого рогатого скота). В публикации приводится сравнение фауны поселения Горожане и синхронных ему памятников: Рюрикова городища, Усвяты (Юрьевы горы), Осыно.

Ключевые слова: поселение Горожане, палеозоология, фауна, эпоха викингов

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-145-149

Поселение у дер. Горожане, расположенное на водоразделе бассейнов рек Ловати и Великой, — одно из открытых торгово-ремесленных поселений, связанное с функционированием Ловатского участка пути «из варяг в греки». Памятник был открыт в 2016 г., и исследования его продолжают по настоящее время (рис. 1). По результатам изучения поселения мы можем достоверно говорить, что оно появилось в X в. на сухопутной дороге, соединявшей Новгород с Городком на Ловати. На памятнике встречены следы металлургического производства, кузнечного и ювелирного ремесел. Значительное количество находок предметов импорта, торгового инвентаря свидетельствует об активной включенности жителей поселения в торгово-обменные операции. В 30-е гг. XI в. на поселении случился опустошительный пожар, ставший результатом воздействия внешней вооруженной силы. Поселение Горожане существовало до конца XI в., после чего жизнь на этом месте затухает.

В ходе археологических исследований была собрана достаточно представительная остеологическая коллекция, которая дает интересные дан-

ные о хозяйственной деятельности жителей поселения. Для анализа как наиболее информативные были выбраны коллекции из раскопов 3 и 4.

Раскоп 3 был заложен в 2019 г. в центральной части площадки поселения. Площадь раскопа составила 40 кв. м, мощность культурного слоя — 0,8–0,9 м (Михайлов, 2021). Раскоп 4 расположен в юго-восточной части поселения, на мысу, образованном р. Илеменкой (притоком Смердели) и пойменным лугом. Работы на раскопе 4, начатые в 2020 г., продолжают до настоящего времени. В пределах раскопа был открыт ряд примечательных объектов, среди которых разрушенный курган, содержащий, по крайней мере, одно (мужское) погребение по обряду кремации. Кроме того, в раскопе 4 была открыта значительная по своим размерам (по верху — 4,0 × 5,0 м, общая глубина 4,5 м) яма 6. Видимо, она изначально задумывалась как колодец, но никогда не использовалась по своему первоначальному назначению. Из ее заполнения происходит значительное количество костей животных, в том числе целый скелет взрослой лошади (рис. 2) (Михайлов, 2024).

Остеологический материал с поселения Горожане содержит 810 определимых костных фрагментов млекопитающих (табл.). Ископаемые остатки относительно хорошей сохранности (стадия 1, по А. Беренсмейер (Behrensmeyer, 1978)). Подсчет минимального количества особей проводился по количеству правых и левых элементов скелета с учетом возрастного состава костей животных по широко используемой в палеонтологических и археозоологических исследованиях

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Зоологического института Российской академии наук № 125012800908-0.

² Саблин М. В. — Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург; e-mail: Mikhail.Sablin@zin.ru. Михайлов А. В. — ООО «Псковская областная археологическая экспедиция», дер. Паклино, Псковский район, Псковская область; e-mail: navigarch@gmail.com.

© Саблин М. В., Михайлов А. В., 2026

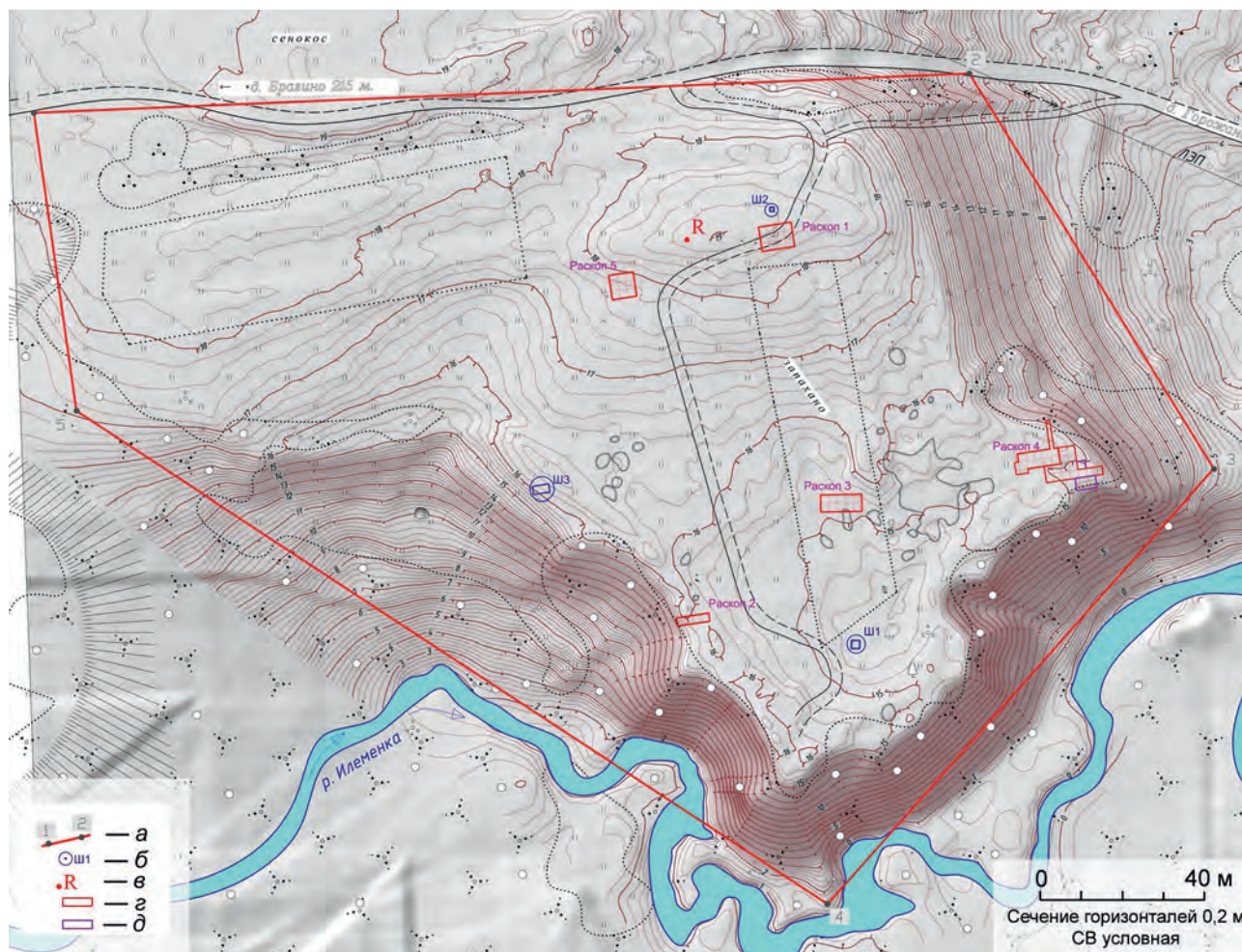

Рис. 1. План поселения у дер. Горожане. Составитель М. А. Васильев (а — границы объекта культурного наследия; б — шурфы 2016, 2021 гг.; в — репер; г — раскопы 2017–2022 гг.; д — раскоп 2023 г.)

Fig. 1. Settlement plan near the settlement of Gorozhane. Compiled by M. A. Vasiliev (a — boundaries of the cultural heritage site; б — 2016 and 2021 pits; в — benchmark; г — 2017–2022 excavations; д — 2023 excavation)

Рис. 2. Скелет взрослой лошади в заполнении ямы 6 (раскоп 4, 2021 г.). Вид с востока

Fig. 2. Mature horse skeleton in the fill of the pit 6 (excavation area 4, 2021). View from the east

методике (Shipman, 1981; Klein, Cruz-Uribe, 1984; Van Wijngaarden-Bakker, 2001). При суммарном подсчете материала нами не учитывались кости от полного скелета лошади из ямы 6, поскольку это значительно исказило бы статистическую картину.

Неопределимые кости составляют 4274 шт., и в основном это части ребер и позвонков животных. Следует отметить, что из ямы 6 происходит около 400 в это число не входящих сильно раздробленных кальцинированных костей млекопитающих, очевидно, несущих на себе следы длительного пребывания в огне. Число мелких неопределимых костных фрагментов значительно превышает число крупных — 78,3 % и 21,7 % соответственно.

По материалам с поселения Горожане было определено восемь видов млекопитающих (табл.).

Таблица. Остатки млекопитающих с поселений Северо-Запада России IX–X вв.
Table. Mammalian remains from settlements in Northwestern Russia, 9th–10th cent.

Животное	Осыно, X в.			Рюриково городище, IX–X вв.			Усвяты, IX–X вв.			Горожане, X в.		
	MNI*	NISP	%	MNI	NISP	%	MNI	NISP	%	MNI	NISP	%
Бобр <i>Castor fiber</i>	1	9	2,4	5	81	0,8	1	1	0,7	2	7	0,9
Заяц-беляк <i>Lepus timidus</i>	1	2	0,5	4	65	0,7	1	2	1,5	1	3	0,4
Выдра <i>Lutra lutra</i>	1	3	0,8	–	–	–	–	–	–	1	2	0,2
Куница <i>Martes martes</i>	–	–	–	3	22	0,2	–	–	–	–	–	–
Лисица <i>Vulpes vulpes</i>	–	–	–	1	10	0,1	–	–	–	–	–	–
Медведь <i>Ursus arctos</i>	1	4	1,1	1	6	0,1	–	–	–	–	–	–
Лось <i>Alces alces</i>	1	4	1,1	1	5	0,1	1	3	2,2	–	–	–
Собака <i>Canis familiaris</i>	1	5	1,3	16	228	2,4	1	7	5,2	2	7	0,9
Кошка домашняя <i>Felis catus</i>	–	–	–	6	93	1,0	–	–	–	–	–	–
Лошадь <i>Equus caballus</i>	1	22	5,9	29	870	9,1	1	11	8,2	7	72	8,9
Свинья <i>Sus domestica</i>	5	247	65,9	147	4006	41,8	3	53	39,6	18	468	57,8
Корова <i>Bos taurus</i>	2	68	18,1	121	3497	36,5	4	51	38,1	12	201	24,8
Овца/коза <i>Ovis aries/ Capra hircus</i>	1	11	2,9	60	708	7,4	1	6	4,5	6	50	6,2
Всего	15	375	100	394	9591	100	13	134	100	49	810	100

* MNI — минимальное количество особей; NISP — количество определимых костей.

Дикие животные представлены всего лишь двумя взрослыми особями бобра, одной особью зайца-беляка и одной особью выдры. Очевидно, что у обитателей поселения охота была не в приоритете.

В остеологическом материале с поселения Горожане присутствуют все основные домашние животные, остатки которых составляют в сумме 98,5 % от общего числа определимых костей млекопитающих (табл. 1). Следы расчленения туш — порезы вокруг суставных поверхностей, в местах прикрепления крупных мышц (Binford, 1978; 1981) — отмечены на 15 костях (1,8 %). Трубчатые

кости передних и задних конечностей представлены в пропорциональном количестве.

Лошадь из ямы 6 относится к группе малорослых, поскольку ее рост в холке, вычисленный по формуле В. О. Витта (Витт, 1952. С. 172, 173, табл. 1), составил всего 130 см. Тот же параметр для лошадей средневекового Новгорода в среднем равен 132,8 см, а для лошадей средневекового Пскова — 131,6 см (Цалкин, 1956. С. 92). Вес лошади с поселения Горожане, вычисленный по массивности пястных костей по методике В. Эйзенманн (Eisenmann, 2000. Р. 94), составил 287 кг.

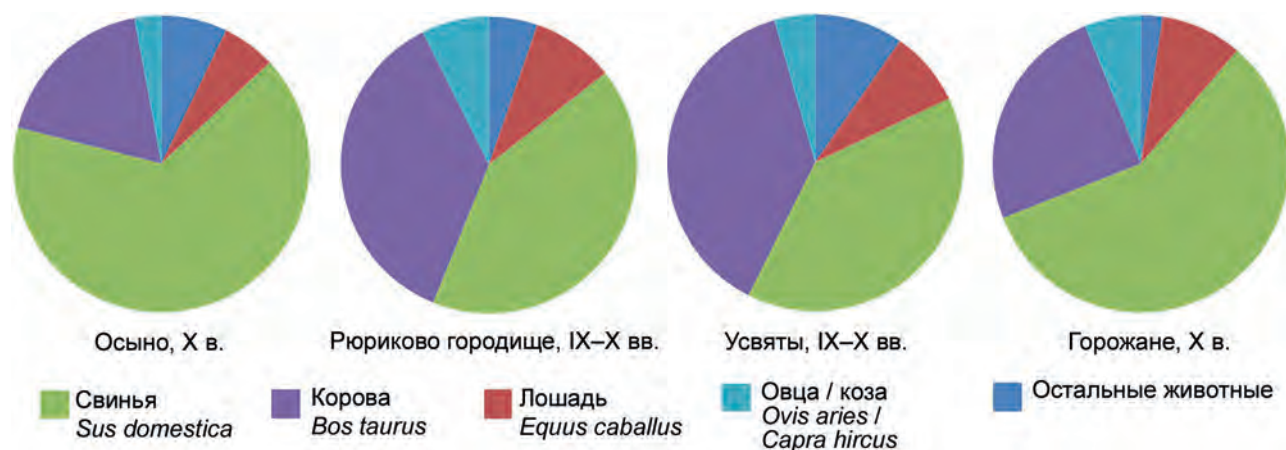

Рис. 3. Сравнительный видовой состав животных на памятниках, синхронных поселению Горожане (Рюриковом городище, Усвятах (Юрьевых горах), Осыно)

Fig. 3. Comparative animal species' composition at sites contemporaneous with the Gorozhane settlement (Rurikovo Gorodishche, Usvyaty (Yuryevy Gory), Osyno)

Рост овцы в холке с поселения Горожане, вычисленный по длине пястной кости по коэффициентам В. И. Цалкина (Цалкин, 1961. С. 124), оказался равен 59,2 см. Тот же параметр для овец средневековых Новгорода и Пскова имел значение в среднем 59 см (Цалкин, 1956. С. 114).

Соотношение остатков домашних животных с поселения Горожане указывает на придомный тип скотоводства — животные, скорее всего, выпасались в ближайших окрестностях. Кости свиньи составили 57,8 %, крупного рогатого скота — 24,8 %, лошади — 8,9 %, мелкого рогатого скота — 6,2 % от общего числа костей млекопитающих (табл.).

Сравнивая материалы, полученные с поселения Горожане, с данными по хронологически и территориально близким памятникам IX–X вв. — Усвятам (Юрьевым горам), Рюрикову городищу,

городищу Осыно (слои X в.), следует отметить следующее. Во-первых, в Горожанях, как и на Осыно, характерно заметное преобладание остатков свиньи (в среднем по двум памятникам 61,9 %), тогда как на Рюриковом городище и Юрьевых горах остатки свиньи также преобладают, но они гораздо менее многочисленны (в среднем по двум памятникам 40,7 %) (Саблин, 2015. С. 672; 2017. С. 260). Во-вторых, на всех четырех изученных поселениях количество костей крупного рогатого скота в среднем в 5,5 раза превышает количество костей мелкого рогатого скота. Также для всех них характерно относительно небольшое количество остатков лошади (в среднем по четырем памятникам всего 8 %) (табл., рис. 3).

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2026 г.

Витт, 1952 — Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Вып. 16. С. 163–205.

Михайлов, 2021 — Михайлов А. В., Романовский А. Б. Археологические исследования на поселении Горожане в 2019 г. // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2024. Вып. 36. С. 81–94.

Михайлов, 2024 — Михайлов А. В., Кулькова М. А. Колодец или нет? К атрибуции одного объекта на поселении Горожане // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2021. Вып. 39. С. 286–299.

Саблин, 2015 — Саблин М. В. Остеологический материал из Усвята // Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой архео-

логии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 671–684.

Саблин, 2017 — Саблин М. В. Фауна Рюрикова городища (по результатам раскопок 2000–2011 гг.) // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 258–266.

Цалкин, 1956 — Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.; Л., 1956 (МИА; № 51). 185 с.

Цалкин, 1961 — Цалкин В. И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1961. Т. 66, вып. 5. С. 115–132.

- Behrensmeyer*, 1978 — *Behrensmeyer A. K.* Taphonomic and ecologic information from bone weathering // *Paleobiology*. 1978. Vol. 4. P. 150–162.
- Binford*, 1978 — *Binford L. R.* *Nunamiut Ethnoarchaeology*. New York: Academic Press, 1978. 509 p.
- Binford*, 1981 — *Binford L. R.* *Bones: Ancient men and modern myths*. New York: Academic Press, 1981. 320 p.
- Eisenmann*, 2000 — *Eisenmann V.* *Equus capensis* (Mammalia, Perissodactyla) from Elandsfontein // *Palaeontologia Africana*. 2000. Vol. 36. P. 91–96.
- Klein, Cruz-Urbe*, 1984 — *Klein R. G., Cruz-Urbe K.* The analysis of animal bones from archaeological sites. Chicago: The University of Chicago Press, 1984. 266 p.
- Shipman*, 1981 — *Shipman P.* Life history of a fossil. An introduction of taphonomy and paleoecology. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 222 p.
- Van Wijngaarden-Bakker*, 2001 — *Van Wijngaarden-Bakker L. H.* *Zooarchaeology*. Amsterdam: University of Amsterdam AAC, 2001. 32 p.

Mammalian fauna of the Gorozhane settlement

М. В. Sablin, А. В. Mikhailov³

Keywords: Gorozhane settlement, paleozoology, fauna, Viking Age

This article analyzes the osteological collection from a 10th–11th-cent. settlement near the village of Gorozhan. The collection is dominated by the bones of domestic animals (horses, pigs, cows, and small cattle). The publication provides a comparison of the fauna of the Gorozhan settlement with those of contemporaneous sites: Rurikovo Hillfort, Usvyaty (Yuryevy Gory), and Osyno.

³ Mikhail V. Sablin — Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: Mikhail.Sablin@zin.ru. Alexander V. Mikhailov — Pskov Regional Archaeological Expedition, village Paklino, Pskov region; e-mail: navigarch@gmail.com.

Геоинформационная система «Объекты религиозного назначения и кладбища» Керченского полуострова XIX в.¹

С. Л. Смекалов, С. Б. Ланцов, А. А. Внуков²

Аннотация. В статье представлена геоинформационная система, подготовленная для создания свода мечетей, церквей и кладбищ XIX в. на Керченском полуострове. Система содержит растровые слои карт XIX–XX вв. и созданные на основе этих карт векторные слои, отображающие положение религиозных объектов, кладбищ, поселений и дорожную сеть.

Ключевые слова: археология, геоинформатика, Восточный Крым, XIX в., мечети, церкви, кладбища, топографические карты, аэро- и космические снимки

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-150-156

Отображение информации о многих видах работ, выполняемых на земной поверхности, в том числе и археологических, невозможно без представления ее на картах и планах.

Исторические карты и планы, созданные в разное время и не ориентированные на археологические изыскания, тем не менее содержат ценные для археологов сведения. Печатные карты и планы — это статичные изображения, тогда как геоинформационные системы (ГИС) представляют собой цифровую модель, содержащую не только планы местности и точки на них, но и информацию об этих точках, помещенную в сопряженных некартографических таблицах / базах данных или в таблицах самой ГИС, которая позволяет не только визуализировать данные, но и проводить их многосторонний анализ. Объектами исследования и включения в ГИС могут выступать различные комбинации признаков: определенные

типы памятников, отдельные находки или категории находок, а также совокупность памятников или памятники того или иного типа на конкретной территории.

В настоящей статье представлена ГИС по объектам религиозного назначения и кладбищам Керченского полуострова XIX в. Информация в системе базируется на двух типах источников. Первый — данные, полученные в результате кабинетных исследований: изучения старых карт, литературы, найденных архивных материалов, аэро- и космических снимков. Второй — сведения, добытые во время полевых работ, которые в значительной степени могут пересекаться с данными других источников, но в то же время могут их дополнять и уточнять.

Кладбища, запечатленные на картах XIX в., могут совпадать по местоположению с ныне действующими. Если некрополь является действующим, то, согласно ст. 16, ч. 6 закона «О погребении и похоронном деле» (Федеральный закон № 8, 1996 г.), его территория может быть использована под зеленые насаждения не ранее чем через 20 лет после переноса, при этом строительство зданий и сооружений на ней запрещено. Таким образом, проведение археологических работ на действующих кладбищах невозможно.

В то же время в соответствии со ст. 3 закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 25-28-00135, <https://rscf.ru/project/25-28-00135>).

² Смекалов С. Л., Внуков А. А. — Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула; e-mail: slsmek@mail.ru, mr.grandson@yandex.ru. Ланцов С. Б. — Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Республика Крым; e-mail: sergey_lantsov@mail.ru.

© Смекалов С. Л., Ланцов С. Б., Внуков А. А., 2026

**Геоинформационная система по сакрально-погребальным памятникам XIX в.
Керченского полуострова**

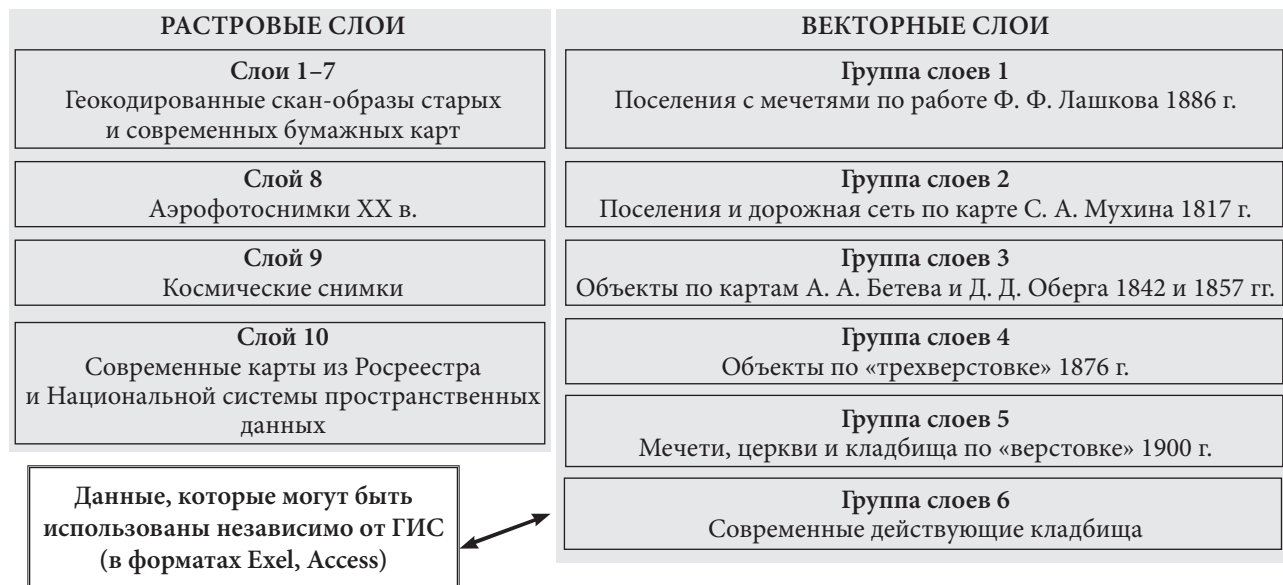

Рис. 1. Состав геоинформационной системы по сакрально-погребальным памятникам Керченского полуострова XIX в.
Fig. 1. Composition of the geographic information system for sacred and burial monuments of the Kerch Peninsula of the 19th cent.

Федерации» (Федеральный закон № 73, 2002 г.) «объектами археологического наследия являются в том числе... древние погребения», при этом понятие «древние» в законе не раскрывается. Определение и учет всех «древних» захоронений каждого кладбища является отдельной задачей, решение которой иногда облегчается сохранившимися регистрационными книгами. В рамках данного проекта, по мнению авторов, необходимо отмечать наличие или отсутствие на поверхности могил XIX в. Раскопки кладбищ XIX в., в том числе в Крыму (*Боруцкая*, 2018), проводятся, однако преимущественно обследуются территории, предназначенные под новое строительство. Следовательно, даже если прямые археологические изыскания не ведутся, сбор сведений о кладбищах и религиозных объектах является важной составляющей в деле сохранения сведений о них и для будущих исследований. Наиболее очевидной формой организации таких данных является ГИС.

В качестве программного обеспечения была использована отечественная ГИС «Аксиома»³. Ее выбор обусловлен двумя причинами. Во-первых, это российская разработка, являющаяся аналогом программы MapInfo, с которой авторы уже успешно работали при проведении археологиче-

ских исследований. Во-вторых, программа бесплатна для сотрудников бюджетных учреждений, что делает подготовленные авторами материалы по объектам Керченского полуострова доступными широкому кругу пользователей. ГИС «Аксиома» предоставляет возможность загружать космические снимки из Интернета (Google, Bing и др.), а также информацию из Российской национальной системы пространственных данных (НСПД) и Единого государственного реестра недвижимости. Карты из НСПД содержат сведения о кладбищах, в том числе заброшенных, с масштабом картографической основы до 1:20000, а цифровая схема НСПД отображает отдельные объекты и их взаимное расположение в масштабе до 1:2500.

«Аксиома», как и другие ГИС, позволяет изменять различные системы координат и осуществлять их пересчет. Нами используется система координат WGS 84, рекомендованная «Положением о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации»⁴.

В рабочий набор ГИС (рис. 1) включены растровые слои, основанные на следующих материалах:

³ ООО «ЭСТИ». ГИС «Аксиома» // URL: <https://axioma-gis.ru> (дата обращения: 05.05.2025).

⁴ Утверждено Постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН № 32 от 20.06.2018 г.

Рис. 2. Сопоставление Узунларского вала — по карте С. А. Мухина и карте 1:25000

Fig. 2. Comparison of the Uzunlar rampart — according to the map of S. A. Mukhin and the 1:25000 map

1) карте Генерального штаба, масштаб 1:100000 (далее «1:100000») (Карта, 1990) (геокодирование по отдельным листам карты);

2) карте СССР, Крымская область, масштаб 1:25000 (далее «1:25000») (Карта, 1957) (геокодирование по отдельным листам карты);

3) карте Таврической губернии, масштаб 1:42000 (далее «верстовка») рубежа XIX–XX вв. (Карта, 1900) (геокодирование по отдельным листам карты);

4) военно-топографической карте Таврической губернии, масштаб 1:126000 (далее «трехверстовка») (Карта, 1876) (графическое объединение листов карты для Керченского полуострова);

5) топографической карте полуострова Крым, масштаб 1:42000 (Бетев, 1857) (графическое объединение листов карты для Керченского полуострова);

6) топографической карте полуострова Крым, масштаб 1:210000 (Бетев, Оберг, 1842) (графическое объединение отдельных листов карты для Керченского полуострова);

7) карте С. А. Мухина, масштаб 1:168000 (Мухин, 1817) (графическое объединение листов карты для Керченского полуострова);

8) аэрофотоснимках XX в. (выборочное геокодирование отдельных фотоснимков, перекрывающих места расположения религиозных и погребальных объектов);

9) космических снимках (Google, Bing) (непосредственная загрузка из Интернета);

10) современных картах из Федеральной государственной информационной системы территориального планирования и НСПД (для НСПД — непосредственная загрузка из Интернета).

Советские карты масштабами 1:100000 и 1:25000 были привязаны по координатам углов рамок. На картах С. А. Мухина, А. А. Бетева 1857 г. и «трехверстовке» нанесены координатные сетки. Подробное описание привязки «трехверстовки» к современным координатам доступно в Интернете, однако детальный анализ систем координат не столь значим.

Карта С. А. Мухина, будучи важным этапом картографии Крыма, вызывала и серьезные нарекания. В работе директора Военно-топографического депо генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта приведены весьма нелестные отзывы о ней: «Карта Крыма генерал-майора Мухина составлена была им из частных рекогносцировок, глазомерных съемок и планов, в разное время и неизвестно кем и какими способами произведенных... Материалы эти как астрономические, так и геодезические столь малонадежны, и край сей в течение последних 25 лет столь много переменялся, что неудивительно, если гравированная карта генерала Мухина не может ныне уже быть употреблена с пользою...» (Шуберт, 1860. С. 5).

Контуры Крыма на картах С. А. Мухина, А. А. Бетева, Д. Д. Оберга заметно отличаются от современных. Привязка карты С. А. Мухина выполнялась по характерным точкам береговой линии Керченского полуострова на современных картах. Привязка трансформированной в программе Photoshop карты С. А. Мухина и непосредственная трансформация в ГИС «Аксиома» давали схожие результаты. Единственным ориентиром для оценки точности служила линия Узунларского вала. Расхождение в положении этой линии между картой С. А. Мухина и современными картами составляло около 1 км, что и можно считать, с нашей точки зрения, степенью точности карты (рис. 2).

Топографические съемки для карт А. А. Бетева и Д. Д. Оберга 1842 г., А. А. Бетева 1857 г. и «трехверстовки» выполнялись на основе триангуляционных работ 1836–1838 гг. В работе Ф. Ф. Шуберта (Шуберт, 1860. С. 263–270) приводятся координаты 221 точки Крыма, включая три точки на Тамани, которые автор тоже относит к точкам Крыма; точки определены с точностью до тысячных долей угловой секунды, что соответствует единицам сантиметров на местности. Однако для

территории Керченского полуострова восточнее Акмонайского перешейка указано лишь 15 точек, в том числе пять — во внутренней части полуострова и 10 — у береговой линии.

Как и для карты С. А. Мухина, после привязки мы проводили сопоставление линии Узунларского вала с современными картами. Для карты А. А. Бетева 1857 г. погрешность доходила до 400 м, для «трехверстовки» — до 600 м. Таким образом, карты первой половины — середины XIX в. подходят для констатации наличия мечетей, кладбищ и церквей, а также для прослеживания изменений названий населенных пунктов, однако обнаружить отмеченное на них заброшенное кладбище площадью менее 1 га среди поросшей степи на участке 15–20 га за разумное время обследований затруднительно.

Карта «верстовка» достаточно точно передает контуры Керченского полуострова. Расхождение между береговой линией на карте 1:25000 и «верстовке» не превышает 50–100 м, что соизмеримо с изменениями, которые могли быть вызваны береговой абразией за время, прошедшее между созданиями карт. Поэтому для «верстовки» наиболее простым способом была признана первоначальная привязка к координатам WGS 84 по опорным точкам одного из листов в центре Керченского полуострова. В качестве опорных точек использовались высоты и курганы, нанесенные на «верстовку» и карту 1:25000. Далее определялись координаты угловых точек рамки листа «верстовки» в WGS 84. По этим координатам рассчитывались координаты угловых точек остальных листов и проводилась привязка. Сопоставление привязанной «верстовки» с картой 1:25000 и космическими снимками показало, что ошибки положения курганов и отмеченных высот для всего Крыма не превышают 30 м.

На основе растровых слоев были построены векторные слои, отражающие не только кладбища, мечети и церкви, но и более широкий набор объектов (поселения, дорожную сеть на старых картах), что необходимо для лучшего понимания закономерностей расположения мест деятельности жителей в XIX в. и успешного применения различных средств ГИС.

Векторные слои создавались путем ручной маркировки объектов на картах. Религиозные сооружения, кладбища и поселения на данном этапе отображались точечными объектами (для кладбищ и поселений — примерное положение центроида, для угловых точек — периметра). Площадь большинства сельских кладбищ на «верстовке» не превышает 0,2–0,8 га, то есть сторона участка составляет 50–90 м. При точности

«верстовки» около 30 м выделение участков полигонами не имеет особого смысла. Важно обозначить примерное местоположение, а точные границы определить уже в ходе разведок с помощью спутниковых навигаторов. В дальнейшем по результатам полевых обследований предполагается сопоставление контуров кладбищ по старым картам с данными местности и современными картами с космическими снимками.

Были созданы шесть векторных слоев.

1. Слой поселений с мечетями, представленными в работе Ф. Ф. Лашкова (*Лашков*, 1886. С. 91–156).

Работа Ф. Ф. Лашкова не содержит картографического материала. Локализация указанных в ней поселений с мечетями проводилась на основании: топонимики по более поздним картам; работы (*Ковыркин, Санжаровец*, 2014), посвященной географическим названиям Керченского полуострова; материалов по отдельным поселениям Крыма из Интернета (мы не приводим ссылок, так как материалы использовались косвенно и одни и те же сведения приводятся на разных сайтах). В рамках гранта, по которому ведутся работы, предполагается обследование территории Керченского полуострова восточнее Узунларского вала, поэтому наполнение ГИС атрибутивными данными проводится в пределах этого района, который у Ф. Ф. Лашкова относится к Подкерченскому кадылыку, входившему в состав Кефинского каймаканства. Ф. Ф. Лашковым здесь отмечено 38 поселений с мечетями, 36 из которых предварительно локализованы.

2. Слои, описывающие поселения и дорожную сеть по карте С. А. Мухина.

Детали береговой линии и положение внутренних точек, локализуемых на современных картах и у С. А. Мухина, могут существенно отличаться. Уточнение положения объектов, обозначенных на карте С. А. Мухина, мы проводили по «верстовке». При совпадении названий принимался примерный центр поселения на «верстовке». Для поселений, значительно расширившихся к концу XIX в., локализация по С. А. Мухину возможна лишь с точностью, соизмеримой с их размерами конца XIX в. Отсутствие на «верстовке» схожих по названию поселений указывает на прекращение их существования к концу XIX в. или существенное изменение названия; в таких случаях для координат поселения принималось положение на карте С. А. Мухина. На ней обозначены 55 поселений (рис. 3, 1), 51 из которых можно локализовать на «верстовке». Мечети и кладбища на карте С. А. Мухина не выделены. Наличие

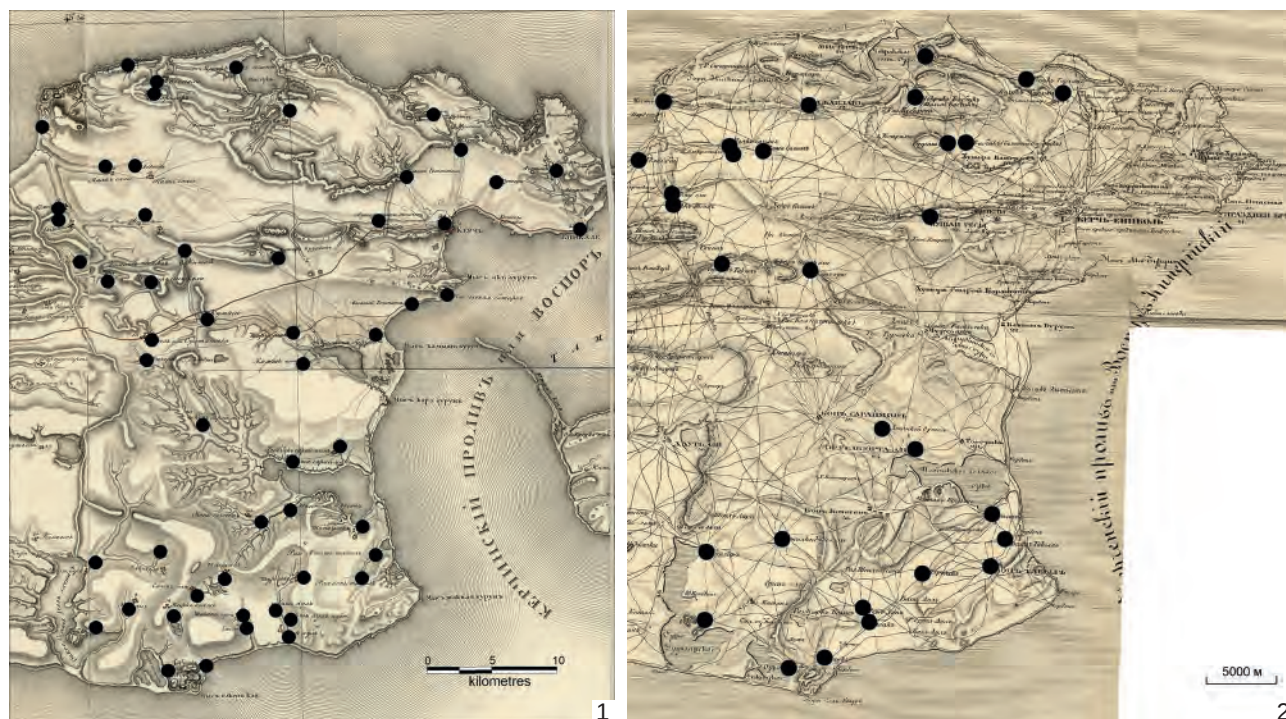

Рис. 3. Керченский полуостров восточнее Узунларского вала: 1 — поселения на карте С. А. Мухина; 2 — мечети на карте А. А. Бетева, Д. Д. Оберга 1842 г.

Fig. 3. Kerch Peninsula to the east of the Uzunlar rampart: 1 — settlements on the map of S. A. Mukhin; 2 — location of mosques on the map of A. A. Betev, D. D. Oberg 1842

мечетей предполагается по совпадению названий поселений с перечнем Ф. Ф. Лашкова; таких поселений выявлено нами 35 из 38 у Ф. Ф. Лашкова. Основные и второстепенные дороги на карте С. А. Мухина обозначены линиями разной толщины, поэтому сеть дорог представлена двумя слоями — отражающими соответственно главные и второстепенные пути. Основная дорога Керчь — Феодосия имеет примерное совпадение с главной дорогой на более поздних картах; сеть второстепенных дорог на них значительно обширнее, чем у С. А. Мухина, и ввиду малой точности его карты говорить о конкретном совпадении отдельных трасс затруднительно.

3. Слои, описывающие кладбища, религиозные объекты, поселения и дорожную сеть по картам (Бетев, Оберг, 1842) и (Бетев, 1857).

Карта 1857 г. имеет более крупный масштаб, рельеф на ней прорисован тщательнее. На обеих картах обозначены мечети, церкви, а на карте 1857 г. — и кладбища. Восточнее Узунларского вала на карте 1842 г. отображено 33 мечети (рис. 3, 2), на карте 1857 г. — 40 (в некоторых поселениях обозначены две или три мечети, а не одна, как на карте 1842 г.). Положение большинства поселений можно уточнить по «верстовке»,

однако для мечетей это не всегда возможно. Для части поселений на «верстовке» не отмечено наличие мечетей (возможно, мечети перестали существовать к моменту создания «верстовки»); или, наоборот, на «верстовке» может быть несколько мечетей, в то время как на картах 1842 и 1857 гг. — лишь одна. Места нахождения мечетей, обозначенных на картах 1842 и 1857 гг., но отсутствующих на «верстовке», можно предположительно сопоставить с местами расположения кладбищ на «верстовке». Уточнение положений обозначенных объектов так же, как и для карты С. А. Мухина, проводилось по «верстовке».

4. Слои, описывающий религиозные объекты по «трехверстовке». На этой карте, как и на карте (Бетев, Оберг, 1842), обозначены лишь мечети и церкви. Мечетей обозначено меньше, чем на картах 1842 и 1857 гг., — 27. Несмотря на то что триангуляционная основа для «трехверстовки» та же, что и для карт 1842 и 1857 гг., «трехверстовка» строилась на основе рекогносцировок 1860-х гг. Часть мечетей к этому времени, вероятно, прекратила свое существование. Уточнение положений объектов также проводилось по «верстовке».

5. Слои, описывающий мечети, церкви и кладбища на «верстовке», всего 65 объектов. Фрагмент

Таблица. Фрагмент базы данных, используемой в слое 5 ГИС для представления объектов
 Table. A fragment of the database used in GIS layer 5 to represent objects

№ п.п.	№ для карты	Лашков, 1886				Обозначение на «верстовке»	Локализация на Google Earth
		№	Координаты		Название		
			X	Y			
1	1/1	1	36,307035	45,044903	Башаулъ	Мечеть	Поле
2	2/1	1	36,326715	45,127523	Башаулъ	Православное кладбище	Современное кладбище
3	3/2	2	36,201353	45,124722	Чукуркояшъ	Мечеть	Поле
4	4/2	2	36,205192	45,124660	Чукуркояшъ	Православное кладбище	Поле
5	5/6	6	36,128655	45,113506	Узунларъ	Магометанское кладбище	Поле
6	6/6	6	36,129008	45,108741	Узунларъ	Мечеть	Поле
7	7/6	6	36,129538	45,094354	Узунларъ	Магометанское кладбище	Поле

базы данных, используемой в данном слое ГИС для представления объектов, приведен в таблице. Предполагается дальнейшее добавление полей со ссылками на результаты полевых работ (фотографии памятников, описания разведок), то есть на сведения, отражающие выявленную на местности ситуацию, подтверждающую наличие или отсутствие предполагаемых объектов.

6. Слои, описывающие действующие кладбища. В документах⁵ содержатся сведения о действующих кладбищах Ленинского района и Керчи. Восточнее Узунларского вала по меньшей мере 18 из них существовали уже в XIX в. и обозначены на «верстовке» (рис. 4). В ходе полевого сезона 2025 г. предполагается уточнить положение объектов и их состояние севернее трассы «Таврида».

Целью проекта является создание «свода» кладбищ, мечетей и церквей части Керченского полуострова в XIX в. — подготовка перечня, описаний, карты их расположения. Представленная в статье ГИС является одним из инструментов, подготовленных авторами для достижения этой цели.

Статья поступила в редакцию 7 июля 2025 г.

⁵ Республика Крым. Портал Правительства. Об утверждении Реестра кладбищ муниципального образования городской округ Керчь Республики Крым. Номер документа: 2454/1-п. Дата принятия документа: 24 ноября 2022 г. Дата публикации: 24 ноября 2022 г. // URL: <https://kerch.rk.gov.ru/documents/669f2642-13c1-45ae-96bb-2926bb740bbb> (дата обращения: 05.05.2025); Реестр кладбищ и мест захоронений на них. Дата публикации: 18 ноября 2022 г. // URL: <https://lenino.rk.gov.ru/documents/a3e727bb-33d6-4f2a-832d-94b6a60f1683> (дата обращения: 05.05.2025).

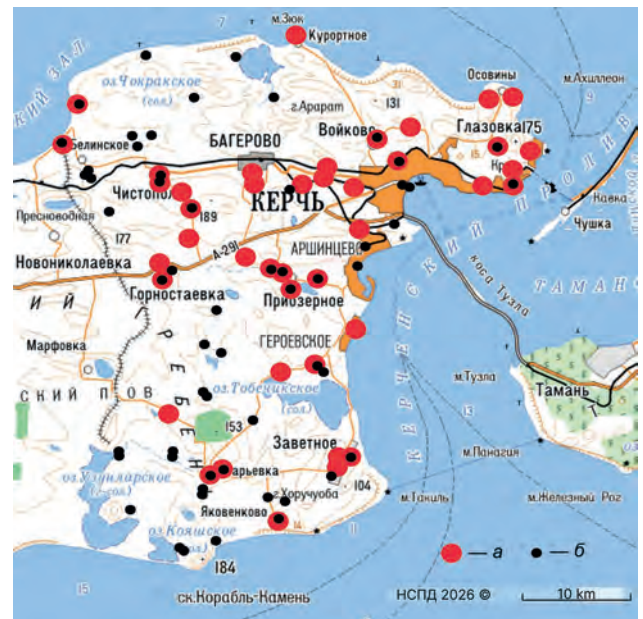

Рис. 4. Сакрально-погребальные объекты восточнее Узунларского вала, обозначенные на «верстовке» и внесенные в реестры современных кладбищ. Топооснова загружена из НСПД (а — мечети, церкви и кладбища, обозначенные на «верстовке»; б — кладбища, включенные в современные реестры кладбищ городского округа Керчь и Ленинского района)

Fig. 4. Sacred burial sites to the east of the Uzunlar rampart, marked on the “verstovka” and included in the registers of modern cemeteries. The topographic base is loaded from the NSPD (a — mosques, churches and cemeteries marked on the “verstovka”; b — cemeteries included in the modern registers of cemeteries of the Kerch urban district and the Leninsky district)

- Бетев, 1857 — Топографическая карта полуострова Крыма со съёмки полк. Бетева 1835–1840 гг. [1:42000]. СПб.: Военно-топографическое депо, 1855–1857. 1 т. (86 л. карт) сб. л.; 56 × 56 см.
- Бетев, Оберг, 1842 — Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210000 долю настоящей величины и гравирована при Военно Топографическом Депо со съёмок Тригонометрической Ген. штаба подполк. Оберга, Топографической Ген. штаба полковника Бетева; грав. Сорокин, вырез. слова Скоробагатов, Эргард, Поляков и др. [1:210 000, 2,1 км в 1 см, граф. масштаб в верстах]. СПб., 1842. 1 к. (8 л., 1 л. сборный), 1 цв.; 46 × 56 см.
- Боруцкая, 2018 — Боруцкая С. Б. Палеодемографическое исследование крымскотатарского некрополя Бахчи-Эли XIX–XX вв. // Вестник антропологии. 2018. № 4 (44). С. 34–40.
- Карта, 1876 — Военно-топографическая карта Таврической губернии. [Масштаб 1:126000.] М.: Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1862–1876. 1 атл. ([34] разв. л., [1] сб. л.), 1 цв.; 51 × 66 см.
- Карта, 1900 — Карта Таврической губернии. Масштаб 1:42000. Военно-Топографический отдел. По съёмкам конца XIX — начала XX в. Пг.: Переиздание отдельных листов до 1923 г. Л. IX–XII—23–32.
- Карта, 1957 — Карта УССР. Крымская область. Масштаб 1: 25 000. 1957–1983 гг.
- Карта, 1990 — Генеральный штаб. Карта территории Крымского полуострова [название отдельных участков территории меняется на листах разных лет изданий в зависимости от официального наименования Крыма на год издания]. Масштаб 1:100 000. 1976–1998 гг. Л 36–96, 108; Л 37–85, 86, 97.
- Ковыркин, Санжаровец, 2014 — Ковыркин К. К., Санжаровец В. Ф. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. Вып. 4. С. 443–585.
- Лашков, 1886 — Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1886. Т. XIV, отд. 1. С. 91–156.
- Мухин, 1817 — Мухин С. А. Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и пополненная из лучших военных съёмок свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию Г-на Генерал-Адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления Его оною частью. [1:168000], 4 версты в 1 дюйме, 1,68 км в 1 см. СПб.: Военно-топографическое депо, 1817. 1 к., 126 × 230 см.
- Шуберт, 1860 — Шуберт Ф. Ф. Описание триангуляции полуострова Крым, производившейся под руководством Генерального Штаба генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта в 1836–1838 гг. и им составленное // Записки Военно-топографического депо. Ч. XXI, отд. 2. СПб., 1860. С. 5, 263–270.

Geoinformational system “Religious Sites and Cemeteries” of the 19th century Kerch Peninsula

S. L. Smekalov, S. B. Lantsov, A. A. Vnukov⁶

Keywords: archaeology, geoinformatics, Eastern Crimea, 19th cent., mosques, churches, cemeteries, topographic maps, aerial and space images

The article describes a Geographic information system (GIS) created to present data on 19th-cent. mosques, churches, and cemeteries on the Kerch Peninsula. Most archaeological research in Crimea focuses on sites of earlier periods. However, 19th-cent. sites are already considered as “archaeological sites” and their location and condition must be clarified for future detailed studies. The GIS presents data obtained from 19th and 20th-cent. maps and literary sources. It is anticipated that the GIS will also incorporate materials obtained during field surveys. The software used (Axiom GIS) enables the use of the National Spatial Data System to display information on modern digital maps.

⁶ Sergey L. Smekalov, Artem A. Vnukov — Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula; e-mail: slsmek@mail.ru, mr.grandson@yandex.ru. Sergey B. Lantsov — Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Republic of Crimea; sergey_lantsov@mail.ru.

«СКИФИЯ И БОСПОР» М. И. РОСТОВЦЕВА: 100 ЛЕТ СПУСТЯ

Современные тенденции в изучении феномена «Скифии и Боспора»

Ю. А. Виноградов, Н. М. Милихина²

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-157-160

16–17 октября 2025 г. в Институте истории материальной культуры РАН состоялась конференция, приуроченная к столетию выхода знаменитой книги М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925). Этот труд задал исследовательские рамки для изучения Северного Причерноморья и Боспора на десятилетия вперед, а тема взаимодействия «Скифия — Боспор» стала ключом к пониманию развития отношений античных центров с варварским окружением. Конференция была организована отделом истории античной культуры ИИМК РАН. В ее работе приняли участие специалисты из С.-Петербурга, Москвы, Ростова-Дону и Симферополя. Всего было заслушано 17 докладов, многие из которых вызвали оживленную дискуссию.

Работа конференции была открыта докладом Ю. А. Виноградова (СПб., ИИМК РАН) «„Скифия и Боспор“ М. И. Ростовцева. Книга и эпоха». В нем было кратко охарактеризовано состояние интеллектуальной и художественной жизни России, той среды, в которой была создана книга М. И. Ростовцева. В конце XIX и начале XX в. понятие «Скифия» активно разрабатывалось не только в поле академической науки. Этот образ использовался и в более широком интеллектуальном и художественном контексте: литературе, живописи, музыке, даже в политической борьбе

различных партий и группировок. Докладчик подчеркнул изменчивый характер взаимоотношений Боспора со степью (Скифией), обратил внимание на эволюцию взглядов российских ученых на место Боспора в евразийской перспективе. По его мнению, книга М. И. Ростовцева и через 100 лет после публикации сохранила свою актуальность, являясь источником новых исследовательских импульсов.

Большой интерес вызвал доклад С. Ю. Сапрыкина (Москва, МГУ) «М. И. Ростовцев о Боспорском царстве рубежа эр в свете новых эпиграфических и нумизматических находок». Автор уточнил ряд атрибуций и датировок боспорских монет рубежа эр и показал ограниченность некоторых традиционных концепций, связанных с пониманием истории Боспорского царства в постмитридатовское время. На этой основе он очертит модель политического дуализма и компромисса между линиями Полемонидов и потомков Аспурга, подчеркивая при этом решающую роль римской восточной политики. Докладчик признал реальность второго правления Динамии на Боспоре, а также отметил, что пересмотр некоторых частных вопросов во многом подтверждает историчность схемы М. И. Ростовцева.

А. Е. Петракова (СПб., Гос. Эрмитаж) выступила с сообщением «„Скифия и Боспор“ М. И. Ростовцева: загадка одной аттической пелики». Она рассказала о происхождении любопытной краснофигурной вазы IV в. до н. э. из собрания Эрмитажа. Архивные материалы по этому вопросу крайне ненадежны, однако традиционно ее связывали с раскопками некрополя в районе Недвиговки (Танаиса). Для М. И. Ростовцева эта пелика имела значение весомого аргумента в дискуссии о локализации Танаиса и хронологических границах Недвиговского некрополя. В заключение

¹ Заметка подготовлена по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Виноградов Ю. А., Милихина Н. М. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; vincat2008@yandex.ru, n.milikhina@gmail.com.

© Виноградов Ю. А., Милихина Н. М., 2026

доклада было отмечено, что подтверждение или опровержение «недвиговского» происхождения этого краснофигурного сосуда сильно влияет на ряд устоявшихся интерпретаций.

И. Ю. Шауб (СПб., ИИМК РАН) прочел доклад «М. И. Ростовцев и изучение религии Боспора». В нем он с полным на то основанием подчеркнул, что вклад М. И. Ростовцева в изучение религии Боспора заключался в составлении методологически цельной программы, основанной на изучении погребальных памятников, изобразительных источников, нумизматики и т. д. Особое значение имеет установка исследователя на выявление элементов религиозного синкретизма в греко-варварской среде, включая концепцию множественности ипостасей божественных персонажей и проблематику Великой богини. В ряду произведений греко-варварской торевтики IV в. до н. э. докладчик выделил комплекс находок, происходящих из кургана Карагодеуашх. Он отметил также значение ростовцевского использования нашивных золотых бляшек и монетных типов как источника для реконструкции религиозных представлений. Боспорская погребальная живопись насыщена религиозной символикой, и не даром М. И. Ростовцев уделил ее изучению столь большое внимание. По заключению докладчика, идеи, выдвинутые великим предшественником, сохраняют актуальность для современной науки.

Совсем другой, но чрезвычайно важной теме был посвящен доклад М. С. Назаровой (СПб., Университет промышленных технологий и дизайна) «Проблема „парфянского искусства“ в свете данных археологии: от теории Ростовцева до современности». По ее мнению, понятие «парфянского искусство» является научным конструктом, формировавшимся по мере накопления археологических данных и изменения исследовательских подходов. Решающую роль в возникновении представления о «целостной линии» развития парфянского искусства сыграли раскопки Дура-Европос в 1920-х гг. (Ф. Кюмо и М. И. Ростовцев). Обнаруженные там памятники живописи наглядно продемонстрировали сочетание античных и локальных изобразительных традиций. Исследовательница отметила также проблему сохранности и труднодоступности парфянских памятников.

М. М. Ахмадеева (СПб., Гос. Эрмитаж) сделала сообщение «Феодосия Ростовцева сто лет спустя». В нем она предприняла попытку проверки выводов М. И. Ростовцева об античной Феодосии. Основой для такой проверки стали новые материалы из раскопок городского некрополя. Хорошо известно, что построения М. И. Ростовцева были

основаны на крайне ограниченных сведениях (раскопках середины XIX в. и пр.). Докладчица подробно рассмотрела результаты исследований Феодосийского некрополя во второй половине XX в., прежде всего работ Е. А. Катюшина, позволившие детально описать типологию комплексов и структуру курганных насыпей. В результате было убедительно продемонстрировано, что ключевой тезис М. И. Ростовцева о преимущественно «греческом» характере Феодосийского некрополя и доминировании в нем кремаций сохраняет силу и актуален до сих пор.

В. А. Горончаровский, А. Е. Терещенко (СПб., ИИМК РАН) в докладе «Львиноголовый рогатый грифон на золотых статерах Пантикапея: истоки образа» подробно рассмотрели вопрос о происхождении и семантике изображений львиноголового рогатого грифона на золотых статерах Пантикапея IV в. до н. э. Им удалось показать его связь с ахеменидской царской символикой, творчески переработанной в боспорском контексте. Авторы подчеркнули, что выбор образа и высокая проба золота боспорских монет должны рассматриваться в связи с политическими трансформациями (изменением статуса власти при Левконе I) и прокламативной функцией монетных типов. Показательно, что боспорская версия мотива дополняется атрибутами местного культа (стрелой, колосом) и далее транслируется в варварское окружение. В качестве вывода обоснован приоритет Пантикапея в формировании и распространении данного иконографического сюжета.

Чрезвычайно важной теме был посвящен доклад А. М. Бутягина (СПб., Гос. Эрмитаж) «Проблема варварского протектората на Боспоре V в. до н. э. в свете раскопок Мирмекия». В нем была сделана попытка пересмотра интерпретации кризиса второй четверти — середины V в. до н. э. и вопроса о корректности концепции скифского протектората над Европейским Боспором. Сопоставление археологических данных из раскопок Пантикапея и Мирмекия (следы пожаров и разрушений, находки в слоях разрушений «скифских» наконечников стрел, возведение фортификационных сооружений) демонстрирует, что археологическая картина плохо согласуется с моделью прямого захвата и установлением скифского контроля над греческими городами. Показательно, что в слоях разрушений отсутствуют костные остатки погибших. Есть основания предполагать многоэтапность конфликта между боспорянами и скифами и предложить гипотезу о существовании временной оборонительной

симмахии боспорских городов. Такая реконструкция, по мнению А. М. Бутягина, лучше объясняет быстрое восстановление центров, подвергшихся нападению.

С. В. Ушаков (Симферополь, Институт археологии Крыма РАН) выступил с докладом «Херсонес Таврический и варвары: о системе взаимоотношений». Он рассмотрел историю отношений Херсонеса с варварским окружением как динамическую и многоуровневую систему, изменявшуюся от этапа существования раннего полиса до позднеантичного времени. Докладчик показал, что упрощенные модели зависимости греков от варваров или, напротив, их ассимиляции не находят убедительного подтверждения. Особое внимание он уделил переломным моментам истории — сарматскому давлению III в. до н. э., Диофантовым войнам и римскому протекторату, позволившему частично стабилизировать ситуацию. В заключение докладчик охарактеризовал Херсонес как устойчивое территориальное государство, вынужденное постоянно перестраивать систему взаимодействия с варварским миром.

Не менее важной теме был посвящен доклад А. Н. Коваленко (Ростов-на-Дону, Институт истории и международных отношений ЮФУ) «Елизаветовское городище на Дону в свете скифо-боспорских отношений и новых археологических открытий». В нем автор предложил новую концепцию истории Елизаветовского городища, акцентируя внимание на материалах недавних раскопок некрополя и результатах изучения фортификационных сооружений. Исследователь показал, что в IV–III вв. до н. э. городище было многоэтническим центром с ранним и устойчивым присутствием эллинского компонента. Новые данные свидетельствуют о военном нападении в конце третьей четверти IV в. до н. э. и последующем установлении контроля Боспора, что сопровождалось изменениями в застройке поселения и погребальном обряде. Городище охарактеризовано как ключевой пункт на границе скифского и боспорского мира, развитие которого определялось длительным процессом политического и культурного переустройства.

А. В. Батасова (СПб., ИИМК РАН) сделала сообщение «К вопросу вторичного использования античных керамических импортов в погребальном обряде коренного населения Прикубанья и Закубанья». Она ограничила свое исследование материалами второй половины VI — V в. до н. э. и показала, что в варварской среде фрагменты чернолаковых сосудов нередко подвергались целенаправленной обработке и использовались

как самостоятельные ритуальные предметы. Исследовательница специально отметила, что такие артефакты чаще встречаются в статусных погребениях, тогда как в рядовых и детских преобладает лепная посуда. По ее мнению, имеющиеся материалы позволяют считать, что у туземцев Прикубанья происходило активное переосмысление греческих вещей.

В. В. Вахонеев (СПб., ИИМК РАН) и Е. И. Арсентьева (СПб., Гос. Эрмитаж) в докладе «Новые находки бронзовых рельефных зеркал римского времени» рассказали о результатах изучения редких бронзовых зеркал римского времени с рельефным декором, происходящих из сарматского погребения Ястребовско-Бережное-1 и некрополя пригорода Херсонеса. На основе иконографического анализа рельефы интерпретированы как варианты образа *Venus Victrix*, широко распространенного в аристократической среде поздней Республики и ранней Империи. Археологический контекст позволил рассматривать зеркала как элементы женского туалета и маркеры высокого социального статуса погребенных.

Большой интерес у собравшихся вызвал доклад «Воссоздание облика и атрибуция уникальных украшений из разрушенного скифского кургана в станице Крымской», с которым выступили Т. В. Рябкова, С. Г. Буришева, Ю. Н. Осин, К. С. Чугунова, Я. Р. Уразаева (СПб., Гос. Эрмитаж). Авторы охарактеризовали набор украшений, приобретенных Императорской археологической комиссией в конце XIX в. и ныне хранящихся в Эрмитаже. Реставрационные исследования предметов выявили, что при их изготовлении использовались переднеазиатские ювелирные техники, нехарактерные для степных мастерских. Сопоставление с материалами царских погребений Нимруда позволило датировать комплекс IX–VIII вв. до н. э. Центр производства украшений пока точно не установлен; авторы обозначили перспективы их дальнейшего изучения.

Т. В. Рябкова (СПб., Гос. Эрмитаж) и М. Ю. Вахтина (СПб., ИИМК РАН) сделали сообщение «Фрагменты костяных накладок шкапулки из Елизаветинского кургана (раскопки Н. И. Веселовского в 1914 г.)». Они рассказали о находках из «Северного» кургана Елизаветинского могильника, который датирован второй половиной IV в. до н. э. Обнаруженные в кургане костяные накладки относятся, по меньшей мере, к двум деревянным ларцам. Часть находок, однако, допускает их принадлежность к декору саркофага или погребального ложа. Особый интерес представляют

гравированные пластины с фигуративными сюжетами (нереида на дельфине, воины, персонажи в восточных головных уборах). Все эти находки интерпретированы как свидетельство тесных связей Боспора с элитой Прикубанья и проникновения греческих художественных традиций в варварскую погребальную культуру.

Сообщение Н. М. Милихиной (СПб., ИИМК РАН) «Терракоты Мирмекия римского времени» было посвящено находкам терракотовых статуэток I–III вв. н. э., происходящих из раскопок Мирмекия, преимущественно последних лет. Исследовательница выделила основные иконографические группы и показала, что сокращение типов терракот и огрубление их форм следует связывать с адаптацией эллинистической традиции к местным условиям, а не с упадком художественного творчества. Она отметила также консервативность образов женских божеств и распространение в это время марионеток.

Д. В. Бейлин (Керчь, Институт археологии Крыма РАН) и И. В. Рукавишникова (Москва, ИА РАН) выступили с докладом «Античные памятники района с. Глазовка Керченского полуострова (по материалам разведок)». В нем они рассказали о результатах разведок курганной группы элитного некрополя в районе с. Глазовка на северо-востоке Керченского полуострова. Авторы уточнили структуру комплекса. Некоторые из расположенных здесь курганов были насыпаны над склепами с уступчатым сводом; они сильно пострадали от грабежей и боевых действий времени Великой Отечественной войны. Важное значение имеет топографическое положение этого некрополя

на пути к переправе через Боспор Киммерийский. Докладчики справедливо отметили насущную необходимость срочной фиксации находящихся у Глазовки погребальных памятников и их дальнейшего исследования.

Заключительным в программе конференции стал доклад «Сарматские лошади некрополя Ястребовско-Бережное в Краснодарском крае», с которым выступил А. К. Каспаров (СПб., ИИМК РАН). Он был построен на результатах морфометрического анализа костных остатков лошадей сарматского времени из некрополя Ястребовско-Бережное, прежде всего передних метаподий. Этот анализ показал, что сарматские лошади образуют обособленную морфологическую группу, отличающуюся от скифских и греческих лошадей региона. Они характеризуются большей грацильностью, меньшей массой и высокой однородностью, что интерпретировано автором как результат отбора или привнесения новой морфологической традиции. Докладчик подчеркнул также, что исследованный материал в первую очередь относится к категории «престижных» животных, предназначенных в том числе и для погребального обряда.

Подводя итоги конференции, все выступавшие признали, что это научное мероприятие прошло очень успешно и сделанные доклады заслуживают публикации в периодических изданиях ИИМК РАН. Целый век, миновавший со времени выхода книги М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», убедительно продемонстрировал, что она имеет огромное значение для современной науки. Подобные конференции было бы полезно периодически проводить в будущем.

Заметка поступила в редакцию 4 мая 2026 г.

Сарматские лошади некрополя Ястребовское-Бережное 1 в Краснодарском крае¹

А. К. Каспаров²

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей строения передних метаподий лошадей из сарматского могильника Ястребовское-Бережное 1 в Краснодарском крае. Полученные результаты показывают, что лошади сарматов I–III вв. н. э. отличались от лошадей более раннего времени, останки которых известны по памятникам Восточного Крыма и Таманского полуострова. Они, прежде всего, были более стройного склада и несколько более крупного размера, однако при этом по весу от лошадей скифского типа почти не отличались.

Ключевые слова: античность, сарматы, могильник Ястребовское-Бережное 1, лошадь, экстерьер, строение метаподий

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-161-167

В 2024 г. экспедиция Центра спасательной археологии Института истории материальной культуры РАН провела масштабные раскопки в окрестностях города Крымска в Абинском районе Краснодарского края. В числе прочих памятников на достаточно большой (около 34 000 кв. м) площади был исследован некрополь у древнего поселения, получившего название Ястребовское-Бережное (Топоривская, 2025). Этот памятник являлся многослойным, и наиболее представительные материалы, как вещественные, так и остеологические, происходят из объектов I–IV вв. н. э., то есть захоронений, относящихся к сарматской эпохе. Столь объемные коллекции этого периода до нынешнего времени в Прикубанье не были известны. Сарматские материалы выявлены в основном на некрополе. В сарматских погребениях, как правило, присутствовали захоронения лошадей или частей их скелетов (головы и дистальных частей конечностей) (Там же. С. 62–66) (рис. 1).

К сожалению, далеко не всегда сохранность костных останков была хорошей. В большинстве случаев погребальные комплексы разрушены позднейшими тафономическими процессами, в связи с чем точно определить количество особей можно лишь по тому, сколько правых и сколько левых аналогичных костей было обнаружено при раскопках. Всего в данном исследовании были рассмотрены 32 левые и 42 правые передние метаподии. Во всех случаях, когда можно было установить пол животного, это оказывались жеребцы. Следует специально подчеркнуть, что данное исследование носит предварительный характер. Автор ставил перед собой цель сравнить общие морфологические черты лошадей римского времени у населения по обе стороны Керченского пролива на основе пропорционального строения передних метаподий.

Материал и методика

Измерения метаподий лошадей производились по схеме В. Эйзенманн, опубликованной в 1986 г. (Eisenmann, Beckouche, 1986). Она же, кстати, утверждает, что передние метаподии лошадей гораздо более диагностичны, чем задние, и потому данное исследование проводилось именно по этим костям. С каждой кости снималось 12 промеров. Эти данные приведены в таблице 1.

¹ Работа выполнена по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: alexkas@yahoo.com.

© Каспаров А. К., 2026

Рис. 1. Типичное сарматское погребение на некрополе Ястребовское-Бережное 1. Хорошо видны остатки скелетов двух лошадей, погребенных вместе с человеком

Fig. 1. A typical Sarmatian burial at the Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 necropolis. The skeletal remains of two horses buried with a human are clearly visible

Затем вычислялось среднее значение для каждого показателя. Таким образом, в таблице 1 приведены усредненные промеры передних метаподий из слоев разных памятников первых веков нашей эры, а также усредненные характеристики скифских лошадей. Количество их (за исключением скифских материалов) не очень велико, но все-таки с той или иной степенью достоверности их можно сравнить с сарматскими материалами.

Данные по лошадям скифов были опубликованы И. Е. Гребневым и С. К. Васильевым (Гребнев, Васильев, 1994). Это лошади из памятников Уландрык 1 и 2, Ак-Алахи 1 и Кутургунтас, которые относятся к скифо-сибирскому кругу кочевой аристократии Алтая и датируются гораздо более ранним временем, чем сарматские находки, — приблизительно рубежом II–I тысячелетия до нашей эры. Однако лошади этой культуры, по мнению вышеупомянутых авторов, были вполне подобны скифским. Именно так они и рассматриваются в их исследовании. К тому же это пока единственные материалы, исследованные по описанной методике, из памятников раннескифского времени Сибири. К сожалению, авторы приводят лишь усредненные значения снятых промеров. Основные характеристики вариационных рядов значений промеров метаподий скифских и сарматских лошадей приведены в таблице 2.

Для установления различий в пропорциях этих костей каждый из промеров нашей таблицы соотносился с первым промером — основной длиной кости — для получения соответствующего

индекса. Индекс логарифмировался, чтобы разница между ними стала более заметной. Таким образом, каждая кость стала характеризоваться набором из 11 показателей. Для дальнейшего, более углубленного, исследования этих результатов был использован простой кластерный анализ.

Усредненные индексы метаподий лошадей из поселения Ястребовское-Бережное 1 методом кластерного анализа сравнивались с таковыми из других памятников Тамани и Восточного Крыма римского времени, то есть первых трех веков нашей эры, которые имелись в распоряжении автора, и данными по скифским лошадям Сибири. Для сравнения привлекались памятники, где были найдены хотя бы три метаподии начала нашей эры. Одиночные находки не использовались. Эти материалы поступили из городов Мирмекий, Тиритака и поселения Артющенко 1. Города находятся в черте г. Керчь, а поселение — на Таманском полуострове, в Темрюкском районе Краснодарского края, у одноименного населенного пункта.

Примерный живой вес лошадей Ястребовского-Бережного 1 вычислялся по методике М. Нисканен (Niskanen, Piirponen, 2025), который использовал для этого ширину пяточной кости в передней части, которую умножал на определенные коэффициенты. Этот метод дает погрешность примерно в 10–20 кг, но в целом позволяет оценить примерный уровень массивности животного. Высота в холке животных определялась по таблице, опубликованной В. О. Виттом (Vittm, 1952).

Полученные результаты

Полученные результаты представлены на рис. 2. На этой кладограмме видно, что лошади Ястребовского-Бережного 1 стоят несколько особняком, хотя вообще различия между образцами минимальны. Однако все-таки передние метаподии лошадей из Тиритаки похожи на таковые из поселения Артющенко 1, а несколько лошадей римского времени Мирмекия в среднем подобны лошадям скифов. Таким образом, сарматские лошади в целом отличаются от скифских, поскольку в среднем все лошади периода античности Восточного Крыма в той или иной степени — это лошади скифского типа.

Можно только предполагать, какие признаки более всего влияют на сходство и различие в строении метаподий исследуемых групп лошадей. Заметим, что, как видно из таблицы 2, наиболее изменчивым оказывается промер 8 (ширина меньшей проксимальной суставной фасетки): для него коэффициент вариативности около 7, тогда как для других признаков он заметно

Таблица 1. Размерные характеристики передних метаподий лошадей первых веков нашей эры из некоторых памятников Северного Причерноморья, мм*
Table 1. Dimensional characteristics of the anterior metapodia of horses from the first centuries AD from some sites of the Northern Black Sea region, mm*

Промер	Характеристика	Памятник				
		Ястребовское-Бережное 1	Скифские лошади	Тиритака	Мирмекий	Артющенко 1
		Датировка				
		I–III вв. н. э.	IX–VIII вв. до н. э.**	I–III вв. н. э.	I–III вв. н. э.	II–III вв. н. э.
		Количество (N), экз.				
		74	70	3	4	5
1	Наибольшая длина	219,67	218,84	220,27	225,42	215,72
3	Ширина диафиза в средней части	33,16	32,86	32,23	35,45	32,08
4	Передне-задний диаметр там же	25,30	25,07	24,67	27,35	23,90
5	Максимальная ширина проксимальн. эпифиза	54,59	48,31	45,97	51,03	47,32
6	Передне-задний диаметр проксимального эпифиза	30,62	30,72	30,47	31,57	31,32
10	Ширина дистального эпифиза в надсуставных буграх	47,27	46,10	46,00	48,7	47,14
11	Ширина дистального блока	48,97	48,59	48,50	49,77	47,22
12	Пер.-зад. диаметр срединного гребня дистального блока	35,90	36,12	35,30	36,50	34,32
13	Наименьший передне-задний диаметр медиальной части дистального блока	28,75	28,77	28,93	29,47	26,72
14	Наибольший передне-задний диаметр ее же	30,18	30,18	30,30	31,20	28,77
7	Ширина большей проксимальной фасетки	40,07	39,54	40,07	40,30	37,36
8	Ширина меньшей проксимальной фасетки	15,92	16,29	15,67	16,77	15,36

* См.: Eisenmann, Beckouche, 1986. С. 130; сохранены авторская нумерация промеров и их последовательность.

** По: Гребнев, Васильев, 1994. С. 109.

Рис. 2. Степень сходства лошадей Ястребовского-Бережного 1 с такими из других памятников Тамани и Восточного Крыма римского времени по строению передних метаподий
Fig. 2. Similarity of the Yastrebvskoye-Berezhnoye 1 horses to those from other Roman-period sites of the Taman Peninsula and Eastern Crimea in terms of anterior metapodial structure

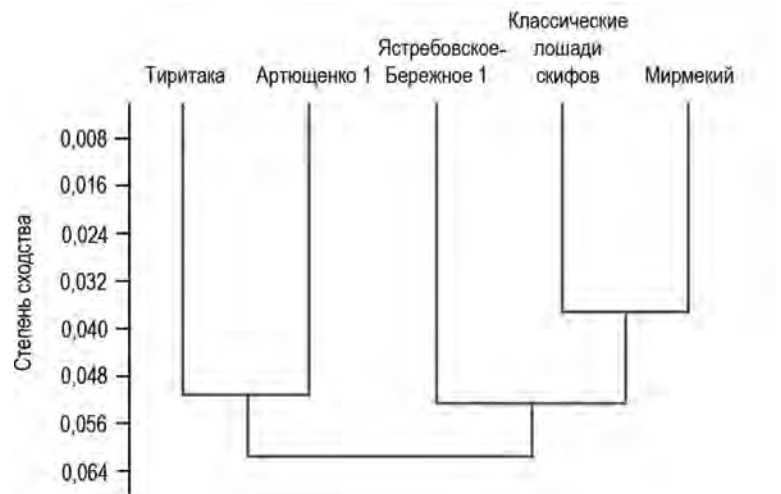

Таблица 2. Характеристики вариационных рядов значений промеров метаподий лошадей некоторых памятников
Table 2. Characteristics of the variation series of equine metapodial measurements from some sites

Параметр	Номер промера											
	1	3	4	5	6	10	11	12	13	14	7	8
Ястребовское-Бережное 1												
N	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74
Min, см	206,0	30,1	21,6	44,2	28,1	44,1	44,4	33,3	27,4	28,3	35,1	12,4
Max, см	232,0	37,7	28,7	52,1	33,6	51,9	58,0	38,2	30,0	32,1	44,3	19,0
Среднее, см	219,60	33,20	25,00	48,60	30,50	47,20	49,00	35,90	28,60	30,10	40,10	15,80
Стандартн. отклонение	6,80	1,60	1,60	1,80	1,30	1,80	2,10	1,20	0,70	0,90	2,00	1,10
Коэфф-т вариации	3,10	4,70	6,40	3,80	4,40	3,80	4,40	3,30	2,40	3,10	5,00	7,20
Ак-Алахи 1 и Кутургунтас (суммарно)*												
N	38	38	38	38	38	38	38	37	38	38	38	38
Min, см	212,3	31,6	23,2	46,6	29,2	44,8	45,3	34,3	27,0	28,0	37,5	13,0
Max, см	235,0	36,5	28,3	53,9	33,8	52,9	52,4	40,3	32,6	34,0	44,1	17,5
Среднее, см	222,60	33,89	25,62	50,59	31,01	48,25	48,99	36,34	28,75	30,58	40,28	15,02
Стандартн. отклонение	6,89	1,22	1,27	2,07	1,25	2,10	1,77	1,42	1,31	1,26	1,89	1,11
Коэфф-т вариации	3,09	3,60	4,94	4,09	4,04	4,34	3,61	3,91	4,56	4,12	4,69	7,42
Уландрык 1 и 2 (суммарно)*												
N	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	31
Min, см	210,4	30,3	23,4	44,0	27,8	44,0	45,6	31,9	25,3	28,3	35,0	13,2
Max, см	234,4	36,5	28,0	54,0	33,2	52,0	52,0	37,7	30,6	32,4	43,6	17,7
Среднее, см	220,60	32,88	25,53	49,68	30,32	47,77	48,76	35,77	28,28	30,17	39,11	15,57
Стандартн. отклонение	5,88	1,75	1,30	2,48	1,36	2,27	1,69	1,35	1,19	0,98	1,98	1,07
Коэфф-т вариации	2,67	5,32	5,09	4,99	4,50	4,75	3,47	3,77	4,21	3,24	5,06	6,90

* Гребнев, Васильев, 1994. С. 109.

меньше. Вероятно, этот промер в наибольшей степени определяет морфологическую специфику каждого образца. Еще один промер, 4 — переднезадний диаметр диафиза метаподии, также имеет немного большую вариабельность, чем остальные, но она не так выражена.

Общий экстерьерный состав сарматских лошадей из Ястребовского-Бережного 1 выглядит следующим образом (рис. 3). На диаграмме представлено распределение сарматских лошадей по высоте в холке. Одно деление соответствует 2 см. Наибольшее количество особей имеет рост 131–141 см. По классификации В. О. Витта (Витт, 1952), здесь, как видим, больше половины лошадей являются средними или выше среднего по росту (40 особей из 75). Это неплохой показатель, поскольку, например, лошади скифоидного типа, как видно из таблицы 1, все оказываются ниже среднего по росту. И лишь лошади Мирмекия формально выше этого стандарта, однако всего на 2 см.

Отношение ширины диафиза передней метаподии к ее общей длине, выраженное в процентах, или так называемая тонконогость — термин, введенный А. А. Браунером в 1916 г. (Браунер, 1916), — показывает, насколько лошадь была грациозна, соответственно, насколько пригодна к быстрым аллюрам и, в конечном счете, насколько высока была ее цена.

Распределение особей по уровню тонконогости показано на рисунке 4. Здесь представлена степень тонконогости сарматских коней по стандартам А. А. Браунера. Если коэффициент отношения ширины метаподии к длине не превышает 14,5 % — животное считается тонконогим, то есть весьма грациозным, быстрым и дорогим. Если это значение находится между 14,5 и 15,5 %, то лошадь полутонконогая, то есть несколько более массивна, но тоже достаточно грациозна и быстроходна. Если коэффициент от 15,5 до 16,5 % — лошадь, по терминологии А. А. Браунера, средненогоая, от 16,5 до 17,5 % — полутолстоногоая. Если

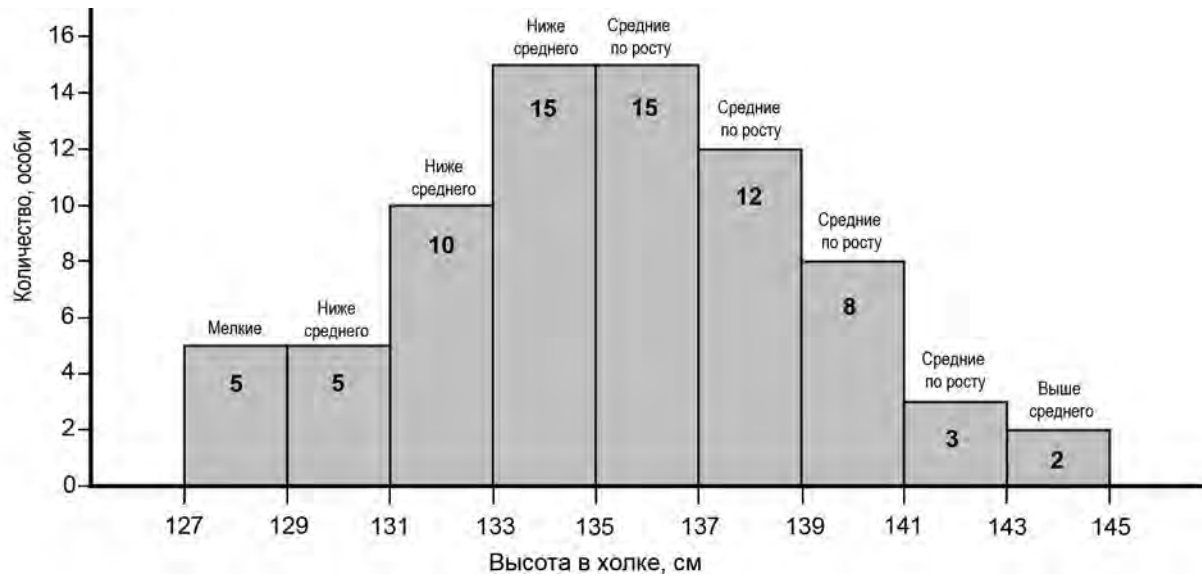

Рис. 3. Размерное распределение сарматских лошадей могильника Ястребовское-Бережное 1 по высоте в холке

Fig. 3. Size distribution of Sarmatian horses from the Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 burial ground by withers height

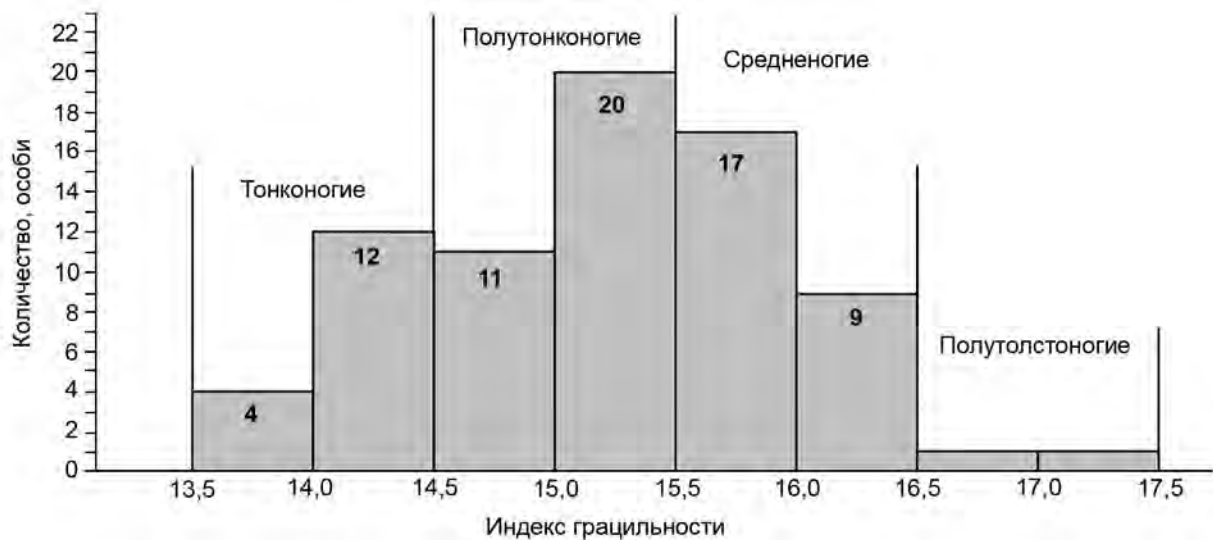

Рис. 4. Распределение сарматских лошадей могильника Ястребовское-Бережное 1 по степени грацильности

Fig. 4. Distribution of Sarmatian horses from the Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 burial ground by degree of gracility

отношение ширины метаподии к длине более 17,5 % — лошадь считается толстоногой. Такие лошади подобны першеронам или тяжеловозам, но подобных экземпляров, как видим, среди наших сарматских лошадей нет. Таким образом, среди исследованных лошадей все, за исключением двух экземпляров, являлись по стандартам того времени лошадьми весьма высокого класса.

В среднем сарматские лошади весили приблизительно 330 кг. Причем это был весьма стандартный показатель, поскольку коэффициент вариативности в этом случае равен 6,8 (N = 41), при

таком показателе изменчивость считается незначительной. Масса скифоидных лошадей римского времени Восточного Крыма была несколько меньше — в среднем 320 кг (N = 49), что, впрочем, вполне укладывается в пределы изменчивости для этого показателя в обоих случаях.

В рамках более широкого исследования, результаты которого опубликованы (Каспаров, Кондрашова, 2025), лошади Ястребовского-Бережного 1 уже упоминавшимся выше методом кластерного анализа сравнивались с лошадьми античного времени Северо-Восточного

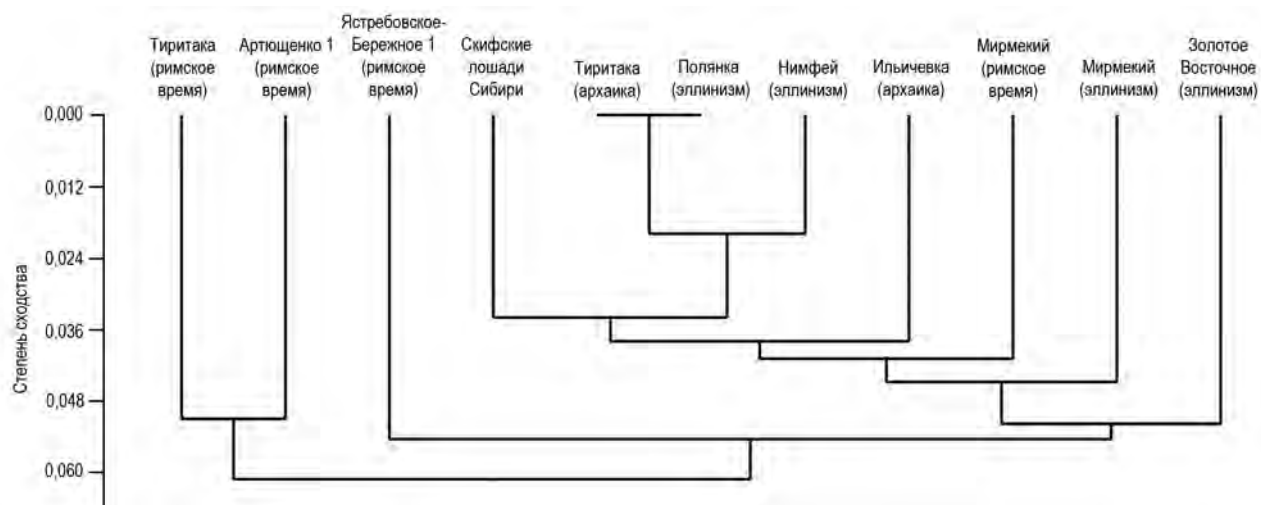

Рис. 5. Степень сходства лошадей Ястребовского-Бережного-1 с лошадьми других памятников Тамани и Восточного Крыма разных этапов античного времени по строению передних метаподий

Fig. 5. Degree of similarity of the Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 horses to horses from other sites of the Taman Peninsula and Eastern Crimea from different periods of classical antiquity based on the structure of the anterior metapodia

[Каспаров, Кондрашова, 2025. С. 148]

Причерноморья, останки которых обнаружены в разновременных комплексах (рис. 5).

Видно, что сарматские лошади из Ястребовского-Бережного 1 и здесь стоят несколько особняком от большой подгруппы лошадей архаико-эллинистического времени. Однако и от лошадей римского времени из Артющенко 1, Мирмекия и Тиритаки они тоже отличаются заметно.

Выводы

Итак, мы можем заключить, что лошади первых веков нашей эры, которыми владели представители сарматской культуры, обитавшие в регионе, были более легкими, стройными и быстроходными, чем и отличались от более тяжелых и приземистых скифских коней более ранних периодов.

Трудно сказать, была ли это какая-то другая морфологическая группа, которую привнесли с собой новые переселенцы в этот регион, или это результат какой-то селекции, возможно и неволь-

ной, после которой строение передних метаподий коней претерпело изменения.

Возможно, на полученные результаты повлиял и половозрастной состав погребенных коней. Вновь напомним, что далеко не всегда можно было установить возраст и пол животного, метаподии которого исследовались. Кроме того, по неким культовым соображениям в погребения могли помещать животных, непременно обладающих какими-то особыми экстерьерными характеристиками. Это также могло повлиять на полученные нами результаты.

В заключение следует снова подчеркнуть, что данное исследование носит предварительный характер и что исследования будущие, например, «увязка» морфологических показателей коня с полом погребенного с ним человека или его возрастом, а также с сезоном его смерти или типом питания, позволят выявить какие-то новые закономерности.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

Браунер, 1916 — Браунер А. А. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Имп. Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса: [б. и.], 1916. Т. 86, № 1. С. 49–186.

Витт, 1952 — Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. Т. XVI. С. 163–205.

Гребнев, Васильев, 1994 — Гребнев И. Е., Васильев С. К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Юж-

ного Алтая // Полосьмак Н. В. Стережущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С. 106–111.

Каспаров, Кондрашова, 2025 — Каспаров А. К., Кондрашова Е. С. Фаунистические материалы из археологических памятников окрестностей Крымска в Краснодарском крае // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология) / Отв. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб.: Невская Типография, 2025. № 17. С. 143–150.

Топоривская, 2025 — Топоривская М. А. Краткая характеристика грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1 // Там же. С. 61–86.

Eisenmann, Beckouche, 1986 — Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic // Equids in ancient world. Beihefte zum Tubinger Atlas

des Vorderen Orients / Eds. R. Meadow, H.-P. Uerpmann. Weisbaden: Reihe A, 1986. P. 116–163.

Niskanen, Piipponen, 2025 — Niskanen M., Piipponen N. Exploring height and body mass estimations of archaeological horses from phalangeal and calcaneal dimensions // 6th Nordic Zooarchaeology Meeting Moesgaard: Conference Paper. Oulu: University of Oulu, 2025. P. 1–24.

Sarmatian horses of the Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 necropolis (Krasnodar Krai)

A. K. Kasparov³

Keywords: Antiquity, Sarmatians, burial ground Yastrebovskoye-Berezhnoye 1, horse, exterior, structure of metapodia

The article examines the structural features of the anterior metapodia of horses from the Sarmatian burial ground Yastrebovskoye-Berezhnoye 1 in the Krasnodar Krai. The results obtained show that the Sarmatian horses of the 1st–3rd cent. AD differed from those of the earlier times of Eastern Crimea and some other sites of the Taman Peninsula. First of all, they were more slender and somewhat larger in size. However, in terms of weight they were almost no different from Scythian-type horses.

³ Alexey K. Kasparov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: alexkas@yahoo.com.

К дискуссии об эмитентах синдской чеканки¹

В. А. Горончаровский, А. Е. Терещенко²

Аннотация. В статье критически рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с монетами, имеющими легенду ΣΙΝΔΩΝ. Прежде всего, это касается возможности ее трактовки как сокращенного наименования [ΣΙΝΔΩΝ(ΩΝ)] жителей городов Азиатского Боспора, от которых эта область получила название Синдика, а также локализации «синдской» чеканки в Фанагории.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Синдика, Фанагория, синдская чеканка

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-168-172

Вопрос об эмитентах синдской чеканки давно является дискуссионным, поэтому каждая попытка взглянуть на него по-новому вызывает неподдельный интерес. Последним к нему обратился В. Д. Кузнецов в своей недавней весьма объемной статье «Синдика и ее монета» (Кузнецов, 2024. С. 31–55). В ней есть немало интересных и оригинальных мыслей, но с некоторыми выдвинутыми положениями невозможно согласиться. В частности, с мнением о том, что монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ не имеют отношения к самоназванию племени, а Синдикой называлась территория греческих городов Азиатского Боспора, принадлежавшая «эллинам, которые и дали ей это имя» (Там же. С. 38). На этом положении основывается сложная конструкция, связанная с возможным наименованием этих эллинов синдонами, со ссылкой на римского географа I в. н. э. Помпония Мелу (Mela. I. 19. 111), то есть следует различать синдов и синдонов. Возвращаясь после этих рассуждений к монетной легенде, автор трактует ее как ΣΙΝΔΩΝ(ΩΝ) (Там же. С. 45). Следует отметить, что при этом детально обоснованная с точки зрения классической филологии позиция С. Р. Тохтасьева относительно того, что легенда

ΣΙΝΔΩΝ может значить только одно — «(монета) синдов» (Тохтасьев, 2001. С. 64), даже не рассматривается. Единственная ссылка на статью, где заявлена данная позиция, выглядит следующим образом: «эта надпись (имеется в виду монетная легенда. — В. Г., А. Т.) не обязательно означает полное слово в родительном падеже, как считают некоторые исследователи» (Кузнецов, 2024. С. 45).

По этому поводу стоит обратиться к последнему переводу соответствующего отрывка из опубликованного в 2017 г. издания «Хорографии» Помпония Мелы под редакцией А. В. Подосинова. Действительно, там говорится: «...в [области] синдонов — [город] Синд, основанный самими жителями этой земли», но дело в том, что в предшествующем параграфе Мела включил синдонов наряду с гениохами, ахеями, торетами и пр. в перечень диких и грубых племен, расселившихся широко вдоль моря (Mela. I. 19. 110). В комментарии к этому параграфу «Хорографии» справедливо указывается, что «Sindones Мелы, не встречающиеся больше ни у кого, — очевидно, то же самое, что синды (Sindi, Σίνδοι) других античных авторов» (Помпоний Мела, 2017. С. 147). По мнению В. Д. Кузнецова термин «синдоны» в действительности мог относиться к эллинам Синдики (Кузнецов, 2024. С. 45), что вряд ли возможно.

Согласно В. Д. Кузнецову, эллинскую принадлежность термина «Синдика» определенно подтверждает надпись Теопротида из Нимфея, где Левкон I именуется как «архонт Боспора и Феодосии и всей Синдики». С его точки зрения, если под Синдикой понимать территорию, принадлежавшую синдам, то «непонятно, почему боспорский правитель использует титул архонта

¹ Исследование проведено по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: goronvladimir@yandex.ru, andrtereshhen@yandex.ru.

© Горончаровский В. А., Терещенко А. Е., 2026

по отношению к варварскому племени» (*Там же*. С. 37). К сожалению, в данном случае не упоминается, что после «всей Синдики» в надписи идет продолжение: «и торетов, и дандариев, и псессов» (*Соколова, Павличенко, 2002. С. 101*). Скорее всего, это свидетельство неотработанности титулатуры боспорского правителя применительно к его новому статусу.

Перейдем к другим положениям, которые вызывают вопросы.

1. «Чеканка ее (монеты синдонов. — В. Г., А. Т.) была кратковременной. При этом она включает в себя несколько типов и — что имеет особое значение — практически точно совпадает со временем агрессии пантикапейских правителей против городов на территории Таманского полуострова (*Σατύρου ἀρχή*), в частности Фанагории» (*Кузнецов, 2016. С. 271; 2024. С. 44*).

2. «Совершенно очевидным и неоспоримым является следующий факт: „синдская“ монета с изображением грифона (вправо) с зерном перед ним является фанагорийским чеканом, поскольку находит прямую аналогию в монете своей метрополии — Теоса (грифон вправо с зерном) и своей сестринской колонии — Абдеры (грифон влево с зерном)» (*Кузнецов, 2016. С. 265; 2024. С. 45*).

Рассмотрим эти положения подробнее.

Во-первых, тезис об одновременности пантикапейской агрессии и синдской чеканки, а также непродолжительности последней вряд ли соответствует действительности. Очевидно, в данном случае учитывалось мнение А. А. Завойкина о том, что оба процесса занимают примерно 5–10 лет и завершаются около 400 г. до н. э. (*Завойкин, 2013. С. 392*). Однако, судя по количеству известных экземпляров трех серий синдских монет — С-1 (40 экз., рис. 1, 1–4), С-2 (270 экз., рис. 1, 5–8), С-3 (64 экз., рис. 1, 9–16)³, а также наличию среди них дополнительных выпусков мелких номиналов в серии С-3 (рис. 1, 13–16), период эмиссии длился несколько дольше. В свое время авторы этой статьи предложили следующую датировку: С-1 — около 427–423, С-2 — около 423–400, С-3 — около 400–390 гг. до н. э.⁴, что вполне соотносится с объемом имеющегося нумизматического материала (*Горончаровский, Терещенко, 2015. С. 89*).

³ Количество монет указано по корпусу ранних боспорских монет, составляемому одним из авторов. В него включена информация из публикаций и сайта «Монеты Боспора. Каталог-архив» (<https://bosporan-kingdom.com/>).

⁴ Возможно, верхнюю дату чеканки следует несколько сдвинуть — до 395 г. до н. э.

Во-вторых, изображение орлиноголового грифона с серповидными крыльями и зерном перед ним на аверсе, которое якобы доказывает фанагорийское происхождение монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, появляется только в самой поздней, третьей, серии. Сразу же возникает вопрос: почему в монетном деле самой Фанагории эта композиция, демонстрирующая связь с метрополией, не использовалась с самого начала? По сути единственный элемент, присутствующий в нескольких выпусках рассматриваемых чеканок, — это изображение зерна, причем оно появляется уже в первой синдской серии С-1 на тетартемориях «муравей/зерно» (рис. 1, 4). Во многих случаях изображение зерна является полностью автономным и самодостаточным символом. Об этом свидетельствует и само монетное дело Теоса и Абдеры, в котором чеканка монет с аверсным сюжетом «грифон с зерном» была лишь кратким эпизодом. Например, в следующих друг за другом выпусках Теоса зерно сменяется листом плюща (рис. 2, 1, 2), а в абдерских — вообще перемещается на обратную сторону (рис. 2, 3, 4).

Кроме того, орлиноголовый грифон — настолько распространенный персонаж в монетном деле ойкумены, что вряд ли его использование дает основание для каких-либо серьезных заключений. Также необходимо учитывать, что с конца V в. до н. э. образ такого грифона, судя по всему, становится популярным и среди синдов. (В связи с этим можно упомянуть фрагмент покрывала из 6-го Семибратнего кургана (*Герцигер, 1973. С. 76, рис. 4*) и часть рукояти махайры из 3-го Семибратнего кургана (*Артамонов, 1966. С. 109, табл. 137*).) Несомненно, именно «туземные власти» могли определять «дизайн» синдской чеканки. Перефразируя слова Адольфа Фуртвенглера по поводу так называемых греко-персидских гемм, синдскими эти монеты «являются только по выбору типов их изображений», поскольку для синдов «они имели определенное значение»; греческими же они были «по художественному исполнению и духу» (*Furtwangler, 1900. S. 116*). В данном случае сюжет, заимствованный, возможно, из теосских или абдерских монетных типов, видимо, полностью удовлетворял запросам как представителей синдской знати, так и зависящих от них жителей непосредственного эмитента монеты — эллинского полиса Лабриса (подробнее см.: *Горончаровский, Терещенко, 2024. С. 322*). Попытки же связать выпуск серии С-3 с Фанагорией представляются контрпродуктивными.

Предположение о возможности полноценной чеканки с варварскими этниконами на монетных

Рис. 1. Синдские монеты. Серия С-1 (ок. 427–424/423 гг. до н. э.): 1 — триобол; 2 — диобол; 3 — гемиобол; 4 — тетартеморий. Серия С-2 (ок. 423–400 гг. до н. э.): 5 — триобол; 6 — диобол; 7 — гемиобол; 8 — тетартеморий. Серия С-3 (ок. 400–390 гг. до н. э.): 9 — триобол; 10 — диобол; 11 — гемиобол; 12 — тетартеморий. Дополнительные выпуски серии С-3: 13 — гемиобол с сокращенной легендой ΣΙΝ; 14 — тетартеморий с сокращенной легендой ΣΙΝ; 15 — гемиобол с сокращенной легендой ΣΙΝ; 16 — тетартеморий с сокращенной легендой ΣΙΝ. Серебро

Fig. 1. Sindian coins. Series C-1 (ca. 427–424/423 BC): 1 — triobol; 2 — diobol; 3 — hemiobol; 4 — tetartemorion. Series C-2 (ca. 423–400 BC): 5 — triobol; 6 — diobol; 7 — hemiobol; 8 — tetartemorion. Series C-3 (ca. 400–390 BC): 9 — triobol; 10 — diobol; 11 — hemiobol; 12 — tetartemorion. Additional issues of series C-3: 13 — hemiobol with abbreviated legend ΣΙΝ; 14 — tetartemorion with abbreviated legend ΣΙΝ; 15 — hemiobol with abbreviated legend ΣΙΝ; 16 — tetartemorion with abbreviated legend ΣΙΝ. Silver

дворах зависимых греческих полисов на примере фракийских племен В. Д. Кузнецов даже не рассматривает, видимо, поскольку ранее, в другой статье, писал: «...после вторжения сюда персов местное население было вынуждено платить им дань. Именно серебряные монеты и служили для этих целей. Они были тяжелыми (как правило, октодрахмы) и предназначались для внешнего рынка» (Кузнецов, 2016. С. 259). Замечание отчасти справедливое, однако, как резонно возразил С. А. Коваленко, эти эмиссии продолжались «вплоть до 465–450 годов до н. э., когда персидского владычества уже не было и в уплате дани больше не было необходимости» (Kovalenko, 2020. Р. 169). Кроме того, наряду с октодрахмами известны и более мелкие фракции, характерные для нормального денежного обращения: статеры и диоболы племени ихнов; статеры тинтенов; ге-

мистатеры, тетрадрахмы, тетроболы и диоболы бизалтов; тетрадрахмы и тетроболы дерронов; статеры и оболы орресков (Svoronos, 1919. Р. 57, tabl. V, 13, 16; Gaebler, 1935. Tab. XIV, 15; XVIII, 16; Kraay, 1976. Pl. 27, 491). Представляется, что монеты синдов — это явление того же порядка.

Перейдем к вопросу об отличительных особенностях металла синдских монет. Прежде чем изложить точку зрения В. Д. Кузнецова, стоит упомянуть и другие мнения на сей счет. В свое время В. Л. Строкин полагал, что этот металл был «получен искусственным путем: добавлением в лаврийское серебро золота и меди», дабы убедить потребителя в его высоком качестве (Строкин, 2012. С. 380, 384). С. А. Коваленко, назвав это предположение «причудливым» (Kovalenko, 2020. Р. 170), выдвинул еще более фантастическую гипотезу: источником серебра для синдской чеканки

служили крупные партии электровых монет различных малоазийских центров, которые поступали к синдским царям от греческих полисов Азиатского Боспора в качестве платы за пользование землей. Отсюда и разнообразие типологии: «Мастера, резавшие штемпели для чеканки синдских монет, просто копировали те мотивы, которые были у них перед глазами или наиболее часто попадались на глаза» (Коваленко, 2020. С. 277, 282, 283; Kovalenko, 2020. Р. 171–173). По поводу всех этих рассуждений, которые В. Д. Кузнецов подверг справедливой критике (Кузнецов, 2024. С. 33–35), возникает лишь один вопрос: зачем пускать в переработку крупные партии «валюты» того времени вместо того, чтобы просто закупить на эти деньги серебро в слитках или в каком-нибудь другом виде? Кроме того, совершенно упускается из виду, что монеты, выполняя информативную функцию, могли служить наглядным средством политической пропаганды и выбор запечатленных на них сюжетов был отнюдь не случайным.

Сам В. Д. Кузнецов в отношении серебра, использовавшегося для чеканки «синдских» монет, судя по всему, полностью согласен с приведенным им в статье заключением И. А. Сапрыкиной о результатах их рентгенофлуоресцентного анализа. Согласно полученным данным, серебро этих монет происходит из месторождений Фракии и о-ва Фасос и «не имеет отличных от какого-либо другого монетного серебра характеристик ни по количественным показателям, ни по качественным» (Там же. С. 33, 34). С другой стороны, в том же заключении И. А. Сапрыкина отмечает, что «серебро синдских монет оказалось более высокопробным даже в сравнении с серебром пантикапейских монет, так как оно содержит меньший процент таких коренных для серебра примесей, как свинец, олово и цинк» (Там же. С. 33; см. также: Абрамзон и др., 2020. С. 18). Таким образом, отличия все же имеются (ср.: Там же. С. 18, рис. 4–6; Сапрыкина и др., 2020. С. 150, 153, табл. 1, 3).

В конечном итоге В. Д. Кузнецов приходит к заключению, что рассматриваемая эмиссия принадлежит союзу городов азиатской части Боспора⁵. Он полагает, что такое объединение сформировалось предположительно еще на рубеже VI–V вв. до н. э. вокруг святилища Афродиты Урании. Именно этот союз, с его точки зрения, начал «чеканку первой на берегах Керченского пролива

Рис. 2. Монеты Теоса (Иония) (1, 2) и Абдеры (Фракия) (3, 4): 1 — статер, ок. 460–450 гг. до н. э.; 2 — статер, ок. 450–425 гг. до н. э.; 3 — триобол, ок. 411/410–386/385 гг. до н. э.; 4 — тетробол, ок. 400–375 гг. до н. э.). Серебро

Fig. 2. Coins of Teos (Ionia) (1, 2) and Abdera (Thrace) (3, 4): 1 — stater, ca. 460–450 BC; 2 — stater, ca. 450–425 BC; 3 — triobol, ca. 411/410–386/385 BC; 4 — tetrobol, ca. 400–375 BC. Silver

серебряной монеты» (Кузнецов, 2024. С. 43, 47), хотя полное отсутствие каких-либо обоснований для столь серьезного «омоложения» времени появления монетного дела на Боспоре заставляет считать данное заключение надуманным.

Учитывая, что по данным В. Л. Строкина наибольшее количество находок синдских монет (правда, случайных) происходит из района Семибратнего городища (Строкин, 2012. С. 393), на наш взгляд наиболее жизненной представляется ситуация, когда монеты с этниконом ΣΙΝΔΩΝ чеканились под эгидой синдского правящего рода из предоставляемого им (частично или полностью) сырья именно в Лабрисе. Необходимость же соблюдать пожелания синдской элиты, оставаясь в рамках греческой культурной традиции и верований, определяла, по-видимому, выбор и смену монетных типов. В частности, можно предположить, что на первой серии монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ изображен божественный прародитель династии синдских вождей со стрелой, рассматривавшейся в качестве царской инсигнии (рис. 1, 1). При этом местными эллинами он мог восприниматься как Феб Аполлон, покровитель Лабриса, ведь стрела всегда считалась близкой символике солнечного луча (подробнее см.: Горончаровский, Терещенко, 2024. С. 323). Возможно, в качестве продолжения этой сюжетной линии в отношении следующего поколения божественных предков правителей Синдики можно рассматривать появление во второй серии синдских монет персонажа в львином скальпе, соответствующего греческому Гераклу (рис. 1, 5).

Статья поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

⁵ Данная гипотеза далеко не нова, поскольку впервые была выдвинута больше 30 лет назад А. А. Завойкиным и С. И. Болдыревым, согласно мнению которых монеты чеканились от имени конфедерации боспорских полисов в Синдике (Завойкин, Болдырев, 1994. С. 44–47).

- Абрамзон и др., 2020 — Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. Боспорские серебряные монеты классического времени из Фанагории // *Нурanis*. 2020. Т. 2. С. 5–26.
- Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага; Л.: Артия; Советский художник, 1966. 120 с.
- Герцигер, 1973 — Герцигер Д. С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // *Памятники античного прикладного искусства*. Л.: Аврора, 1973. С. 71–100.
- Горонcharовский, Терещенко, 2015 — Горонcharовский В. А., Терещенко А. Е. О монетном деле Синдики в конце V — начале IV в. до н. э. // *Записки ИИМК*. 2015. № 11. С. 77–96.
- Горонcharовский, Терещенко, 2024 — Горонcharовский В. А., Терещенко А. Е. Феб Аполлон — владыка Лабриса // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2024. Вып. 3. С. 321–327.
- Завойкин, 2013 — Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС-принт, 2013 (Боспорские исследования; Suppl. 10). 592 с.
- Завойкин, Болдырев, 1994 — Завойкин А. А., Болдырев С. И. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // *Боспорский сборник*. 1994. Вып. 4. С. 43–47.
- Коваленко, 2020 — Коваленко С. А. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // *Номо Omnium Horarum*. Сб. ст. в честь 70-летия А. В. Подосинова. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020. С. 272–296.
- Кузнецов, 2016 — Кузнецов В. Д. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. М.: ИА РАН, 2016 (Фанагория; Вып. 4). С. 250–278.
- Кузнецов, 2024 — Кузнецов В. Д. Синдика и ее монета // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2024. № 2. С. 31–55.
- Помпоний Мела, 2017 — Помпоний Мела. Хорография. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 509 с.
- Сапрыкина и др., 2020 — Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Смекалова Т. Н. Исследование серебряных античных монет методами рентгенофлуоресцентного анализа и изотопного состава свинца (фонды Анапского археологического музея) // *Сибирские исторические исследования*. 2020. № 2. С. 148–169.
- Соколова, Павличенко, 2002 — Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Vol. VIII, fasc. 1. С. 99–121.
- Строкин, 2012 — Строкин В. Л. Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // *Древности Боспора*. 2012. Т. 16. С. 379–418.
- Тохтасьев, 2001 — Тохтасьев С. Р. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы междунар. науч. конф.* Ч. 1. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. С. 63–79.
- Furtwangler, 1900 — Furtwangler A. Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. Bd. 3. Leipzig; Berlin: Gesecke und Devrient, 1900. 464 S.
- Gaebler, 1935 — Gaebler H. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Abt. 2: Die antiken Münzen von Makedonia und Paionia. Berlin: Walter de Gruyter, 1935. 234 S.
- Kovalenko, 2020 — Kovalenko S. A. Revisiting the Coins of the Sindoi // *Numismatische Zeitschrift*. 2020. Bd. 126. P. 167–186.
- Kraay, 1976 — Kraay C. M. Archaic and classical Greek coins. London: Methuen & Co. Ltd., 1976. 390 p.
- Svoronos, 1919 — Svoronos J. N. L'Hellénisme Primitif de la Macédoine Prouvé par la Numismatique et L'Or du Pangée. Athens, 1919 (Journal international d'archéologie numismatique; Vol. 19). XV+265 p.

To the discussion on the Sindian coinage issuers

V. A. Goroncharovsky, A. E. Tereshchenko⁶

Keywords: Asian Bosphorus, Sindica, Phanagoria, Sindian coinage

This article critically examines controversial issues related to coins bearing the legend ΣΙΝΔΩΝ. This primarily concerns the possibility of interpreting it as an abbreviated name [ΣΙΝΔΩΝ(ΩΝ)] for the inhabitants of the cities of the Asian Bosphorus, from whom this region received the name Sindica, as well as the localization of “Sindian” minting in Phanagoria.

⁶ Vladimir A. Goroncharovsky, Andrey E. Tereshchenko — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: goronvladimir@yandex.ru, andrtereshhen@yandex.ru.

«Скифия и Боспор» М. И. Ростовцева: загадка одной аттической пелики

А. Е. Петракова¹

Аннотация. Краснофигурная аттическая пелика Т.Н.360 поступила из ГАИМК в Эрмитаж в 1926 г. с указанием на происхождение из раскопок Н. И. Веселовского в 1908 г. в станице Недвиговка Ростовской области. Пелика представляет собой афинскую краснофигурную вазу с дополнительным полихромным декором и позолотой. Она была введена в научный оборот М. И. Ростовцевым. Статья посвящена исследованию архивных документов, которые могли бы пролить свет на происхождение этой находки.

Ключевые слова: краснофигурные аттические вазы, раскопки ИАК начала XX в., исследование провенанса античной расписной керамики

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-173-187

В Эрмитаже в фондовой коллекции «Археологический материал из раскопок городища Танаис-Недвиговка» хранится аттическая пелика Т.Н.360 (рис. 1, 1, 2), интересная не только своими художественными особенностями, но и полемикой по поводу ее происхождения. В Инвентаре отдела античного мира (ОАМ) помимо описания указано, что ваза склеена из кусков, имеются утраты, потертости и следы огня; в графе происхождение значится: «Недвиговка. Веселовский. Передана из ГАИМК 5–VI–1926 г., д. 21, № 1526» (Инвентарь, 1949, разв. 68) (рис. 1, 3). Указаны номера: 7634 и 25011. Последний есть в Книге поступлений: по акту от 5 июня 1926 г. в Эрмитаж из ГАИМК было передано 2018 предметов, получивших номера КП 23486–25503 (Книга поступлений, разв. 109).

Документы о перемещениях и первая публикация

Акт от 5.VI.1926 г. удалось найти в научном архиве рукописей и документального фонда Гос. Эрмитажа (НАРДФ ГЭ). По нему Б. В. Фармаковский, ученый секретарь ГАИМК, сдал, а М. Д. Философов, ученый секретарь Эрмитажа, «принял по прилагаемой описи /№№ 1–2018/ предметы, до сих пор хранившиеся

в Складе Древностей Академии» (НАРДФ ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1925/26 гг. Д. 525. Л. 168). В нижней части имеется приписка от руки: «Означенные предметы принял вместе с описью. Хранитель скифо-сибирской секции отделения Древностей Скифии Г. Боровка». Опись, на которую ссылается акт, в деле отсутствует. Однако в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа (ОАВЕС) хранится «Опись вещам, переданным из Р.Акад.И.М.К. в Гос. Эрмитаж по акту от 5 июня 1926 г.», ниже карандашом приписка: «Копия описи № 21». Под № 1525 в описи значится «Краснофигурная пелика с изображением вакхических сцен на обеих сторонах; склеена из кусков, дополнения из гипса. Недвиговка, Раскопки Н. И. Веселовского» (рис. 2, 1), также указано, что 7634 — это номер по Книге поступлений РАИМК (ОАВЕС. Фонд Г. И. Боровки. Оп. 21. Разв. 46)².

В акте от 30 мая 1950 г. в отделе научной документации Гос. Эрмитажа засвидетельствовано, что «хранитель, научный сотрудник Отдела Истории Античного Мира М. П. Ваулина» закончила приемку предметов общим числом 2405 номеров. Среди них — предметы из курганов и раскопок на Таманском полуострове, из Горгии, а также «из раскопок в Танаисе-Елисаветовской» и «в Танаисе-Недвиговке». К последним относится наша пелика.

¹ Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
e-mail: petrakova.anna@gmail.com.

© Петракова А. Е., 2026

² На момент сдачи статьи в печать этот том в рукописном отделе НА ИИМК РАН не выдавался.

Рис. 1. Пелика инв. № Т.Н.360: 1 — сторона А; 2 — сторона Б (фотографии К. В. Синявского, Гос. Эрмитаж); 3 — фотография записи о пелике в Инвентаре отдела античного мира Гос. Эрмитажа, разворот 68

Fig. 1. Pelike, Inv. No. Т.Н.360: 1 — side A; 2 — side B (photo by K. V. Sinyavsky, State Hermitage Museum); 3 — photo of the entry for the pelike in the Inventory of the State Hermitage Museum's Classical Department, spread 68

Первой публикацией пелики стали работы М. И. Ростовцева. В статье 1918 г. даже есть ее фотография. Говоря о фибулах, которые «должны быть датированы самым ранним I веком по Р. Хр.» (Ростовцев, 1918. С. 23), М. И. Ростовцев отметил, что они найдены «в ближайшем соседстве с Недвиговкой, местом, которое правильно считается за древний Танаис римского времени». По его словам, находки Н. И. Веселовского в некрополе около Недвиговки «показывают, что культурная жизнь в этой местности ни в коем

случае не была прервана разрушением Танаиса Полемоном (в конце I в. до н. э. — *Примеч. А. П.*). Самое это разрушение, засвидетельствованное одним Страбоном, вряд ли было настолько решительным, чтобы мы имели основание предполагать, что древний Танаис расположен был около ст. Елисаветовской и только во II в. по Р. Хр. перенесен был в местность около нынешней Недвиговки» (*Там же*). И далее: «Одна недавно склеенная краснофигурная ваза из находок Н. И. Веселовского (рис. 2) показывает, что

некрополь около Недвиговки имеет длительное многовековое сплошное существование, начиная по крайней мере с IV в. до Р. Хр., и что только дальнейшие более тщательные раскопки позволят нам сказать последнее слово об истории древняго Танаиса и его местоположении» (Там же. С. 24). Рис. 2 в статье М. И. Ростовцева — это фотография стороны А нашей пелики.

Реставрация

65-й выпуск Известий ИАК вышел в свет в 1918 г.; в статье отмечено, что ваза была «недавно склеена». Это означает, что склеили ее не в Керчи, как две амфоры из Зеленского кургана, а посылали в ИАК в виде фрагментов, как гидрию инв. № П.1909.91 (о ней см.: *Петракова, 2024*, с библиографией). Многие вазы, которые реставрировали в Керчи с 1901 по 1918 г., когда пост директора Керченского музея древностей занимал В. В. Шкорпил, очевидно, прошли через руки керченского мещанина Самуила Петренко. Помимо оплаты за участие в раскопках и в ночной охране различных объектов, в шитье и починке палаток, он ежегодно получал разные суммы за склейку vaz (некоторые описаны так, что можно узнать конкретный сосуд из находок того или иного сезона). 19 ноября 1913 г. ИАК обратилась к В. В. Шкорпилу: «Озабочиваясь склейкой и реставрацией древностей, открытых раскопками Комиссии в разных местах в 1913 г.», было бы крайне желательно «пригласить на некоторое время в С. Петербург, из Керчи, мастера из числа тех, которые занимаются склейкой поломанных древних предметов во вверенном Вам Музее древностей». Предлагалось «содержание 45 рублей в месяц», оплата квартиры, проезда туда и обратно. В. В. Шкорпила просили «переговорить» об этом с Самуилом Петренко и, если тот согласен — командировать его к 15 декабря 1913 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1³. 1913. Д. 4. Л. 55–56). С. Петренко дал согласие (1913. Д. 4. Л. 57), и уже 19 декабря 1913 г. ИАК покорнейше просила «главного полицмейстера Имп. Зимнего Дворца» не чинить ему «препятствий к допущению к занятию по склейке древней посуды» (1913. Д. 6. Л. 225). Не исключено, что одной из vaz, которые клеил С. Петренко, могла быть наша пелика.

С другой стороны, из «Журналов Совещаний III Отдела древностей античных и христианских»

мы узнаем, что в те же годы сотрудники ИАК не только изучали, но также рисовали и реставрировали вазы. Например, Н. А. Энман «исполняла акварельные рисунки с черепков древне-греческих расписных vaz», причем «во внеурочные часы по заказу Заведующего Отделом» (1919. Д. 96. Л. 22), а К. В. Тревер «работала над чернофигурными vazами из Ольвии <...>, готовила к изданию красно-фигурный лекиф из находок Н. И. Веселовского» (Там же. Л. 90б.), а еще «ею было очищено и склеено 12 чернофигурных vaz» (Там же. Л. 230б.). «В секции древностей Скифии» С. С. Лукьяновым, уже написавшим книгу о vazах (*Лукьянов, Гриневич, 1916*), «производился разбор древностей, происходящих из раскопок Н. И. Веселовского 1898–1918 гг.», причем «реставрация их велась С. К. Военским⁴ под наблюдением С. С. Лукьянова» (1919. Д. 96. Л. 90б.). А. И. Пиотровский «участвовал в совместной с С. С. Лукьяновым работе по восстановлению горита из Елизаветинской станицы», «в результате которой установлена конструкция и орнаментация и дата его» (Там же. Л. 330б.). «Для определения даты горита и других находок Елизаветинской группы курганов А. И. Пиотровский работал над найденным там кратером и панафинейской

⁴ По-видимому, это был Сергей Константинович Военский (1896–1924), сын историка К. А. Военского. В 1917 г. он окончил Императорский Александровский лицей. В 1919 г. уехал из Петрограда в г. Никольск Вологодской губернии. В 1921 г. рукоположен в сан иеромонаха (см.: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/5958/>). На Совещании Отдела III от 29 января 1919 г. был «обсужден вопрос о желательности приглашения временного научного сотрудника для разбора древностей из раскопок и покупок Н. И. Веселовского, причем Заведующий Отделом указал, что для исполнения указанной работы он рекомендовал бы пригласить С. К. Военского и <...> был сообщен curriculum vitae С. К. Военского» (1919. Д. 96. Л. 1). 31 января 1919 г. Военский был избран «временным научным сотрудником» с «вознаграждением по расчету из оклада в 810 р.», для того чтобы «под руководством ассистента С. С. Лукьянова составить опись и привести в порядок предметы скифских древностей коллекции Н. И. Веселовского» (1919. Д. 3а. Л. 180б.). На Совещании от 9 апреля 1919 г. было зачитано «Заявление С. К. Военского о выходе его из числа временных сотрудников отдела», в связи с чем Лукьянову велели «озаботиться о подыскании нового временного сотрудника» (1919. Д. 96. Л. 14), «вследствие ухода С. К. Военского, С. С. Лукьяновым предложен А. И. Пиотровский» (Там же. Л. 17).

³ Далее в статье все сноски на архивные дела относятся к НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1, поэтому эта часть описания будет опущена, будет указан год, номера дела и листов.

амфорой (о них см.: *Рябова и др.*, 2024) и занимался общими вопросами о панафинейских амфорах» (1919. Д. 96. Л. 37), которым он позже посвятил статью (*Пиотровский*, 1924). Таким образом, в связи с реставрацией предметов из раскопок Н. И. Веселовского в 1910-е гг. в ИАК упоминаются имена А. И. Пиотровского. С. С. Лукьянова и С. К. Военского, а К. В. Тревер занималась лекифом из его раскопок⁵.

Кроме того, для ИАК, очевидно, работали и эрмитажные реставраторы, например, М. К. Байкеев⁶. Так, в 1910 г. из Музея в Екатеринодаре в ИАК послали «черепки, найденные в станице Таманской сбоку клада», ссылаясь на слова А. А. Миллера, что «из черепков можно реставрировать одну вазу», и прося за счет Кубанского музея «поручить специалисту приготовить один такой сосуд и выслать таковой в Екатеринодар». На документе слева карандашом написано: «Покажите Байкееву, можно ли склеить», а ниже ручкой: «уведомите [нрзб] Байкеева, сосудов пока не высылайте до приезда Б. Вл.» (1910. Д. 130. Л. 26–26об.). Любопытно, что в итоге «из присланных черепков, найденных в ст. Таманской, удалось составить 3 сосуда», а не один, однако «в виду невозможности прислать реставрированные сосуды, без риска их разрушения в дороге» ИАК ограничилась обещанием послать «в Екатеринодарский Музей фотограfi-

ческие снимки с этих сосудов», а не сами вазы, но «при случае» выслать Музею «аналогичные сосуды из других находок» (Там же. Л. 27–27об.). Имя М. К. Байкеева упоминается и в связи с присланной в ИАК краснофигурной аттической пеликой из раскопок В. В. Шкорпила в Керчи. Судя по карандашной приписке на его рапорте от 4 февраля 1912 г. она была «отдана М. Байкееву для склейки 16.II.1912» (1912. Д. 4. Л. 13).

В свете того, что претендентов на роль реставратора нашей пелики несколько, поиск информации будет продолжен. Пелика склеена добросовестно, хотя пропорции некоторых фигур искажены по причине того, что фрагменты расположены слишком близко или же слишком далеко.

Происхождение

Другим направлением работы стал поиск документов о происхождении вазы. В фотографическом отделе (ФО) НА ИИМК РАН хранится фотография пелики, на которой значится: «Недвиговка / Танаис / Донская обл., Н. Веселовский» (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q. 425, 26) (рис. 2, 3). Однако в альбоме фотографий предметов из раскопок П. Дюбрюкса в Куль-Обе в 1831 г. автор своими глазами видел несколько, на которых написано: «Куль-Оба, раскопки П. Дюбрюкса, 1891 г.» (Там же. Отп. Q. 708, 110; Q. 708, 113), из чего следует, что надписям на фотографиях не всегда можно верить.

Также в фотоотделе хранится «Опись», которая, как сказано на ее титульном листе, «составлена на основании „Книги записи негативов имп. Археологической Комиссии“ фотографа И. Ф. Чистякова» (о нем см.: *Императорская...*, 2019. С. 270) 1919–1921 гг. Там указано, что фото пелики выполнено в 1916 г., а происходит она из раскопок Веселовского в Недвиговке в 1908 г. (рис. 2, 2) (НА ИИМК РАН. ФО. 1955. Опись... Л. 34).

Наконец, в фотоотделе хранятся негативы. На одном написано: «Недвиговка. Н. И. Веселов» (рис. 2, 4) (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 13248). На другом: «Недвигов. Н. И. Веселов» (рис. 2, 5) (Там же. Нег. III 13249). Однако и в надписях на негативах бывают ошибки. Например, в Эрмитаже хранится негатив с изображением амфоры, на котором написано: «из собрания Мордвинова, 1919 год», в силу чего вазу называли в публикациях «мордвиновской» (*Пиотровский*, 1924. С. 84, 87, 97, 100). Как удалось выяснить, надпись на негативе ошибочна. Вещи из бывших собраний Мордвинова, Черткова и Мусина-Пушкина в 1919 г. передавались из их квартир в Эрмитаж сотрудниками Отдела по охране,

⁵ При обсуждении изданий Отдела III в первом полугодии 1919 г. среди «научно-популярных брошюр о древностях» упомянуто «исследование К. В. Тревер о краснофигурной вазе, приобретенной Н. И. Веселовским (3 листа)» (1919. Д. 96. Л. 44об.). До этого речь шла о том, что она готовила к изданию краснофигурный лекиф «строного стиля из Кубанской области» (Там же. Л. 9об., 15об., 33), а к 30 апреля 1919 г. «закончила соби́рание аналогий» (Там же. Л. 15об.); в бумагах лекиф охарактеризован «из находок Н. И. Веселовского» (Там же. Л. 9об.). В статье же сказано: «...в 1914 г. Н. И. Веселовский привез с юга России краснофигурный лекиф, купленный им вместе с другими вазами у Карапетова <...> Точных сведений о месте нахождения этого сосуда не имеется» (*Тревер*, 1922. С. 273). Может быть, и для нашей пелики нет точных данных о месте находки, и фрагменты происходят не из раскопок Н. И. Веселовского, а были приобретены им так же, как и этот лекиф.

⁶ «Помощник скульптора» (вариант: «скульптор») М. К. Байкеев регулярно упоминается в документах НАРДФ ГЭ 1900–1920-х гг. как реставратор античных терракотовых скульптур, изделий из стекла, расписных керамических ваз.

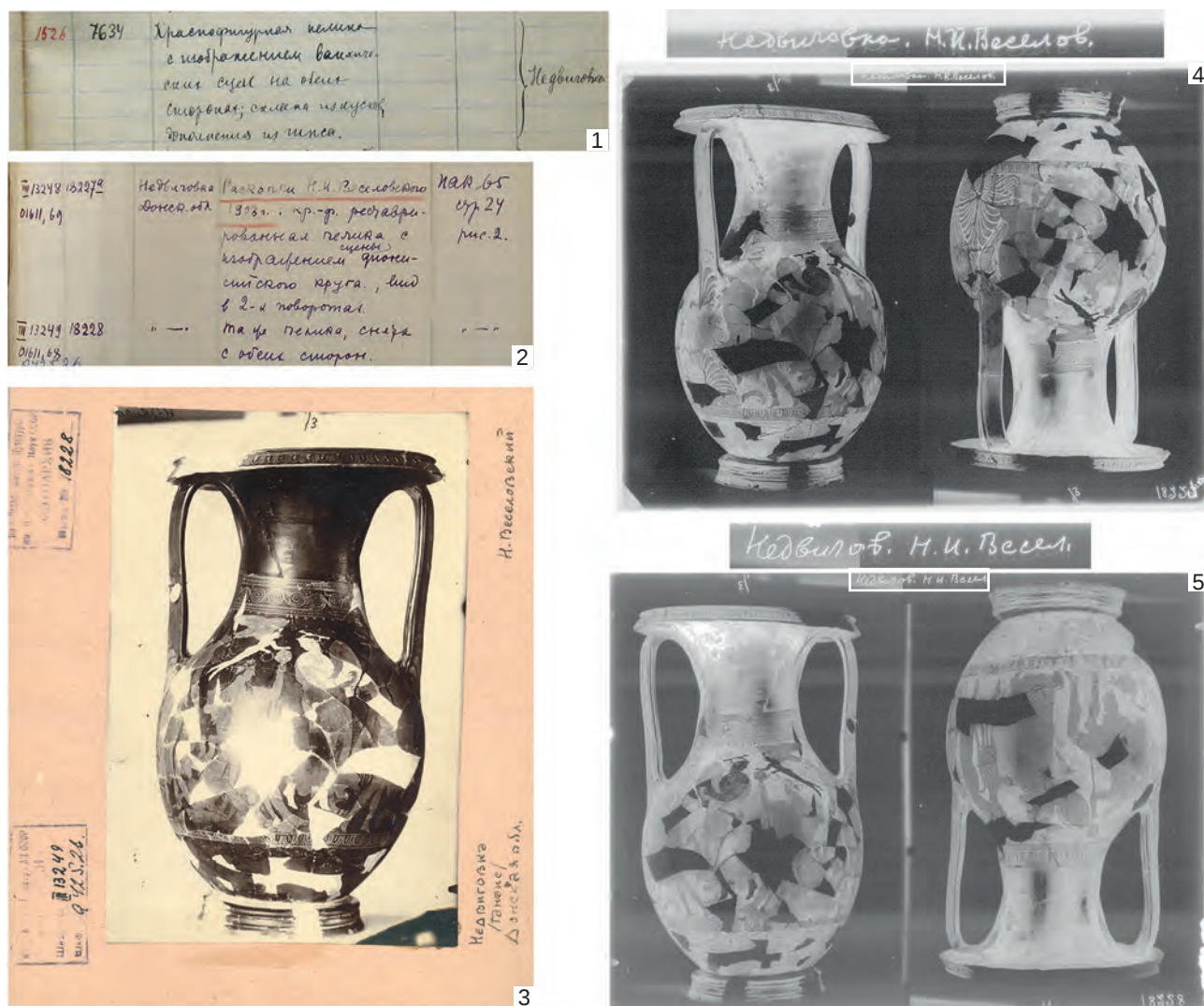

Рис. 2. Пелика инв. № Т.Н.360. Архивные материалы: 1 — запись в Описи № 21 в архиве Г. И. Боровки в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, разворот 46; 2–5 — в фотоотделе НА ИИМК РАН (2 — запись в Описи 1955 г.; 3 — фотография (ФО. Q 425, 26); 4, 5 — негативы III 13248 и III 13249)

Fig. 2. Pelike, Inv. No. Т.Н.360. Archival materials: 1 — entry in Inv. No. 21 in the G. I. Borovka's archive in the State Hermitage Museum's Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, spread 46; 2–5 — in the Photography Department of the IHMC RAS (2 — entry in the 1955 Inventory; 3 — photo (ФО. Q 425, 26); 4, 5 — negatives III 13248 and III 13249)

учету и регистрации памятников искусства и старины одновременно и в некоторой спешке. В одной из бумаг несколько вещей из трех коллекций перечислены вместе; указано, что их передали упомянутому М. К. Байкееву из Эрмитажа.

Недоверие к информации о том, что пелика происходит из раскопок Н. И. Веселовского в Недвиговке, связано не только с тем, что ваза остается единичной находкой такого типа в этом месте, но и с тем, что ни в печатных (Pharmakowsky, 1911; Бобринский, 1912. С. 122–129; 1913. С. 139–141), ни в рукописных (1908. Д. 60; 1909. Д. 41) отчетах о раскопках в Недвиговке в 1908–1909 гг. ни-

чего похожего на описание фрагментов расписной краснофигурной пелики (тем более с дополнительной полихромией и позолотой) найти не удалось. В документах повторяется информация о том, что казак Алексей Смычков во время ломки камня весной 1907 г. «нашел богатое женское погребение и продал вещи Романовичу в Ростове-на-Дону за 600 р.», а весной 1908 г. «обнаружил богатую гробницу, вещи из которой поступили в Донской музей» (1908. Д. 60. Л. 6): «массивный золотой обруч с надетыми на концах его львиными головками, золотой венок, серебряный обклад от сосуда, глиняная амфора и несколько глиняных сосудов»

(1909. Д. 41. Л. 105). В большинстве случаев керамические сосуды описаны так, что понять, о каком именно идет речь, невозможно («черепки посуды/сосудов» (1909. Д. 41. Л. 92об., 93об., 107).

Поскольку Н. И. Веселовский в 1908–1909 гг. «продолжал свои многолетние исследования в Кубанской области» (Бобринский, 1912. С. 116), а не только «на земле хутора Недвиговки, где находятся развалины г. Танаиса» (Там же. С. 122), не исключено, что наша пелика может происходить с Кубани или же принадлежать к кругу находок по другую сторону Керченского пролива, где ученый вел раскопки в том же сезоне (Бобринский, 1913. С. 127–139).

В 1909 г. В. В. Шкорпил раскопал в Керчи курган, в котором помимо целых металлических изделий были найдены фрагменты краснофигурной гидрии с полихромией и позолотой (Петракова, 2024). Ее послали в ИАК в виде 49 обломков (в 1912 г. их передали в Эрмитаж). Фрагментированное состояние находки не помешало В. В. Шкорпилу включить ее в отчет. В сводном отчете о раскопках ИАК в 1909–1910 гг. в числе «предметов древности», которые «интереснее других» (Бобринский, 1913. С. 120), фрагменты вазы описаны так: «обломки большой краснофигурной пелики (sic!) с изображением Зевса, Геры, Аполлона, Афины и Эротов» (Там же. С. 124). Она же упоминается в обзоре находок за 1909 г., принадлежащем Б. В. Фармаковскому (Pharmakowsky, 1911. Sp. 209). Ошибочное именование «пеликой» связано с тем, что росписи на ней сравнивали с росписями на пеликах, ранее опубликованных в Отчетах ИАК.

Пелика Т.Н.360 склеена из фрагментов. В бумагах речь должна идти о находке и последующей отправке в ИАК *нескольких десятков фрагментов*, в которых с легкостью можно было бы узнать не только части краснофигурной пелики, но и представленных в росписи персонажей: Диониса, менад, сатиров, Эрота, как это было с гидрией В. В. Шкорпила. В изученных к настоящему моменту бумагах о раскопках Н. И. Веселовского с 1905 по 1917 г. ничего похожего найти не удалось.

На обороте титульного листа выпуска Известий ИАК за 1918 г., в котором М. И. Ростовцев впервые опубликовал пелику, указано: «Когда настоящий выпуск „Известий“ оканчивался печатанием, 30 марта (ст. ст.) 1918 г. скончался на 70-м году жизни старший член Археологической Комиссии, заслуженный профессор Николай Иванович Веселовский». Поэтому подтвердить или опровергнуть информацию о пелике, приведенную в статье М. И. Ростовцева, по выходу ее из печати он не мог.

Пелика и вопрос о локализации Танаиса

Важно, что наша пелика для М. И. Ростовцева является аргументом в споре по поводу локализации Танаиса, ведь ее находка свидетельствует в пользу мнения ученого о Танаисе-Недвиговке, существовавшем еще в IV в. до н. э. «Об истории древнего Танаиса я говорю подробно в своей готовой к печати книге „Исследования по истории Скифии и Боспорского царства“» (Ростовцев, 1918. С. 24, сноска 1), — писал он в статье 1918 г. В этой книге, вышедшей в 1925 г., он писал: «Напомню, что результаты исследований Веселовского около Недвиговки не подтвердили защищаемого, между прочим, и А. А. Миллером мнения о том, что древний Танаис не идентичен с Недвиговским городищем, а находился на месте Елисаветовского городища, где Миллером производились раскопки повторно. Снова укажу на то, что Н. И. Веселовским найдены около Недвиговки не только погребения римского, но и ряд погребений эллинистического времени. Возстановление, осуществленное в последнее время, одной вазы из раскопок Веселовского дало, кроме того, указание и на существование погребений IV в. (до н. э. — А. П.) в том же некрополе (типичная краснофигурная пелика позднего стиля, но не позже конца IV в. до Р. Хр.)» (Ростовцев, 1925. С. 529).

А. А. Миллер в 1908 г. вел раскопки у станицы Елисаветовской (Бобринский, 1912. С. 129–132; 1913. С. 141–146), он полагал, что Танаис был именно там (о специфике раскопок см.: Бойко, 2023), а не в Недвиговке, где Танаис находился по мнению Н. И. Веселовского. А. А. Миллер, ссылаясь на «Скифию и Боспор» М. И. Ростовцева, упоминает открытые в некрополе около Недвиговки погребения эллинистического времени, в одном из которых найдена «типичная краснофигурная пелика позднего стиля, но не позже IV в. до Р. Хр.» (Миллер, 1926. С. 101). Эта находка не противоречит его идее о том, что Танаис — это Елисаветовское городище, а не Недвиговка, ведь находки вещей IV в. до н. э. «являются почти исключениями в общей массе культурных остатков, относящихся <...> к римской эпохе» (Там же. С. 102). То есть в 1926 г. А. А. Миллер не возражал против информации М. И. Ростовцева о том, что Н. И. Веселовский нашел пелику в Недвиговке. Со ссылкой на статью Ростовцева 1918 г. упомянул нашу пелику и С. А. Жебелёв: «Факт находки краснофигурной пелики, относящейся не позднее как к концу IV в., около Недвиговки, свидетельствует, что последняя была обитаема значительно ранее того, как на месте ее возник эмпорий, перенесенный из ст. Елизаветовской» (Жебелёв, 1934. С. 39, сноска 2).

Однако в 1935 г. Т. Н. Книпович указала: «Ростовцев повторно упоминает о восстановлении найденной в Недвиговке краснофигурной вазы IV в. до н. э.», но, «как мне сообщил А. А. Миллер, указание это основано на недоразумении. Данная ваза вовсе не происходит из Недвиговки, в число недвиговских находок попала ошибочно, и недоразумение это было выяснено еще в 1919 г. на заседании, на котором был заслушан доклад об этой вазе» (Книпович, 1935. С. 192, примеч. 1). Эта информация, очевидно, противоречит словам А. А. Миллера из его публикации 1926 г. Тем не менее в ИИМК РАН были изучены журналы и протоколы заседаний Отдела III древностей античных и христианских за 1919 г. В наличии имеются документы с января по июль, более поздние дела в настоящее время не выдаются, а протоколы за 1918 г. утрачены, о чем сказано в описи 1950 г. В журналах и протоколах есть информация о панафинейской амфоре и краснофигурном кратере из раскопок Н. И. Веселовского в Елизаветинских курганах и краснофигурном лекифе из его покупок. В Восточном отделе обсуждался вопрос о регистрации предметов из коллекций Н. И. Веселовского и о необходимости их фотографировать силами фотографа И. Ф. Чистякова (1919. Д. 95. Л. 4об.). Информации по поводу слышанного А. А. Миллером доклада о нашей пелике обнаружить не удалось. В Журнале совещания Отдела III от 26 марта 1919 г. (1919. Д. 96. Л. 9–12об.) имеется записка С. С. Лукьянова: «За отчетный период мною разбирались вещи, происходящие из раскопок Н. И. Веселовского, производившихся в 1898–1918 гг. Значительная часть вещей, находившаяся в большом беспорядке, без сколько-нибудь точных указаний на время и место их происхождения, мною отождествлена с данными из соответствующих отчетов <...> удалось иногда на основании совершенно случайных признаков распределить вещи между следующими годами и местами раскопок (перечислены места раскопок с годами с 1898 по 1917. — А. П.) <...> выделены были вещи, происходящие из раскопок 1918 г., разбор коих пока отложен в надежде на получение каких-нибудь печатных материалов Н. И. Веселовского» (Там же. Л. 9об.). «В заключение укажу, что, несмотря на все усилия, два лотка (sic!) с вещами обычного типа (наконечники стрел, обломки железных печей, черепки глиняной посуды, прясла и пр.) не удалось приурочить к определенным раскопкам» (Там же. Л. 10–10об.).

Т. Н. Книпович вернулась к вопросу о пелике в 1949 г.: «Наличие в Недвиговском городище материала более раннего, чем относящийся

к первым векам н. э., подчеркивалось — при этом упорно и повторно — одним Ростовцевым, другие исследователи или вовсе не упоминали о такого рода находках <...>, или, признавая их наличие, указывали на их незначительный процент по сравнению с более поздним материалом» (Книпович, 1949. С. 12). И далее: «...я уже говорила, что по указанию А. А. Миллера ваза эта происходит вовсе не из Недвиговки, и в число недвиговских находок попала по недоразумению», хотя «сейчас трудно отстаивать верность устного сообщения А. А. Миллера: ни А. А. Миллера, ни Н. И. Веселовского, которые могли бы сообщить нам точные сведения о данной находке, уже нет в живых» (Там же. С. 45). Поскольку «Ростовцев определенно говорит о данной вазе как происходящей из раскопок Н. И. Веселовского в Недвиговском некрополе, я вновь просмотрела все решительно имеющиеся налицо материалы по этим раскопкам, <...> имеющиеся в архиве ИИМК им. Н. Я. Марра (собранны в делах №№ 60/1908 и 41/1909). Нигде нет ни одного упоминания не только о разбитой краснофигурной вазе, но даже хотя бы об одном краснофигурном обломке» (Там же. С. 45). «Считать это случайностью совершенно невозможно», ведь «невероятно, чтобы Н. И. Веселовский, принявший теорию о соответствии Недвиговского городища именно позднему „возобновленному“ Танаису, просто забыл упомянуть о принадлежащих целой краснофигурной вазе черепках, находка которых должна была бы заставить его пересмотреть свой взгляд» (Там же. С. 45, 46). При этом Т. Н. Книпович справедливо отмечает, что, хотя большинство материалов в Недвиговке относится ко времени более позднему, среди «достоверных находок из некрополя Недвиговского городища» есть два предмета, которые «относятся еще к VI в. до н. э.; близкому времени (не позже V в. до н. э.) принадлежит и третий. Какая-то жизнь, очевидно, была здесь и в это время — если не жизнь торгового города, то жизнь местных племен, может быть, имевших здесь или поблизости свое поселение» (Там же). Иными словами, полностью исключить вероятность происхождения пелики оттуда на данный момент не представляется возможным.

Напомню, что при раскопках Южного Елизаветинского кургана Н. И. Веселовский возторгался панафинейской амфорой, которую был даже готов везти в Петербург лично в пассажирском вагоне (1913. Д. 232. Л. 20об.). Она многократно описана в рукописных документах и сразу была опубликована. А вот фрагменты краснофигурных кратера и гидрии из раскопок того же

кургана (Рябкова и др., 2024) почти не удостоились его внимания. На рисунке, фиксирующем расположение находок в погребении, об обеих вазах сказано: «большой разбитый сосуд» (1913. Д. 232. Л. 156). В журнале и опубликованном отчете о раскопках они обозначены: «черепки посуды простой и чернолаковой с желтыми фигурами» (Там же. Л. 151об.). Так что, может статься, что в журналах раскопок Н. И. Веселовского фрагменты пелики и описаны, но узнать их по столь скупому описанию не получится ни в материалах из Недвиговки, ни в любых других.

Пелика, все с теми же сведениями про Недвиговку, была опубликована К. Шефолдом в 1934 г. (Schefold, 1934. S. 54, Nr. 502, Taf. 31, 3, 4), а из относительно недавнего — П. Валаванисом (Βαλαβάνης, 1991. Σ. 249, πίν. 152, α, β) и Й. Мак-Фи (McPhee, 2018. P. 76, note 36, no. 8, tav. IX, figs. 18, 19); оба ссылаются на книгу К. Шефолда. В электронной базе данных архива Дж. Бизли в карточке на пелику (BAPD 9049171) приведены инв. № Т.Н.360 и № 7634; имеется ссылка на статью Мак-Фи, в графе происхождение указано «Южная Россия, Керчь». При этом у К. Шефолда написано: «Nedwigoffka, Donmündung (wahrscheinlich Stelle des alten Tanais)» (Schefold, 1934. S. 54, Nr. 502), даны ссылки на обе работы Ростовцева. Откуда К. Шефолд взял информацию о том, что наша пелика была «Kurz vor dem Krieg gefunden» (Ibid.), неизвестно. Раскопки Н. И. Веселовского в Недвиговке велись в 1908–1909 гг., не так уж и «незадолго» до начала Первой мировой войны. Если бы пелику нашли в 1912–1914 гг. (то есть в те годы, когда Н. И. Веселовский исследовал Елизаветинские курганы, в частности — Южный и Северный), такое определение было бы более обоснованным. По-видимому, уже к началу 1930-х гг. нельзя было получить никаких точных сведений по этому вопросу.

Роспись

Начиная с К. Шефолда, пелику ассоциировали с так называемым Мастером свадебного шествия (Maler des Hochzeitszugs; с библиографией см.: McPhee, 2018). В настоящий момент становится очевидно, что речь должна идти о продукции не одного вазописца, а мастерской, работавшей не позже второй четверти IV в. до н. э. (Букина, 2023б; Петракова, 2024. С. 76–78), а не в 320–310-х гг. до н. э., как считалось ранее.

Для аттических vaz с полихромией и позолотой плохая сохранность характерна; вазы, на которых сохранились две-три краски разного цвета, да еще и на больших поверхностях (рис. 3, 1–4),

редки. Из найденных на Боспоре более 60 vaz такого типа только некоторые сохранили цветные детали; в большинстве случаев «выявить эту особенность росписи позволяют зарезервированные под накладные краски участки поверхности» (Букина, 2023г. С. 143; Петракова, Григорьева, 2026). Возможно, одежда у менады с тимпаном на нашей пелике (рис. 3, 5) некогда была голубого цвета, как на аналогии в Афинах (см.: McPhee, 2018. P. 75, figs. 11–14, с библиографией; BAPD 5702) (рис. 3, 1). Анализы пигментов, взятые с подобных vaz в разных музеях мира, показывают, что это — египетская голубая (Букина, 2023а). Под воздействием высокой температуры египетская голубая может трансформироваться в такую бордово-фиолетовую, остатки которой мы видим на нашей пелике в районе коленей на одежде менады с тимпаном. Подобный случай трансформации описан, например, в статье о белофонных лекифах, которые были разбиты и сожжены вместе с телом усопшего при температуре 900–1000 °C (Walton et al., 2010). Краснофигурная роспись, закрепленная обжигом при 800–950 °C, может при таких обстоятельствах потемнеть (такие участки есть на фрагментах нашей пелики), полихромные же росписи, выполненные после обжига, страдают значительно сильнее. В случае с позолотой, даже если она полностью исчезла, на вазе по-прежнему хорошо виден сделанный под нее рельеф из полужидкой глины (о технике см.: Букина и др., 2025). Тирс в руке и венки на голове Диониса; крылья Эрота и ожерелье в его руке; ювелирные украшения менады с тимпаном и кромка тимпана; серьга у менады, танцующей слева; серьга и лента на голове женщины с закрытым лицом (Петракова, 2023); орнаменты на шейке на стороне А и под ручками пелики (рис. 4, 1) были дополнены позолотой по невысокому рельефу из глины. На стороне Б позолотой был дополнен тирс, а также овы в орнаменте на шейке (рис. 4, 2).

Очевидно, в момент создания наша пелика была столь же прекрасна, как пелики в Афинах (рис. 3, 1, 2), Малибу (см.: McPhee, 2018. P. 76, 77, figs. 15–17, с библиографией; BAPD 13371) (рис. 3, 3) и Нью-Йорке (BAPD 230447) (рис. 3, 4). Менада с тимпаном была в синей одежде (рис. 4, 1). Полихромным, очевидно, был и тимпан, который вполне мог быть выкрашен киноварью (ср. тимпан на лекифе из некрополя Аполлонии: Аполлония Понтийская, 2019. С. 160, 161, кат. 147). Количество использовавшихся на краснофигурных полихромных вазах красок ограничено в основном голубой, ярко-красной и зеленой. Сочетание же киновари с египетской голубой характерно для

Рис. 3. Краснофигурные пелики с полихромным декором и позолотой: 1, 2 — инв. № 1718 в Национальном археологическом музее в Афинах, сторона А (2) и фрагмент стороны Б (1); 3 — инв. № 83.АЕ.10 в Музее П. Гетти в Малибу, сторона А; 4 — инв. № 06.1021.195 в Музее Метрополитен в Нью-Йорке, сторона А; 5 — ГЭ, инв. № Т.Н.360, часть росписи на стороне А

Fig. 3. Red-figure pelikes with polychrome decoration and gilding: 1, 2 — Inv. No. 1718 in the National Archaeological Museum in Athens, side A (2) and a fragment of side B (1); 3 — Inv. No. 83.AE.10 in the Getty Museum in Malibu, side A; 4 — Inv. No. 06.1021.195 in the Metropolitan Museum of Art in New York, side A; 5 — State Hermitage Museum, Inv. No. T.H.360, part of the painting on side A

Рис. 4. 1, 2 — пелика Т.Н.360, развертка-реконструкция росписи, выполненная А. Г. Букиной в 2026 г. (1 — сторона А, 2 — сторона Б); 3 — пелика инв. № 1718 в Национальном археологическом музее в Афинах, сторона Б, фотография

Fig. 4. 1, 2 — pelike T.H.360, unfolded reconstruction of the painting by A. G. Bukina in 2026 (1 — side A, 2 — side B); 3 — pelike Inv. No. 1718 in the National Archaeological Museum in Athens, side B, photo

греческого искусства: от живописи до росписей скульптуры и ваз (см.: *Петракова, Григорьева*, 2026, с библиографией). Крылья Эрота помимо множества позолоченных элементов могли быть дополнены голубой краской, как на лекифах из некрополя Аполлонии (оба хранятся в Созополе, см.: Аполония Понтийска, 2019. С. 160, 161, кат. 147; 186, кат. 199), на гидриях из Киренаики (обе в Лувре, см.: BAPD 230505, 230507), на лекане из Горгииппии (ГЭ, инв. № Гп.1882.62; BAPD 26173) и других вазах.

Композиции росписей стороны Б нашей пелики (рис. 4, 2) и пелики в Афинах (рис. 4, 3) похожи. Отличается поза сатира, танцующего слева. Кроме того, на пелике в Афинах изображен Эрот, отсутствующий на нашей. Зато на нашей представлена птица, причем она вполне могла быть голубого цвета (ср. птицу на хоусе из некрополя в Калафате (Аполония Понтийска, 2019. С. 385, кат. 466)).

Названные пелики в Афинах, Малибу и Нью-Йорке близки нашей по форме и орнаментам, использованным для декора второстепенных частей;

на всех росписи дополнены полихромией и позолотой. Антуан Лебель в неопубликованной диссертации пересмотрел атрибуции Мастеру свадебного шествия (об этом см.: McPhee, 2018). У него пелики из Афин, Малибу и наша приписаны Мастеру Суда Париса (The Judgement of Paris Painter). Мы с ним согласны, хотя считаем, что остальные вазы бывшего Мастера свадебного шествия с Мастером Суда Париса непосредственно связаны, то есть речь, как было сказано, должна идти о *мастерской*, а не мастере. Пелика же в Нью-Йорке (рис. 3, 4), как и пелики инв. № ГР-163 в Эрмитаже (Петракова, Григорьева, 2026. Рис. 3, 2) и инв. № Q5590 в Археологическом музее Стамбула (BAPD 230444), орнаменты на шейке которых сходны с орнаментом на шейке нашей, приписаны Мастерской амазонок; ее предметное изучение — дело будущего (Петракова, Григорьева, 2026).

Полихромные краснофигурные вазы — гораздо более редкая разновидность афинских ваз IV в. до н. э., чем просто краснофигурные с дополнениями белой краской и/или позолотой. «Полихромия появилась в практике только части афинских гончарных мастерских», каковых было не более полудюжины; «яркость облика выделяет эти вазы на фоне другой краснофигурной продукции керамической индустрии Афин IV в. до н. э.» (Букина, 2023а. С. 72). Полихромные краснофигурные вазы найдены в Аттике, Коринфе, Беотии, на Родосе, Крите, Эвбее, в Киренаике, Кампании, Македонии и Фракии (Там же. С. 73), «около 60 подобных ваз и фрагментов <...> считаются найденными на Боспоре», причем «все образцы, для которых известны обстоятельства находки (около 90 %), происходят из погребений» (Букина, 2023г. С. 143). В результате раскопок на Юге России наиболее значительное количество находок подобных ваз происходит из Пантикапея и окрестностей Керчи, также известны находки на землях к востоку от Керченского пролива: в Горгиппии, Гермонассе, Фанагории; отдельные экземпляры обнаружены в кургане Большая Близница, Зеленском кургане (Букина, 2023в). К настоящему моменту пелика Т.Н.360 — единственная ваза подобного типа, так или иначе ассоциированная с Недвиговкой в Донской области. Этот факт заставляет задуматься о словах Т. Н. Книпович, пусть их не удалось подтвердить или опровергнуть, впрочем, как и слова М. И. Ростовцева.

Гипотезы происхождения

Если наша пелика не из Недвиговки, а с Боспора или с Кубани — она прекрасно встраивается в ряд аналогичных краснофигурных аттических ваз

с полихромным декором из находок по обе стороны Керченского пролива. Если же она действительно из Недвиговки, это была бы, не побоюсь этого слова, сенсация, поскольку так далеко на северо-восток от Керченского пролива подобные вазы пока что не находили. Из Елизаветовского городища и близлежащего могильника происходят краснофигурные кратеры с дополнительной белой краской (Копылов, Русакова, 2019), краснофигурные скифосы (например: Миллер, 1910. С. 111, рис. 15; ныне: ГЭ, инв. № ТЕ.1912/13.65), сетчатые лекифы (Там же. С. 107, рис. 13, 7), являющиеся аттическими изделиями IV в. до н. э. Найдено множество чернолаковых сосудов разного времени (Там же. С. 107, рис. 15, 1–6, 8–13), в том числе такие, на которых есть следы использования (Егорова, 2019). Есть находки керамики «западного склона» (Егорова, 2020), аттическая черно- и краснофигурная керамика V в. до н. э. и более позднего времени (см.: Брашинский, 1976; 1980. С. 48–65), но не краснофигурные вазы с полихромией и позолотой.

В свете сказанного не исключено, что пелика не имеет отношения к раскопкам на Дону, а происходит, к примеру, с территории Кубанской области, где такие вазы неоднократно находили, а ситуация с грабительскими раскопками в 1900–1910-е гг. была даже более удручающей, чем на западном берегу Керченского пролива, на что неоднократно жаловался в ИАК В. В. Шкорпил. В рапорте от 4 мая 1907 г. он докладывал: «В окрестностях Тамани, между Лысой горой и морем, в особенности же возле Южного кордона, построенного на Тузлинском мысу, происходит археологический грабёж, достигший ужасающих размеров», эти места «пестреют выброшенною землею ям, в большинстве которых заметны признаки разграбленных каменных и земляных гробниц», таких ям он насчитал более 200. Причем «по словам сбежавшихся пастухов, присутствовавших при расхищении некрополя, каменные гробницы оказывались раззоренными в древнее время, в земляных же попадалась глиняная посуда и кое-где и золото» (1907. Д. 6. Л. 68). «По размерам вырытых ям и вообще всей работы видно, что древний некрополь расхищался шайкой кладоискателей, состоящей, по крайней мере, из 10–12 человек», причем те, имена которых удалось установить, «не подозревая, что они нарушают закон», приходили к нему и «наивно предлагали купить у них древности», а на его вопрос «кем разрешены раскопки, казак Рябушка ответил, будто в „Кубанских Ведомостях“ появилась заметка, что в виду неурожая, постигшего в прошлом

году Таманский полуостров, разрешено выкапывать древности всякому, кто хочет заняться этим делом» (Там же. Л. 68об.). В рапорте от 12 марта 1912 г. В. В. Шкорпил констатировал, что «в течение последних осени и зимы деятельность кладоискателей» на Таманском полуострове «достигла своего апогея» (1912. Д. 4. Л. 36–36об.). Грабителей прежде всего интересовали золотые вещи, керамику же они могли просто выбрасывать. Так, при нелегальных раскопках Зеленского кургана «части сосудов (то есть разбитых в тризне краснофигурной амфоры с полихромией и позолотой инв. № Зел.4 и чернолаковой амфоры инв. № Зел.3. — *Примеч. А. П.*) погибли безвозвратно, потому что таманские счастливцы из казаков одни черепки забросили, как ненужную вещь, другие же отдали детям в виде игрушек» (1913. Д. 4. Л. 2). Можно только вообразить, какое количество неучтенной расписной керамики пропало или же сохранилось, но потеряло информацию о месте ее находки при перепродаже. Некоторые из кладоискателей сотрудничали с В. В. Шкорпилем, однако и они основное внимание (в том числе — в бумагах) уделяли драгоценным вещам, а не керамике. Так, в прошении от граждан станицы Тамань Кубанской области А. А. Дротенко, И. И. и А. И. Черноморченко, полученном ИАК 30 июня 1917 г., сказано, что 22 мая 1910 г. они «в подошве кургана, разобранного жителями станицы для выделки самана» случайно нашли «гробницу времен Александра Македонского», в которой «оказалось много золотых древних вещей», а к ним «было много разной чернолаковой (так в документах тех лет называли и чернолаковую, и краснофигурную керамику. — *Примеч. А. П.*) посуды приблизительно (sic!) около пуда. Посуда не внесена в опись» (1910. Д. 130. Л. 52–52об.).

Т. Н. Книпович два раза использует формулировку «пелика не из Недвиговки». Из этого утверждения не явствует, что она «не из раскопок Н. И. Веселовского». В его отчетах о раскопках в разных местах с 1905 по 1917 г. керамика регулярно описана, но в большинстве случаев недостаточно подробно: «по дну гробницы группами попадались черепки глиняных сосудов, как бы растоптанные ногами <...> Когда в Петербурге черепки были склеены, то получились сосуды с незначительными дефектами» (1912. Д. 73. Л. 6). Или: казак Ефим Олейников на своем участке «при обработке кургана под огород» кроме «кольчатого панцыря» также «обнаружил много глиняных черепков от амфор. Эти черепки попадались на поверхности кургана» (1907. Д. 2. Л. 50об.). Северный Елизаветинский курган Н. И. Веселовский раскапывал «в надежде найти не взятые грабителями

древности, напр. глиняную посуду» (1914. Д. 61. Л. 11). Где сейчас «мелкие куски от росписного кратера», найденные в яме вместе с «железными ободьями от колес» (Там же. Л. 16), — непонятно. А ведь были еще «глиняные сосуды, раздавленные землею» (1915. Д. 39. Л. 50б.), и «тарелки и сосуды из глины, раздавленные при обвале обрыва» (Там же. Л. 7). Вспоминая описанную выше ситуацию с фрагментами из Южного Елизаветинского кургана, из которых собраны краснофигурные кратер и гидрия, мы не можем полностью исключить возможность происхождения фрагментов нашей амфоры оттуда или из других подходящих по времени и месту раскопок Н. И. Веселовского.

Также фрагменты нашей пелики могли быть покупкой, поскольку Н. И. Веселовский, как и многие сотрудники ИАК, приобретал древности у разных продавцов, которые зачастую не хотели рассказывать о месте находки (1907. Д. 10. Л. 1–10б.). Кроме того, можно отметить некоторый беспорядок в бумагах, например, в «Перечневой описи предметам древности, доставленным Н. И. Веселовским, из раскопок, произведенных в 1910 г.» внезапно оказались «амфора с пришитым дном, черепки от амфор, тонкий разбитый сосудец» и прочее с происхождением «1909 г. Ст. Недвиговка» (1910. Д. 52. Л. 106–107).

Иногда вещи отправляли в ИАК через несколько лет после находки, а также забывали, как, например, груз «под наименованием „осколки глиняной посуды“», который не был оплачен при отправке из Саратова, вследствие чего его собирались продать с торгов 6 февраля 1913 г. как «залежавшийся» (1913. Д. 6. Л. 11).

Случались и потери груза при пересылке вещей в Петербург. Показательно «недоразумение» с посылкой Н. И. Веселовского из Екатеринодара, про которую 17 августа 1913 г. он писал И. С. Сутоло (о нем см.: Императорская..., 2019. С. 269): «Я не помню сейчас, было ли 2 ящика или 3, так как часть вещей осталась в Екатеринодаре. На днях кончаю работы <...> и тогда узнаю точно: произошла ли ошибка в весе или пропал ящик. Мне кажется, что ошибка в весе возможна. Были отправлены черепки глиняных сосудов и медные украшения удил, то есть предметы для воров не ценные, но очень важные для нас. При вскрытии будет видно, все ли цело, или что похищено. Если похищено, то, конечно, медь. Только хищники обыкновенно вес пополняют» (1913. Д. 232. Л. 184–185). 7 сентября 1913 г. Н. И. Веселовский все уточнил и удивился: «Из Екатеринодара отправлено мною шесть ящиков; все они были обшиты или рогожей, или холстом. Почему Вы телеграфировали о двух, я не знаю» (Там же. Л. 186).

Куда делись четыре ящика — не очень понятно. Зато понятно, что при всех описанных обстоятельствах затруднительно идентифицировать фрагменты нашей пелики на основании сохранившихся документов.

В 1949 г. Т. Н. Книпович сетовала, что и Н. И. Веселовский, и А. А. Миллер уже умерли, так что у них и не спросишь. А вот М. И. Ростовцев — с которого началась загадка нашей пелики — был жив, правда, в 1918 г. он отправился за границу и до самой смерти жил в эмиграции. С другой стороны, даже если Т. Н. Книпович, например, и написала бы ему письмо, вряд ли он бы опроверг информацию из собственных публикаций. Так что с загадкой пелики придется разбираться нам, если это вообще осуществимо.

* * *

Автор выражает огромную благодарность коллегам, без содействия которых это исследова-

ние не было бы возможным. Сотрудникам ОАМ Эрмитажа: хранителю пелики Е. В. Власовой за доброе отношение и разрешение работать с вазой; идейному вдохновителю исследования А. Г. Букиной за консультации по поводу краснофигурных полихромных ваз; главным хранителям ОАМ и ОАВЕС Ю. Г. Семеновой и А. Н. Мазуркевичу за консультации по поводу документов, а также хранителю ОАВЕС Т. В. Рябковой за найденные ею бумаги Г. И. Боровки. Сотрудникам НАРДФ ГЭ, РО и ФО НА ИИМК РАН и лично М. В. Медведевой — за всяческое содействие в поиске документов и терпение. Также автор искренне признателен Т. В. Егоровой (МГУ им. М. В. Ломоносова) за консультации по поводу керамики из Елизаветовского городища и могильника.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

НА ИИМК РАН.

РО. Ф. 1. Оп. 1.

1907. Д. 2: Дело ИАК о раскопках профессора Н. И. Веселовского в Кубанской области. 115 л.; Д. 6: Дело ИАК о продолжении археологических розысканий в Керчи. 394 л.; Д. 10: Дело ИАК о присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Комиссии. 209 л.;

1908. Д. 60: Дело ИАК о раскопках профессора Н. И. Веселовского в Кубанской области и Екатеринославской губернии. 95 л.;

1909. Д. 41: Дело ИАК о раскопках профессора Н. И. Веселовского в Кубанской области. 173 л.;

1910. Д. 52: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в Ставропольской и Таврической губ. и Кубанской обл. 107 л.; Д. 130: Дело ИАК о находках древних предметов в станице Таманской, Кубанской области. 55 л.;

1912. Д. 4: Дело ИАК о раскопках Заведывающего Керченским музеем Древностей. 660 л.; Д. 73: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в 1912 г. 15 л.;

1913. Д. 4: Дело ИАК о раскопках Заведывающего Керченским Музеем Древностей. 258 л.; Д. 6: Дело ИАК с разными бумагами, не составляющими особого дела. 249 л.; Д. 232: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в Кубанской области и Таврической губернии. 195 л.;

1914. Д. 61: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в Таврической губ. и Кубанской обл. 105 л.;

1915. Д. 39: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в Таврической губ. и Кубанской области в 1915 г. 70 л.;

1919. Д. 3а: Журналы Заседаний Правления Российской Государственной Археологической Комиссии с 3 ян-

варя по 13 июня 1919 г. 98 л.; Д. 95: Восточный отдел РАИМК в 1919 году. Протоколы заседаний, материалы к ним, отчеты сотрудников с 11 января по 19 июля 1919 г. 52 л.; Д. 96: Журнал совещания Отдела III древностей античных и христианских. 57 л.

ФО.

Q 425, 26. Раскопки Н. И. Веселовского у Недвиговки /др. Танаис/Донск. обл./С.-Кавказ/1908 г. Пелика краснофигурная склеенная; 1955 г. Опись коллекции негативов и отпечатков к ним Имп. Археологической Комиссии, т. XI, годы съемки: 1915–1917, № 17784–18975.

НАРДФ ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1925/26. Д. 525: О передаче в Эрмитаж картин, скульптур и художественных произведений из разных загородных дворцов и библиотек. 188 л.

Аполония Понтийска, 2019 — Аполония Понтийска. По стъпките на археолозите. Колекции на Лувър и български музеи. София: Фабер, 2019. 524 с.

Бобринский, 1912 — Бобринский А. А. Производство археологических раскопок // Отчет ИАК за 1908 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1912. С. 1–167.

Бобринский, 1913 — Бобринский А. А. Производство археологических раскопок // Отчет ИАК за 1909–1910 гг. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1913. С. 1–193.

Бойко, 2023 — Бойко А. Л. Малоизвестные исследования и находки с Елизаветовского городища и его некрополя в конце XIX — начале XX в. // Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время: Материалы XIII научной конференции с международным участием. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2023. С. 19–24.

- Брашинский, 1976 — Брашинский И. Б. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника // Труды Гос. Эрмитажа. 1976. Т. 17. С. 98–111.
- Брашинский, 1980 — Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.
- Букина, 2023а — Букина А. Г. Аттические краснофигурные полихромные вазы: современная перспектива // Боспорские исследования. 2023. Вып. XLVI. С. 73–91.
- Букина, 2023б — Букина А. Г. Афинский полихромный лебес из некрополя Горгиппии: от новой реконструкции к новой атрибуции // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь; Керчь: Соло Рич, 2023. С. 43–46.
- Букина, 2023в — Букина А. Г. Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 334–336.
- Букина, 2023г — Букина А. Г. Сцены и символы брака: аттические полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре // АВ. 2023. Вып. 41. С. 143–161.
- Букина и др., 2025 — Букина А. Г., Чугунова К. С., Григорьева И. А. О золочении на афинских краснофигурных полихромных вазах IV в. до н. э. // АВ. 2025. Вып. 46. С. 65–79.
- Егорова, 2019 — Егорова Т. В. К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) // Античный мир и археология. 2019. Т. 19, вып. 19. С. 242–257.
- Егорова, 2020 — Егорова Т. В. Керамика с росписью в стиле West Slope из Танаиса // АВ. 2020. Вып. 29. С. 298–307.
- Жебелёв, 1934 — Жебелёв С. А. Боспорские этюды // Известия ГАИМК. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. Вып. 104: Из истории Боспора. С. 7–56.
- Императорская..., 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. В 2 т. Т. 1 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 888 (1616) с.
- Книпович, 1935 — Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 году // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 111–197.
- Книпович, 1949 — Книпович Т. Н. Танаис: историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 176 с.
- Копылов, Русакова, 2019 — Копылов В. П., Русакова А. А. Греческие краснофигурные кратеры из Елизаветовского городища // Херсонесский сборник. 2019. Вып. XX. С. 93–98.
- Лукьянов, Гриневич, 1916 — Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1915 (МАР; № 35). 144 с.
- Миллер, 1910 — Миллер А. А. Раскопки в районе древнего Танаиса // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 86–130.
- Миллер, 1926 — Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. // ГАИМК. Сообщения. Т. 1. Л.: Издание ГАИМК, 1926. С. 71–142.
- Петракова, 2023 — Петракова А. Е. Женщина с закрытым лицом: редкий мотив на афинских вазах из боспорских находок // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 337–343.
- Петракова, 2024 — Петракова А. Е. Рождение Афины на краснофигурной полихромной аттической гидрии из Пантикапея: редкий вариант иконографии по мотивам декора восточного фронтона Парфенона // Боспорские исследования. 2024. Вып. XLVIII. С. 73–122.
- Петракова, Григорьева, 2026 — Петракова А. Е., Григорьева И. А. Полихромия на афинских краснофигурных вазах IV в. до н. э. с изображением амазонок: технологические и семантические аспекты // М. В. Фармаковский (1873–1946). Антиковед у истоков отечественной археологической технологии: Материалы науч. конф. / Ред. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2026. С. 115–134.
- Пиотровский, 1924 — Пиотровский А. И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // Известия РАИМК. 1924. Т. III. С. 81–105.
- Ростовцев, 1918 — Ростовцев М. И. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области (с 2 рис.) // Известия ИАК. 1918. Вып. 65. С. 22–24.
- Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Лен. гублит, 1925. 621 с.
- Рябкова и др., 2024 — Рябкова Т. В., Петракова А. Е., Букина А. Г. Набор аристократа из Южного Елизаветинского кургана // АВ. 2024. Вып. 44. С. 72–87.
- Тревер, 1922 — Тревер К. В. Краснофигурный лекиф с изображением Артемиды // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 273–286.
- BAPD — Beazley Archive Pottery Database. Oxford, The Classical art research center // URL: <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc>
- McPhee, 2018 — McPhee I. An Attic Red-Figured Pelike in the Abegg-Stiftung // Studi Miscellanei di Ceramografia Greca. 2018. Vol. IV. P. 71–79.
- Pharmakowsky, 1911 — Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1909: Rußland // Archäologischer Anzeiger,

- beiblatt Beiblatt zum Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin: Georg Reimer, 1911. Bd. 25 (1909). Sp. 196–244.
- Schefold, 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: De Gryter, 1934 (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; Bd. IV). 161 S.
- Walton et al., 2010 — Walton M. S., Svoboda M., Mehta A., Webb S., Trentelman K.* Material evidence for the use of Attic white-ground lekythoi ceramics in cremation burial // *Journal of Archaeological Science*. May, 2010. Vol. 37, no 5. P. 936–940.
- Βαλαβάνης, 1991 — Βαλαβάνης Π.* Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π. Χ. αι. Αθηνά, 1991. 354 σ.

“Skythia and Bosphorus” by Mikhail I. Rostovtsev: a riddle of one Attic pelike

A. E. Petrakova⁷

Keywords: Athenian red-figure vases, excavations of the Imperial Archaeological Comissoin in the beginning of the 20th cent., study of provenance of ancient painted pottery

The red-figure Attic pelike T.N.360 arrived at the Hermitage in 1926 from the State Academy for the History of material culture with the provenance “from the Nikolay I. Veselovsky’s excavations in 1908 at Nedvigovka, Rostov Oblast”. The pelike is an Athenian red-figure vase with additional polychrome decoration and gilding. Simpler vases are known from excavations on the Don, but not like this one. The vase was introduced into scholarly circulation by Mikhail I. Rostovtsev in publications of 1918 and 1925 with the same provenance. T. N. Knipovich, in publications of 1935 and 1949, reported that the pelike was mistakenly included into the Nedvigovka materials, a fact she was personally informed of by A. A. Miller, who heard a report on this in 1919. This article is devoted to the study of archival documents that could shed light on this mysterious story.

⁷ Anna E. Petrakova — The State Hermitage Museum, St. Petersburg; e-mail: petrakova.anna@gmail.com.

Курганный некрополь боспорской элиты у села Глазовка близ Керчи¹

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова²

Аннотация. Исследование посвящено результатам археологических разведок 2009–2012, 2024–2025 гг. курганной группы из 20 курганов, расположенной к западу от села Глазовка (учет. № 1283). Дана характеристика курганной группы. Особое внимание уделено архивным материалам разведок общественного инспектора по охране памятников культуры В. В. Веселова, которые позволяют уточнить место находки золотых бляшек «ахеменидского стиля», ошибочно приписываемых исследователями к вещевому комплексу Баксинского кургана, раскопанного Н. П. Кондаковым в 1882–1883 гг.

Ключевые слова: Керчь, село Глазовка, Баксы, гора Хрони, Баксинский курган, Боспорское царство, раскопки, курганы

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-188-204

Среди археологических памятников погребальной культуры северо-восточной оконечности Керченского полуострова наиболее известными являются комплексы кургана, расположенного на Темир-Горе к северо-востоку от поселка Аджимушкай (Гайдукевич, 1941б; Яковенко, 1972; 1977; Конейкина, 1972; Кузнецова, 2002; Вахтина, 2016а; 2016б; 2017), и кургана у поселка Баксы (современное село Глазовка), сооруженного на вершине горы Хрони (Отчет ИАК, 1891. С. IV–VII, XXX–XXXI; Виноградов, 2011; 2014а; 2014б; Бутягин, 2023).

Глазовское сельское поселение расположено на северо-восточной оконечности Керченского полуострова, у подножия западного склона Хрони.

Село занимает обе стороны обширной балки Баксу³. Современный рельеф представляет собой обширную долину (Глазовскую мутьду), ограниченную с севера и востока мшанково-рифовыми холмистыми грядами Хрони и Юркинской грядой с наивысшей точкой Темир-Гора. Территория Глазовки расчленена многочисленными рукавами балки Баксу, имеющими широтное направление с небольшим смещением к югу. В верховье балки находится ряд источников пресной воды, питающих сохранившийся и ныне Баксинский фонтан⁴. Наличие постоянно действующих источников воды, а также сезонных водотоков стало одним из основных факторов возникновения и развития в этом районе поселенческих

¹ Исследование проведено по плановым темам: Бейлиным Д. В. — «Варварские сообщества Крыма в раннем железном веке: эволюция и трансформация» (№ НИОКТР 124102500891-7); Рукавишниковой И. В. — «Культуры и культурные общности Циркумпонтийской зоны и прилегающих областей в эпоху палеометалла и раннем железном веке: контакты, традиции и инновации» (№ НИОКТР 126011315523-4).

² Бейлин Д. В. — Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Республика Крым; e-mail: denis_beylin1979@mail.ru; denis.beilin@yandex.ru. Рукавишникова И. В. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru.

© Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., 2026

³ Балка Баксу относится к группе рек Керченского полуострова. Начало балки находится севернее Глазовки. Она тянется через село, на юго-восток, водоток впадает в отделенное от Керченского пролива Целимберной косой озеро южнее села Жуковка, в районе Керченской переправы. Длина водотока 7,5 км, площадь водосборного бассейна 17,5 кв. км.

⁴ Фонтан в с. Глазовка является на сегодняшний день единственным сохранившимся старинным фонтаном на всем Керченском полуострове. Это гидротехническое сооружение, использовавшееся для забора воды и водопоя, может быть датировано временем не позднее XVIII в. (зафиксировано на русских картах этого периода).

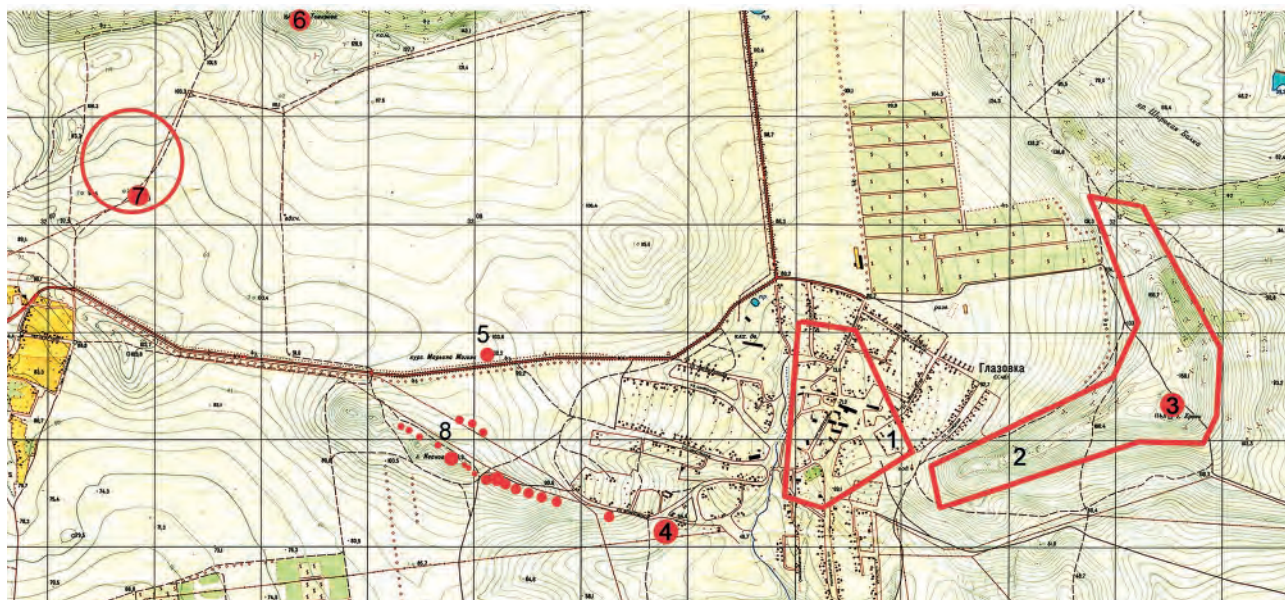

Рис. 1. План расположения указанных в работе археологических памятников в районе села Глазовка: 1 — территория поселений конца VI в. до н. э. — X в. н. э.; 2 — грунтовый некрополь на горе Хрони; 3 — Баксинский курган; 4 — курганная группа из 20 курганов к западу от Глазовки — «Западный курганный некрополь»; 5 — курган Марыина Могила; 6 — Темир-Гора; 7 — некрополь поселения на Темир-Горе I–III вв. н. э.; 8 — склеп, где обнаружены золотые бляшки «ахеменидского» типа

Fig. 1. Location plan of the archaeological sites mentioned in the work in the area of Glazovka village: 1 — area of settlements from the late 6th cent. BC to the 10th cent. AD; 2 — ground necropolis on Mount Khroni; 3 — Baksy burial mound; 4 — a group of 20 burial mounds west of the village of Glazovka — the “Western burial mound necropolis”; 5 — Maryina Mogila burial mound; 6 — Temir-Gora; 7 — necropolis of the settlement on Temir-Gora from the 1st to 3rd cent. AD; 8 — crypt where gold plaques of the “Achaemenid” type were discovered

структур как минимум с эпохи средней бронзы и поныне.

В районе Глазовки зафиксированы разновременные археологические памятники, среди которых поселения, некрополи, могильники и курганы (рис. 1). Наиболее ранние поселения в районе балки Баксу появились в среднем бронзовом веке. Археологическими разведками 2009–2016 гг. зафиксировано по меньшей мере три местонахождения керамики среднего и позднего бронзового века (Бейлин и др., 2010).

В конце VI — первой половине V в. до н. э. у подножия юго-западного склона Хрони возникло крупное поселение, границы которого в настоящее время, к сожалению, должным образом не установлены⁵. В IV–II вв. до н. э. оно занимало

пространство между холмом с современным кладбищем, восточным берегом балки Баксу, старым зданием сельского клуба и библиотеки (Чевелев, 1989; 1990) (рис. 1, 1). Археологический материал IV–II вв. до н. э. встречается также в районе Баксинского фонтана. Этому поселению, без сомнения, принадлежит и некрополь на Хрони.

В I в. до н. э. на мысу в центральной части села было укрепленное поселение, которое, судя по подъемному археологическому материалу, функционировало вплоть до второй половины III в. н. э. Подтверждением этому служит найденный в 1888 г. при очистке водопроводной канавы Баксинского фонтана клад I в. до н. э. из 325 бронзовых монет, большинство которых относились к чеканке Асандра периода его архонства (Отчет ИАК, 1891. С. ССХVI). Керамика I–III вв. н. э. встречается и в юго-западной части села на западном

⁵ Это поселение, возможно, отмечено И. Т. Кругликовой как «Хрони II» (Кругликова, 1975. С. 256). В. В. Веселов в «Сводной ведомости...» отметил это поселение под № 34 (Веселов, 2005. С. 110). Археологические разведки в с. Глазовка проводили А. Е. Кислый, С. А. Шестаков, О. Д. Чевелев в 1987–1989 гг., А. В. Куликов, А. Л. Ермолин, П. Г. Столяренко, а также авторы

настоящей работы. Учитывая довольно внушительную площадь поселения, мы полагаем, что оно играло одну из ключевых ролей в системе административного устройства северо-восточной оконечности европейской части Боспорского царства.

берегу балки в районе сероводородных источников, где расположен один из крупнейших курганов этого района (Веселов, 2005. С. 19).

В центральной части села, помимо фрагментов керамики эллинистического времени и первых веков нашей эры, среди подъемного материала присутствуют фрагменты амфор и салтово-маяцких горшков второй половины VIII — X в. (Бейлин, Пономарев, 2019. С. 191). В 1990 г. О. Д. Чевелевым в траншее между зданиями клуба и библиотеки зафиксированы хозяйственные ямы, прорезавшие культурные слои эллинистического и римского времени⁶. Материалы этого времени отмечаются в юго-западной и юго-восточной частях села на обоих берегах балки.

К востоку от Глазовки на склонах и вершине Хрони, а также вдоль северного и юго-западного ее отрогов расположен обширный некрополь (рис. 1, 2). Большинство открытых могил ограблены в XIX — первой половине XX в. Основная масса погребальных сооружений представляет собой простые могилы прямоугольной формы, вырубленные в скале. В северной и северо-западной частях некрополя преобладают достаточно сложные конструкции прямоугольной в плане и трапецевидной в разрезе формы с прямоугольным узким либо широким дромосом. С конца 1980-х гг. происходило масштабное ограбление некрополя, продолжавшееся вплоть до 2013 г., и оно было не первым. К. Э. Гриневич, посетив гору Хрони, отмечал, что «...на большой возвышенности, известной под названием „Хроновой горы“... было обнаружено ограбленное „счастливцами“ большое древнее кладбище, могилы которого высечены в скале, преимущественно на северной покатости и на вершине горы»⁷ (Гриневич, 1927. С. 49). Основательно разрушены и разграблены курганы, расположенные на вершине гряды к северу и юго-западу от нее.

⁶ «При благоустройстве с. Глазовка от старого клуба до библиотеки весной 1990 г. была прорыта траншея глубиной до 2 м. На всю глубину траншеи залегал позднеантичный слой, прорезанный ямами VIII–X вв. Из подъемного материала происходят несколько фрагментов эллинистических терракот, ножка хиосской амфоры второй четверти V в. до н. э. и ножка чернолакового килика V в. до н. э.» (Чевелев, 1990).

⁷ К. Э. Гриневич отмечает, что «По словам Л. Демиденко, тайно раскапывавшего этот могильник, в 90-х гг. в гробницах находимы были краснофигурные вазы, стекло и финикийские амфориски. Словом, перед нами некрополь V–III вв. до Р. Хр.» (Гриневич, 1927. С. 49). Л. Демиденко — житель с. Баксы.

История археологических исследований

В первой половине XIX в. в районе пос. Баксы раскапывались преимущественно крупные курганы. Установить, кто именно проводил эти работы, трудно. Вероятно, раскопки велись А. Б. Ашиком или Д. В. Карейшей, активно работавшими к северу и северо-востоку от Керчи. С курганами этого района был знаком и П. Дюбрюкс (Дюбрюкс, 2010. Т. 1. С. 283, 333, примеч. 41), однако никаких сведений о раскопках в этой местности нет.

В 1833 г. А. Б. Ашик приступил к раскопкам Царского кургана, где в 1837 г. открыл грандиозный склеп (Гайдукевич, 1981. С. 25–44). В 1834 г. им раскопан курган в деревне Булганак, где в плитовой гробнице был найден краснофигурный сосуд с цепочкой из колец (Марти, 1926. С. 57; Reinach Salomon, 1892. С. LVI). В 1840 и 1842 гг. А. Б. Ашик, продолжив исследование насыпи Царского кургана, одновременно исследовал курганы в Аджимушкае и окрестностях. Так, в 1841 г. им был раскопан курган по дороге в Аджимушкой⁸, а в следующем году — «большой» курган уже в самом селе⁹.

В конце 1830–1840-х гг. район Аджимушка привлек внимание Д. В. Карейши. В 1840 г. в одном из курганов, «неподалеку» от села, он нашел бронзовую гидрию, а при раскопках другого кургана (?) в гробнице, наполненной пеплом, обнаружил золотые ожерелья, запястья, повязки, оленьи головы (Марти, 1926. С. 59).

Важным источником сведений служит карта 1835 г. топографа 2-го класса Литвиненко (Дюбрюкс, 2010. Т. 2. С. 88; ВКИКМЗ, КМТИ–2475)¹⁰ (рис. 2). На ней в районе «хутора Хруньи

⁸ В одной из гробниц кургана найдена «ваза с изображением вакханалии», а в другой гробнице этого же кургана — богатое женское погребение в деревянном гробу. Среди погребального инвентаря перечислены: венок, ожерелье, перстень, серьги, монисто с коробкой в виде бычьей головы, ваза с изображением амазонки на коне (Марти, 1926. С. 60, 61).

⁹ «В пепле костра два ожерелья, серьга в виде амура, золотые маски и запястья» (Марти, 1926. С. 61).

¹⁰ «Топографическая карта окрестностей города Керчи, снятая 1835 года (с означением на онной древних курганов, из коих разрыты для отыскивания древностей показаны красной краскою, а неразрытыя черною), снимал и чертил Топограф 2-го класса Симферопольской межевой комиссии Литвиненко». Л. 6. Ее копия снята Д. В. Карейшей для Ф. А. Жилия «с означением на русском и французском языках местностей, упоминаемых в рапортах об исследованиях древностей и которые большей частью не находятся ни

Рис. 2. «Топографическая карта окрестностей города Керчи, снятая 1835 г. (с означением на онной древних курганов, из коих разрытыя для отыскивания древностей показаны красною краскою, а неразрытыя черною). Снимал и чертил Топограф 2-ого класса Литвиненко». Л. 6: Фрагмент окрестностей села Глазовка (1 — курган к западу от Баксинского фонтана; 2 — курганы 7 и 9 «Западного курганного некрополя»)

Fig. 2. "Topographic map of the environs of the city of Kerch, taken in 1835 (with ancient burial mounds marked on the map, of which those excavated for antiquities are shown in red, and those not excavated in black). Surveyed and drawn by 2nd-class Topographer Litvinenko". Л. 6: Fragment of the environs of the village of Glazovka (1 — burial mound west of the Baksynskiy Fountain; 2 — burial mounds 7 and 9 of the "Western burial mound necropolis")

или Баксы» отмечены три раскопанные насыпи¹¹: один курган — в центральной части населенного пункта, на правом берегу балки Баксу, чуть северо-западнее сохранившегося до настоящего времени фонтана; еще два — к западу, на вершине скалистой гряды (их подробное описание см. далее).

О раскопках курганов в этом районе после 1840-х гг. пока нет сведений, но интерес к погребальным памятникам этой местности, вне всяких сомнений, не угасал. Так, уже в конце 1860-х гг. археологические исследования близ

пос. Баксы и Аджимушкой провел Е. Е. Люценко (Гайдукевич, 1941а. С. 261, 262), а в 1869–1870 гг. к северу от Аджимушкой на вершине Темир-Горы П. И. Хицуновым и А. Е. Люценко были раскопаны курган и остатки укрепленного поселения (Гайдукевич, 1941б; Вахтина, 2017) (рис. 1, б).

К востоку от Глазовки в 1882–1883 гг. Н. П. Кондаковым был раскопан «большой курган, уединенно возвышающийся на хребте, идущем вдоль берега Азовского моря и Керченского пролива, по направлению к Еникале <...> в верхних слоях его, по-видимому, на большом протяжении, рассеяны гробницы, имеющие форму катакомб, высеченных в камне...» (Отчет ИАК, 1891. С. IV). Описания и анализ результатов археологических раскопок Баксинского кургана даны в работах Ю. А. Виноградова (Виноградов, 2011; 2014а; 2014б). Местоположение этого кургана достаточно точно локализуется и в настоящее время (рис. 1, 3), хотя от самой насыпи

на одной карте, изданной для Крыма»; на карте цветом выделены раскопанные к 1834–1935 гг. насыпи (Дюбрюкс, 2010. Т. 1. С. 88).

¹¹ Возможно, на карту нанесены только крупные курганы, уже раскопанные к тому времени. Нельзя исключить и то, что потревоженные насыпи небольших размеров внимание топографа не привлекали и на карту не наносились.

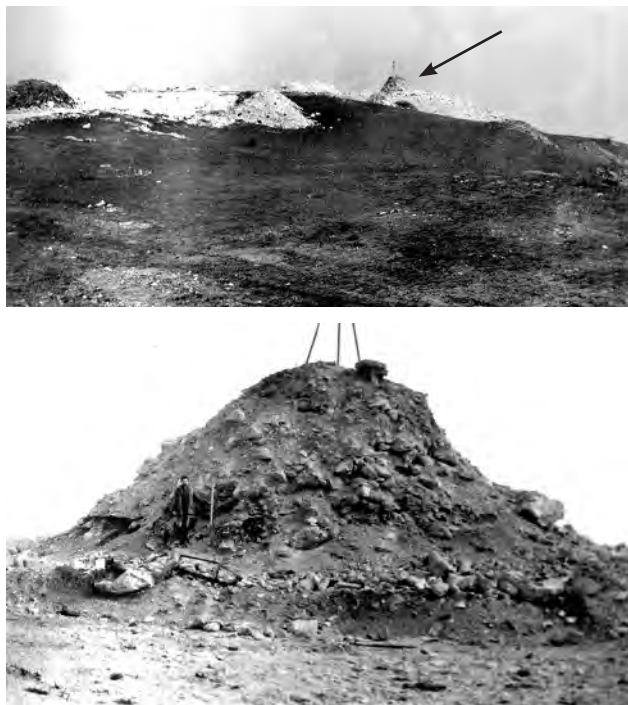

Рис. 3. Остатки насыпи Баксинского кургана.

Фото О. Д. Чевелева, 1989 г.

Fig. 3. Remains of the Baksy burial mound' filling up.

Photo by O. D. Chevelev, 1989

и гробницы практически ничего не осталось¹² (рис. 3).

Осенью 1882 г. по итогу своих разведок в окрестностях Керчи Н. П. Кондаков составил письмо в Императорскую археологическую комиссию (ИАК), где поставил вопрос о «...необходимости расследования всех больших курганов в наиболее отдаленных местностях Керчь-

¹² «Весной 1988 года на вершине горы Хрони Министерством обороны проведены большие земляные работы. На площади 5–7 га к северу и западу от кургана с триангуляционным знаком снят слой грунта и скалы на глубину до 3 м. На этой площади из грунта и скальной щебенки насыпаны укрытия для техники... Со стороны сельского кладбища по северному склону г. Хрони проложена дорога, ведущая на ее вершину. Курган на высшей точке горы подрезан со всех сторон. Останец имеет размеры ок. 6 × 8 м, высотой ок. 4 м. Средняя его часть выбрана при строительстве в нем блиндажа в последнюю войну. По бокам останца прослеживается первоначальная насыпь кургана, состоящая из необработанных глыб известняка (0,2–0,8 м) и щебенки. Насыпь лежит на слое дерна, покрывавшего выход скалы. В непотревоженной насыпи кургана найдена стенка амфоры V–IV вв. до н. э. (?)...» (Чевелев, 1989).

Еникальского градоначальства...». В этом же документе Н. П. Кондаков указал на необходимость доследования уже раскопанных насыпей, так как в «...полах этих курганов, по всей вероятности, остаются еще боковые гробницы, которые обещают новые находки, чему убедительным примером служит открытие в текущем году каменного склепа в разбитом, по-видимому, кургане за селением Баксы» (ИАК, 2009. С. 310, 311). Трудно представить, что, руководя раскопками кургана на Хрони, Н. П. Кондаков не уделит внимания и другим курганам в окрестностях с. Баксы, тем более что многие к тому времени уже носили следы либо «казенных» раскопок, либо недавних ограблений.

Информация о раскопках ИАК и Керченского музея в районе с. Баксы и пос. Аджимушкай в 1890-х гг. и первой половине XX в. отсутствует. В эти годы небольшие курганы и грунтовые некрополи активно расхищаются «счастливчиками». То же самое происходит с погребальными памятниками в районе пос. Осовины, Юркино и Аджимушкай.

Весной 1914 г. В. В. Шкорпил провел разведочные работы на обширном курганном и грунтовом некрополе, расположенном между Аджимушкаем и Темир-Горой, а летом приступает к его раскопкам (рис. 1, 7). Полученные археологические материалы позволяют исследователю датировать некрополь I–III вв. н. э. Среди находок указаны краснолаковые сосуды и «весьма интересное стекло» (ИАК, 2009. С. 373)¹³.

¹³ Некрополь, исследовавшийся В. В. Шкорпиллом, принадлежит укрепленному поселению, расположенному на Темир-Горе. В настоящее время довольно сложно определить конкретное место раскопок на обозначенной им территории. Однако достаточно точно локализуется участок некрополя I–III вв. н. э. Он расположен в 0,7–1,0 км к юго-западу от Темир-Горы на пахотном поле по левую сторону от грунтовой дороги, ведущей из Аджимушкай к Темир-Горе. Здесь на небольшом участке в 1990-х гг. грабителями вскрыт ряд погребений II в. н. э., совершенных в грунтовых ямах, перекрытых известняковыми плитами. У восточной обочины этой же дороги расположен еще один участок некрополя, который относится к более раннему времени и может быть датирован по подъемному материалу III–II вв. до н. э. Далее к востоку и вдоль скалистой гряды, протянувшейся от Темир-Горы к Глазовке, на обрабатываемом поле расположены распаханые остатки небольших курганных насыпей, подвергшихся, вероятно, повторному ограблению в последние десятилетия.

В 1927 г. К. Э. Гриневич публикует результаты своих археологических разведок побережья Керченского пролива от деревни Осовины до античного городища Мирмекий и Пантикапея, где уделяет внимание и некрополю на горе Хрони и еще раз обращает внимание на остатки Баксинского кургана, раскопанного Н. П. Кондаковым, ничуть не сомневаясь в его местоположении (Гриневич, 1927. С. 49).

В ноябре 1932 г. уполномоченным сектора науки Наркомпроса Ю. Ю. Марти и сотрудниками Московского отделения ГАИМК В. Д. Блаватским и Б. Н. Граковым был составлен «Список древних памятников, подлежащих объявлению заповедниками в городе Керчи и его окрестностях» общим количеством в 45 единиц, куда вошел и курган «в деревне Баксы», но после доработок «Списка...» и отзыва на него П. Н. Шульца Баксинский курган был исключен из него, как и многие «второстепенные» памятники (Панкратова, 2018. С. 75).

Во время Великой Отечественной войны вершины и склоны скалистых гряд, а также курганные насыпи и даже гробницы, расположенные в них, использовались в качестве блиндажей и огневых точек, зачастую связанных между собой траншеями.

В 1949–1950-х гг. самостоятельные археологические разведки на Керченском и Таманском полуострове проводил Василий Васильевич Веселов — общественный инспектор по охране памятников культуры и постоянный сотрудник Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции. Большое внимание уделялось археологическим памятникам северо-восточной оконечности Керченского полуострова, в том числе и окрестностям Глазовки. В 1951–1953 гг. его привлек и курганный некрополь, расположенный между Аджимушкой и Глазовкой.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. при расширении автомобильной дороги Аджимушкой — Глазовка вдоль ее северной обочины А. Е. Кислым доследовались остатки нескольких разрушенных курганов, раскопанных, вероятно, в XIX в. Работы велись от северо-восточной окраины пос. Аджимушкой до кургана Марьяна Могила (рис. 1, 5). В одном из курганов было обнаружено парное погребение со скифским железным мечом (Кислий, Скорий, 1990; Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 57, 58).

В 1988–1991 гг. на территории некрополя Глазовским археологическим отрядом Керченской археологической экспедиции Керченского государственного историко-культурного заповедника под руководством О. Д. Чевелева раскопано и доследовано 52 погребения различных конструкций

(Бейлин, 2016. С. 367–370), датированных V–I вв. до н. э. (Чевелев, 1991; 1997).

На конец XX — начало XXI в. пришелся новый этап разграбления курганов, грунтовых могильников и некрополей поселений и их зольников. Памятники археологии в это время перекапывались большими площадями, иногда с применением землеройной техники. Район Глазовки не стал исключением. Чудовищный размах грабежей фиксируется на некрополе Осовинского городища, на горе Хрони, близ с. Юркино.

Курганная группа к западу от Глазовки (учет. № 3295, 3297, 3299, 3302)

Полевые исследования 2009–2012 (Бейлин и др., 2012. С. 13), 2024–2025 гг.¹⁴

Повторимся, курганная группа расположена западнее Глазовки, на гребне мшанково-рифовой холмистой гряды, протянувшейся на 1,7 км от пос. Аджимушкой (г. Керчь) до Глазовки. Гряда широтного простираения с небольшим отклонением в южном направлении ограничивает Глазовскую (Баксинскую) мульду с юга. Наивысшая точка гряды имеет отметку 129,2 м и обозначена на топографических картах как «гора Иванова». Севернее холмистой гряды проходит асфальтированная дорога Керчь — Юркино. Курганы этой группы раскапывались в XIX в. и не единожды подвергались ограблению. Насыпи и погребальные сооружения сильно пострадали при строительстве блиндажей и траншей в 1941–1944 гг.

В северо-западной части хребта отдельные курганы уничтожены карьером, а в юго-восточной едва читаются в рельефе лишь две насыпи. Несмотря на все разрушения, оставшиеся насыпи впечатляют своей концентрацией, масштабом и погребальными сооружениями, основная масса которых представляет собой каменные склепы с уступчатым сводом перекрытия.

Курган 1 является крайним юго-восточным курганом группы и одним из наиболее крупных. Он расположен южнее ул. Войковской Глазовки. Насыпь возведена на вершине естественного холма, образованного мергелем и мшанково-рифовым известняком. Высота кургана достигает 6–8 м, а диаметр — около 90–100 м. Курган изрыт траншеями времен Великой Отечественной войны и множеством грабительских ям. В начале

¹⁴ Описание курганов и их нумерация даны нами с юго-востока к северо-западу, то есть от западной границы Глазовки к известняковому карьеру, по направлению к Аджимушке.

1950-х гг. в своих письмах директору Керченского музея Ф. Т. Гусарову В. В. Веселов особо выделял этот курган, указывая на наличие культурного слоя, находки плоской кровельной черепицы античного времени, древней гончарной посуды, обломки розовоглиняных амфор II–III вв. н. э. и единичные фрагменты керамики IV–III вв. до н. э.

Приведем полные тексты писем В. В. Веселова Ф. Т. Гусарову.

Директору Керченского музея тов. Гусарову Веселова В. В. сообщение: «29/IV 51 г., вслед за обследованием Темир-Горы, о котором мной будет сообщено в ближайшем будущем, после выяснения некоторых дополнительных деталей, я обследовал отдельно стоящий холм, расположенный на западной окраине поселка Баксы. Наверху этого холма или кургана во время военных действий в Отечественную войну были вырыты окопы. В откосах окопов и на бруствере обнаружено большое количество фрагментов глиняной плоской черепицы. По всей вероятности, на этом месте было древнее здание. Фрагменты древней посуды находятся во многих местах поселения Баксы, так что можно полагать, что Баксинская котловина была заселена не менее 2000 лет тому назад. Холм, на котором найдены следы древнего поселения, быть может, стал холмом в позднейшее время. До устройства искусственной выемки, т. е. прорези для проезжей дороги до Баксов, холм этот был окончательно (мысом) небольшой гряды, южной которой находится логбистая котловина (грязи). 29/V 51 г. Веселов В. В.» (Веселов, 1950–1952а. Л. 48).

Директору Керченского музея тов. Гусарову Веселова В. В. сообщение: «В дополнение к моему сообщению от 29/V 51 г. относительно холма (кургана?), расположенного на западной окраине деревни Баксы, прилагаю при этом фотоснимок. Фотоснимок <...> произведен весной 17/II 52 г. с южной стороны холма. На фотоснимке <...> показан тот же холм, пятый с северо-восточной стороны. Как сообщалось ранее, на этом холме в окопах обнаружено большое количество фрагментов древней плоской черепицы. На фотоснимке <...> показан источник у подножья этого холма с юго-восточной стороны. Источник сильно минерализован и издает сильный сернистый запах. Вода на значительном протяжении источника покрыта голубоватой пленкой-налетом. Некоторые местные жители пользуются водой для лечебных целей. 18/II 52 г. Веселов В. В.» (Веселов, 1950–1952а. Л. 55).

Разведками 2009–2012 гг. в грабительских перекопах северо-западной половины кургана обнаружены фрагменты лепных сосудов, краснолако-

вой керамики и фрагмент дна коричневоглиняной остродонной амфоры II–III вв. н. э. В. В. Веселов предполагал наличие здесь небольшого поселения римского времени. Надежным ориентиром для топографической привязки кургана служат упоминания сероводородных источников, которые и в настоящее время бьют у подножия восточного склона возвышенности (Веселов, 2005. С. 19).

Курган 2. Остатки насыпи этого кургана расположены на восточном пологом склоне холмистой гряды в 250 м к западу–северо-западу (285,63°) от кургана 1, южнее дома 3 по ул. Подгорной Глазовки. Вероятно, насыпь выбрана на грунт или уничтожена местными жителями. Высота не превышает 0,7, а диаметр — 12,0 м. В центре — заплывшая грабительская яма 2,0 × 2,0 м глубиной до 0,2 м. Археологический материал представлен мелкими единичными фрагментами амфорных стенок.

Следующие курганы имеют более отчетливо выраженные в рельефе сохранившиеся насыпи, хотя и основательно поврежденные в ходе сражений Великой Отечественной войны. На отвалах грабительских перекопов встречаются фрагменты обработанных блоков и обломки столовой керамики из тризн и разрушенных погребений.

Курган 3 расположен на восточном склоне гряды в 590 м к северо-западу (286,11°) от кургана 1. Грунтово-каменная насыпь диаметром 12,0 м сохранилась на высоту 0,2–0,4 м. В центре — грабительская яма 4,0 × 3,0 м глубиной 0,7 м. Археологический материал не обнаружен. Остатки погребального сооружения не просматриваются.

Курган 4 расположен в 40 м западней (279,42°) кургана 3. Грунтово-каменная насыпь диаметром около 20,0 м сохранилась на высоту 0,2–0,4 м. В центре — оплывшая грабительская яма 5,0 × 6,0 м глубиной до 0,65–0,70 м. В западном борту ямы прослежена стенка склепа с разбитым перекрытием из каменных блоков. Внешние размеры склепа (с коротким дромосом?) — 2,5 × 3,0 м. Ориентирован склеп по линии северо-юг. Фиксируются развалы щебня, обломки обработанных известняковых плит, бутовый камень, фрагменты стенок оранжевоглиняных амфор (Хиос, Гераклея), мелкие фрагменты чернолаковых сосудов и оранжевоглиняной столовой посуды IV в. до н. э.

Курган 5 расположен в 700 м к северо-западу (285,14°) от кургана 1 и в 55 м к западу от кургана 4. Грунтово-каменная насыпь диаметром 20–24 м сохранилась на высоту до 1 м. В центре — грабительская яма размерами 7,0 × 5,0 м и глубиной до 0,7 м. Сохранились остатки склепа

Рис. 4. «Западный курганный некрополь»: 1, 2 — курган 5 (1 — разрушенный склеп кургана; 2 — вид с юга, деталь оформления склепа); 3, 4 — курган 7 (3 — вид с востока, фото В. В. Веселова, 1952 г.; 4 — фото 2025 г.)
 Fig. 4. “Western burial mound necropolis”: 1, 2 — mound 5 (1 — destroyed crypt of the mound; 2 — view from the south, detail of the crypt’s design; 3, 4 — mound 7 (3 — view from the east, photo by V. V. Veselov, 1952; 4 — photo of 2025)

с уступчатым сводом, сложенным из хорошо обработанных прямоугольных известняковых плит размерами до $1,2 \times 0,3$ м¹⁵. Погребальная камера склепа с остатками конструкции дромоса, пристроенного к ней с юга, сохранилась с первого ряда уступчатого свода на всю свою глубину. Реконструируемая длина склепа составляет не менее 4,0 м, ширина — около 1,5 м. Судя по всему, склеп и дромос склепа имели две закладные плиты. Интересны и архитектурные детали, найденные среди завала дромоса склепа (рис. 4, 1, 2).

Склеп использовался как долговременное укрытие и огневая точка в 1941–1944 гг., о чем свидетельствует ход, проходящий через камеру и дромос на южный склон гряды.

Курган 6 расположен в 720 м к западу (284,72°) от кургана 1 и в 40 м северо-западнее (280,21°) кургана 5. Грунтово-каменная насыпь кургана

диаметром 18,0–20,0 м сооружена над скальным выходом и сохранилась на высоту до 1,5 м. В центре насыпи и в полах кургана грабительских ям не зафиксировано. На поверхности обнаружен немногочисленный археологический материал IV в. до н. э., представленный фрагментами стенок гераклеических амфор, мелкими фрагментами оранжевоглиняной столовой посуды.

Курган 7 (рис. 4, 3, 4) является одним из самых выразительных в этой группе. Он расположен на вершине холмистой гряды в 780 м к западу (286,21°) от кургана 1 и отчетливо просматривается со всех возвышенностей более 130 м на северо-восточной оконечности Керченского полуострова. Его насыпь возвышается над скальным гребнем более чем на 6 м, а ее диаметр составляет порядка 60 м. Через насыпь кургана с запада на восток проходит глубокая траншея раскопок XIX в.¹⁶ шириной 4,0–8,0 м, ее глубина местами

¹⁵ Высоту плит без расчисток установить не представляется возможным.

¹⁶ Вероятно, курган раскопан Д. В. Карейшей до 1835 г.

превышает 2,5 м. Насыпь устроена из каменных глыб, уложенных преимущественно в ее основание, бутового разноразмерного камня и щебнистого грунта. Курган плотным кольцом в несколько ярусов опоясывают линии окопов и котлованы блиндажей. Его центральная часть перекопана грабителями.

Этот курган служит надежным ориентиром для топографической привязки и отмечен на карте Литвиненко 1835 г. как раскопанный (рис. 2). В. В. Веселов считал этот курган перспективным для раскопок, ссылаясь на необычайную сохранность и целостность насыпи. Однако на сделанных им фотографиях отчетливо читается траншея раскопок XIX в. Возможно, в еще не оплывших траншеях и котлованах блиндажей он видел остатки погребальных конструкций, требующих скорейшего археологического исследования, опасаясь их уничтожения вследствие добычи строительного материала местными жителями.

Курган 8 (?) расположен в 35 м к западу от кургана 7, у западной его подошвы. Грунтово-каменная насыпь диаметром 20–25 м и высотой до 2 м. С южной стороны кургана читаются следы окопов, траншей и грабительских ям размерами 4,0 × 3,0 м и глубиной до 0,7 м. Остатки погребальных сооружений и археологический материал в грабительских ямах не фиксируются. Нельзя исключать и то, что насыпь является отвалом грунта, насыпанным при раскопках кургана 7 в 1830-х гг.

Курган 9 расположен в 50 м западней (305,70°) вершины кургана 7. С западной стороны кургана проходит полотно современной грунтовой дороги, пересекающей гребень гряды с севера на юг¹⁷. Эта дорога существовала здесь и в начале XIX в., что отражено на упомянутой карте 1835 г. Литвиненко (рис. 2). Грунтово-щебнистая насыпь кургана диаметром 20,0 м сохранилась на высоту до 1,7 м. Центр насыпи разрушен грабительской ямой размерами 8,0 × 3,7 м и глубиной до 1,5 м. Ямой вскрыты остатки склепа с уступчатым перекрытием, сложенного из хорошо обработанных прямоугольных известняковых плит размерами до 1,10 × 0,30 м (рис. 5).

¹⁷ 24 августа 1953 г. этот и другие разрытые склепы курганной группы были показаны В. В. Веселовым начальнику Боспорской археологической экспедиции В. Ф. Гайдукевичу, а уже на следующий день сотрудниками экспедиции был доследован один из разрушенных склепов, однако его точное местоположение установить пока не удалось.

Склеп и дромос длинной осью ориентированы по линии север–юг. Их стены сложены из тщательно обработанных известняковых блоков прямоугольной формы, идеально подогнанных друг к другу. Дромос склепа расположен с южной стороны погребальной камеры. Он оформлен двумя вертикально поставленными плитами. Прослеженная длина дромоса 0,7 м, ширина — не менее 1,3 м. Камера склепа, прослеженная на длину более 2,0 м, имеет уступчатое перекрытие, сохранившееся на два ряда кладки. Дромос же под земляной насыпью полностью не прослеживается.

На момент осмотра склеп был заполнен грунтом, бутовым камнем и бытовым мусором¹⁸. В северном борту грабительской ямы обнаружен фрагмент нижней части тулова красноглиняного амфориска. На отвалах встречаются человеческие кости и мелкие обломки сосудов из погребений.

Вне всякого сомнения склеп кургана 9 представляет собой хорошо сохранившийся образец погребального сооружения — склеп с длинным дромосом и уступчатым перекрытием на две стороны¹⁹.

Курган 10 расположен в 910 м к северо-западу от кургана 1 и в 130 м к западу (287°) от кургана 7. В 30 м восточней кургана проходит полотно современной грунтовой дороги, пересекающей гребень гряды. Грунтово-каменная насыпь диаметром 14,0–17,0 м сохранилась на высоту до 0,6 м. Вершина кургана уничтожена грабительской ямой размерами 3,5 × 3,0 м и глубиной до 1,0 м. Фиксируются щебень, мелкий бутовый камень и обломки каменных блоков. Обнаружен немногочисленный археологический материал IV–III вв. до н. э.

Курган 11 находится в 945 м к северо-западу (286,84°) от кургана 1 и в 30 м к западу (309°) от кургана 10. Грунтово-каменная насыпь диаметром 12,0 м сохранилась на высоту до 0,2–0,4 м. Насыпь разрушена грабительской ямой размерами 2,0 × 2,0 м, засыпанной современным строительным мусором. Рядом обнаружен немногочисленный археологический материал IV–III в. до н. э.

¹⁸ Краеведы отмечают надпись, сделанную на восточной стене склепа на немецком языке; дату (1942 г.); изображение прямых и косых крестов на восточной и западной стенах склепа.

¹⁹ По соотношению своих пропорций склеп с длинным дромосом имеет черты типа II варианта А и типа III варианта Б с уступчатым перекрытием на две стороны (Савостина, 1984; 1986).

Рис. 5. «Западный курганный некрополь», курган 9: 1–4 — склеп с уступчатым перекрытием. Фото 2025 г.

Fig. 5. “Western burial mound necropolis”, mound 9: 1–4 — crypt with a stepped ceiling. Photo of 2025

Курган 12 расположен в 970 м к северо-западу ($286,64^\circ$) от кургана 1 и в 35 м к северо-западу ($106,55^\circ$) от кургана 11. Насыпь диаметром 14,0 м сохранилась на высоту до 0,2–0,4 м. Вершина кургана уничтожена грабительской ямой размерами $3,5 \times 3,5$ м и глубиной до 0,5 м. На поверхности фиксируются мелкий бутовый камень, фрагменты хорошо обработанных плит, а также археологический материал III в. до н. э. Встречаются фрагменты костей скелета человека.

Курган 13 расположен в 989 м к северо-западу ($286,66^\circ$) от кургана 1 и в 15 м к северо-западу от кургана 12. Грунтово-каменная насыпь диаметром около 17,0 м сохранилась на высоту до 0,4 м. Вершина кургана уничтожена грабительской ямой размерами $3,80 \times 4,00$ м и глубиной до 0,65 м. Яма засыпана современным строительным и бытовым мусором. В пределах насыпи обнаружены фрагменты костей скелета человека.

Курган 14 (рис. 1, 4) расположен в 1,35 км к северо-западу ($286,35^\circ$) от кургана 1. Насыпь кургана из колотого известняка, щебня и дерново-

суглинистого грунта возведена на скальном массиве. Обозначен курган на современных топографических картах как высота 129,2 и носит название «гора Иванова». На северном и южном склонах отчетливо просматриваются линии траншей и окопов 1941–1944 гг. Диаметр основания кургана не менее 50–60 м. Вершина кургана рассечена разломом размерами $5,00 \times 3,80$ м и глубиной до 1,45 м, который местами имеет следы подтесок. В настоящее время трещина частично заполнена бытовым современным мусором и поросла редким кустарником. На поверхности кургана обнаружены единичные мелкие обломки оранжевоглиняной столовой посуды и две стенки красноглиняных амфор. Возможно, разлом использовался в качестве погребального сооружения.

Курган 15 (рис. 6, 1) расположен в 1,117 км к северо-западу ($288,95^\circ$) от кургана 1 и в 95 м к северо-западу (319°) от кургана 14 («гора Иванова»). Грунтово-каменная насыпь диаметром 15,0 м сохранилась на высоту от 0,3 до 1,0 м (с севера). Вершина кургана разрушена грабительской ямой

Рис. 6. «Западный курганный некрополь»: 1 — курган 15, южная стена склепа; 2 — курган 16, восточная стена склепа. Фото 2025 г.

Fig. 6. “Western burial mound necropolis”: 1 — mound 15, southern wall of the crypt; 2 — mound 16, eastern wall of the crypt. Photo of 2025

размерами 5,50 × 3,00 м и глубиной до 0,65 м. Грабителями открыт прямоугольный в плане склеп (каменный ящик), ориентированный по длинной оси в направлении запад–восток. Его длина достигает 3,20 м, ширина — 1,85 м. Стенки ящика сложены из хорошо обработанных известняковых плит размерами 1,30 × 0,25–0,30 м. Полную высоту плит установить не удалось, так как могила частично засыпана мусором и грунтом. Прослеженная высота плит достигает 0,8 м. В грабительском перекопе обнаружены обломки оранжевоглиняных мисок и кувшинов, стенки красноглиняных амфор с неглубоким рифлением по корпусу, фрагмент ручки светлоглиняной узкогорлой амфоры типа В (по Д. В. Шелову) второй половины I — первой половины II в. н. э., а также фрагменты костей скелета человека. При осмотре кургана в 2025 г. плитовая могила оказалась разрушенной землеройной техникой.

Курган 16 (рис. 6, 2) расположен в 1,27 км к северо-западу (289,54°) от кургана 1 и в 155 м к северо-западу (289,29°) от кургана 15. Грунтово-каменная насыпь диаметром не менее 20,0 м сохранилась на высоту до 1,3 м. Вершина насыпи разрыта землеройной техникой не ранее 2023 г. В отвалах фиксируются крупный и мелкий бутовый камень, единичные обломки стенок красноглиняных и оранжевоглиняных амфор IV–III вв. до н. э., кости скелета взрослого человека. Грабительской ямой разрушен прямоугольный в плане склеп, сложенный из тщательно обработанных массивных известняковых плит и блоков прямоугольной формы. Размеры и пространственную ориентацию погребального сооружения установить не удалось.

Курган 17 расположен в 1,312 км к северо-западу (289,89°) от кургана 1 и в 0,2 км к северо-западу (292,39°) от кургана 15. Грунтовая насыпь диаметром не менее 20,0 м разрушена землеройной техникой (не ранее 2023 г.) и сохранилась на высоту до 1,5 м. Основанием кургана служит поверхность известнякового скального пласта. В насыпи фиксируются необработанные камни, фрагменты костей скелета человека и единичные осколки красноглиняных амфор IV в. до н. э.

Курган 18 расположен в 1,333 км к северо-западу (290°) от кургана 1 и в 0,22 км к северо-западу (293,28°) от кургана 15. Грунтовая насыпь диаметром не менее 17,0 м и высотой до 1,5 м разрушена землеройной техникой одновременно с насыпью кургана 17. Она возведена на поверхности известнякового скального пласта. Фиксируются необработанные камни, фрагменты костей скелета человека и единичные осколки красноглиняных амфор и столовых сосудов IV в. до н. э.

Еще раз подчеркнем, что информация о раскопках курганов этой группы отсутствует, а единственным источником для нас остаются краткие публикации результатов археологических разведок В. В. Веселова и его сообщения директору Керченского музея Ф. Т. Гусарову (Веселов, 1950–1952а; 1950–1952б; 2005). Ценность этих сведений велика, даже несмотря на некоторую неточность в определении азимутов и расстояний, порой отсутствие топографических привязок объектов к очевидным, казалось бы, маркерам, в том числе и хорошо выраженным в рельефе ориентирам.

Курган 9 по архивным материалам

В. В. Веселова

Анализ архивных материалов В. В. Веселова позволяет уточнить место обнаружения отдельных знаковых находок (Веселов, 1959. С. 233), которые исследователи относят к вещевому комплексу Баксинского кургана, а именно золотых нашивных бляшек «ахеменидского стиля» (Пругло, 1963; Виноградов, 2014б. С. 515; Трейстер, 2013).

Баксинский курган располагался на вершине Хрони в 1,5 км к востоку от Глазовки (Отчет ИАК, 1891. С. IV; Гриневич, 1927. С. 49; Бейлин, 2016. С. 367), тогда как курган, в поле которого найдены эти бляшки, расположен как минимум в 600–700 м западнее сохранившихся развалин крайнего западного дома по ул. Подгорной Глазовки.

Для того чтобы снять все вопросы относительно места обнаружения известных бляшек и проведения разведочных работ сотрудниками Боспорской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича, приведем полный текст описания «Западного некрополя» у с. Глазовка В. В. Веселова²⁰.

Директору Керченского музея тов. Гусарову Веселова В. В. сообщение: «В дополнение к прежнему сообщению, прилагаю при этом фотографию разрушенного погребения на хребте, расположенного западнее поселения Баксы. Фотографический снимок был произведен осенью прошлого года. Второй снимок представляет собой погребение, снятое 17/II 52 г. При сравнении видно, что погребение кто-то начал уже разбирать. При проходе по хребту в сторону Темир-Горы, примерно 700–800 м от Баксов, было обнаружено кем-то разрытое погребение. Камера четырехугольная, перекрытая плитами. Влезть вовнутрь не удалось вследствие тесноты прохода. При детальном осмотре выброшенной земли были обнаружены две золотые нашивные, штампованные бляшки диаметром примерно 9 мм. Рисунок в виде двенадцатилепестковой звездочки. Погребение расположено с западной стороны кургана. По-видимому, было впускное погребение в основании кургана, который, как мне кажется, еще не вскрывался. Наличие двух склепов на данном хребте показывает, что здесь, по-видимому, был некрополь того древнего поселения, который находился в пределах нынешнего поселка Баксы. 18/II 52 г. Веселов В. В.» (Веселов, 1950–1952б. Л. 54).

²⁰ Материалы архива В. В. Веселова, хранящегося в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, были подготовлены к публикации Н. Ф. Федосеевым и В. Ф. Санжаровцем, но, к сожалению, уход из жизни Н. Ф. Федосеева не позволил пока осуществить задуманное.

«На северо-запад от холма и сернистого источника тянется каменистая гряда, на гребне которой расположен ряд курганов, отсыпанных из грунта и щебня. Обнаруженные остатки склепов свидетельствуют о том, что на этой гряде находится древний некрополь.

В июне 1950 г., примерно в 0,5 километрах от крайнего северного дома поселка Глазовки, на упомянутой выше скальной гряде, был обнаружен небольшой разрытый холмик с остатками склепа [рис. 7, 1].

Быть может, это и есть склеп, который в прошлом столетии был раскопан археологом Люценко. Судя по остаткам, склеп был сложен из хорошо обработанных камней известковой породы желтого цвета. Верхний ряд камней немного нависает над стеной в виде карниза.

Дно склепа было засыпано камнями. На стенах склепа нацарапаны современные надписи и кое-где забиты гвозди. По-видимому, во время Отечественной войны полуразрушенный склеп служил блиндажом. Частичной разборке завала в склепе помешало наличие змей (гадюк).

Состояние склепа при первом посещении (июль 1950 г.) отчасти характеризуется фотоснимком. При вторичном посещении склепа в 1951 году было зафиксировано дальнейшее его разрушение.

В августе месяца 1953 г. стены склепа кем-то были окончательно разрушены [рис. 7, 3, 4]. В данном случае показана типичная картина хищнического уничтожения одного из археологических памятников.

В феврале 1952 г. примерно в 200–300 метрах северо-западнее описанных выше развалин склепа на той же гряде в подошве одного из курганов была обнаружена большая щель [рис. 7, 5]. Щель эта была расположена с западной стороны кургана. Снаружи была видна часть горизонтальной каменной плиты, как бы прикрывающей какое-то помещение внутри кургана. При разгребании грунта, ранее кем-то выброшенного из норы, были обнаружены две малые золотые бляшки диаметром около 9 мм [рис. 7, 6].

Эти бляшки представляют собой двенадцатилепестковые звездочки или цветочки, заключенные в круглые ободки. С одной стороны бляшки выпуклые, с другой стороны — вогнутые (чеканка). На каждой бляшке имеется по три отверстия, по-видимому, пробитые для нашивки на одежду покойника. Там же было встречено незначительное количество фрагментов чернолаковой посуды. По обнаружении склепа официально была поставлена в известность администрация Керченского музея.

В январе месяца 1953 г. было обнаружено, что щель, ведущая внутрь кургана, исчезла, будучи полностью засыпана грунтом, свалившимся с откоса

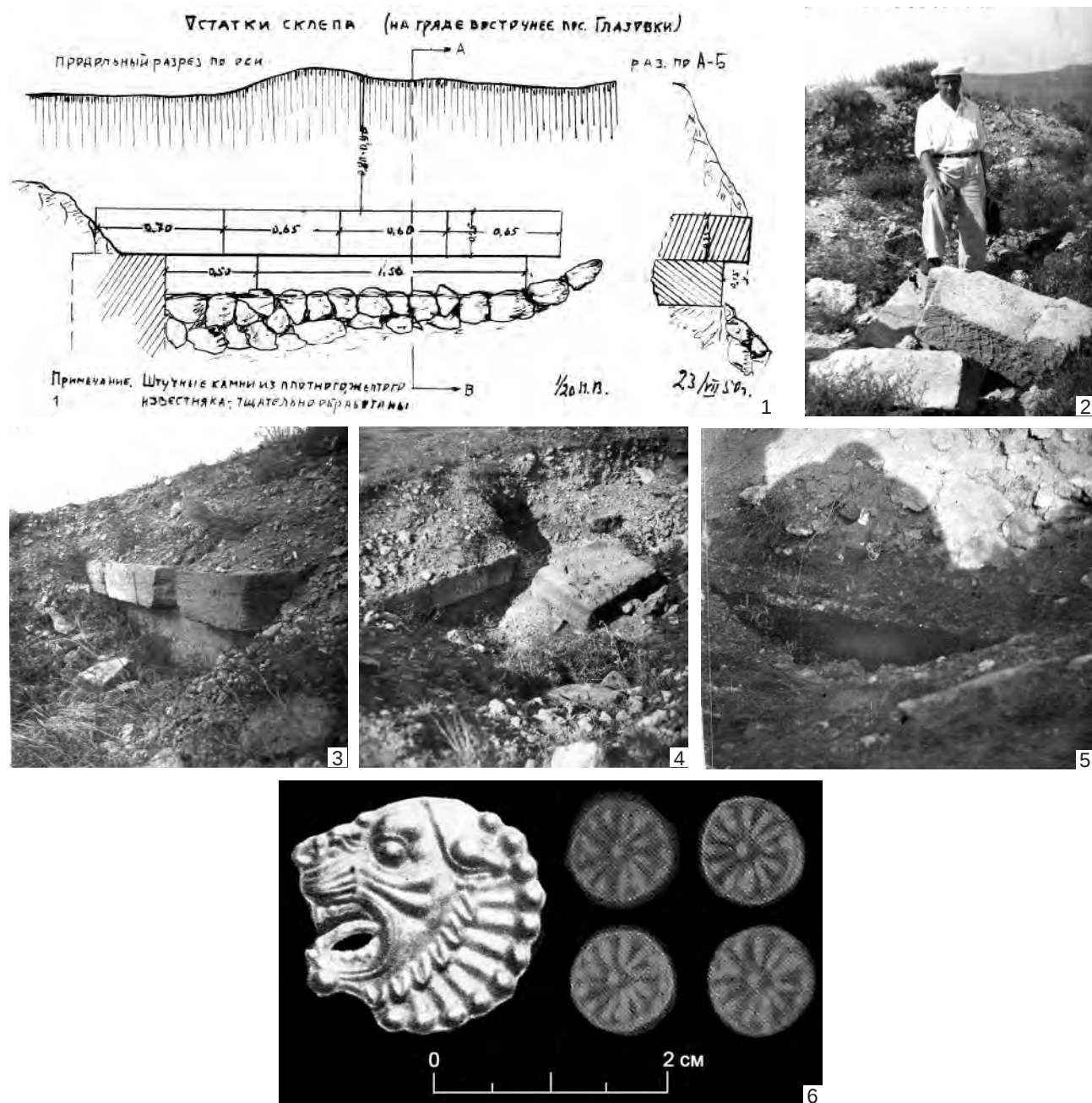

Рис. 7. «Западный курганный некрополь», курган 9 (?): 1 — разрезы разрушенного склепа, чертеж В. В. Веселова, 23 августа 1950 г.; 2 — В. Ф. Гайдукевич у разрушенного склепа, 24 августа 1953 г.; 3, 4 — разрушенный склеп, фото В. В. Веселова, август 1953 г.; 5 — стена склепа, где были обнаружены золотые нашивные бляшки; 6 — золотые нашивные бляшки

Fig. 7. "Western burial mound necropolis", mound 9 (?): 1 — sections of the destroyed crypt, drawing by V. V. Veselov, August 23, 1950; 2 — V. F. Gaydukevich at the destroyed crypt, August 24, 1953; 3, 4 — destroyed crypt, photo by V. V. Veselov, August 1953; 5 — wall of the crypt where gold sewn-on plaques were found; 6 — gold sewn-on plaques [1–5 — Веселов, 1950–19526; 6 — Веселов, 1959. С. 233, рис. 10]

кургана. При вторичном осмотре грунта, ранее выброшенного из норы, были обнаружены еще две золотые круглые бляшки.

24 августа 1953 г. расположение склепов было показано начальнику Боспорской экспедиции В. Ф. Гайдукевичу [рис. 7, 2]. Причем при осмотре территории вблизи второго склепа моим сыном снова были обнаружены золотые бляшки — одна круглая малого размера и другая диаметром примерно около 20 мм, представляющая собой стилизованное изображение головы льва с разинутой пастью²¹ (чеканка IV в. до н. э.).

На обратной стороне бляшки с изображением льва приварены три маленьких колечка. Колечки эти, по всей вероятности, служили для пришивки бляшек на одежду или ленту. Голова льва была обращена в правую сторону. По предварительному заключению археологов данное погребение может быть отнесено к IV в. до н. э.

На другой день после обнаружения золотой бляшки с изображением головы льва Боспорской экспедицией был откопан небольшой каменный склеп. Судя по размерам склепа и находкам, можно полагать, что здесь в древности была погребена девушка-подросток. Останки покойницы не были обнаружены.

Каменный ящик склепа был сложен из тщательно обработанных светло-желтых известняковых плит. После детального осмотра склеп был прикрыт ранее отваленной боковой плитой и вновь засыпан. При раскопке выброшенного грунта были найдены еще три круглые золотые бляшки, в том числе вторая с изображением головы льва, но обращенной уже в левую сторону. Можно предположить, что в Великую Отечественную войну данный склеп, как и склеп, о котором шла речь выше, был использован как укрытие. При расчистке склепа (в боевой обстановке) золотым бляшкам внимание не уделялось, поэтому они и оказались в верхнем слое грунта, выброшенного при расчистке склепа.

Отдельные обработанные плитообразованные камни, торчащие из тела кургана, свидетельствуют о том, что в этом кургане кроме древней центральной могилы имеются и более поздние боковые (впускные). Все указывает на то, что на каменной

гряде, расположенной западнее поселка Глазовка, был в древности некрополь. 20.02.55. г. В. Веселов» (Веселов, 1950–19526. Л. 71–76²²).

Приведенный текст В. В. Веселова прямо указывает на то, что обнаруженные им бляшки не имеют никакого отношения к Баксинскому кургану, раскопанному Н. П. Кондаковым на вершине Хрони. Расстояние между местом обнаружения бляшек и Баксинским курганом составляет более 3 км. Вероятнее всего, комплекс украшений и подкурганый склеп, исследованный В. Ф. Гайдукевичем, следует отнести к одному из курганов 9, 15 или 16, кратко охарактеризованных нами ранее.

К описанному нами некрополю, вероятно, стоит отнести и четыре кургана, расположенные на пахотном поле у подножия северного склона скалистой гряды напротив высоты 129,2 («горы Ивановой»). Среди них особое место занимает большой курган, который носит название «Марьяна Могила». Этот курган выделяется среди остальных целостностью насыпи. На его вершине и в лагах отмечены заплывшие ямы грабительских перекопов, что вполне естественно, учитывая размах раскопок XIX в. и активную деятельность «счастливчиков». По мнению Н. Ф. Федосеева, подкурганым сооружением «Марьиной Могилой» является склеп с уступчатым перекрытием, в погребальной камере которого сохранились остатки росписи в виде женского лица.

В большинстве разрытых грабителями насыпей описанной нами курганной группы фиксируются следы склепов, сложенных из тщательно обработанных известняковых плит и блоков прямоугольной формы. Уступчатое перекрытие надежно зафиксировано в погребальных сооружениях курганов 5 и 9. Остальные прослеженные погребальные сооружения, основательно разрушенные грабителями, либо не сохранили следов перекрытия, либо открыты недостаточно для описания их конструкции.

Погребальные камеры склепов с уступчатым перекрытием, сохранившиеся в разрушенных насыпях этой курганной группы, аналогичны исследованному нами в 2017 г. склепу кургана 4 Цементной слободки в Керчи (Рукавишников и др., 2018а; 2018б; 2019)²³, но отличаются конструкцией дромоса и преддверия.

²¹ Опубликовано: Пругло В. И. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения Одесского гос. археологического музея. Одесса, 1965. С. 72–78; аналог: Kantor H. Achaemenid Jewelry in the Oriental Institute // JNES. 1957. Vol. XVI, 1. Tab. IV–VI; см. также: Тиранян Г. А. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V–IV вв. до н. э. // СА. 1964. № 3. С. 69, рис. 8.1.

²² В «Сообщениях В. В. Веселова за 1950–1952 гг.» хранятся документы и более позднего времени, нежели указано в названии фонда.

²³ Склеп после раскопок в рамках консервационных мероприятий был разобран, перенесен на территорию крепости Керчь и вновь собран, где доступен к осмотру в настоящее время.

Как уже отмечалось, курганные насыпи в западной части скалистого хребта подверглись тотальным разрушениям: они были основательно повреждены тяжелой землеройной техникой, а на прилегающей территории местами грунт снят до уровня материковой глины и скального основания. Отвалы изобилуют находками, среди которых преобладают обломки амфор и столовой посуды. Вероятно, прилегающая к курганам территория использовалась в эллинистическое и римское время в качестве локальных погребальных площадок, не образуя сплошные поля погребений.

Место для участка элитного некрополя выбрано неслучайно. Курганный некрополь с его важными визуальными ориентирами был хорошо виден как из Пантикапея и Фанагории, так и с большинства участков побережья Керченского пролива. Южнее и севернее скалистого хребта проходили основные дороги из глубинных районов Керченского полуострова к восточной переправе через Керченский пролив. Уникальное для Восточного Крыма обилие источников пресной воды и удобный рельеф делали верховье балки Баксу не только важным узлом транспортной развязки, но и центром обширной сельскохозяйственной округи восточной (северо-восточной)

оконечности Керченского полуострова, что обусловило обжитость района на протяжении тысячелетий — со среднего бронзового века до настоящего времени. Значимость этого района и расположенных здесь поселений не раз отмечали исследователи, касаясь вопроса о традиционных переправах через Керченский пролив (Вахтина и др., 1980; Куликов, 1995; Федосеев, 1999; Бейлин, 2006; Ермолин, Федосеев, 2011; Столяренко, Бейлин, 2015; Ермолин, 2015).

Таким образом, несмотря на сильные зафиксированные при разведках разрушения курганной группы, расположенной к западу от Глазовки, этот памятник содержит уникальную информацию об архитектуре древних погребальных сооружений с перекрытиями, оформленных уступчатыми сводами. Особый интерес вызывают уточненные данные о находке золотых бляшек «ахеменидского стиля».

Подобный памятник крайне перспективен для раскопок с целью исследования архитектурных сооружений и уцелевшего погребального инвентаря, а также изучения и спасения других сохранившихся подкурганных сооружений и тризновых комплексов.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

Бейлин, 2006 — Бейлин Д. В. Античные укрепления европейского берега северной переправы через Боспор Киммерийский // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Тез. докл. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2006. С. 11–14.

Бейлин, 2016 — Бейлин Д. В. Некрополь на горе Хрони // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Материалы междунар. круглого стола / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 365–371.

Бейлин, Пономарев, 2019 — Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. Северо-восточная оконечность Керченского полуострова: памятники второй половины VIII — первой половины X в. (материалы к составлению археологической карты) // История и археология Крыма. 2019. Вып. X. С. 185–204.

Бейлин и др., 2010 — Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. Разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ; Луцьк: Волинські старожитності, 2010. С. 27–30.

Бейлин и др., 2012 — Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. Разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Археологічні

дослідження в Україні 2011 р. Київ, Луцьк: Волинські старожитності, 2012. С. 12–15.

Бутягин, 2023 — Бутягин А. М. Курган у села Баксы // В поисках античного Боспора. К 150-летию со дня рождения М. И. Ростовцева: Каталог выставки. Т. 1 / Науч. ред. Н. К. Жижина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; Чистый лист, 2023. С. 246–248.

Вахтина и др., 1980 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Об одном из маршрутов военных и сезонных миграций кочевых скифов // Вестник древней истории. 1980. № 4. С. 155–161.

Вахтина, 2016а — Вахтина М. Ю. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: Материалы науч. конф. / Ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Соло-Рич, 2016. С. 73–82.

Вахтина, 2016б — Вахтина М. Ю. Еще раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы Междунар. круглого стола / Ред. Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 12–18.

- Вахтина, 2017 — Вахтина М. Ю. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспорские исследования. 2017. Вып. XXXV. С. 389–410.
- Веселов, 1950–1952а — Сообщения В. В. Веселова за 1950–1952 гг. // Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 5. Ед. хр. 34-1. 103 л.
- Веселов, 1950–1952б — Сообщения В. В. Веселова за 1950–1952 гг. // Там же. Ед. хр. 34-2. 185 л.
- Веселов, 1959 — Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 227–244.
- Веселов, 2005 — Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. Тула: Гриф и К, 2005 (Древности Боспора; Supplementum II). 266 с.: ил.
- Виноградов, 2011 — Виноградов Ю. А. Курганы у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 185–191.
- Виноградов, 2014а — Виноградов Ю. А. Курганы у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 510–528.
- Виноградов, 2014б — Виноградов Ю. А. Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // Там же. С. 529–534.
- Виноградов, Горончаровский, 2008 — Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2008. 332 с.
- Гайдукевич, 1941а — Гайдукевич В. Ф. Керченский район, 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 260–265.
- Гайдукевич, 1941б — Гайдукевич В. Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-Горе // СА. 1941. Т. VII. С. 45–60.
- Гайдукевич, 1981 — Гайдукевич В. Ф. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илураг. Л.: Наука, 1981. 136 с.
- Гриневич, 1927 — Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь: Таврическая ученая архивная комиссия, 1927. Т. I (58). С. 47–52.
- Дюбрюкс, 2010 — Дюбрюкс П. Собрание сочинений. СПб.: Изд. дом «Коло», 2010. Т. 1 — 726 с.; Т. 2 — 310 с.
- Ермолин, 2015 — Ермолин А. Л. Древняя переправа через Керченский пролив и ее оборона // Научные ведомости Белгородского ГУ. Серия «История. Политология». 2015. № 7 (204). С. 38–47.
- Ермолин, Федосеев, 2011 — Ермолин А. Л., Федосеев Н. Ф. Переправа — Порт Мион — «традиционный Порфмий» // Боспорский феномен. Население, языки, контакты / Ред. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 210–218.
- ИАК, 2009 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1191 с.
- Кислий, Скорий, 1990 — Кислий О. Е., Скорий С. А. Скільське поховання V ст. до н. е. поблизу Керчі // Археологія. 1990. № 2. С. 128–130.
- Копейкина, 1972 — Копейкина Л. В. Расписная родоско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 147–159.
- Кругликова, 1975 — Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Кузнецова, 2002 — Кузнецова Т. М. Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Т. II / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 79–90.
- Куликов, 1995 — Куликов А. В. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, филологии и культуры. 1995. № 2. С. 97–107.
- Марти, 1926 — Марти Ю. Ю. Сто лет Керченскому музею. Керчь: 4-я Гостипография Крымполиграфтреста, 1926. 96 с., 17 л. ил.
- Отчет ИАК, 1891 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 годы. С атласом. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. 133 с.
- Панкратова, 2018 — Панкратова Е. Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). СПб.: Соло-Рич, 2018. 160 с.
- Пругло, 1963 — Пругло В. И. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 г. / Отв. ред. М. С. Синецын. Одесса: Книжное изд-во, 1963. С. 72–78.
- Рукавишников и др., 2018а — Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курганный комплекс Цементная слободка 1, курганы Лесной I и II // Города, селища, могильники. Раскопки 2017: Сб. ст. / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 25). С. 292–301.
- Рукавишников и др., 2018б — Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Исследования кургана 4-й курганный группы

- «Цементная слободка 1» в Керчи // Древности Боспора. 2018. Вып. 23. С. 171–189.
- Рукавишников и др., 2019 — Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Археологические исследования кургана № 4 курганной группы Цементная Слободка 1 в Керчи // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2019 гг. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 75–104.
- Савостина, 1984 — Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): Автореф. дис... канд. ист. наук. 07.00.06 — археология / МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: [б. и.], 1984. 24 с.
- Савостина, 1986 — Савостина Е. А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2. С. 84–99.
- Столяренко, Бейлин, 2015 — Столяренко П. Г., Бейлин Д. В. К вопросу реконструкции палеогеографической ситуации в северо-восточной части Керченского полуострова в античное время (район городищ Парфений и Порфмий) // XVI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Тез. докл. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь, 2015. С. 310–316.
- Трейстер, 2013 — Трейстер Ю. М. Золотые бляшки ахеменидского стиля из кургана Баксы в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2013. Вып. 17. С. 345–362.
- Федосеев, 1999 — Федосеев Н. Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора: Сб. науч. ст. Т. III / Гл. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 1999. С. 61–102.
- Чевелев, 1989 — Чевелев О. Д. Отчет об охранных раскопках Керченской археологической экспедиции в 1988 году // Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 2. Ед. хр. 981. 103 л.
- Чевелев, 1990 — Чевелев О. Д. Отчет Керченской археологической экспедиции за 1989 год // Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1039. 74 л.
- Чевелев, 1991 — Чевелев О. Д. Античный некрополь на горе Хрони у с. Глазовка // Проблемы археологии и истории Боспора: Тез. докл. конф. / Ред. Н. Ф. Федосеев. Керчь: [б. и.], 1991. С. 35–37.
- Чевелев, 1997 — Чевелев О. Д. Раскопки некрополя на г. Хрони // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь: Сонат, 1997. С. 274.
- Яковенко, 1972 — Яковенко Э. В. Курганы на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.
- Яковенко, 1977 — Яковенко Э. В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 140–145.
- Reinach Salomon, 1892 — Salomon Reinach. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854): réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1892. 426 p.

The burial mounds of the Bosphoran elite near the village of Glazovka, near Kerch

D. V. Beilin, I. V. Rukavishnikova²⁴

Keywords: Kerch city, Glazovka village, Baksy, Khroni mountain, Baksinsky mound, Bosphoran Kingdom, excavations, mounds

Among the archaeological sites of the funerary culture of the north-eastern end of the Kerch Peninsula, the most famous are the burial mound complexes on Temir-Gora and the burial mound near the village of Baksy (modern Glazovka village), built on the top of Mount Khroni. In addition, in the area of Glazovka village, there are concentrated archaeological sites of different periods, including settlements, necropoleis, burial grounds and burial mounds. The earliest settlements in the area of the Baksy ravine appear in the Middle Bronze Age. This work focuses on the group of 20 burial mounds, located to the west of the village of Glazovka (site No. 1283). Field research of this group was carried out in 2009–2012 and 2024–2025. It is located west of the village of Glazovka on the crest of a bryozoan-reef hilly ridge stretching from the village of Adzhimushkay (Kerch) to the village of Glazovka. Exploration has recorded 18 burial mounds, a brief description of which is given in the article. In some of the destroyed mounds, stone crypts were recorded, including those with a stepped ceiling. Special attention is given to the archival materials of the explorations conducted by amateur archaeologist V. V. Veselov, which remove all questions regarding the discovery site of the famous “Achaemenid style” plaques, erroneously attributed by researchers to the artifact complex of the Baksy burial mound, excavated by N. P. Kondakov in 1882–1883.

²⁴ Denis V. Beilin — Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: denis.beilin@yandex.ru. Irina V. Rukavishnikova — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru.

Елизаветовское городище на Дону в свете скифо-боспорских отношений и новых археологических открытий¹

А. Н. Коваленко²

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение особенностей развития Елизаветовского городища на Дону в IV — первой трети III в. до н. э. Особое внимание уделено анализу археологических свидетельств скифо-боспорских отношений в дельте Дона и установления контроля Боспора над основным торгово-экономическим центром региона этого времени. Приводятся данные, позволяющие считать, что это событие произошло в конце третьей или на рубеже третьей и четвертой четвертей IV в. до н. э., то есть значительно раньше, чем было принято считать до недавнего времени.

Ключевые слова: Елизаветовское городище, Боспор, скифы, IV — первая треть III в. до н. э., грунтовый некрополь, погребальный обряд, оборонительные сооружения, закрытые комплексы

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-205-214

Елизаветовское городище, расположенное в дельте Дона, представляет собой ключевой памятник скифо-античного времени для весьма обширного региона. Его изучение на раннем этапе теснейшим образом было связано с поисками города Танаиса из сообщений античных авторов, на место которого уже в самом начале исследований, в конце первой четверти XIX в., претендовали два городища — Недвиговское и Елизаветовское. После работ А. А. Миллера первой половины XX в. в научной литературе за Елизаветовским городищем надолго закрепилось название «Старший Танаис». При этом, основываясь на данных Страбона, сообщавшего, что «при впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором», который раньше «служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру

из Боспора» (Strabo. XI, II, 3), многие исследователи вплоть до масштабных и систематических работ Южно- и Нижне-Донской экспедиций второй половины XX в. считали Елизаветовское городище Танаисом и воспринимали его как античный город, основанный боспорскими греками, хотя и со значительным проявлением местных черт в его культуре (Книпович, 1935. С. 193–196; 1949. С. 9; Гайдукевич, 1949. С. 229–232; и др.). Эту точку зрения разделяло большинство ученых первой половины XX в., и лишь единицы в тот период высказывали сомнения по поводу отождествления Елизаветовского городища с Танаисом (Minns, 1913. P. 567; Ростовцев, 1925. С. 529, 530). Одним из сомневающихся был М. И. Ростовцев, который на основании анализа погребального обряда раскопанных к тому времени курганов Елизаветовского могильника пришел к заключению, что этот обряд, «несомненно, скифский, а не греческий» (Ростовцев, 1925. С. 533) и дает «картину, типичную для некрополей около городищ Киевщины, Полтавщины и Подолья, а отнюдь не картину греческого некрополя и даже не картину некрополя смешанного» (Там же. С. 531).

Этапной и крайне важной работой в изучении Елизаветовского городища является исследование Т. Н. Книпович, которая так же, как и А. А. Миллер, исходила из соответствия этого

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»). Проект № СП-14-24-01, КБК СП04/С4_0708Приоритет_08.

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

© Коваленко А. Н., 2026

поселения раннему Танаису и считала несомненной его колонизацию боспорскими греками на рубеже V и IV вв. до н. э. (Книпович, 1949. С. 9). Отмечая варваризированный «греко-скифский» облик поселения, Т. Н. Книпович задавалась вопросом: «Кто был настоящим хозяином этого города — боспорские колонисты или верхушка местного общества?», — и отвечала на него: «Несомненно, и те и другие» (Там же. С. 9). Что же касается курганов Елизаветовского могильника, то она считала, что в них погребены не жители поселения, а «азиатские и европейские кочевники, участвовавшие в торговых операциях Танаиса» (Книпович, 1935. С. 196). Могилы же жителей поселения, прежде всего греков, по ее мнению, находятся в грунтовом некрополе, который (как предполагал и А. А. Миллер) должен был обязательно располагаться рядом с городищем (Там же. С. 195). А. А. Миллер был уверен в существовании такого некрополя к востоку от поселения (Миллер, 1926. С. 101, 102; Шилов, 1959. С. 26, 27), но провести здесь раскопки он, к сожалению, не успел. В дальнейшем исследователи, начиная с В. П. Шилова, признавали единство культуры населения, оставившего Елизаветовское городище и его курганный могильник (Шилов, 1959. С. 26; Шелов, 1970. С. 50, 51; Копылов, 2000. С. 159–165). Д. Б. Шелов, учитывая неудачный опыт поисков грунтового некрополя, связанного с населением Елизаветовского городища, вообще поставил под сомнение саму возможность его существования (Шелов, 1970. С. 50).

Со второй половины XX в. на Нижнем Дону началось систематическое изучение Недвиговского и Елизаветовского городищ, а также связанных с ними могильников специально созданными для этого академическими экспедициями — Нижне-Донской и Южно-Донской. Изучение первых результатов работы этих экспедиций, полученных данных в ходе раскопочных работ предшественников XIX и первой трети XX в., представленной в уже достаточно обширной к тому времени историографии аргументации, а также скрупулезный анализ сведений письменных источников позволили Д. Б. Шелову к концу 1960-х гг. прийти к выводу о том, что только Недвиговское городище соответствует городу Танаису (Там же. С. 72). Елизаветовское же городище, по его мнению, идентифицируется с островом Алопекия из текста Страбона, имеющим смешанное население (Там же. С. 74, 75). По мнению этого исследователя, «нет никаких оснований говорить о колонизации окрестностей Елисаветовской станицы греками, о создании ими здесь города или какой-то ру-

ководящей роли их в жизни Елисаветовского поселения» (Там же. С. 51). Эти выводы Д. Б. Шелова звучали весьма убедительно и долгое время не оспаривались.

Однако по мере накопления новых археологических материалов ситуация менялась. Дальнейшее изучение Елизаветовского городища привело к открытию в 1982 г. на его территории остатков большой боспорской колонии первой трети III в. до н. э., что в конце XX в. заставило обратиться к поискам названия этого античного памятника (Марченко, 1994; Федосеев, 1999) и со временем вновь побудило вернуться к проблеме двух Танаисов (Копылов, 2005. С. 10, 11; 2008; 2016. С. 84, 85; Копылов, Коваленко, 2013; Коваленко, 2023а).

При этом скифский курганный могильник, окружающий Елизаветовское городище, продолжал считаться оставленным его населением. И открытие боспорской колонии на это мнение не повлияло, поскольку погребений, связанных с этим памятником античной культуры, до недавнего времени обнаружено не было, а в истории Елизаветовского городища был выделен отдельный этап, связанный с функционированием так называемой Большой греческой колонии как отдельного памятника античной культуры, которому предшествовал длительный период существования скифского городища (Марченко и др., 2000. С. 252–262; Марченко, 2000. С. 225–227; Копылов, 2002; 2009. С. 34–36; Коваленко, 2022а. С. 234, 235), хотя, очевидно, какое-то количество греков (необязательно именно и только боспорских) в составе населения городища присутствовало еще с первой половины IV в. до н. э. (Копылов, Коваленко, 2011; Коваленко, 2025. С. 96–98).

Дальнейшие исследования, находки и открытия, а также анализ некоторых старых материалов поставили целый ряд новых вопросов и заставили скорректировать, казалось бы, давно устоявшиеся взгляды на историю этого памятника. Так, например, сейчас можно уверенно утверждать, что Боспор закрепил свое присутствие в дельте Дона, взяв под контроль Елизаветовское городище, значительно раньше конца IV в. до н. э., возможно, уже в конце третьей или на рубеже третьей и четвертой четвертей этого столетия, после чего численность греческого населения на его территории существенно возросла (Коваленко, 2023б. С. 123; Коваленко, Лисин, 2025. С. 141).

Одним из наиболее важных археологических событий последнего времени стало открытие к востоку от Елизаветовского городища грунтового некрополя (рис. 1), связанного с городским

Рис. 1. Елизаветовский грунтовый некрополь, спутниковый снимок: А — место обнаружения первых грунтовых захоронений (2009–2011 гг.); Б — участки, исследованные в 2021, 2023, 2025 гг. (а — границы территории могильника, б — точки поворота утвержденных границ)

Fig. 1. Elizavetovka ground necropolis, satellite image: А — location of the first ground burials (2009–2011); Б — areas explored in 2021, 2023, and 2025 (а — boundaries of the burial ground, б — turning points of the approved boundaries)

населением этого памятника и, как показывает предварительный анализ материалов его раскопок (Коваленко, Лисин, 2025. С. 138–141), — некрополя весьма обширного и функционировавшего в течение длительного времени. Первая серия погребений была открыта в 2009–2010 гг. на частных подворьях хут. Городище (Копылов и др., 2012). В 2020-е гг. исследования были продолжены широкой площадью, в результате чего на его территории к настоящему времени изучены уже 53 захоронения скифо-античного времени. Это позволило получить предварительное представление о некоторых особенностях погребального обряда населения, оставившего этот памятник.

Подавляющее большинство погребений, несомненно, связано с грунтовым некрополем городища и относится к последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э. Основанием такой датировки служат предметы греческого керамического импорта, обнаруженные как в самих погребальных комплексах, так и в культурном слое на исследованных участках. Есть основания полагать, что территория и раньше использовалась для захоронений скифским населением, возможно, еще до начала регулярного функционирования грунтового некрополя, о чем свидетельствуют открытые единичные погребения более раннего времени, которые могут быть связаны с начальным

периодом существования Елизаветовского поселения, а также присутствие захоронений, обряд которых типичен для скифских погребений курганного могильника IV в. до н. э. Предположительно к середине IV в. до н. э. может относиться и обнаруженный на территории Елизаветовского могильника погребальный комплекс, содержащий останки семи человек, первоначально условно обозначенный как «грунтовый склеп» (Коваленко, Лисин, 2025. С. 139, рис. 1; 2) (дальнейший анализ этого объекта позволил прийти к выводу об ином характере комплекса).

Как показали исследования, плотность захоронений на открытых участках достаточно велика. Подавляющее их большинство — грунтовые, и лишь в отношении погребения 50 можно предполагать наличие небольшого надмогильного земляного сооружения, остатки которого были слабо выражены, фиксировались лишь стратиграфически и на уровне современной дневной поверхности не выделялись.

Обряд большей части захоронений некрополя существенно отличается от обряда курганных захоронений Елизаветовского могильника и демонстрирует разнообразие элементов обрядности на относительно небольшом исследованном участке. Часть открытых комплексов, преимущественно с ориентацией погребенных головой

на запад, обнаруживает близость обрядности с захоронениями курганного могильника, а часть имеет новые черты, ранее в елизаветовских погребениях не встречавшиеся: двухуровневые захоронения в грунтовых ямах, присутствие в могильной яме объемной деревянной конструкции на ножках (рис. 2, 1, 3), коллективные захоронения (рис. 2, 4) и другие.

Сейчас можно уверенно утверждать, что оставившее некрополь население было смешанным, и в его составе помимо греческих колонистов также присутствовали варвары, что подтверждается и первыми результатами лабораторных исследований этих комплексов. Несомненно, что большая часть захоронений, исследованных на сегодня на данном участке некрополя, связана с иным, чем оставившее курганный могильник, населением и, очевидно, имеет прямое отношение к боспорской колонии, функционировавшей на территории Елизаветовского городища в последний период его существования.

Говоря о времени появления этого нового населения на территории дельты Дона, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Среди исследованных погребений имеются захоронения, уверенно датируемые III в. до н. э., то есть временем Большой греческой колонии (Монахов и др., 2025. С. 93, 230, 232), но часть захоронений может относиться к последней четверти IV в. до н. э. Это, по нашему мнению, подтверждает высказанное ранее предположение о том, что греческие колонисты стали постоянно жить на территории городища ранее начала III в. до н. э. Возникновение же Большой греческой колонии отражало лишь этап, на котором уже существовавшее ранее поселение-колония урбанизовалось и его возросшее, возможно, в том числе за счет вновь прибывших, население осуществляло регулярную наземную застройку акрополя городища в соответствии с античными традициями домостроительства (Коваленко, 2023б).

Как представляется сегодня, установление контроля Боспором над таким крупным экономическим центром, каким в дельте Дона в IV в. до н. э. являлось Елизаветовское городище, произошло в конце третьей четверти этого столетия или на рубеже последних двух его четвертей.

Ранее мы неоднократно отмечали, что, судя по имеющимся археологическим материалам, именно в это время городище подверглось серьезному военному удару (Копылов, Коваленко, 2016. С. 34, 35; 2020. С. 197; Коваленко, 2021. С. 181; 2023б. С. 121). Новые данные, подтверждающие это предположение, были получены

в 2023 г. при проведении охранно-спасательных работ в периферийной части городища, к востоку от его акрополя. Здесь был заложен раскоп XLVII (рис. 3, 1) и открыт новый участок оборонительной линии, который находится между хорошо выраженными на уровне современной дневной поверхности внутренней и внешней линиями фортификационных сооружений. Этот новый участок представлял собой засыпанный в древности ров (рис. 3, 2), к западу от которого находились остатки скрытого в то же время вала. В ходе исследования заполнения рва на достаточно ограниченном по площади участке были найдены скелеты людей и животных, и целые, и их фрагменты (рис. 4, А–Г). Так, были обнаружены останки 12 человек обоих полов разного возраста: шесть были представлены целыми скелетами, а шесть — только черепами, четыре из которых находились вместе в воде на дне рва (рис. 4, Д, Е). Положение найденных останков позволяет предположить, что они попали в ров в результате работы похоронной команды, аккуратно сложившей мертвых людей вдоль внутренней границы рва, после чего площадь на месте бывшей оборонительной линии была перекрыта мощным однородным гумусированным слоем, почти не содержащим находок. Наиболее важным для датирования засыпки рва концом третьей четверти IV в. до н. э. является фрагмент горла гераклеийской амфоры с двустрочным клеймом (рис. 4, Ж), обнаруженный в хозяйственной яме под слоем, перекрывшим ров. Подобные клейма, по мнению Н. Ф. Федосеева, датируются 340-ми гг. до н. э. (Федосеев, 2016. С. 117, № 947). Эту датировку подтверждают и другие находки фрагментов греческой тарной керамики, обнаруженные в ходе раскопок.

Отметим, что отдельные кости людей и целые скелеты ранее неоднократно встречались и на других участках оборонительных линий городища. Так, например, скелет был обнаружен в 2015 г. в слое конца третьей четверти IV в. до н. э. на южном участке внешней оборонительной линии городища (Копылов, Коваленко, 2018. С. 88). Также ранее на одном из участков внутренней линии обороны городища в слоях второй половины IV в. до н. э. был найден фрагмент человеческой кости со следами собачьих погрызов, что, по мнению Е. Е. Антипиной, может быть связано с катастрофическими событиями военного характера (Антипина, Магомедов, 2006. С. 324, 325).

Как представляется, удар по городищу в это время нанес именно Боспор, после чего количество эллинского населения на территории памятника существенно возросло, притом что в целом

Рис. 2. Елизаветовский грунтовый некрополь. Погребение 42 (раскопки 2025 г.): 1 — общий вид, вид с востока-юго-востока; 2 — северо-западный угол могильной ямы, фрагменты керамики и железные гвозди в районе одной из угловых ям, вид с северо-востока; 3 — следы деревянных конструкций на дне погребения, вид с юго-запада; 4 — погребение 50 (раскопки 2025 г.), вид с востока-юго-востока

Fig. 2. Elizavetovka ground necropolis. Burial 42 (excavations of 2025): 1 — general view, view from the east-southeast; 2 — northwestern corner of the burial pit, ceramic fragments and iron nails near one of the corner pits, view from the northeast; 3 — traces of wooden structures on the burial floor, view from the southwest; 4 — burial 50 (excavations of 2025), view from the east-southeast

оно носило все же смешанный характер и включало в себя и какое-то количество варваров. Речь может идти о смене «хозяина» в данном регионе, которым с этого времени стал Боспор. Об этих событиях могут также свидетельствовать произошедшие именно тогда засыпки и перестройки существовавших ранее полуземлянок, где в ряде но-

вых строительных комплексов уже присутствуют элементы греческого домостроения — каменные стены и кладки из сырцового кирпича (Коваленко, 2018. С. 350–358). В это же время производится единовременная засыпка важного для города источника питьевой воды — общественного колодца с каменной облицовкой стен первой половины —

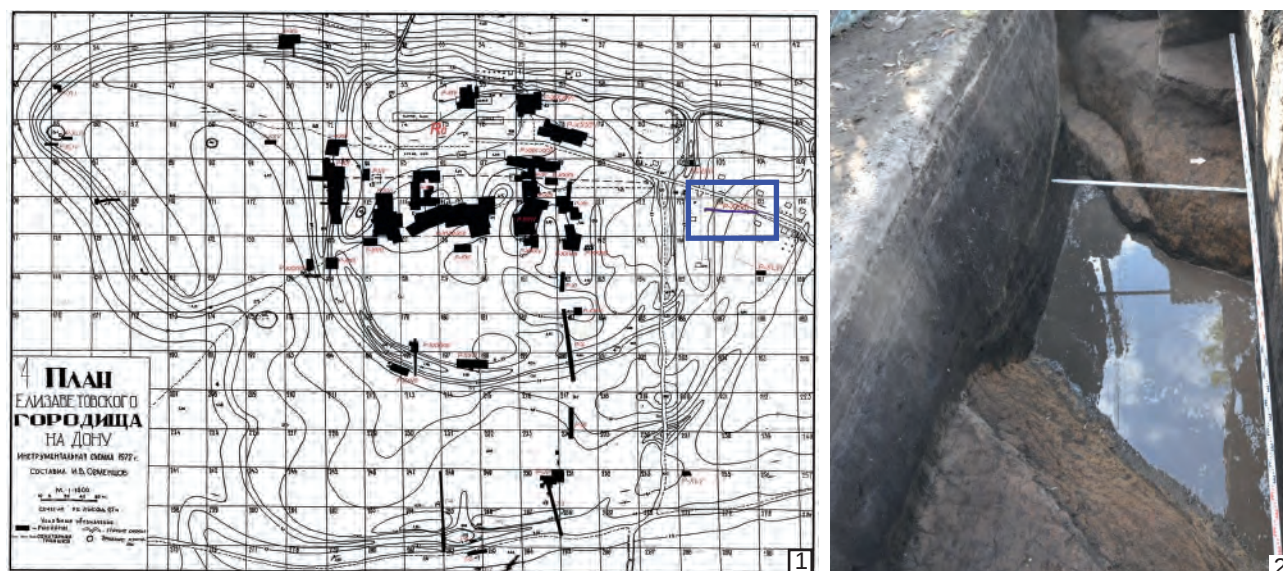

Рис. 3. Елизаветовское городище: 1 — топографический план с указанием раскопа XLVII, где были открыты остатки нового участка оборонительной линии; 2 — восточная часть раскопа XLVII, остатки рва, вид с востока
 Fig. 3. Elizavetovka fortified settlement: 1 — topographic plan indicating excavation area XLVII, where the remains of a new section of the defensive line were discovered; 2 — eastern part of excavation area XLVII, remains of a ditch, view from the east

середины IV в. до н. э. (Копылов, Коваленко, 2011. С. 210, 211; Коваленко, 2018. С. 354–356). В третьей четверти IV в. до н. э. в северной части акрополя, в наиболее возвышенном и престижном районе города, возводится или, возможно, заново отстраивается большое эллинское святилище (Копылов, Коваленко, 2012; Копылов, 2015), которое продолжает функционировать по меньшей мере до 80-х гг. III в. до н. э. (Коваленко, 2023в. С. 316, 317).

В третьей же или в начале последней четверти IV в. до н. э. покупаются на Боспоре крупные партии кровельной черепицы (Коваленко, 2022б). Можно полагать, что такая черепица использовалась не массово, а для устройства кровли наиболее важных построек, например, общественных зданий, каким в то время являлось и открытое святилище. И именно для последней четверти IV в. до н. э. отмечается начало широкого хождения боспорской монеты. Торговая функция поселения являлась базовой с момента его основания, а применение стандартизированной системы мер и весов фиксируется уже с первой половины IV в. до н. э., о чем свидетельствует обнаруженная в слоях городища в разные годы серия свинцовых гирь-разновесов (Коваленко, 2025. С. 96, 97). Анализ имеющихся данных о весовой системе, использовавшейся на городище, выявил, что гири-разновесы на городище есть уже в комплексах первой половины — третьей четверти IV в. до н. э.; все находки этого времени представлены номиналами аттической весовой системы. Но уже

в слоях боспорской колонии первой четверти III в. до н. э. присутствуют номиналы, очевидно, связанные с боспорской весовой системой, в том числе мелкий норматив (Там же. С. 98). О соблюдении стандартных мер для отпускаемых в розницу жидких товаров в середине — второй половине IV в. до н. э. свидетельствуют и недавние находки клейм на мерных сосудах, обнаруженных в 2015–2016 гг. (Коваленко, 2022в; Копылов, Шелов-Коведяев, 2023).

С конца третьей четверти IV в. до н. э. отмечаются изменения в Елизаветовском курганном могильнике, где с этого времени резко сокращается численность погребений и изменяются их качественные характеристики. К концу же этого столетия захоронения в курганах могильника и вовсе прекращают совершаться (Коваленко, 2006. С. 52; 2009. С. 12, 13). Совершенно иную картину мы наблюдаем в материалах грунтового некрополя. Общая дата функционирования его открытых участков приходится как раз на последнюю четверть IV — первую треть III в. до н. э.; зафиксированы и отдельные комплексы, надежно датированные греческим импортом первой трети III в. до н. э. (Монахов и др., 2025. С. 93, 230, 232). Несмотря на то что погребальный обряд некрополя неоднороден и одна часть погребений (большая) отличается от захоронений курганного могильника, а другая находит в нем аналогии, нет сомнений, что погребенных в некрополе можно прямо и непосредственно соотнести с городским населением городища.

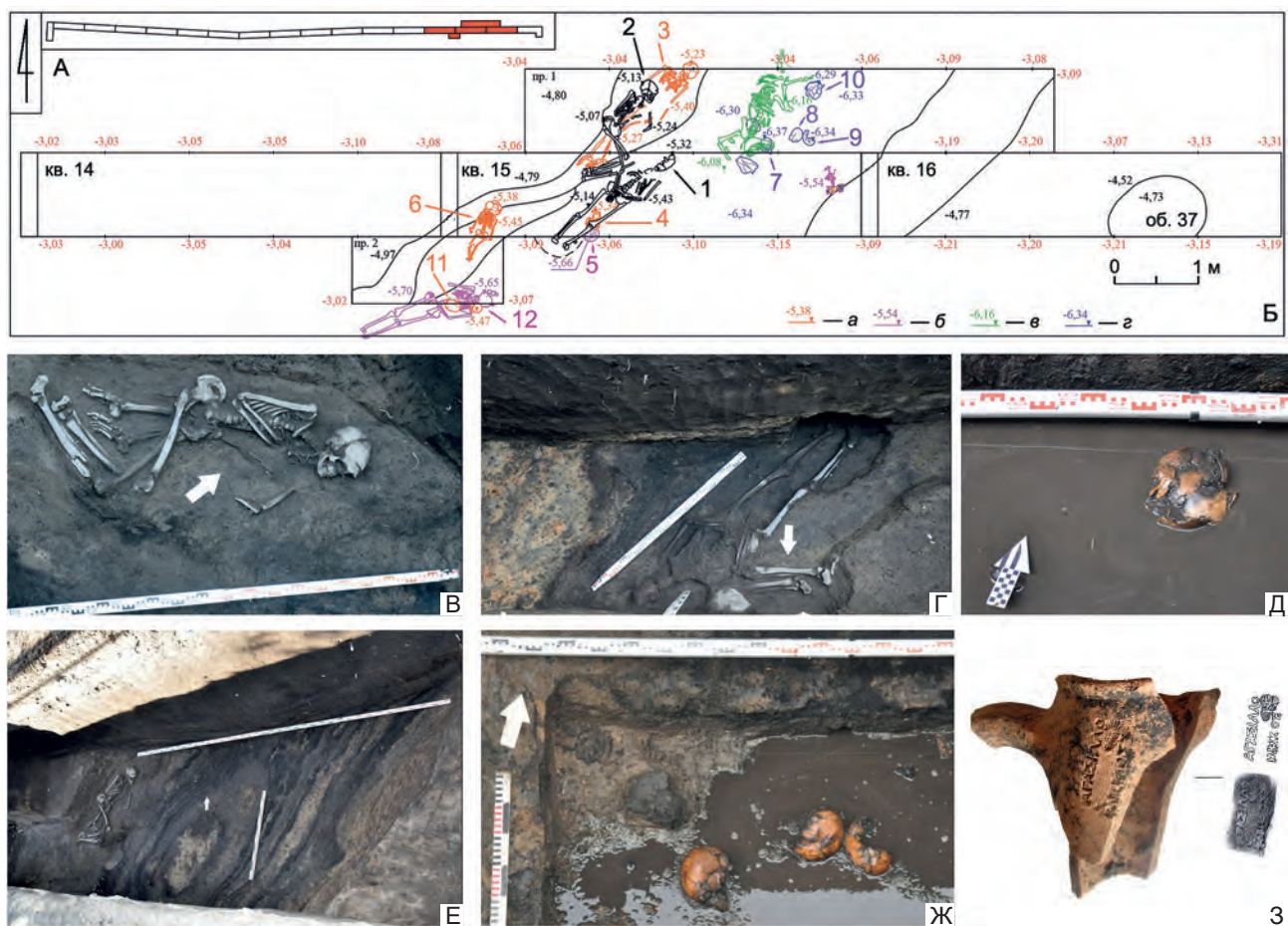

Рис. 4. Периферийная часть Елизаветовского городища: А — конфигурация раскопа XLVII; Б — фрагмент плана раскопа с участком открытого рва и объектами в его заполнении (1-12 — номера скелетов; горизонты: а — 9, б — 10, в — 11, г — 12); В — заполнение рва, скелеты 2 и 3, вид с юго-востока; Г — заполнение рва, скелеты 2 и 3 в его западной части, вид с юго-юго-востока; Д — заполнение рва, скелеты 1 и 2, вид с севера; Е, Ж — человеческие черепа на дне рва (Е — условно скелеты 7-9, вид с юга; Ж — условно скелет 10, вид с юга); 3 — фрагмент горла гераклеийской амфоры с клеймом

Fig. 4. Peripheral part of Elizavetovka fortified settlement: A — configuration of excavation area XLVII, Б — fragment of excavation plan with a section of the open ditch and objects in its fill (1-12 — skeleton numbers; horizons: а — 9, б — 10, в — 11, г — 12); В — filling of the ditch, skeletons 2 and 3, view from the southeast; Г — filling of the ditch, skeletons 2 and 3 in its western part, view from the south-southeast; Д — filling of the ditch, skeletons 1 and 2, view from the north; Е, Ж — human skulls at the bottom of the ditch (Е — условно скелеты 7-9, view from the south; Ж — условно скелет 10, view from the south); 3 — fragment of the neck of a Heracleian amphora with a stamp

Материалы Елизаветовского городища и его могильника свидетельствуют о том, что начиная с последней четверти IV в. до н. э. роль греческого, а именно боспорского, компонента в культуре поселения все более усиливается, что, в конечном счете, приводит к его урбанизации (Коваленко, 2023б. С. 119-123; 2025. С. 101; Коваленко, Лисин, 2025. С. 141).

Результаты исследования материалов Елизаветовского городища в совокупности с археологическими данными городища, по нашему мнению, сви-

детельствуют об установлении уже в конце третьей четверти IV в. до н. э. контроля Боспорского государства над Елизаветовским торгово-экономическим центром, ранее подвластным скифам дельты Дона. Контроль этот, очевидно, был установлен военным путем, после чего на городище переселилось достаточно много боспорян. Следует иметь в виду, что эллинское население на территории памятника присутствовало и до этих событий, еще в первой половине — середине IV в. до н. э., хотя, вероятно, в небольшом

количестве. Это вполне могли быть державшие там свои складские помещения и лавки торговцы из разных мест греческой ойкумены, в том числе и с Боспора. Отношения скифов дельты Дона с Боспором в этот период, несомненно, носили мирный характер, чему способствовали дорогие подарки, подносившиеся местной знати (Копылов, 2009. С. 32; 2016. С. 84; Копылов, Коваленко, 2020. С. 194). Очевидно, городское население в это время было представлено и варварами, и греками, а сам город и его торговля контролировались скифами до тех пор, пока Боспор не утвердил свое влияние

военным путем, после чего дальнейшее развитие поселения осуществлялось уже в русле политики этого государства. Не исключено, что речь в данном случае может идти о скифо-боспорской войне 329–328 гг. до н. э., о которой сообщают античные источники (Dem. XXXIV, 8). Исследователи уже обращали внимание на возможную связь этой войны с событиями в дельте Дона (Копылов, Васильев, 1991. С. 30, 31; Молев, 1994. С. 37; Копылов, 2009. С. 34; Копылов и др., 2009. С. 60).

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2026 г.

Антипина, Магомедов, 2006 — Антипина Е. Е., Магомедов Ш. Р. Собачьи погрызы на археологических костях: комментарий к находкам на Елизаветовском городище // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Азов, 2006. Вып. 22. С. 323–326.

Гайдукевич, 1949 — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Книпович, 1935 — Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 году // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 111–201.

Книпович, 1949 — Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 180 с.

Коваленко, 2006 — Коваленко А. Н. Население Нижнего Дона второй половины IV — первой трети III в. до н. э. (по материалам погребальных комплексов) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. / Ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Южный федеральный ун-т (ЮФУ), 2006. С. 51–57.

Коваленко, 2009 — Коваленко А. Н. Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV — первой трети III в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук — 07.00.06 — археология / ИИМК РАН. СПб., 2009. 23 с.

Коваленко, 2018 — Коваленко А. Н. Эллинские и варварские традиции в строительном деле Елизаветовского городища // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. науч. трудов, посв. 70-летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Тип. «Лаки Пак», 2018. С. 347–363.

Коваленко, 2021 — Коваленко А. Н. Основные открытия последних лет в изучении Елизаветовского историко-культурного комплекса на Нижнем Дону // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Изд-во ИП Кифиди Г. И., 2021. С. 179–183.

Коваленко, 2022а — Коваленко А. Н. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона: трансформация взглядов и современное состояние // АВ. 2022. Вып. 35. С. 230–244.

Коваленко, 2022б — Коваленко А. Н. Кровельная черепица из материалов Елизаветовского городища на Дону // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. науч. трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова / Ред. А. П. Медведев. Саратов: Амирит, 2022. С. 213–223.

Коваленко, 2022в — Коваленко А. Н. Клейма на тонкостенных сосудах из материалов Елизаветовского городища на Дону // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 174–182.

Коваленко, 2023а — Коваленко А. Н. К вопросу о существовании «Старшего Танаиса» в дельте Дона // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях / Ред. В. Н. Зинько, А. В. Зинько. Симферополь; Керчь: Науч.-исслед. центр истории и археологии Крыма Крымского фед. ун-та; ИА Крыма РАН; ЦАИ БФ «Деметра», 2023. С. 146–152.

Коваленко, 2023б — Коваленко А. Н. О времени утверждения Боспора в дельте Дона в свете новых археологических данных // Международные отношения в бассейне Черного моря. Античное и средневековое время: Материалы XIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2023. С. 119–126.

Коваленко, 2023в — Коваленко А. Н. К вопросу о характере и хронологии эллинского святилища IV — начала III в. до н. э. на Елизаветовском городище // АВ. 2023. Вып. 41. С. 309–319.

Коваленко, 2025 — Коваленко А. Н. К вопросу о розничной торговле на Елизаветовском городище в дельте Дона в IV — первой четверти III в. до н. э. // Боспорский феномен. Экспорт / импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.; М.: Индрик, 2025. С. 95–104.

- Коваленко, Лисин, 2025 — Коваленко А. Н., Лисин Н. В. Новые элементы погребальной обрядности у населения Елизаветовского городища по материалам исследований последних лет // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы XIV Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2025. С. 137–145.
- Копылов, 2000 — Копылов В. П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 157–166.
- Копылов, 2002 — Копылов В. П. Греческая колония в дельте Дона — памятник урбанистического типа // *Urbanism in the Black Sea Area in the Archaic and Classical Periods: Polis Hellenis and Polis Barbaron* / Ed. O. Lordkipanidze. Tbilisi: Georgian Academy of Sciences; Centre for Archaeological Studies, 2002. P. 39–40.
- Копылов, 2005 — Копылов В. П. Большая греческая колония в дельте Дона и Танаис. Проблема двух Танаисов // Танаис и его соседи. 10 лет раскопок Варшавского университета в античном городе Танаис / Ред. Т. Шолль, Т. М. Арсеньева. Warszawa: Изд-во Варшавского ун-та, 2005. С. 10–11.
- Копылов, 2008 — Копылов В. П. Большая греческая колония на месте Елизаветинского городища (к проблеме двух Танаисов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2008. № 6. С. 60–64.
- Копылов, 2009 — Копылов В. П. Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII — первая треть III в. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: Материалы XII междунар. науч. конф. / Ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Медиа-Полис, 2009. С. 28–38.
- Копылов, 2015 — Копылов В. П. Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь: Керченская городская типография, 2015. С. 121–134.
- Копылов, 2016 — Копылов В. П. Роль урбанистических центров Нижнедонского культурно-исторического района в транзитной торговле Востока и Запада (первая половина VI — первая половина III в. до н. э.) // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе: Материалы междунар. ист.-практ. конф. / Отв. ред. И. В. Крючков. Ставрополь: Северо-Кавказский фед. ун-т, 2016. С. 80–87.
- Копылов, Васильев, 1991 — Копылов В. П., Васильев А. Д. Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV — начало III в. до н. э.) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород: ВГПИ, 1991. С. 27–36.
- Копылов, Коваленко, 2011 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // Древнее Причерноморье / Гл. ред. И. В. Немченко. Одесса, 2011. Вып. IX. С. 207–214.
- Копылов, Коваленко, 2012 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 96–100.
- Копылов, Коваленко, 2013 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Два Танаиса: миф или реальность? (Античная письменная традиция и археологические реалии) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посв. 65-летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Тип. «Лаки Пак», 2013. С. 242–257.
- Копылов, Коваленко, 2016 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV — первой трети III в. до н. э. // *Stratum plus*. 2016. № 3: Третий до... Потерянное столетие. С. 33–44.
- Копылов, Коваленко, 2018 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Фортификация Елизаветовского городища и военные конфликты в дельте реки Танаис // Междунар. науч. конф. «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: Тезисы докладов / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 87–89.
- Копылов, Коваленко, 2020 — Копылов В. П., Коваленко А. Н. Заключительный этап истории в Восточном региональном образовании Скифии // АВ. 2020. Вып. 29. С. 191–206.
- Копылов, Шелов-Коведяев, 2023 — Копылов В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. Мерное клеймо из раскопок Елизаветовского (Елизаветинского) городища на Дону // Вестник древней истории. 2023. Т. 83, № 2. С. 391–401.
- Копылов и др., 2009 — Копылов В. П., Коваленко А. Н., Янгулов С. Ю. Изменения военно-политической ситуации на Нижнем Дону в середине — конце IV в. до н. э. (в контексте дискуссии о причинах гибели Великой Скифии) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа / Отв. ред. О. Ю. Служак. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2009. С. 56–64.
- Копылов и др., 2012 — Копылов В. П., Андрианова Н. В., Коваленко А. Н., Меньшикова В. А., Сердюкова О. В. Раскопки грунтового некрополя Елизаветовского могильника в 2010 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 году. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2012. Вып. 26. С. 123–128.
- Марченко, 1994 — Марченко К. К. Алопекия, Псоа, или...? // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы

- VII Междунар. науч. конф. / Ред. В. П. Копылов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994. С. 59–61.
- Марченко, 2000 — Марченко К. К. Хронология Елизаветовского городища на Дону // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Сб. статей памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 222–227.
- Марченко и др., 2000 — Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф, 2000. 281 с. + 72 табл.
- Миллер, 1926 — Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Вып. I. С. 71–142.
- Молев, 1994 — Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: Нац. исслед. нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1994. 140 с.
- Монахов и др., 2025 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Коваленко А. Н., Чурекова Н. Б., Язовских А. Г. Амфоры VI–III вв. до н. э. из собраний музеев Ростова-на-Дону. Саратов: Амирит, 2025. 284 с.: ил.
- Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л.: Тип. 1-й Лен. труд. артели печатников, 1925. 621 с.
- Федосеев, 1999 — Федосеев Н. Ф. Елизаветовское городище — Псоа — Танаис // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 14–24.
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Т. II. Керчь: Соло-Рич, 2016. 320 с.
- Шелов, 1970 — Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 249 с.
- Шилов, 1959 — Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д., 1959. Вып. № 1 (3). С. 13–27.
- Minns, 1913 — Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 720 p.

The Elizavetovka fortified settlement on the Don River in the light of the Scythian-Bosporan relations and new archaeological discoveries

A. N. Kovalenko³

Keywords: Elizavetovka fortified settlement, Bosporus, Scythians, 4th–1st third of the 3rd cent. BC, ground necropolis, burial rite, defensive structures, closed complexes

This article presents the results of a study aimed at examining the development of the Elizavetovka fortified settlement on the Don River from the 4th to the 1st third of the 3rd cent. BC. The article devotes special attention to the analysis of archaeological evidence of Scythian-Bosporan relations in the Don Delta and the establishment of Bosporan control over the region's main trade and economic center of that time. Data is presented suggesting that this event occurred at the end of the 3rd quarter or at the turn of the 3rd and 4th quarters of the 4th cent. BC, i.e., significantly earlier than was previously believed. Significant attention in the course of the study was given to the analysis of materials from the ground necropolis of the Elizavetovka settlement, the recent discovery and further study of which are of extreme importance. It was established that the rite of the majority of the necropolis' burials differs significantly from the rite of the kurgan burials of the Elizavetovka cemetery and demonstrates a variety of ritual elements. It can be confidently stated that the population that left the necropolis was of a mixed nature and, in addition to Greek colonists, there were also barbarians, which is confirmed by the first results of laboratory studies of these complexes. The article also presents data on a new, previously unknown, section of the defensive line of the Elizavetovka fortified settlement, where the rampart was razed, and the ditch, in the filling of which human bone remains, including individual skulls, were found, was filled up at the same time no earlier than the end of the 3rd quarter of the 4th cent. BC.

³ Alexandr N. Kovalenko — Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: alex_arx1977@mail.ru.

Труды М. И. Ростовцева и изучение религии Боспора¹

И. Ю. Шауб²

Аннотация. В статье рассматривается значение трудов М. И. Ростовцева для изучения религии греко-варварского населения Боспора Киммерийского. Проанализировав современное состояние ее исследования, автор приходит к выводу, что работы М. И. Ростовцева, посвященные проблемам религиозной жизни разнородного населения Боспорского государства, сохраняют свою актуальность.

Ключевые слова: труды М. И. Ростовцева, историография изучения религии населения Боспора Киммерийского, варварские влияния на религию греков, культ Великой богини, религия фракийцев

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-215-225

Труды великого русского историка М. И. Ростовцева заложили основу для подлинно научного изучения истории и культуры Боспора Киммерийского. Так, именно М. И. Ростовцев первый обратился к росписям боспорских склепов в качестве источника для реконструкции загробных верований его обитателей (Ростовцев, 1911а; 1914)³. Но главное значение его работ заключается в том, что они позволили совершенно по-новому взглянуть на религиозную жизнь его греко-варварского населения (Шауб, 2020б).

Несмотря на то что у великого русского историка по сути нет специальных исследований, посвященных интересующей нас теме⁴, его труды

являются бесценной сокровищницей наблюдений, мыслей, идей для каждого, кто серьезно и вдумчиво занимается исследованием религиозной проблематики Боспора. М. И. Ростовцев, обладая не только талантом историка, могучим интеллектом, колоссальными разносторонними познаниями, но и удивительной интуицией, дал толкование ряду важнейших археологических памятников Боспора, что оказало значительное влияние на их дальнейшее изучение⁵.

«Инвентарь погребений составляет наш главный археологический материал, на основании которого мы можем изучать эволюцию... религиозных воззрений жителей городов Боспорского царства...», — писал М. И. Ростовцев, имея в виду прежде всего предметы погребального инвентаря из могил представителей эллинизированной местной знати (Ростовцев, 1925. С. 157). Продолжая исследования русского ученого, замечательный немецко-швейцарский искусствовед К. Шефольд отмечал, что на Боспоре, как и в других «окраинных областях античного мира, проявлялась догреческо-магическая символика, то есть употребление тех мотивов, за которыми подразумевалось нечто иное, нежели их видимое содержание...» (Schefold, 1949. S. 154)⁶. И этот

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: schaubigor@yandex.ru.

© Шауб И. Ю., 2026

³ См.: Шауб, 1983; 2007а; 2011; 2013б; 2014; 2020б.

⁴ Если, конечно, не считать его статьи о культе Великой богини (о чем см. далее) и о «богоданной» царской власти в Скифии и на Боспоре (Ростовцев, 1913). Рассмотрение взглядов ученого на проблему царского культа на Боспоре см.: Шевченко, 2003. Однако следует отметить, что представления о монархической власти как о даре Великой богини, о существовании которых как в Скифии, так и на Боспоре М. И. Ростовцев догадался на основании изучения археологических памятников, О. К. Шевченко не проанализировал.

⁵ Даже в советское время археологи и историки широко использовали научное наследие М. И. Ростовцева (см., например: Гайдукевич, 1949; Жебелёв, 1953; Артамонов, 1961), хотя часто и предпочитали делать это без ссылок на «белоэмигранта».

⁶ См. также: Schefold, 1934.

момент, к сожалению, не учитывается многими исследователями, которые пытаются интерпретировать памятники боспорского сакрального искусства.

Главной заслугой М. И. Ростовцева в деле изучения религиозной жизни Боспора можно считать привлечение внимания к тому факту, что наряду с сильной эллинизацией варваров под влиянием греческой культуры происходил и обратный процесс, то есть варвары оказывали воздействие на культуру греков-переселенцев, в частности на их религию (Шaub, 1987а; 2007а; 2010; 2011; 2018).

Следует особо отметить, что для М. И. Ростовцева вычленение местных элементов в религии населения северопричерноморских городов, при ярко выраженной тенденции этих элементов облекаться в эллинские формы, было несомненным и естественным фактом⁷. Это выгодно отличает его от многих современных исследователей, которые исключают данную проблему из рассмотрения или даже оспаривают ее право на существование. Очень показательным для данной установки является высказывание В. М. Зубаря: «... вывод о каком-либо влиянии варварских религиозных представлений на сакральную жизнь греков-херсонеситов должен быть решительно отвергнут как построенный на тенденциозном подходе к источникам, продиктованном сугубо политической конъюнктурой новейшего времени» (Зубарь, 2005. С. 10)⁸. Если речь идет об историках советской эпохи, то в утверждении украинского ученого есть резон, однако какую «политическую конъюнктуру» усматривал он в отношении к данной проблеме М. И. Ростовцева? Оставляя в стороне психологические мотивы, именно политической конъюнктурой можно объяснить столь яростное отстаивание «чистоты» эллинской культуры в греческих колониях Северного Причерноморья, которое характерно для работ украинских ученых-антиковедов. Ярким примером такой конъюнктуры являются труды И. А. Емеца: диссертация, защищенная в Киеве в 2001 г. на украинском языке, и ее текст, опубликованный в русском переводе в Москве в 2002 г.

⁷ Ярчайшим примером этой тенденции является посвящение царицы с негреческим именем Комосария варварским божествам Санергу и Астаре, статуарные изображения которых были выполнены в стилистике греческого искусства: богиня облачена в пеплос, а бог — в хитон.

⁸ Речь здесь, правда, идет о Херсонесе, но в данном случае это неважно, поскольку данная установка распространяется украинским археологом и на Боспор.

(Емец, 2001; Емец, 2002). Если отвлечься от конъюнктуры, то его кандидатская диссертация посвящена историографическому аспекту проблемы греко-варварских религиозных взаимовлияний на Боспоре. Работа И. А. Емеца сочетает в себе далеко не полный и весьма тенденциозный обзор литературы по этой теме с детальным описанием одних и весьма поверхностной интерпретацией других археологических памятников. Вывод автора таков: «...греко-варварский синкретизм в религиозной жизни населения Боспора не удастся достоверно проследить по имеющимся источникам. Вместе с тем по ряду характерных черт ясно, что культы некоторых греческих божеств и героев за период почти тысячелетнего существования на данной территории приобрели локальные особенности, обогатившись за счет заимствования отдельных функций других греческих божеств, которые уже в период колонизации были наделены многими свойствами, нехарактерными для их почитания в метрополиях греческих поселенцев» (Емец, 2001. С. 20). Возникает закономерный вопрос: а чем объясняются те «многие свойства», которыми, как признает сам И. А. Емец, отличались боспорские божества от богов метрополий уже в период колонизации? Вразумительного ответа на этот вопрос в работе И. А. Емеца нет.

Глубокий и всесторонний анализ археологических памятников в сочетании с данными письменных источников позволил М. И. Ростовцеву сделать вывод о том, что Южная Россия (как Скифия, так и Боспор) стояла в длинном ряду тех областей, где «первобытным и господствующим» был культ Великого женского божества (Rostovtzeff, 1919. Р. 465). По мнению М. И. Ростовцева, традиция почитания Великой богини на Кубани восходит, судя по находкам терракот, еще к III тыс. до н. э. (Ibid. Р. 462, 463). Киммерийцы, подчинившие своей власти меоты на заре железного века, вероятно, восприняли культуру и религию побежденных (Ibid. Р. 463).

Что касается скифов, то, по свидетельству Геродота, верховным божеством их пантеона было женское божество (Табити) (Hdt. IV, 59). Этот факт М. И. Ростовцев считал указанием на некогда существовавший у скифов матриархат (Ростовцев, 1918а. С. 73, 124, 170)⁹. По мнению В. И. Абаева, скифский пантеон являлся своего рода компромиссом между матриархальной идеологией недавнего прошлого и идеологией победивших патриархальных отношений. Мы же

⁹ Ср.: Жебелёв, 1953. С. 34; Артамонов, 1961. С. 86 сл.; Абаев, 1962. С. 450.

полагаем, что этот пантеон является конструкцией самого Геродота (Шауб, 2007а; 2011; и др.). Как бы то ни было, памятники однозначно свидетельствуют о главенствующем положении женского божества в религии скифов, а гипотеза о существовании у них культа многоипостасной Великой богини дает единственную возможность положить конец бесплодным спорам о том, какая из упомянутых «отцом истории» богинь (Табити, Аргимпаса или Апи) представлена на том или ином памятнике.

Поучительный пример для любого серьезного исследователя рассматриваемого сюжета дает история развития взглядов на него М. И. Ростовцева. Главную сцену на пластине от женского головного убора из кургана Карагодеуашх ученый истолковал как приобщение молодого скифа к власти, даруемой богиней, в которой поначалу увидел Анахиту («иранскую Иштар») (Ростовцев, 1913. С. 14). В дальнейшем он отказался от попыток подыскать имена для богинь, представленных на этом и подобных памятниках, и стал называть все эти персонажи просто «Великая богиня» (Rostovtzeff, 1919) или «Великая доарийская богиня-мать» (Ростовцев, 1990. С. 193). Эту гипотезу М. И. Ростовцева первым поддержал крупнейший французский антиковед Ш. Пикар, который резонно предположил, что именно наличие местного почитания Великой богини подготовило почву для проникновения в Причерноморье культов Северной Ионии (Picard, 1922. Р. 158).

Нужно сказать, что сюжет, аналогичный вышеупомянутому, но в котором центральной фигурой является не богиня, а мужское божество, представлен на серебряном ритоне из мужского погребения того же кургана Карагодеуашх. Большинство исследователей вслед за М. И. Ростовцевым видит в этой сцене инвеституру царя богом (Ростовцев, 1913; 1927; 1990).

Ю. А. Виноградов развил идею Ростовцева (Виноградов, 1993), а израильская исследовательница Ю. Устинова (Ustinova, 1999. Р. 57) продемонстрировала необоснованность критики данной интерпретации Ростовцева со стороны В. Ю. Зуева и И. А. Левинской¹⁰. Но вопрос об имени бога карагодеуашхского ритона остается открытым.

По нашему мнению, при допущении многоипостасности местного мужского божества, которое явно выступало в качестве спутника Великой богини, снимаются дискуссии о том, кто был ее

паредром в Северном Причерноморье: Дионис, Геракл, Ахилл, Аполлон или какой-либо местный бог. Это мог быть любой из них в зависимости от конкретных обстоятельств, подобно тому, как и сама Богиня могла выступать в различных ипостасях: Афродиты, Деметры, Афины, Горгоны Медузы и др. (Шауб, 1991; 1999; 2007а; 2011).

Явления, в некотором роде аналогичные предполагаемым для Скифии, наблюдаются и в Греции, где образ Великой минойской богини, ипостасируясь, порождает целый ряд божественных персонажей (Шауб, 2013а), но продолжает существовать в народной религии, прежде всего в облики Potnia Theron (Christou, 1968). Мужским коррелятом этой Богини выступает божество, условно называемое Владыкой зверей (Шауб, 2007б. С. 27–30)¹¹.

Чрезвычайно широко распространенное с IV в. до н. э. в разных иконографических вариантах и на различных предметах, происходящих из погребений скифов и синдомеотов, изображение змееной богини М. И. Ростовцев определил как контаминацию восточной крылатой Великой богини с восточным же типом змееной богини. Поскольку это соединение нигде не получило такого распространения, как в Южной России, М. И. Ростовцев резонно предположил, что популярность змееной богини обуславливалась местными верованиями, которые отразились в разных версиях легенды об этой богине (Rostovtzeff, 1922. Р. 108)¹². Ученый считал этот образ результатом смешения Потнии Терон с полуперсидской Анахитой, делая отсюда вывод, что данная богиня в религиозных представлениях скифов выступала одновременно как водная, так и в качестве покровительницы лошадей (Rostowzew, 1913. S. 229, 230).

Относительно происхождения иконографии змееной богини М. И. Ростовцев предположил, что ее источником является древний ионийский мотив Горгоны Медузы (Rostovtzeff, 1922. Р. 108). Это, безусловно, правильно, так как в античном искусстве антропоморфному змееному персонажу предшествует именно змееногая Горгона, которая представлена на ряде ручек позднеархаических бронзовых кратеров (Шауб, 2007а; 2011). Красноречивый факт: на острове Крит получеловеческий-полузмеиный персонаж до сих пор называется «Горгона» (Gimbutas, 1989. Р. 132).

¹¹ См. также: Шауб, Яценко, 2022.

¹² Развитие гипотезы М. И. Ростовцева о змееной богине как одной из ипостасей Великой богини см.: Шауб, 1987а; 1999; 2006; 2008; ср.: Ustinova, 2005.

¹⁰ См. их комментарии к публикации: Ростовцев, 1990.

В качестве курьеза приведем высказывание известного украинского антиковеда М. В. Скржинской, которая, называя змееногую богиню «прорастающей девой», единым росчерком пера отменяет работу Ростовцева и всех его многочисленных последователей: «Ее описание и роль в древнем фольклоре и литературе отсутствует в письменных источниках, так что можно лишь догадываться о смысле подобного образа. Сейчас признаны несостоятельными попытки отождествить ее со змееной богиней из Скифского рассказа Геродота, так как ни на одном ее изображении нет змей. Эта дева имеет вместо ног растительные побеги, расходящиеся из обращенного вниз куста аканфа, составляющего нижнюю часть ее туловища (рис. 115). Фантастическая женщина бывает крылатой (№ 242–244) и бескрылой (№ 245), концы ее крыльев и конечностей из растительных побегов могут оканчиваться головами птиц или грифонов, которых раньше ошибочно принимали за змей» (Скржинская, 2010а. С. 206; см. также: Скржинская, 2010б). При этом М. В. Скржинская ссылается только на работу другой украинской исследовательницы, А. В. Буйских (Буйских, 2006; Buiskikh, 2007), которая отнюдь не является специалистом в области интерпретации семантики памятников искусства. Мало того, занимаясь проблемой стилистических заимствований, А. В. Буйских автоматически переносит результаты своих искусствоведческих наблюдений в область семантики¹³, которую «реалия не убивает» (Фрейденберг, 1936. С. 117). Аналогичное игнорирование или непонимание разницы между анализом стиля и смысла, то есть между иконографией и иконологией, характерно и для всех прочих работ подобного рода (см., например: Соколов, 1999. С. 195, 358; Журавлев, Новикова, 2012. С. 80–82)¹⁴.

Для того чтобы опровергнуть нелепое утверждение об отсутствии змей на всех изображениях богини, достаточно вспомнить только один хрестоматийный памятник греко-скифского искусства — золотой конский налобник из Большой Цимбалки, где сочетаются реалистически трактованные змеи и растительные побеги, выходящие из бедер богини. Это сочетание на данном и некоторых других памятниках змеиных и растительных черт наглядно демонстрирует

неправомерность стремления ряда исследователей к разделению единого образа прародительницы скифов и некой «прорастающей девы» (Савостина, 1996; Вахтина, 2005). Этот образ, несмотря на отличия в трактовке его нижних конечностей, явно воспринимался как одна и та же ипостась Великого женского божества¹⁵. Иногда этот образ змееной богини подвергался значительной стилизации¹⁶. Вероятно, как еще одно воплощение своей змееной богини также воспринималась скифским населением Боспора Скилла (которая, как известно, изображалась с нижней частью туловища в виде хвостов рыб или дельфинов)¹⁷, представленная на ряде памятников, найденных на его территории (Шауб, 2009). Все эти идентификации можно уверенно предполагать, поскольку скифам была присуща тенденция к переосмыслению образов чужого искусства на свой лад, что, опираясь на идею, высказанную М. И. Ростовцевым (Rostovtzeff, 1929. Р. 35), блестяще доказал Д. С. Раевский (Раевский, 1985. С. 110, 163, 164, 167, 171–173, 176, 177, 220–222); аналогичная тенденция прослеживается и у меотов (Шауб, 2021).

Справедливо критикуя крайности гипотезы В. Леонхарда об амазонках-хеттах, М. И. Ростовцев убедительно доказал, что легенды об этих женщинах-воительницах связаны с теми областями, где существовал культ Великой богини (Rostovtzeff, 1919. Р. 468 sq.; Шауб, 1993; 2007а; 2011). Здесь нелишне вспомнить его наблюдения о тех причинах, по которым лемносский культ оказался тесно связанным с причерноморскими культами. На Лемносе, населенном синтиями, таким же пиратским и разбойным племенем, как и тавры, чтити Великую богиню, которую Аристофан отождествлял с фракийской Бендидой. «В культе ее играли огромную роль суровые и жестокие женщины, побеждающие и убивающие мужчин. И на Лемносе, по греческим преданиям, существовала гинекократия (как и у савроматов. — И. III.). Великая богиня и здесь умиловлялась человеческими жертвами. Все это тесно связано не только с Таврикой: имя Σύντιες, или Σύντοι так близко имени Σύνδοι на Таманском полуострове и в Крыму» (Ростовцев, 1918а. С. 196).

¹⁵ О семантическом тождестве ползучих растений и змей см.: Шауб, 2016.

¹⁶ Об этой стилизации образа змееной прародительницы скифов наглядное представление дает свод ее изображений в статье: Петров, Макаревич, 1963.

¹⁷ О семантическом тождестве змеи, рыбы и дельфина см.: Шауб, 2011. С. 81, примеч. 56.

¹³ К сожалению, эта тенденция характерна для работ искусствоведов; см.: Шауб, 2025б.

¹⁴ Остроумные рассуждения А. В. Подосинова о Луккиане — пародисте Геродота (Подосинов, 2020) — не имеют отношения к сути рассматриваемого нами вопроса.

Солидаризируясь с М. И. Ростовцевым, Л. А. Ельницкий справедливо полагал, что перенесение греками представлений об амазонках на реальные припонтийские племена производилось не только по чисто бытовым, но и по культовым признакам, и вычленил на Тамани ряд амазонских топонимов, скопление которых, по его мнению, было обусловлено наличием там древнего святилища Афродиты Апатуры, «в ритуале которой, несомненно, имелись черты, характерные для культа женского божества плодородия, породившие и амазонскую легенду» (Ельницкий, 1961. С. 33). По мнению того же ученого, само название «амазонки» может восходить к арамейскому эпитету сирийской Афродиты *am̄m azzon* — «сильная, великая мать», что близко по значению к эпитету Санерга из известного боспорского посвящения этому богу и Астаре, в которой М. И. Ростовцев увидел имя Великой меотской богини, некогда безымянной (Ростовцев, 1918б; Rostovtzeff, 1919. Р. 463).

М. И. Ростовцев обратил внимание на удивительное сходство мифа о боспорской Афродите Апатуре и ее спасителе Геракле (Strab. XI, 2, 10)¹⁸ с этногонической легендой скифов, к сожалению, оставив этот интересный сюжет без развития (Rostovtzeff, 1922. Р. 73). Данное наблюдение подвигло Д. С. Раевского (Раевский, 1977) и автора этих строк (Шауб, 1979; 1987а; 1999; 2007а; 2011) к детальной разработке означенного сюжета, что позволило расширить круг аналогий и продемонстрировать правоту М. И. Ростовцева.

С начала IV и вплоть до середины III в. до н. э. неизменным типом аверса пантикапейских монет становятся головы бородатых силенов и безбородых сатиров, которые, по мнению М. И. Ростовцева, являются изображениями «местного, возможно фракийского, божества великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силена на монетах греко-фракийских городов» (Rostovtzeff, 1922. Р. 80). Несмотря на попытки оспорить гипотезу о фракийском происхождении пантикапейских монетных типов¹⁹, несомненной представляется заслуга

М. И. Ростовцева в том, что он обратил внимание на Фракию в качестве источника ряда важных религиозных представлений боспорян. Остается только пожалеть, что он не осуществил своего намерения посвятить этому вопросу специальную работу (Ростовцев, 1911б. С. 40).

Однако данная идея, в частности мысль о местных корнях Ахилла на Левке (Ростовцев, 1918а), получила развитие не только в ряде работ о культе Ахилла на этом острове и на хоре Ольвии, но и на Боспоре (Шауб, 2002а; 2002б; 2007а; 2011; 2020а; Яйленко, 2017; Терещенко, Шауб, 2018; Лазаренко, 2018; 2025).

Возвращаясь к сатиropодобному божеству на монетах Пантикапея, нужно отметить, что гипотеза М. И. Ростовцева о фракийском происхождении дионисийских образов бородатых силенов и безбородых сатиров на монетах Пантикапея нашла блестящее подтверждение благодаря находкам, сделанным уже через много десятков лет после того, как она была выдвинута. Русский ученый исходил из господствовавшего в начале XX в. представления о фракийском происхождении бога Диониса. Относительно артефактов Ростовцев опирался на тот факт, что образы силенов доминировали в позднеархаической и раннеклассической нумизматике Фракии. В настоящее время на ее территории найден целый ряд серебряных канфаров — культовых сосудов Диониса, ручки которых изнутри украшены позолоченными головами бородатых силенов, аналогичных тем, которые представлены на пантикапейских монетах. Поскольку фракийские канфары были созданы ранее, чем отчеканены первые монеты Пантикапея с головами силенов, вряд ли можно сомневаться в том, что образцами для них послужили силены атташей этих сосудов. Кстати, отвергнутая было гипотеза о фракийском

параллелизм двух аспектов божества, представленного на монетах Пантикапея, — бородатого пожилого и юного безбородого — черта, свойственная не только нашедшему распространение во всем Причерноморье (в том числе и на Боспоре) культу кабиров, но и культу диморфного бога Диониса (см.: Шауб, 2023), — является, на наш взгляд, достаточным аргументом в пользу гипотезы М. И. Ростовцева (см также: Шауб, 2019а; Шауб, Терещенко, 2021б). В частности, сочетание изображений бородатого и безбородого сатиров на уздечных бляхах из кургана Бабина Могила (Мозолевский, Полин, 2005. Табл. 7, 1–4) явно не имеет отношения к не засвидетельствованному у варваров культу кабиров (об этом культе в Северном Причерноморье см.: Шауб, Терещенко, 2021а).

¹⁸ О варварских чертах в культе Геракла в Северном Причерноморье см.: Шауб, 2025в.

¹⁹ Эта гипотеза М. И. Ростовцева вызвала возражение Д. Б. Шелова, который связывает головы на пантикапейских монетах «с другими местными культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснено» (Шелов, 1950. С. 64). Однако

происхождении Диониса в последние десятилетия получила развитие и обрела новых сторонников²⁰.

В то же время еще одно предположение М. И. Ростовцева относительно дионисийских образов, фигурирующих на пантикапейских монетах, а именно о связи этих образов с культом бога Сабазия — фракийского Диониса — остается чисто умозрительным, хотя тот же ученый обоснованно предположил существование культа этого бога на Боспоре.

Два факта свидетельствуют о хтоническом характере дионисийских персонажей, представленных на пантикапейских монетах. Во-первых, популярность их изображений на бляшках от погребальных одежд жителей как Боспора, так и скифов, погребенных в приднепровских курганах (Rostowzew, 1931. S. 393, 394). Во-вторых, связь этих божеств со змееногой богиней — местным великим женским божеством в его хтоническом аспекте. Эта связь фиксируется не только бляшками из Куль-Обы и из станицы Ивановской, на которых змееногая богиня держит в руках голову сатириобразного божества, но и совместными находками бляшек с изображением всех этих персонажей в погребениях Большой Близницы. М. И. Ростовцев считал (правда, без детально проработанных аргументов), что погребенные в Большой Близнице женщины были жрицами местной Великой богини (Ростовцев, 1925. С. 372; Rostovtzeff, 1922. P. 73; Rostowzew, 1931. S. 394²¹). Несмотря на попытки (иногда весьма курьезные) оспорить жреческий характер этих погребений²², детальный анализ их инвентаря подтверждает правоту великого русского ученого (Шауб, 1987б; 1999; 2017).

Непреодолимое значение трудов М. И. Ростовцева, посвященных погребальной живописи Боспора, проиллюстрируем всего двумя примерами. Так, на основе анализа росписи пантика-

пейского склепа пигмеев ученый предположил, что пигмеи в их борьбе с журавлями играли «специфически погребальную» роль (Ростовцев, 1914. С. 148). То, что этот миф «имеет сакральный смысл борьбы живых с выходцами из потустороннего мира, душами покойных, ставших оборотнями и принявших вид журавлей», сумела наглядно продемонстрировать И. В. Шталь (Шталь, 1989. С. 83, 84).

Второй пример — это росписи нескольких боспорских гробниц III–IV вв. н. э., главным элементом декора которых являются изображения виноградной лозы и кистей винограда. М. И. Ростовцев интерпретировал представленного здесь бородастого мужчину во фригийском колпаке как фрако-фригийского Сабазия, поскольку сочетание в одном образе бороды с фригийским колпаком было свойственно иконографии только этого бога (Ростовцев, 1914. С. 428 сл.)²³. Исследователя несколько смутило только наличие рядом с Сабазием изображения огромного орла — главного атрибута Зевса²⁴. Работа Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» вышла в 1914 г., а в чуть позднее появившемся фундаментальном исследовании А. Б. Кука о культе Зевса наглядно демонстрируется тот факт, что в римскую эпоху образы обоих богов весьма основательно синкретизировались (Cook, 1914. P. 390 sq.; 1925. Passim; 1940. P. 945); этот синкретизм, соответственно, приводил к смешению их атрибутов (Picard, 1961).

М. И. Ростовцев также предположил, что в росписи и некоторых других боспорских гробниц присутствует символика мистерий Сабазия (Ростовцев, 1914. С. 428–432). А. Е. М. Алексеева полагает, что синкретический культ этого бога, обогатившийся новыми верованиями, которые имели солярный характер, нашел отражение в росписи горгиппийского склепа, открытого в Анапе в 1975 г. Дионису-Сабазию, по мнению той же исследовательницы, был посвящен храм, который существовал в Горгиппии в II–III вв. н. э. (Алексеева, 2016. С. 63).

На основе анализа росписи склепа, открытого в Пантикапее в 1875 г., М. И. Ростовцев пришел к выводу, что на Боспоре существовал культ Аполлона Гиперборейского, который, считаясь как богом урожая (Лосев, 1957. С. 421), так и владыкой

²⁰ См., например: Гиндин, 1980. С. 216 сл.; Цымбурский, 2002; Шепард, 2010. Даже само имя этого божества В. Л. Цымбурский производит из фракийского языка (как «Бог наш»).

²¹ Справедливости ради необходимо упомянуть, что поначалу он разделял идею Л. Стефани о том, что здесь нашли упокоевание жрицы элевсинского культа Деметры (Ростовцев, 1914. С. 120, 121).

²² Так, А. Шварцмайер считает, что в Большой Близнице были погребены не эллинизированные синдянки — служительницы культа, а гречанки-невесты (Schwarzmaier, 2006). Доводы против этого нелепого предположения см.: Шауб, 2015.

²³ О культе Сабазия в Северном Причерноморье см.: Шауб, 2025а.

²⁴ Правда, несколько примеров ассоциации Сабазия с орлом ученый привел (Ростовцев, 1914. С. 429).

потустороннего мира, мог похищать праведных в свой рай — загробную страну гипербореев (Ростовцев, 1914. С. 290). Эту плодотворную идею мы развили в ряде публикаций, придя к выводу, что Аполлону Гиперборейскому, в мифологии которого явственно прослеживаются шаманские черты, был близок Аполлон Врач — верховное мужское божество раннего Боспора (Шауб, 1998; Виноградов, Шауб, 2005; Ustinova, 2009). Связь Аполлона с потусторонним миром выступает на ряде предметов погребального инвентаря, а именно — на «боспорских пеликах», где бог часто изображался верхом на грифоне (Кобылина, 1951)²⁵, а также на терракотовых украшениях саркофага из Феодосии (Шауб, 2007а. Рис. 76). На них Аполлон в одежде варвара, представленный верхом на грифоне, поражает копьем оленя. Н. А. Онайко (Онайко, 1977), сравнив феодосийские медальоны с аналогичными изображениями на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (Шауб, 2007а. Рис. 77) и на бляхе из Дуровского кургана (Там же. Рис. 78), наглядно показала, что на всех этих памятниках центральным персонажем является не кто иной, как Аполлон Гиперборейский. Этот же бог, вероятно, изображался и на ряде погребальных пеликов, которые служили важным компонентом погребального инвентаря боспорян — как греков, так и варваров.

²⁵ Автор считает, что пелики с подобными композициями изготавливались специально для Боспора, поскольку на подобных сосудах из других областей (за исключением спорного изображения из Кирены) аналогичные изображения не зафиксированы. К. Шефольд полагает, что на ряде «боспорских пеликов» представлен Дионис (Schefold, 1934. № 404, 438, 454). О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре, возможно, отчасти стимулированном варварскими влияниями, см.: Шауб, 1983. С. 72 сл.; 1989. С. 128, 129.

Ю. А. Виноградов, который, вдохновляясь идеями М. И. Ростовцева, некогда написал блестящую статью о специфике боспорского феномена (Виноградов, 2000), недавно провел чрезвычайно интересное исследование семантики изображений в знаменитом расписном саркофаге 1900 г. из Керчи (Виноградов, 2020; 2021). Ю. А. Виноградов напомнил слова М. И. Ростовцева о том, что в «богатстве живописью религиозного содержания» Керчи «заключается ее исключительная важность для понимания религиозного мировоззрения боспорян в эллинистическую и римскую эпохи» (Ростовцев, 1911а. С. 119). «Современным исследователям, конечно, не стоит забывать слов великого предшественника», — пишет Ю. А. Виноградов (Виноградов, 2020. С. 71). Об актуальности этого призыва красноречиво свидетельствует такой факт: в недавней монографии о боспорских культах английского исследователя Д. Браунда, который прекрасно владеет русским языком, нет ни одной ссылки на работы М. И. Ростовцева (в том числе и на европейские языки), посвященные Боспору (Braund, 2018)²⁶.

Мы не упомянули еще целый ряд глубоких и плодотворных мыслей М. И. Ростовцева относительно различных аспектов религии боспорян и, шире, обитателей Северного Причерноморья²⁷. Однако и сказанного достаточно для того, чтобы понять, сколь важное значение имеет научное наследие великого русского ученого для понимания религиозной жизни разноплеменного населения Боспорского государства.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

²⁶ См. также: Шауб, 20196. Нет упоминания имени М. И. Ростовцева и в исследовании Г. А. Кошеленко, посвященном культам Азиатского Боспора: Кошеленко, 2010.

²⁷ См., например: Ростовцев, 19116; 1915.

Абаев, 1962 — Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов // Древний мир. Сб. ст., посв. академику В. В. Струве. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 445–450.

Алексеева, 2016 — Алексеева Е. М. Интерпретация комплекса Анапских склепов 1975 г. // Древности Боспора. 2016. Т. 20. С. 34–67.

Артамонов, 1961 — Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1961. Вып. 2: Скифо-сарматское время. С. 57–87.

Буйских, 2006 — Буйских А. В. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заим-

ствований // Боспорские исследования (БИ). 2006. Вып. 11. С. 127–145.

Вахтина, 2005 — Вахтина М. Ю. IV в. до н. э. — эпоха расцвета греко-скифской торевтики // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Ред. К. К. Марченко. СПб.: Алетей, 2005. С. 297–399.

Виноградов, 1993 — Виноградов Ю. А. О ритонах из кургана Карагодеуашх // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 6. С. 66–71.

Виноградов, 2000 — Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе

- // *Stratum plus*. 2000. № 3: Мельпомена археологическая. С. 98–128.
- Виноградов, 2020 — Виноградов Ю. А. Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи. К пониманию семантики изображений // Боспорские чтения (БЧ). 2020. Вып. XXI. С. 64–71.
- Виноградов, 2021 — Виноградов Ю. А. Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи // БИ. 2021. Вып. 42. С. 65–88.
- Виноградов, Шауб, 2005 — Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // АВ. 2005. Вып. 12. С. 219–223.
- Гайдукевич, 1949 — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 623 с.
- Гиндин, 1980 — Гиндин Л. А. К проблеме фракийского вклада в греческую культуру // *Pulprudeva*. 1980. Т. I. С. 216–219.
- Ельницкий, 1961 — Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Географгиз, 1961. 224 с.
- Емец, 2001 — Емец И. А. Греко-варварські релігійні взаємовпливи на Боспорі Кімерійському (історіографічний аспект): Автореф. дис. ... канд. істор. наук: 07.00.04 / Нац. акад. наук України, Ін-т археології. Київ, 2001. 21 с.
- Емец, 2002 — Емец И. А. Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. М.: Компания Спутник+, 2002. 222 с.
- Жебелёв, 1953 — Жебелёв С. А. Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.
- Журавлев, Новикова, 2012 — Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю. Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой: Сб. ст. М.: ГИМ, 2012 (Труды ГИМ; Вып. 189). С. 80–97.
- Зубарь, 2005 — Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев: Стилос, 2005. 187 с.
- Кобылина, 1951 — Кобылина М. М. Поздние боспорские пелики // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 19). Т. I / Под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова. С. 136–170.
- Кошеленко, 2010 — Кошеленко Г. А. Религия и культы // Античное наследие Кубани. Т. II / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 355–416.
- Лазаренко, 2018 — Лазаренко В. Г. Ахилл — бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.
- Лазаренко, 2025 — Лазаренко В. Г. Значение варварских компонентов для формирования особенностей культа Ахилла на Боспоре // Боспорский феномен. Экспорт / импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.; М.: Индрик, 2025. С. 311–318.
- Лосев, 1957 — Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
- Мозолевский, Полин, 2005 — Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева Могила. Киев: Стилос, 2005. 600 с.
- Онайко, 1977 — Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 153–160.
- Петров, Макаревич, 1963 — Петров В. П., Макаревич М. Л. Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № 1. С. 20–31.
- Подосинов, 2020 — Подосинов А. В. Некоторые замечания к образу скифской полуженщины-полузмеи у Геродота // АВ. 2020. Вып. 29. С. 168–174.
- Раевский, 1977 — Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Раевский, 1985 — Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 265 с.
- Ростовцев, 1911a — Ростовцев М. И. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // *ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ*. Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. С. 119–154.
- Ростовцев, 1911b — Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
- Ростовцев, 1913 — Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62, 133–140.
- Ростовцев, 1914 — Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1914. 537 с.
- Ростовцев, 1915 — Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао // Записки Одесского общества истории и древностей. 1915. Т. 32. С. 58–77.
- Ростовцев, 1918a — Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике // Известия ИАК. 1918. Вып. 65. С. 177–197.
- Ростовцев, 1918b — Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 189 с.
- Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Тип. 1-й Ленингр. труд. арт. печати, 1925. 621 с.
- Ростовцев, 1927 — Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и Китае // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Вып. I. С. 141–146.
- Ростовцев, 1990 — Ростовцев М. И. Иранский конный бог и Юг России // Вестник древней истории. 1990. № 2. С. 192–200.
- Савостина, 1996 — Савостина Е. А. «Змееногая богиня» — «прорастающая дева» (двусторонний

- антропоморфный акротерий из Пантикапея) // Историко-археологический альманах. Вып. 2 / Ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М., 1996. С. 72–82.
- Скржинская, 2010а — Скржинская М. В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2010. 325 с.
- Скржинская, 2010б — Скржинская М. В. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья // БИ. 2010. Вып. XXIV. С. 193–290.
- Соколов, 1999 — Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.: Изд-во МЭИ, 1999. 629 с.
- Терещенко, Шауб, 2018 — Терещенко А. Е., Шауб И. Ю. О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. 2018. Вып. X. С. 146–160.
- Фрейденберг, 1936 — Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л.: Гослитиздат, 1936. 454 с.
- Цымбурский, 2002 — Цымбурский В. Л. Имя Диониса // Классическая филология и индоевропейское языкознание / Ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2002. С. 141–166.
- Шауб, 1979 — Шауб И. Ю. Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации» (Цхалтубо, 1979): Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 85–87.
- Шауб, 1983 — Шауб И. Ю. Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства (некоторые сюжеты «боспорских пелик») // Concilium Eirene XVI. Prague, 1983. Vol. 2. С. 72–75.
- Шауб, 1987а — Шауб И. Ю. Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — археология / ЛОИА АН СССР. Л.: [б. и.], 1987. 22 с.
- Шауб, 1987б — Шауб И. Ю. Погребения кургана Большая Близица как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191: Памятники античной археологии. С. 27–33.
- Шауб, 1989 — Шауб И. Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Проблемы исследования античных городов: Тезисы докладов конф. / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: [б. и.], 1989. С. 128–129.
- Шауб, 1991 — Шауб И. Ю. Образ Медузы Горгоны в Северном Причерноморье // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК РАН / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1991. С. 70–72.
- Шауб, 1993 — Шауб И. Ю. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: [б. и.], 1993. С. 79–88.
- Шауб, 1998 — Шауб И. Ю. Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре // Клио. 1998. № 1 (4). С. 67–74.
- Шауб, 1999 — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 207–224.
- Шауб, 2002а — Шауб И. Ю. Ахилл — бог Северного Причерноморья // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 356–367.
- Шауб, 2002б — Шауб И. Ю. Ахилл на Боспоре // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. I / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, В. А. Хршановский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 186–189.
- Шауб, 2006 — Шауб И. Ю. Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии // Итальянский сборник. 2006. № 9. С. 5–22.
- Шауб, 2007а — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб, 2007б — Шауб И. Ю. Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. I / Ред. П. Гульдагер Бильде, М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 27–30.
- Шауб, 2008 — Шауб И. Ю. Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: Свято-Алексиевская пустынь, 2008. 155 с.
- Шауб, 2009 — Шауб И. Ю. О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 276–280.
- Шауб, 2010 — Шауб И. Ю. Из истории исследования религиозной жизни Боспора VI–IV вв. до н. э. // Вестник СПбГУ. Серия 2 «История». 2010. Вып. 2. С. 104–114.
- Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб, 2013а — Шауб И. Ю. «От Евразии к Европе» Ю. В. Андреева и некоторые проблемы религии минойского Крита // Фидития: Памяти Ю. В. Андреева / Ред. Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 27–33.
- Шауб, 2013б — Шауб И. Ю. Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 78–82.
- Шауб, 2014 — Шауб И. Ю. Боспорские курганы и загробные представления боспорян // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 639–694.

- Шауб, 2015 — Шауб И. Ю. «Про неправду все написано!» (О попытках ревизии традиционных взглядов на некоторые памятники Боспора и Скифии) // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 214–222.
- Шауб, 2016 — Шауб И. Ю. Эллинское и варварское в курганах Боспора Киммерийского (мотив растительности) // Цивилизация и варварство / Отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. М., 2016. Вып. V. С. 229–244.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 288–324.
- Шауб, 2018 — Шауб И. Ю. О своеобразии религиозной жизни населения Боспора доримской эпохи // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1 / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 311–318.
- Шауб, 2019а — Шауб И. Ю. К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея // Записки ИИМК РАН. 2019. Вып. 21. С. 73–81.
- Шауб, 2019б — Шауб И. Ю. Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства. Рец. на книгу: D. Braund. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge University Press, 2018 // АВ. 2019. Вып. 25. С. 245–261.
- Шауб, 2020а — Шауб И. Ю. Долгожданный ответ на давний вопрос. Рец. на книгу: В. Г. Лазаренко. Ахилл — бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018 // АВ. 2020. Вып. 27. С. 317–332.
- Шауб, 2020б — Шауб И. Ю. Вклад М. И. Ростовцева в изучение религиозной жизни Боспора // Боспорский феномен. К 150-летию со дня рождения М. И. Ростовцева / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; Чистый лист, 2020. С. 181–187.
- Шауб, 2021 — Шауб И. Ю. Горгона в религии меотов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. Т. 13. С. 701–714.
- Шауб, 2023 — Шауб И. Ю. Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. Т. 15. С. 701–735.
- Шауб, 2025а — Шауб И. Ю. Граффито-посвящение из поселения Панское-1 и культ Сабазия в Северном Причерноморье // АВ. 2025. Вып. 49. С. 30–42.
- Шауб, 2025б — Шауб И. Ю. Афинский керамический импорт и религия боспорян // Боспорский феномен. Экспорт / импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства... СПб.; М.: Индрик, 2025. С. 319–332.
- Шауб, 2025в — Шауб И. Ю. Культ Геракла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. 2025. Вып. 17, № 3–4. С. 5–89.
- Шауб, Терещенко, 2021а — Шауб И. Ю., Терещенко А. Е. К вопросу об изображении мужских голов на ранних монетах Фанагории (кабиры или Фанагор?) // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: [б.и.], 2021. С. 444–451.
- Шауб, Терещенко, 2021б — Шауб И. Ю., Терещенко А. Е. Подтверждается ли гипотеза М. И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея? // АВ. 2021. Вып. 33. С. 71–77.
- Шауб, Яценко, 2022 — Шауб И. Ю., Яценко С. А. Меотский псалий с уникальным изображением // Новый Гермес. 2022. Вып. 14, № 1. С. 4–19.
- Шевченко, 2003 — Шевченко О. К. Царский культ на Боспоре в научных разработках М. И. Ростовцева // В. И. Даль и судьбы русской культуры: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Московский мост, 2003. С. 155–163.
- Шелов, 1950 — Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 62–69.
- Шенард, 2010 — Шенард Г. К вопросу об истоках культа Диониса // Индоевропейская история в свете новых исследований. Сб. трудов конф. памяти проф. В. А. Сафронова / Отв. ред. Е. В. Яровой. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 295–308.
- Шталь, 1989 — Шталь И. В. Эпические предания Древней Греции. М.: Наука, 1989. 299 с.
- Яйленко, 2017 — Яйленко В. П. Культ Ахилла в Нижнем Побужье // История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 95–120.
- Braund, 2018 — Braund D. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge: University Press, 2018. 314 p.
- Buiskikh, 2007 — Buiskikh A. On the Question of the Stylistic Influences reflected in the Architecture and Art of Chersonesos: “Snake-legged Goddess” or Rankenfrau // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 2007. Vol. 13, no. 3–4. P. 157–181.
- Christou, 1968 — Christou A. C. Potnia Theron. Eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessalonike, 1968. 232 S.
- Cook, 1914 — Cook A. B. Zeus. A Study in Ancient Religion. Vol. I. Cambridge: University Press, 1914. 885 p.
- Cook, 1925 — Cook A. B. Zeus. Vol. II. Cambridge: University Press, 1925. 858 p.
- Cook, 1940 — Cook A. B. Zeus. Vol. III. Cambridge: University Press, 1940. 1330 p.
- Gimbutas, 1989 — Gimbutas M. The Language of the Goddess. New York: Harper & Row, 1989. 388 p.

- Picard*, 1922 — *Picard C.* Ephèse et Claros. Recherches sur les sanctuaires et les cultes de l'Ionie du Nord. Paris: E. de Boccard, 1922. 786 p.
- Picard*, 1961 — *Picard Ch.* Sabazios, dieu thraco-phrygien, expansion et aspects nouveaux de son culte // *Revue archéologique*. 1961. № 2. P. 129–176.
- Rostovtzeff*, 1919 — *Rostovtzeff M.* Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale // *Revue des études grecques*. 1919 (1921). T. XXXII. P. 462–481.
- Rostovtzeff*, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XV+ 260 p.
- Rostovtzeff*, 1929 — *Rostovtzeff M. I.* The animal style in South Russia and China. Princeton: University Press, 1929. 112 p.
- Rostowzew*, 1913 — *Rostowzew M.* Fische als Pferdeschmuck // *Opuscula archaeologica* Oscari Montelio septuagenario dicata. Stockholm, 1913. S. 223–232.
- Rostowzew*, 1931 — *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Berlin: Schoetz, 1931. Bd. I: Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen. 651 S.
- Schefold*, 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1934. 161 S.
- Schefold*, 1949 — *Schefold K.* Orient, Hellas und Rom in der archäologischen Forschung seit 1939. Bern: A. Francke Verlag, 1949. 248 S.
- Schwarzmaier*, 2006 — *Schwarzmaier A.* “Ich werde immer Kore heissen”. Zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus den Grossen Blisniza auf der Halbinsel Taman // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 2006. Bd. 121. S. 175–226.
- Ustinova*, 1999 — *Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden: Brill, 1999. 371 p.
- Ustinova*, 2005 — *Ustinova Yu.* Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (6th cent. BC — 1st cent. AD)* / Ed. D. Braund. Exeter: University of Exeter Press, 2005. P. 64–79.
- Ustinova*, 2009 — *Ustinova Y.* Apollo Iatros: A Greek God of Pontic Origin // *Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres. Beiträge des Internationalen archäologischen Kolloquiums Münster 2001 (Eikon 9)* / Hrsg. K. Stähler, G. Gudrian. Münster: Ugarit-Verlag, 2009. S. 245–298.

The works of M. I. Rostovtsev and the study of Bosphoran religion

I. Yu. Schaub²⁸

Keywords: works of M. I. Rostovtsev, historiography of the Cimmerian Bosphorus' religion, barbarian influences on Greek religion, cult of the Great Goddess, Thracian religion

The works of Mikhail I. Rostovtsev not only laid the foundation for an assuredly scholarly study of the Bosphorus but also opened a completely new perspective on the religious life of its Greco-barbarian population. Although Rostovtsev in fact has no special works on this theme, his studies are an invaluable treasure of observations, thoughts, and ideas for anyone seriously engaged in the study of the Bosphoran religion. He was the first to turn to the paintings of the Bosphoran crypts as a source for reconstructing the afterlife beliefs of local population, and also gave an interpretation of a number of the most important archaeological monuments of the Bosphorus. All this had a significant influence on their further study. Rostovtsev's merit is undoubtedly that he drew attention to Thrace as a source of a number of important religious beliefs of the Bosphorans. But his main achievement in this area can be considered the drawing of attention to the fact that, along with the strong Hellenization of the barbarians under the influence of Greek culture, the reverse process also took place, i.e., the barbarians influenced the culture of the Greek settlers, in particular their religion.

²⁸ Igor Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: schaubigor@yandex.ru.

ПЕРСОНАЛИИ

К 90-летию со дня рождения А. А. Аскарова: когда прошлое становится современным. Интервью с юбиляром

В. И. Ионесов¹

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-226-234

Блистательный исследователь, поражающий широкой эрудицией и оригинальностью мышления, признанный лидер в области изучения древнейшей истории Центральной Азии, патриарх археологии Узбекистана, талантливый ученый и общественный деятель, известный своим независимым и критическим умом, — это все об академике Академии наук Республики Узбекистан, ученом-археологе Ахмадали Аскаровиче Аскарове. Научные сообщества многих стран недавно отметили юбилей старейшего археолога Узбекистана, чей вклад в развитие археологической науки в Центральной Азии трудно переоценить.

В январе 1963 г. А. А. Аскаров в Ленинграде защитил кандидатскую диссертацию на тему «Низовья Зарафшана в эпоху бронзы». В апреле 1977 г. в Москве состоялась защита его докторской диссертации на тему «Бронзовый век Южного Узбекистана (К проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций)».

В октябре 1970 г. А. А. Аскаров стал первым директором Института археологии АН Узбекистана и руководил им до 1987 г. Вскоре был назначен председателем Отделения наук общественно-гуманитарного профиля, где проработал до 13 марта 1998 г. В течение пяти лет (1991–1995) занимал пост директора Института истории АН Республики Узбекистан.

Исследователь участвовал в ряде крупных экспедиций (Байкальской, Красноярской, Махандарьинской, Каракумской, Южно-Туркменистанской, Северо-Афганской), которыми руководили всемирно известные ученые, такие как М. П. Грязнов, Я. Г. Гулямов, В. М. Массон, В. И. Сарианиди. С 1965 г. юбиляр возглавляет Сурхандарьинскую комплексную экспедицию. Благодаря его археологическим раскопкам на юге Узбекистана мир узнал о ранней городской древнеземледельческой сапаллинской культуре эпохи бронзы Юга Центральной Азии. Им был открыт и исследован локальный бактрийский очаг древневосточной цивилизации бронзового века.

А. А. Аскаров многие годы входил в состав редколлегии журнала «Советская археология», с 1972 по 1994 г. являлся главным редактором ежегодника «История материальной культуры Узбекистана» (19 выпусков). В научном наследии ученого более 450 работ, из них свыше 50 на иностранных языках, три учебника, восемь учебно-методических пособий, 27 монографий.

Преданность профессии и неиссякаемая энергия А. А. Аскарова вызывают и сегодня самое искреннее восхищение. В ознаменование юбилея ученого и специально для журнала «Археологические вести» подготовлено это интервью.

¹ Самарский государственный институт культуры, Самара; e-mail: acdis@mail.ru.

© Ионесов В. И., Аскаров А. А., 2026

В. И. Ионесов (далее В. И.): *Уважаемый Ахмадали Аскарлович, научный мир знает Вас как авторитетного ученого, крупного специалиста по древним культурам Центральной Азии, и сегодня Вы — старейший представитель археологов Узбекистана. Как Вы воспринимаете свой жизненный путь и современность, глядя с высокого пьедестала своего 90-летия?*

А. А. Аскарров (далее А. А.): Я родился, учился и получил воспитание в советское время. Под отеческой опекой моих учителей — узбекистанца Яхья Гулямова и россиянина-ленинградца М. П. Грязнова — я сформировался как археолог и гражданин. Память о моих учителях всегда со мной, и я им безмерно благодарен. Мои учителя воспитали меня в духе высокой нравственности и преданности Родине.

Когда я учился в аспирантуре в Ленинграде, там царила удивительно творческая научная атмосфера, большое внимание уделялось подготовке национальных кадров. Ленинградская археологическая школа и ее научный коллектив были настоящим образцом в этом деле. В свою очередь мы, аспиранты, тоже от всей души демонстрировали жажду к познанию.

Моя жизнь прошла в исследованиях, неустанном труде на ниве науки, в поисках истины, а следовательно, и в борьбе. Всегда старался говорить правду, отстаивать свои принципы, даже при встречах с высшим руководством. Именно поэтому мои мечты, непосредственно связанные со мной, не всегда осуществлялись так, как я того бы хотел. Было много переживаний, тревог и разочарований. Часто мне приходилось отстаивать необходимость надлежащего управления культурным наследием, чтобы археологические памятники служили людям, важным задачам сегодняшнего дня. Дело в том, что археологические памятники, связанные с историей древних цивилизаций Узбекистана, состоят из глинобитных сооружений, возведенных из сырцового и жженого кирпича, а также пахсы. В основания зданий плотно укладывали камыш и хворост, затем, после возведения стен, они долго сохранялись в сухом состоянии, не отсыревая. В противном случае стены различных построек (жилых массивов, производственных объектов, культовых сооружений, оборонительных укреплений), возведенные на большинстве сельских и городских поселений в бассейнах рек, отсыревали, засолялись и быстро разрушались.

К сожалению как в советское время, так и сейчас главными объектами «Узбектуризма» остаются архитектурные памятники четырех

исторических городов позднего средневековья (Самарканда, Бухары, Хивы и Шахрисабза). Самое печальное, что материалы (легенды, предания, исторические факты), подготовленные для экскурсоводов, сообщают об исторических процессах позднего феодального периода. Иностранные туристы, незнакомые с нашей богатой древней историей, уезжают с представлением о том, что история узбекского народа состоит только из истории эпохи Темуридов и Шейбанидов.

С распадом СССР мы стали независимыми. За короткий срок мы достигли коренных изменений на своей земле, о которых ранее даже не мечтали. Это невозможно отрицать. Однако я обеспокоен тем, что в период такого резкого подъема не все граждане страны хорошо знают свою историю, что необходимо для борьбы за ее будущее. Скажу без лишней скромности: всю жизнь я стремился быть полезным для своей страны. Мне всегда импонировало общение с молодежью, ведь так важно помочь ей находить свое место в обществе и быть сопричастным ко всему тому, что делает жизнь лучше.

Находясь в свои 90 лет в этом сложном и опасном мире, я не боюсь его. Наш беспокойный мир требует еще более широкого взгляда на жизнь, профессиональной деятельности, верности науке и истине, должного осознания того, что вокруг нас происходит. Те, кто отвечает «лаббай» (здесь — «да, готов!») на это требование, улучшают качество жизни и в конечном счете становятся победителями.

С высоты своего 90-летия я твердо уверен, что действия Президента Узбекистана по наращиванию стратегического сотрудничества с Россией и расширению добрососедских отношений с другими странами мира направлены на долгосрочную перспективу устойчивого развития во внутренней и внешней политике нашего государства и непременно дадут свои результаты во благо народов Узбекистана и всего мира. И я остаюсь, несмотря на свой почтенный возраст, оптимистом.

В. И.: *Ваши труды стали неотъемлемой частью научного наследия, классикой археологии Центральной Азии, которые и сегодня востребованы не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. Когда и почему Вы решили стать археологом?*

А. А.: Своими научными достижениями я прежде всего обязан тем, кто в период моей юности направил меня на путь образования и науки. Во время учебы в Ташкентском педагогическом институте имени Низами мы, студенты, слушали лекции выдающихся ученых — Я. Гулямова, З. Нуриддинова, С. Ражабова, Ш. Улмасбаева,

Ахмадали Аскарлович Аскарров. Фотографии из личного архива
Akhmadali Askarovich Askarov. Photographs from his personal archive

О. Аминова и других. Их появление в аудитории неизменно вызывало восторг. Каждый из них был для нас корифеем в своей области, обладал глубокими знаниями и своим особым методическим подходом к изложению материала.

Среди них меня особенно поражали лекции Яхьи Гулямова — патриарха узбекистанской археологии, который прочитал нам всего лишь 16 лекций по археологии Узбекистана. Во-первых, в отличие от других преподавателей, у него под рукой не было никаких записей. Во-вторых, с появлением в аудитории Я. Г. Гулямов начинал говорить как непосредственный участник той далекой эпохи: он рассказывал, как готовили пищу в котлах, изготавливали из камня орудия труда и оружие, лепили из глины сосуды и наносили на них различные узоры — то охристой краской, то костяной палочкой прочерчивали орнаменты; как боролись с дикими хищниками и врагами; как под руководством племенного вождя проводили различные церемониальные собрания и многое другое.

О каком бы периоде ни говорил учитель, он словно входил во внутренний мир того времени и читал свои лекции, погружая нас в древнюю эпоху. Это поразило меня и стало первым толчком к вы-

бору профессии археолога. Хотя первоначально я хотел стать востоковедом или юристом, судьба, в конце концов, определила мне путь археолога.

В. И.: Кто открыл для Вас мир археологии как большой науки и области Вашей основной профессиональной деятельности? Кто были Ваши первые учителя и наставники?

А. А.: Мир археологии как науки и области моей основной профессиональной деятельности мне открыл мой любимый учитель в самом высоком значении этого слова — Михаил Петрович Грязнов. Во время учебы и работы с ним он стал моим духовным отцом, учил не только постигать мир истории материальной культуры, но и помогал овладевать русским языком вместе со своей супругой Марией Николаевной Комаровой.

До аспирантуры я как сын простого узбекского дехканина-колхозника почти не умел говорить по-русски. Хотя русскую грамматику и отдельные произведения литературы я выучил по учебникам наизусть, как чтец Корана, но самостоятельно правильно составлять предложения на русском языке не мог. В один из дней Михаил Петрович пригласил меня к себе домой. При первой нашей встрече супруга руководителя о чем-то меня спросила, но я, не поняв ее, ничего не ответил.

И когда Мария Николаевна узнала о моем незнании русского языка, то в ужасе заявила Михаилу Петровичу: «Ты с ума сошел! Знал ли ты об этом, когда согласился быть научным руководителем этого парня?». Михаил Петрович пояснил жене: «Уважаемый мною Яхья Гулямович уверял, что видит в нем археолога. Я привел его сюда, к нам, дорогая Мария Николаевна, потому что он будет одновременно учиться и русскому языку, и археологии Ленинградской школы. Так что поживем — увидим». Я запомнил этот разговор, и с того момента старался оправдать доверие моего научного руководителя и ожидания моего родного Узбекистана, направившего меня на учебу в Ленинград.

Моими первыми учителями и наставниками в Узбекистане были академики Я. Г. Гулямов и И. М. Муминов, без поддержки которых я не смог бы осуществить все свои мечты и оправдать связанные со мною надежды.

Благодаря инициативе И. М. Муминова в 1970 г. вышло постановление об организации Научно-исследовательского института археологии в Самарканде — третьего в СССР и первого в Центральной Азии в составе АН Узбекистана. Заседание Президиума АН Узбекской ССР, на котором утверждали кандидатуру директора нового Института, завершилось неожиданностью. По первоначальному плану меня должны были назначить заместителем избираемого директора Института археологии в лице Я. Г. Гулямова. Но Яхья Гулямович по определенным причинам отказался. Тогда И. М. Муминов рекомендовал на пост директора мою кандидатуру. Так я стал первым директором Института археологии в Самарканде, ныне носящего имя Я. Г. Гулямова, и я безмерно этим счастлив.

В. И.: *Чему Вас научила археология?*

А. А.: Археология заставила меня понять многое. Во-первых, изучая наследие предков — от древнейшего и древнего до античного, раннего и развитого средневекового периодов, — я понял, насколько богата история и культура народов Центральной Азии, в первую очередь узбекского народа. Меня вдохновляло то, что было создано человеком — разумным существом природы. Это воодушевление побуждает идти вперед, двигаться дальше и глубже: будучи археологом, ты изучаешь творения предков, скрытые под толщей земли, познаешь их, открываешь их умом, данным тебе Богом.

Во-вторых, археология — такая наука, которая не дает скучать. Во время экспедиций она освобождает от всех повседневных жизненных

забот и интриг, отвлекает от болезней — словно ты находишься на курорте. Все внимание направлено на новые находки. На открытом воздухе ты дышишь кислородом, загораешь под солнцем, занимаешься полезным трудом — раскопками, что закаляет организм.

В-третьих, археология учит любить Родину, осознавать, что мы являемся ее сыновьями, восхищаться сделанными собственными руками открытиями, которые являются частицами мировой цивилизации, и тем самым оставить свое имя на века в истории.

В-четвертых, археология научила меня говорить правду, только правду, оценивать и характеризовать исторические события объективно, такими, какие они есть, не быть популистом, что в конечном итоге приводит общество к развалу.

В-пятых, она научила бороться за сохранение культурного наследия, просвещать с его помощью общество, передавать знания о прошлом последующим поколениям.

В. И.: *Почему и чем Вас так сильно притягивает бронзовый век в истории культуры и эпоха первых цивилизаций?*

А. А.: Прежде всего, мне посчастливилось, что моим научным руководителем оказался Михаил Петрович Грязнов. Именно он определил выбор моих профессиональных интересов в археологии.

Когда мы с У. И. Исламовым (впоследствии он тоже стал академиком) приехали в Ленинград учиться как прикомандированные аспиранты, наш наставник Я. Г. Гулямов, прибывший вместе с нами, предложил именно ему стать специалистом по бронзовому веку и даже определил тему его кандидатской диссертации по материалам могильника Заманбаба, где Яхья Гулямович раскопал 41 погребение с богатыми артефактами.

Наш приезд в Ленинград совпал с заседанием ученого совета Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Нас пригласили в зал заседания. Оказалось, что все ученые-археологи знают Я. Г. Гулямова. Они тепло поздоровались с ним и спросили о цели его приезда. Узнав, что он привез прикомандированных аспирантов, которым нужно определить научных руководителей, академик Алексей Павлович Окладников сразу же выбрал У. Исламова к себе в ученики. А моим научным руководителем стал тихий, спокойный профессор М. П. Грязнов. Так я стал специалистом по бронзовому веку. Моя кандидатская диссертация была посвящена культуре степной бронзы Заманбаба. Под чутким руководством М. П. Грязнова я также стал изучать археологические памятники степной бронзы Средней

Азии и Южной Сибири. Но я мечтал в будущем стать специалистом по древнеземледельческим культурам Узбекистана.

Мой интерес к цивилизации первых земледельцев усилился, когда я в годы своей аспирантуры вместе с В. М. Массоном более трех месяцев проходил практику в составе Каракумского отряда ЛОИА АН СССР и XIV отряда Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции (ЮТКАЭ) на юге Туркменистана. Мы с Вадимом Михайловичем были в дружеских отношениях. С ним я участвовал в раскопках неолитического поселения Джейтун, в исследовании ряда памятников энеолитических культур Анау-Намазга, самостоятельно изучал одно поселение в Геоксюрском оазисе, был на Янгикалинском могильнике эпохи бронзы, интересовался стратиграфией ряда памятников эпохи энеолита и бронзы. Я благодарен Вадиму Михайловичу за то, что он неустанно рассказывал о проведенных им исследованиях в области изучения древних земледельцев на юге Туркменистана. Я собирал материалы для своих научных изысканий, стараясь ничего не пропускать из того, что узнавал во время раскопок, и записывал все в дневник. Мне казалось, что такие памятники древних земледельцев должны быть и на территории Узбекистана. Все свидетельствовало об этом. И вскоре они были найдены.

В. И.: *Когда и как состоялась Ваша первая встреча с артефактами сапаллинской культуры?*

А. А.: Каждый год весной в отделе археологии при активном участии Я. Г. Гулямова проходил традиционный отчет всех археологов о проделанных полевых работах за минувший год. Заседанием руководил заведующий отделом В. А. Шишкин. Весной 1968 г. во время отчета археолога Лазаря Израилевича Альбаума речь шла о том, что он во время разведки в Шерабадском оазисе долины Сурхандарьи нашел поселение под названием Сапаллитепа, на территории которого собрал массу керамических фрагментов. Ознакомившись с собранными им черепками, мы обратили внимание на то, что на поверхности изготовленной на гончарном круге керамики нет следов каких-либо орнаментов, но имеются следы красного ангоба с едва заметными вертикальными полосками заглаживания. Когда мы спросили Л. И. Альбаума о датировке этих фрагментов, он твердо сказал, что памятник относится к раннеантичному периоду и датируется III–II вв. до н. э. Оба наших учителя, присоединившись к мнению Л. И. Альбаума относительно даты памятника, горячо поздравили коллегу.

К тому времени мне, заместителю директора Института истории и археологии АН Узбекистана, еще не довелось обследовать долину Сурхандарьи в поисках памятников эпохи первых земледельцев типа намазгинской культуры, хотя это было моей давней мечтой. Наконец, обратившись к Я. Г. Гулямову, я сказал: «Сапаллитепа, по моему убеждению, является памятником эпохи бронзы древних земледельцев. Л. И. Альбаум ошибается, датируя его ранним античным временем». Я обстоятельно рассказал о моей практической работе в качестве прикомандированного аспиранта по изучению ряда памятников древних земледельцев на юге Туркменистана в составе Каракумского отряда ЛОИА и XIV отряда ЮТКАЭ под руководством В. М. Массона и о моих знаниях, полученных на заседаниях отдела археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Ссылаясь на археологические материалы культуры древних земледельцев периодов Намазга I–VI, я попытался обосновать присутствие сопряженных с ними памятников в Южном Узбекистане.

Видимо, после этого Я. Г. Гулямов, учитывая, что я заместитель директора Института по археологии, первым выступил и сказал: «Если Сапаллитепа действительно является памятником эпохи бронзы, пусть его копает специалист в этой области археологии, а не Л. И. Альбаум». Так состоялась моя первая «встреча» с культурой Сапалли.

Вначале Л. И. Альбаум настаивал, чтобы мы изучали Сапалли совместно. И я пошел ему навстречу. Но когда я начал археологические исследования, он ни разу не появился на раскопках, потому что был занят изучением буддийского храма Фаязтепа.

В это время я стал директором Института археологии в Самарканде. В конце концов Лазарь Израилевич смирился с реальностью и заявил: «Дорогой директор, поддержите финансированием раскопки на Фаязтепе, теперь я готов не предъявлять претензии к совместной работе на Сапаллитепе». С этого момента Сапаллитепа стал главным объектом моих постоянных исследований.

Еще один неожиданный случай связан с открытием Джаркутана, другого памятника культуры Сапалли. Во время моего пребывания на должности директора в Институте археологии в Самарканде археологические исследования во всех областях Республики велись активно, средства выделялись достаточные. На ряде археологических памятников были организованы стационарные раскопки, куда привлекались

ведущие специалисты из Москвы, Ленинграда, Киева и Новосибирска. Я как директор Института археологии время от времени посещал раскопки, где работали мои сотрудники.

Однажды летом 1973 г. я приехал на городище Зартепа, где работал археолог Шакиржон Пидаев, и к нему на помощь приехал его научный руководитель В. М. Массон, для того чтобы ознакомиться с раскопками. При встрече Ш. Пидаев показал мне керамические обломки с балясинообразной ножкой. Я сразу оценил значение этих артефактов и спросил о памятнике — где он находится, о датировке привезенных подъемных материалов. Ш. Пидаев ответил, что россыпи керамики валяются на берегу Бустансая, местечко называется Джаркутан, что означает территорию, где колхоз содержит свой скот. Там уже были сделаны широкие траншеи бульдозером, и из-под земли выступили керамические фрагменты.

«Какова их датировка?» — спросил я. Ш. Пидаев ответил: «По всей видимости, они относятся к эпохе античности или раннему средневековью». Спрашиваю В. М. Массона: «А Ваше мнение?» Он качает головой: «Не знаю. Меня поражают вот эти балясинообразные ножки! У нас в Туркмении их нет. Возможно, Шакир прав. Поедем, увидим, и тогда я скажу свое мнение о датировке Джаркутана».

Вернувшись на Сапаллитепа, я подумал о том, что весь облик артефактов Джаркутана (подъемный материал) напоминает изделия эпохи бронзы. Разворачиваю свой «газик» в Шерабад, в районный центр к райкому партии, где идеологическим секретарем работал мой студенческий друг. Он оказался на месте. Я рассказал ему о памятнике Джаркутан, и мы тут же к нему направились. Бродили по его извилистым буграм целых два часа — там я собрал ценный археологический материал и даже в одном месте обнаружил следы древнего погребения, материалы которого не отличались от сопровождающего инвентаря могил Сапаллитепа. Я попросил своего друга никому об этом не говорить, но подготовиться к встрече уважаемых гостей завтра, в воскресенье. «Организуй, дорогой, пышный пир — будешь принимать моих ленинградских друзей!», — сказал я секретарю райкома и уехал на Сапаллитепа в свой лагерь.

В воскресенье я опять приехал в Зартепа и уговорил В. М. Массона и его учеников, приехавших с ним из Ленинграда, погостить у нас и заодно посетить Джаркутан.

В колхозном саду было организовано великолепное застолье: мясные закуски, водка, ко-

ньяк, пиво, на десерт айран, овощи, фрукты и пр. Я по своей натуре не употребляю спиртные напитки. Об этом все знают. В тот день было слишком жарко. После застолья ближе к вечеру я со своим шофером поехал на Джаркутан, чтобы еще раз осмотреть памятник. Все сомнения отпали. Мне стало ясно, что Джаркутан — определенно уникальный памятник эпохи бронзы. Обитатели Сапаллитепа переместились сюда и основали здесь еще более крупное раннегородское поселение.

Вернувшись к гостям, я снова завел разговор о Джаркутане. Вадим Михайлович, взглянув на меня, не спеша промолвил: «Ахмадали, теперь мне все понятно, пусть Джаркутан будет твоим объектом, исследуй его ради науки, ты это заслужил. Только не заставляй нас больше пить и есть, а скорее отвези в лагерь на Зартепе». Эти моменты я всегда храню в своей памяти с большой теплотой и благодарностью.

Вспоминая те времена, хочу сказать, что тогда археологи проявляли большую профессиональную отзывчивость и искреннюю солидарность, сопричастность и взаимопонимание. Сегодня почти все иначе — археолог, специализирующийся на средневековом периоде, готов участвовать в раскопках памятников любого периода. Такая «всеядность» вряд ли идет на пользу науке. Печально смотреть на стремления некоторых современных археологов превратить свои территориальные регионы исключительно в собственные вотчины.

В. И.: *При всей эпохальной общности первых цивилизаций Среднего Востока, в чем Вы видите уникальность сапаллинской культуры?*

А. А.: Археологические исследования показывают, что на территории Среднего Востока во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. на основе развития культуры древних земледельцев формируются локальные очаги цивилизации древневосточного типа. К ним относится раннегородская культура Южного Туркменистана, известная по двум основным центрам — Алтындепе и Намазгадепе; памятники Северо-Восточного Ирана — Тепе-Гиссар, Шахтепе и Тюренгтепе; в Гильмендской долине — Мундигак и Шахри-Сохте; в Северо-Восточном Афганистане — Дашлы 1 и Дашлы 3, а также Шуртугай. Вырисовывается и южноузбекистанский центр бактрийской культуры, к которому относится и Сапаллитепа. В культурных слоях одних памятников содержатся материалы эпохи энеолита и бронзы, в других — только яркие следы эпохи бронзы древневосточного типа. К последним относится сапаллинская культура.

Уникальность сапаллинской культуры заключается, на мой взгляд, в следующем.

Во-первых, четкое хронологическое членение на пять последовательных этапов — сапаллинский, жаркутанский, кузалинский, мулалинский и бустанский, тогда как в других памятниках Среднего Востока подобная детальная хронологическая классификация культурных слоев не выявлена.

Во-вторых, при изучении памятников культуры Сапалли удалось определить устойчивые наборы артефактов, характерные для каждого из этапов, причем эти сочетания вещей свойственны материалам как поселений, так и некрополей.

В-третьих, прослежено длительное сосуществование бок о бок на памятниках культуры Сапалли прототюркского и ираноязычного населения. Таким образом удалось доказать, что этногенез узбекского народа обусловлен начавшимся еще в бронзовом веке взаимодействием двух этнических компонентов.

В-четвертых, в историко-археологической литературе господствовало представление о том, что раннегородская культура на территории Узбекистана была привнесена извне Ахеменидами и Александром Македонским. Открытие культуры Сапалли позволило установить, что раннегородская культура на территории Узбекистана имеет собственные корни, восходящие к эпохе бронзы.

В-пятых, оригинальность планировки и архитектурного оформления крепости Сапаллитепа заключается в создании системы оборонительных ловушек, заманивающих врага в западню. Такое конструктивное решение отсутствует в синхронных памятниках древних земледельцев. Вероятно, это объясняется тем, что обитатели Сапаллитепа являлись первыми мигрантами из области распространения культур типа Намазга.

В. И.: *Вы — первооткрыватель ныне хорошо известных археологических объектов. Что Вы ощущаете, когда открываете что-то новое во время археологических раскопок?*

А. А.: Как я уже отметил, археологические объекты, которые сделали меня известным археологом, были открыты не мною. Могильник Заманбаба, исследование которого стало основой моей кандидатской диссертации, был открыт Я. Г. Гулямовым. Но поселение Заманбаба открыл я. Эталонные памятники первых земледельцев юга Узбекистана, анализ которых составил ядро моей докторской диссертации, также были формально открыты не мной. Но это не означает, что я не могу считать себя их первооткрывателем. Ведь именно

мои исследования раскрыли сущность, историческую роль и значимость этих памятников для науки. История именно так распорядилась.

Что касается второй части вопроса о том, что я ощущаю при раскопках, — да, безусловно, я считаю себя счастливым, когда открываю что-то новое, будто возвращаю в современность давно ушедшее, потерянное, но исключительно значимое и дорогое. Потому что в каждом археологическом объекте обязательно находится что-то свое, новое, свойственное только этому памятнику. Нет двух одинаковых памятников, даже синхронных и принадлежащих одной культуре. Они дополняют друг друга и в конечном итоге представляют единую археологическую культуру.

Я могу гордиться тем, что, в отличие от многих своих коллег, копаю сам, несмотря на возраст, и делаю это с душой, пытаюсь глубоко проникнуть в понимание того, что мне открылось в процессе археологических раскопок.

В. И.: *Как Вам удастся «разговорить» археологические артефакты и включить их в диалог о самом насущном в человеческой культуре?*

А. А.: Когда у тебя достаточно широкий историко-философский кругозор и развито историко-археологическое мышление, легче разгадать тайны археологических артефактов в контексте человеческой культуры. Тогда артефакты сами начинают «разговаривать» и «вещать». Безусловно, нужен опыт, а опыт рождается и накапливается постепенно, медленно. Главное, чтобы была правильная методика раскопок и методологическая основа научной школы.

Мой научный руководитель М. П. Грязнов был настоящим создателем такой научной школы. Я усвоил ее многие черты благодаря совместной работе со своим учителем. Он стал моим духовным отцом, не давал мне ни на минуту отвлекаться от археологии. В поле заставлял ставить мою палатку рядом со своей и следил, как я по вечерам изучаю рекомендованные им книги и научные статьи. С накоплением знаний достигаешь цели — вот тогда и удастся, выражаясь Вашими словами, заставить «разговорить» артефакты и включить их в диалог о самом насущном как в прошлом, так и в настоящем.

В. И.: *Что Вы посоветовали бы молодому человеку, изучающему историю и решившему стать археологом?*

А. А.: В первую очередь — любить Родину не на словах, а искренне, до глубины души. Во-вторых, стремиться глубоко овладевать методами археологических исследований. В-третьих, быть терпеливым, готовым к любым трудностям,

встречающимся в полевых работах. Необходимо помнить, что полевую работу могут сопровождать различные непредвиденные осложнения — сложный рельеф, непогода, змеи, насекомые и прочие неблагоприятные ситуации, и нужно предпринимать разумные меры предосторожности.

В то же время стать археологом — это счастье. Во время раскопок всегда вдохновляешься ожиданием какого-то открытия. Археология — такая наука, которая не даст тебе затосковать, ведь ты всякий раз встречаешься с чем-то новым. Ты чувствуешь себя первооткрывателем. Археологические экспедиции — это отдельный большой мир, где происходят самые разные встречи и открытия. Археология помогает отвлечься от всего наносного, второстепенного и сосредоточиться на самом насущном и главном. Все внимание направлено на новые находки. Экспедиция — это еще и встреча с природой. Умение понять и оценить ее красоту. К тому же, находясь на открытом воздухе и занимаясь полезным трудом — раскопками, закаляешь свой организм. Восхищаешься открытиями, сделанными именно тобой, которые становятся частицами мирового наследия культуры, и тем самым ты и себя как бы прописываешь в истории. Археологический мир держит тебя вдали от политики, от разного рода идеологизмов и спекуляций. Это я говорю, исходя из своего жизненного опыта.

Если бы моя молодость вернулась и меня спросили, какую специальность я выбрал бы снова, я без колебаний подтвердил бы: хочу быть археологом, посвятить себя изучению материального и духовного наследия своего народа.

Археология — это наука, которая в каждый момент призывает человека к неожиданным открытиям, оттачивает мысль, ведет к духовному совершенству, освобождает от всех жизненных забот; наука, придающая человеку моральную бодрость. Это я неоднократно испытывал на себе во время экспедиций. Особенно во время полевых работ — будто паришь на крыльях в мире новых идей. Каждая новая находка дарит тебе радость, наполняет бодростью духа, день проходит как праздник, не чувствуешь усталости, стремишься вперед. Полевая работа, изучая прошлое, позволяет уверенно смотреть в будущее.

Если специалист-археолог ведет правильный образ жизни, не употребляет спиртных напитков, не курит, регулярно занимается физическими упражнениями, он не знает, что такое болезнь, всегда чувствует себя здоровым. Я сам могу служить примером тому в свои 90 лет — это вывод из моего жизненного опыта.

В. И.: *Если представить Вашу встречу с носителями сапаллинской культуры, о чем бы Вы их спросили в первую очередь?*

А. А.: В первую очередь спросил бы у носителей культуры Сапалли о том, что означают часто повторяющиеся знаки на поверхности некоторых изготовленных ими керамических сосудов. Мы составили таблицы и старались расшифровать их, понять, что это за послания. В одном случае на поверхности каменной ступки из поселения зафиксирована целая надпись из букв, читаемая как «Гоз» (гусь), но до сих пор мы не знаем, что это означает.

Второй вопрос связан с поиском прародины обитателей сапаллинских поселений. На этот счет существуют различные версии. В свете археологических данных сапаллинская культура входит в систему БМАК (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), но о ее происхождении между исследователями все еще идут споры. В. М. Массон видит ее истоки в Южной Туркмении; я же считаю, что происхождение культуры Сапалли и сопряженных с ней объектов связано с миграцией из Геоксюрского оазиса; В. И. Сарианиди происхождение БМАК связывает преимущественно с Северо-Восточным Ираном, то есть с Хорасаном.

Итак, если бы представилась возможность встретиться с носителями культуры Сапалли, я прежде адресовал бы им три своих вопроса: 1) что означают знаки на сосудах; 2) что скрывается за надписью на поверхности каменной ступки; 3) откуда сапаллинцы мигрировали на территорию Южного Узбекистана?

В. И.: *Что мешает и что помогает продвигать археологию в современном обществе?*

А. А.: На современном этапе развитию археологических исследований в нашем обществе мешает многоступенчатая бюрократия. Так, при получении одобрения заявленного научного проекта фундаментального и прикладного характера требуется слишком много доказательств и ненужных ответов на вопросы. Пока должностные лица на своих постах плохо понимают, что такое полевые и камеральные работы в археологических исследованиях, трудно будет продвигать археологию как науку вперед.

Археология — не прикладная математика и не ядерная физика, а общественно-гуманитарная наука, которая служит, помимо всего прочего, духовному воспитанию молодого поколения. Отдача от нее может быть только тогда, когда археологический объект превратится в музей под открытым небом, что требует в десятикратном

размере больше затрат, чем его научное исследование. К таким вложениям властные структуры, к сожалению, далеко не всегда готовы. К тому же пока многоступенчатая бюрократия не будет устранена, борьба против коррупции не получит всеобщего массового характера и развивать археологию станет просто невозможно. Сказанное в равной мере касается как Узбекистана, так и России. В свою очередь археологи делают все от них зависящее, чтобы обратить великое материальное наследие народа во благо устойчивого развития науки, образования и экономики.

В. И.: *Если бы Вам предложили совершить путешествие на машине времени: куда бы Вы отправились — в прошлое или будущее? Что бы Вы хотели увидеть?*

А. А.: Хотел бы выбрать и то, и другое. В прошлое — потому что я археолог, посвятивший всю жизнь изучению истории человечества, его культуры и наследия. История меня многому научила. Есть опыт, знание, понимание. В своей профессиональной жизни, особенно на ее начальных этапах, из-за недостаточности опыта у меня было немало упущенных моментов. Хотел бы вернуться к ним теперь, когда мои сегодняшние знания позволяют многое поправить из того, что было сделано в прошлом не так. Что касается путешествия в будущее, то есть желание увидеть своих

потомков и сказать им: умерьте свои амбиции и алчность, не позволяйте им управлять вами, оставайтесь людьми и соблюдайте верность заветам своих великих предков. Помните, что сила в единстве благой мысли, слова и дела.

В. И.: *Ваше любимое изречение или поговорка?*

А. А.: Мои любимые изречения основаны на понимании того, что только наука, сила знания и высокие гуманистические принципы способны спасти культуру от распада. Вот некоторые из них: «Знание — свет, невежество — тьма», «Образованный не тот, кто много читал, а тот, кто понял прочитанное».

В. И.: *Назовите три вещи, которые Вам наиболее дороги.*

А. А.: Археологические инструменты, компьютер и книги.

В. И.: *Благодарю Вас, Ахмадали Аскаревич, за обстоятельные ответы. Это как раз тот случай, когда прошлое становится современным.*

А. А.: И Вам, спасибо, Владимир Иванович, за интересные вопросы и внимание к моей персоне. Мне приятно было вспомнить важные моменты моей профессиональной жизни с высоты сегодняшнего дня. И еще раз подчеркнуть, что археология способна сделать человека счастливым.

Текст интервью поступил в редакцию 10 марта 2026 г.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Археологи-антиковеды ИИМК АН СССР в Великой Отечественной войне. Часть 2¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Об археологах-антиковедах Института истории материальной культуры, погибших в блокированном городе или проводивших в нем все военное время, рассказано в первой части публикации. Вторая посвящена сотрудникам, ушедшим в народное ополчение (П. Н. Шульц и С. М. Шмерлинг) или эвакуированным из Ленинграда. Большинство из них попали в Ташкент (Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, А. Н. Карасёв, М. А. Наливкина, С. М. Шмерлинг). М. И. Максимова и С. И. Ковалёв оказались в Елабуге, С. И. Капошина — в Иваново. В 1944 г. в Ташкентскую группу были приняты два аспиранта: Л. Я. Маловицкая и М. М. Кубланов, их работой руководила Т. Н. Книпович.

Ключевые слова: история науки, античная археология, блокада Ленинграда, судьбы ученых, эвакуация

DOI 10.31600/1817-6976-2026-51-235-245

В первой части публикации было рассказано об археологах-антиковедах Института истории материальной культуры, погибших во время блокады Ленинграда или остававшихся в городе все военные годы (Виноградов, 2026). Вторая часть посвящена людям, ушедшим в народное ополчение, а также оказавшимся в эвакуации. Первая группа представлена двумя сотрудниками: один из них — П. Н. Шульц, человек очень хорошо известный, вторая — С. М. Шмерлинг (Лившиц) — фигура практически забытая.

Павел Николаевич Шульц (1900–1983) (рис. 1) сделал очень многое для развития отечественной античной и скифо-сарматской археологии (Щеглов, 1984; Академическая археология..., 2013. С. 397). В январе 1926 г. он поступил в аспирантуру ГАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 760. Л. 5–6, 121)³, после

завершения которой защитил кандидатскую диссертацию «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества» (Там же. Л. 121об.). В 1935 г. С. А. Жебелёв отзывался о П. Н. Шульце как о ценном научном работнике «с широким, иногда даже слишком широким горизонтом» (Там же. Л. 123). В начале войны он добровольцем ушел в народное ополчение, затем оказался в партизанском отряде. Суровой зимой 1942 г., будучи партизанским проводником на Волховском фронте, Павел Николаевич был ранен и сильно обморозился. После этого он долго лечился в госпитале, выйдя из которого в 1943 г., работал старшим научным сотрудником ИИМК АН СССР (Москва), исполнял обязанности ученого секретаря Института. В 1945 г. создал Тавро-скифскую экспедицию и провел масштабные исследования археологических памятников Крыма (Колтухов, 2004; Ланцов, 2004; Пуздровский, 2004), раскапывал Неаполь Скифский (Зайцев, 2003. С. 6; Шульц, 2004. С. 27). После смерти В. Ф. Гайдукевича в 1966 г. руководил работой группы античной археологии ЛО ИА АН СССР.

Сарра Моисеевна Шмерлинг (Лившиц) (1915–?). Имя этой женщины упомянуто в списке сотрудников Института (Академическая археология, 2013. С. 361), но ее судьба заслуживает большего внимания. Она родилась в Витебске, в 1929 г. семья переехала в Ленинград. В 1938 г.

¹ Работа проведена по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

© Виноградов Ю. А., 2026

³ Далее все ссылки на архивные материалы относятся к собранию РО НА ИИМК РАН, поэтому указываются только Ф., Оп., Д.

Рис. 1. П. Н. Шульц

Fig. 1. P. N. Schultz

[НА ИИМК РАН. ФО. Нер. I 80091]

С. М. Шмерлинг закончила ЛГУ, получив образование филолога-классика, работала в составе Боспорской экспедиции ИИМК, в 1939–1940 гг. руководила раскопками на одном из участков городища Тиритака. В сентябре 1939 г. она была зачислена в сектор древнего Причерноморья ИИМК на должность лаборанта (затем старшего лаборанта), вместе с другими его сотрудниками трудилась над подготовкой коллективной монографии «Античная культура Северного Причерноморья». Ею были подготовлены два раздела этой книги — «Магия» и «Надгробные памятники» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 185. Л. 44), которые остались неопубликованными.

В июле 1941 г. С. М. Шмерлинг записалась в народное ополчение. Вплоть до июня 1942 г. она, как отмечено в ее «Личном листке», будучи старшим военфельдшером батальона, участвовала в боевых действиях под Ленинградом, сначала в составе народного ополчения, а потом в составе Балтийского флота (Там же. Л. 42об.). В июне

1942 г. С. М. Шмерлинг была демобилизована и вернулась в ИИМК на должность старшего лаборанта. На какое-то время ее зачислили младшим научным сотрудником в штат МО ИИМК (Там же. Л. 26), но затем отправили в эвакуацию в Ташкент. В отчете о работе Ташкентской группы за 1942 г. сказано, что С. М. Шмерлинг включилась в работу Комиссии профессора М. Е. Массона, собиравшей материалы о добыче минерального сырья в Узбекистане в древности. Одновременно она приступила к изучению литературы и археологических материалов о Средней Азии в античный период (Ф. 312. Оп. 1. Д. 159. Л. 7). В 1943–1944 гг. в составе группы сотрудников ИИМК С. М. Шмерлинг принимала участие в археологических исследованиях в районе строительства Фархадской ГЭС (Ф. 312. Оп. 1. Д. 176. Л. 6; Д. 209. Л. 17–18). В 1944 г. она под руководством В. Ф. Гайдукевича осуществила опись материалов, полученных на городище Мунчак-тепе, провела работу по восстановлению типов хумов этого городища и обработала керамику могильника Ширин-Сая (Ф. 312. Оп. 1. Д. 207. Л. 17–18).

В мае 1945 г. сотрудники ИИМК, эвакуированные в Ташкент, вернулись в Ленинград. В июле Сарра Моисеевна вышла замуж за капитана медицинской службы С. Т. Лившица и сменила фамилию. В это время она работала лаборантом ИИМК, заведовала экспедиционным имуществом Института. В начале января 1946 г. С. М. Лившиц была освобождена от этой должности (Ф. 35. Оп. 5. Д. 185. Л. 49), и дальнейшая ее судьба неизвестна.

Татьяна Николаевна Книпович (1896–1975) (рис. 2) очень громко заявила о себе как о талантливой исследовательнице античной культуры еще в предвоенные годы (о ней см.: Капошина, 1967; Щеглов, 1977; Тихонов, 2007; Гребенников, 2024а). В феврале 1939 г. ей была присуждена степень доктора исторических наук по совокупности опубликованных работ (Ф. 35. Оп. 5. Д. 144. Л. 28). Неудивительно, что Т. Н. Книпович вошла в первую партию сотрудников ИИМК, вывезенных из блокированного города на самолетах. Попав в Ташкентскую группу эвакуированных ученых, она принимала участие в археологических раскопках при строительстве Фархадской ГЭС в Узбекистане. Основной темой ее научных исследований стало «Взаимодействие античных и местных элементов в культуре древнего Узбекистана» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 159. Л. 1, 15). Эти взаимодействия она пыталась проследить на примере эллинистической и кушанской керамики. В частности, ею была написана работа «Керамика

Рис. 2. Т. Н. Книпович

Fig. 2. T. N. Knipovich

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 28857]

Рис. 3. В. Ф. Гайдукевич

Fig. 3. V. F. Gaidukevich

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 83438]

эллинистического типа в Согде» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 209. Л. 22). В 1944 г. исследовательница переработала и подготовила к изданию ранее написанную монографию «Танаис» (Там же). Книга была опубликована после завершения войны (Книпович, 1949).

В 1953 г. Т. Н. Книпович за большой вклад в науку была награждена орденом Ленина.

Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966) (рис. 3) — авторитетнейший исследователь, гордость нашей антиковедческой науки (Виноградов, 2006). С 1939 г. он был фактическим заместителем С. А. Жебелёва. Когда грянула война, Виктор Францевич вместе с другими сотрудниками ИИМК работал на строительстве оборонительных сооружений под Новгородом, Гатчиной, на Пороховых, состоял в команде ПВО при Институте. Вместе с женой и сыном он был эвакуирован из Ленинграда на самолете 19 декабря 1941 г. Сначала их направили в Казань, а потом — в Ташкент. В новой обстановке В. Ф. Гайдукевич проводил работу по теме «Агрикультура Средней

Азии в древности» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 159. Л. 23)⁴. Возможно, в связи с этой исследовательской темой в 1944 г. возникла идея его докторской диссертации — «Сельское хозяйство на Боспоре» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 209. Л. 5)⁵. Она не была воплощена на практике, но, как представляется, стала частью хрестоматийно известной книги В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (Гайдукевич, 1949а. С. 94–163; Gajdukevič, 1971. S. 111–169).

Помимо этого, В. Ф. Гайдукевич был ученым секретарем Комиссии по истории добычи

⁴ Весьма содержательная публикация на эту тему, в которой автор доказывал, что ирригационные системы в важнейших оазисах Средней Азии появились за несколько столетий до нашей эры, увидела свет после окончания войны (Гайдукевич, 1948).

⁵ В архивных материалах этого времени имеется еще одно название предполагаемой докторской диссертации В. Ф. Гайдукевича — «Материальная культура античных колоний Северного Причерноморья» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 202. Л. 3).

Рис. 4. С. И. Ковалёв

Fig. 4. S. I. Kovalev

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 80901]

минерального сырья в Средней Азии, руководил бригадой по Нуратинскому району, Т. Н. Книпович руководила бригадой по району Ак-Тау (Ф. 312. Оп. 1. Д. 856. Л. 2, 13). В 1942 г. сверх плана Виктор Францевич подготовил работу «Нефть и ее применение в античную эпоху (по поводу находки амфоры с нефтью в Камыш-Буруне» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 159. Л. 23)⁶.

С началом строительства Фархадской ГЭС В. Ф. Гайдукевич был назначен начальником экспедиции, проводившей там археологические исследования в 1943–1944 гг. (Гайдукевич, 1947; 1949б). В конце 1943 г. он единственный из эвакуированных археологов распоряжением по Отделению истории и философии АН СССР был премирован за образцовую работу немалой суммой денег — 1500 руб. (Ф. 312. Оп. 1. Д. 854. Л. 28).

⁶ Запечатанная амфора с нефтью была найдена при раскопках Тиритаки в 1939 г. (Гайдукевич, 1952. С. 61–63; Успенский, 1952). Ее обычно датируют IV–V вв. н. э.

В 1944 г. исследователь сдал в печать научно-популярную брошюру «Керчь», выполненную по плану 1943 г., но дополненную в части средневековья (Ф. 312. Оп. 1. Д. 209. Л. 5). Совместно с А. В. Збруевой он подготовил к изданию работу «Советская забота о памятниках старины и фашистский вандализм» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 190. Л. 14об.). К сожалению, судьба обеих работ остается неизвестной.

В июне 1945 г. В. Ф. Гайдукевич получил заслуженную награду — орден «Знак почета».

Сергей Иванович Ковалёв (1886–1960) (рис. 4) хорошо известен как выдающийся исследователь античной истории, профессор ЛГУ, директор Музея истории религии и атеизма (Колобова, 1961; Кубланов, 1964; Фролов, 2004; 2006. С. 466–490). Летом 1942 г. он был эвакуирован в Елабугу, где стал сотрудничать с группой находившихся там специалистов из ИИМК, выступал с докладами о роли античности в развитии русской культуры. 12 января 1944 г. С. И. Ковалёв был переведен на работу в ИИМК АН СССР (Ф. 35. Оп. 5. Д. 145. Л. 8). В числе немногих ленинградских ученых он был реэвакуирован летом 1944 г. и назначен временно исполняющим обязанности заведующего Ленинградской группой Института (Там же. Л. 1), тогда в ней числилось всего три человека — Е. Г. Кастанаян, С. И. Капошина и сам С. И. Ковалёв. К лету 1945 г. в Ленинград возвратились все сотрудники сектора древнего Причерноморья, Сергей Иванович продолжал осуществлять его руководство. Он нацеливал коллектив на завершение книги «Античная культура Северного Причерноморья», работа над которой началась в 1939 г. С. И. Ковалёв был освобожден от исполнения обязанностей заведующего сектором 15 мая 1946 г. «по его личной настоятельной просьбе» (Там же. Л. 14).

Елена Ивановна Леви (1903–1996) (рис. 5) и Александр Николаевич Карасёв (1902–1972) (рис. 6) — замечательный семейный и научный тандем — внесли огромный вклад в изучение многих античных памятников Северного Причерноморья, прежде всего, конечно, Ольвии. В научной литературе об этих исследователях сказано не очень много. Е. И. Леви (о ней см.: Максимова, 1964; Виноградов, 2014б; 2023; Головачёва, 2014; Гребенников, 2020) впервые участвовала в раскопках Ольвии в 1926 г. — последних из тех лет, когда экспедицией руководил Б. В. Фармаковский. Очевидно, в том же сезоне, а может быть, и годом ранее, в Ольвии работал А. Н. Карасёв (о нем см.: Гребенников, 2020; Виноградов, 2021). Они поженились в 1935 г.

Рис. 5. Е. И. Леви

Fig. 5. E. I. Levy

[НА ИИМК РАН. ФО. Отп. К-1817-3]

Рис. 6. А. Н. Карасёв

Fig. 6. A. N. Karasev

[НА ИИМК РАН. ФО. Отп. К-1817-5]

Первую блокадную зиму вся семья вместе с маленьким сыном провела в Ленинграде. В кругу их друзей рассказывали историю о том, как Елена Ивановна буквально спасла Александра Николаевича от голодной смерти. Тот уже потерял способность глотать пищу, когда супруга на оставшиеся золотые вещицы выменяла шоколад, а сосательный рефлекс у Александра Николаевича не пропал (Виноградов, 2014б. С. 190, 191; 2021. С. 240). Только так он и был спасен! Из Ленинграда их эвакуировали летом 1942 г., в Ташкент они прибыли в апреле 1943 г. Там Елена Ивановна готовила кандидатскую диссертацию «Гераклея Понтийская», которую успешно защитила в январе 1946 г. (Виноградов, 2014б. С. 192, 193). Александр Николаевич трудился над темой «Оборонительные сооружения Ольвии», но так и не завершил ее (Виноградов, 2021. С. 241). После окончания войны исследователи вернулись к раскопкам Ольвии уже в 1946 г. Их экспедиция стала настоящей школой по подготовке археологов-античников Ленинграда, да и не только его одного.

Мария Арсеньевна Наливкина (1904–1981) (рис. 7) в 1941 г. занималась подготовкой обзор-

ной статьи «Коринф в свете новейших археологических исследований» (Наливкина, 1947), а также приступила к разработке плана кандидатской диссертации на тему «Амфоры как источник для истории торговли Северного Причерноморья в римский период» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 124. Л. 42–43). Из блокированного города она вместе с семьей эвакуировалась в феврале 1942 г. В своих мемуарах Мария Арсеньевна рассказала, что их везли через Ладогу в открытом грузовике, переезд оказался неоправданно долгим. В результате всех злключения на ее руках умерла дочь, которой не исполнилось и полутора лет. На другой стороне озера, в Жихарево, тельце девочки уложили в сарае на груду мертвых тел. Стоявший там часовой сказал несчастной матери: «Идите, спасайте других членов семьи, если они еще живы! Ведь скоро начнется бомбежка» (Наливкина, 2014. С. 439). По-своему, он, конечно, был прав.

После эвакуации М. А. Наливкина попала в Ташкентскую группу ИИМК АН СССР. Совместно с С. М. Шмерлинг они просматривали литературу и составляли картотеки полезных ископаемых по Нуратинскому

Рис. 7. М. А. Наливкина

Fig. 7. M. A. Nalivkina

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 24505]

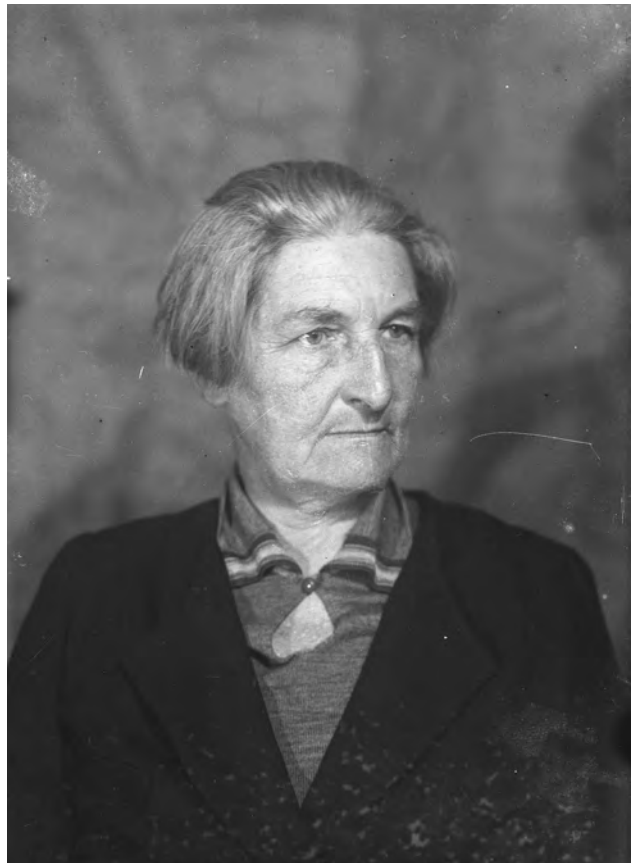

Рис. 8. М. И. Максимова

Fig. 8. M. I. Maksimova

[НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 65731]

району (М. А. Наливкина) и району Ак-Тай (С. М. Шмерлинг) (Ф. 312. Оп. 1. Д. 856. Л. 2).

С 1942 г. Мария Арсеньевна трудилась по теме «Терракоты домонгольского периода в собрании Самаркандского музея» (Там же. Л. 2об.), а затем расширила ее и стала заниматься изучением терракотовых статуэток Средней Азии (Ф. 312. Оп. 1. Д. 159. Л. 10). В отчете за 1943 г. она отметила также, что по средам дежурила в военном госпитале Ташкента (Ф. 312. Оп. 1. Д. 856. Л. 51).

Любопытна рукописная записка, относящаяся к 1944 г., в которой Мария Арсеньевна рассказала о своей научной деятельности в Ташкенте и о планах на будущее. Тогда она работала над захваченной из Ленинграда рукописью «Терракоты Мирмекия и Тиритаки»⁷, надеясь в будущем, вернувшись в Ленинград, представить ее в качестве кандидатской диссертации (Ф. 312. Оп. 1. Д. 209. Л. 68–68об.). Это, однако, сделать

⁷ Это исследование было опубликовано после завершения войны (Наливкина, 1952).

не удалось. После войны М. А. Наливкина занималась изучением Керкинитиды и Калос Лимена, готовила диссертацию «Античные города Западного Крыма» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 213. Л. 100), но не смогла ее завершить (Виноградов, 2014а. С. 435, 436).

Мария Ивановна Максимова (1885–1973) (рис. 8) прошла нелегкий жизненный путь (Виноградов, 2016а; 2016б; Бочков, Мандрик, 2023). В 1930 г. она была уволена из ГАИМК в результате чистки Академии. Исследовательница вернулась на работу в ИИМК только 25 ноября 1941 г. В апреле 1942 г., когда в структуре Института остались всего три сектора — палеолита и неолита, античного мира (сектор древнего мира) и Древней Руси — именно она встала во главе античного сектора (Ф. 312. Оп. 1. Д. 153. Л. 3). М. И. Максимова была эвакуирована из Ленинграда в июле 1942 г. и направлена в Елабугу; в нем она находилась до июня 1945-го. В ноябре 1944 г. ученый совет ИИМК единогласно присудил Марии Ивановне степень доктора исторических наук без защиты диссертации (Ф. 35. Оп. 5. Д. 193. Л. 28). Но главное

заключается в том, что в Елабуге она трудилась над переводом «Анабасиса» Ксенофонта (перевод вышел из печати в 1951 г.). Уверен, что в наши дни то или иное издание этой книги находится в библиотеке каждого российского антиковеда. В 1942 г. Мария Ивановна занималась также редактированием брошюры умершего Б. Л. Богаевского «Фашистские извращения в истории Эгейского мира» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 158. Л. 8). Помимо этого, ей вместе с В. И. Равдоникасом, как гласит официальный документ, «было рекомендовано» провести занятия со студентами исторического факультета Воронежского университета (находящегося в Елабуге) «по своим специальностям» (Там же. Л. 9).

Наконец, в 1942 г. М. И. Максимова трудилась над брошюрой «Империя Августа и империя Муссолини». В ней она старалась раскрыть причины сложения Римской империи и ее успешной экспансии на Запад и Восток. Одновременно исследовательница хотела показать «всю несостоятельность и смехотворность притязаний Муссолини на роль „Второго Августа“» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 154. Л. 18–19).

Серафима Ивановна Капошина (1907–1978) (рис. 9) — человек очень непростого характера и сложной судьбы (Гребенников, 2024б). В мемуарной литературе она чаще всего оценивается негативно, но и о ней нужно сказать несколько слов. Будущая исследовательница античной культуры Северного Причерноморья родилась в Орловской губернии, в крестьянской семье (Ф. 35. Оп. 5. Д. 135. Л. 1), повзрослев, переехала в Ленинград, училась в Ленинградском университете, в 1930 г. вышла замуж за Е. Ю. Кричевского, который являлся научным сотрудником ГАИМК. Закончив университет в 1931 г., она была принята в аспирантуру Академии и в 1937 г. защитила кандидатскую диссертацию «Проблема состава населения древней Ольвии по материалам архаического некрополя» (Капошина, 1937).

К началу Великой Отечественной войны С. И. Капошина была матерью двоих детей. Ленинград она покинула в июле 1941 г. в связи с эвакуацией. С октября 1941 по февраль 1942 г. она трудилась научным сотрудником Архива НКВД г. Иваново, а затем, вплоть до сентября 1944 г., заведовала Сектором политпросветработы Ивановского обкома ВКП(б) (Ф. 35. Оп. 5. Д. 135. Л. 41об.). Вернувшись из эвакуации в Ленинград в числе первых, Серафима Ивановна присоединилась к группе сотрудников ИИМК, находившихся в Ленинграде, и приступила к работе по научной теме «Влияние греческой мифологии на религиозные представления скифов» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 219. Л. 1).

Рис. 9. С. И. Капошина

Fig. 9. S. I. Kaposhina

[НА ИИМК РАН. ФО. Нер. I 28853]

В дальнейшем С. И. Капошина принимала участие в изучении Ольвии, Березани, Боспора, руководила экспедицией, проводившей раскопки Кобяковского городища на Нижнем Дону. В 1962 г. отряд этой экспедиции во главе с Л. С. Клейном, как известно, раскопал знаменитый Садовый курган.

Аспирантура ИИМК АН СССР в годы войны — особая тема, требующая специального изучения. Стоит сказать, что на осень 1944 г. было запланировано принять 15 аспирантов и восемь докторантов. Из них по специальности «античная археология» проходили два аспиранта и один докторант (Ф. 312. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–2). В реальности в Ташкентскую группу ИИМК были приняты два аспиранта: Л. Я. Маловицкая и М. М. Кубланов.

Лия Яковлевна Маловицкая (1919–?) родилась в г. Осташкове Калининской области, училась в Ленинградском университете, принимала участие в археологических экспедициях в Керчь и Старую Ладугу. Университет закончила в 1941 г., в феврале 1942 г. была эвакуирована в Алма-Ату, где работала на кондитерской фабрике. В 1943 г. переехала в Ташкент для поступления в аспирантуру

(Ф. 35. Оп. 4. Д. 24. Л. 18), была зачислена в нее 1 мая 1944 г. Руководителем ей назначили Т. Н. Книпович, но тему диссертации выбрали совсем не античную — «Заяксартские саки». В 1945 г. аспирантка отправилась в Тянь-Шаньскую экспедицию под руководством А. Н. Бернштама (Там же. Л. 12–13). В мае 1947 г. она выступила с докладом «Бронзовые скифские стрелы Семиречья», который рекомендовали для подготовки к печати (Там же. Л. 20), но 1 июля 1947 г. Л. Я. Маловицкую отчислили из аспирантуры в связи с истечением срока обучения. В дальнейшем она трудилась в Академии художеств, но продолжала ездить в археологические экспедиции (Маловицкая, 1949; Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965; см. также: Скрипкин, 2020. С. 34, 35, 46–48), изучала памятники сарматского искусства (Маловицкая, 1971). В 1967 г. в Академии художеств защитила кандидатскую диссертацию «Сарматский звериный стиль».

Михаил (Мендель) Моисеевич Кубланов (1914–1998) родился в г. Себеж Витебской губернии (ныне Псковской области), с 1936 по 1941 г. учился на историческом факультете ЛГУ. В студенческие годы он принимал участие в работах Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР. Диплом с квалификацией археолога-историка был выдан ему 29 июня 1941 г. (Ф. 35. Оп. 3. Д. 54. Л. 8). В первые дни войны Михаил Моисеевич записался добровольцем в народное ополчение, но был отчислен из него по состоянию здоровья и направлен в Свердловскую область в качестве учителя средней школы (Ф. 35. Оп. 3. Д. 54-1. Л. 7). В этой должности он проработал более двух лет.

Узнав из газет о начале приема в аспирантуру ИИМК, он в сентябре 1943 г. послал туда заявление (Ф. 35. Оп. 3. Д. 54-2. Л. 1). После успешной сдачи вступительных экзаменов М. М. Кубланова зачислили в аспирантуру 1 мая 1944 г. Ему утвердили темой диссертации «Оружие Боспора», научным руководителем молодого исследователя стала Т. Н. Книпович. В декабре 1944 г. он успешно отчитался о работе над диссертацией (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 209. Л. 16), но в феврале 1945 г. обратился к руководству Института с просьбой изменить тему диссертационного исследования на «Агоны в античных городах Северного Причерноморья» (Ф. 35. Оп. 3. Д. 54-2. Л. 18). Его просьбу удовлетворили.

1 октября 1947 г. М. М. Кубланова отчислили из ИИМК «за истечением срока пребывания в аспирантуре» и направили в распоряжение Министерства высшего образования СССР (Там же. Л. 13). Правда, с 1946 г. он уже препода-

вал историю в Педагогическом институте им. А. И. Герцена (Ф. 35. Оп. 3. Д. 54. Л. 40б.). Защита диссертации состоялась на заседании ученого совета ИИМК АН СССР 7 января 1947 г., она получила единогласное одобрение (Там же. Л. 24). В дальнейшем М. М. Кубланов работал в Музее истории религии и атеизма (Ленинград), в 1947 г. провел первые раскопки городища Илурат (см.: Христановский, 1998. С. 109–111), на протяжении многих лет руководил исследованиями Илуратского некрополя, оставил интереснейшие мемуары (Кубланов, 2014; 2016).

При обсуждении плана работ сектора на 1945 г. были намечены *основные направления полевых археологических исследований*: 1) организация «Керченской экспедиции: обследование положения с археологическими памятниками в районе Керчи, проведение реставрационных работ и продолжение археологических исследований»; 2) «участие в Ольвийской экспедиции совместно с Институтом археологии УССР» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 219. Л. 1). На проведение раскопок под Керчью было выделено 40 тыс. руб., при этом рекомендовалось работы предпринять «с особым вниманием к площадям, пострадавшим во время войны» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 234. Л. 4). Однако организовать в этом году раскопки памятников античной культуры не удалось, что совсем неудивительно. Тем не менее Е. Г. Кастанаян и А. Н. Карасёв приняли участие в исследованиях Старой Ладogi, а А. Н. Карасёв к тому же работал в Крымской тавро-скифской экспедиции П. Н. Шульца, производившей раскопки городища Неаполь Скифский (Ф. 312. Оп. 1. Д. 236. Л. 17). Систематические работы античных экспедиций под Керчью и в Ольвии начались с 1946 г.

В завершение следует еще раз обратить внимание на то, что все антиковеды ИИМК с довоенного времени так или иначе трудились над написанием глав крупного исследования «Античная культура Северного Причерноморья». В годы войны эта работа по понятным причинам приостановилась, но была продолжена сразу после возвращения сотрудников сектора древнего Причерноморья в Ленинград. Коллективная монография вышла из печати в 1955 г. под всем знакомым названием «Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры» (Античные города..., 1955). Эта книга и сейчас высоко ценится специалистами. Она стала памятником поколению исследователей, прошедших через Великую Отечественную войну.

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2025 г.

НА ИИМК РАН. РО.

Ф. 2.

Оп. 3. Д. 760: Шульц Павел Николаевич. Личное дело. 128 л.

Ф. 35.

Оп. 3. Д. 54: Кубланов Мендель Моисеевич. Дело по защите диссертации. 103 л.; Д. 54-1: Личное дело № 1: Кубланов Мендель Моисеевич. Выписки из протоколов, личный листок, автобиография. 13 л.; Д. 54-2: Дело № 2: Личное дело Кубланова Менделя Моисеевича (Ташкентская группа) — аспирант. 48 л.; Оп. 4. Д. 24: Маловицкая Лия Яковлевна. Аспирантское дело. 44 л.;

Оп. 5. Д. 135: Капошина Серафима Ивановна. Личное дело. 109 л.; Д. 144: Книпович Татьяна Николаевна. Личное дело. 76 л.; Д. 145: Ковалёв Сергей Иванович. Личное дело. 12 л.; Д. 185: Лившиц Сарра Моисеевна. Личное дело. 49 л.; Д. 193: Максимова Мария Ивановна. Личное дело. 97 л.; Д. 213: Наливкина Мария Арсеньевна. Личное дело. 124 л..

Ф. 312.

Оп. 1. Д. 124: Отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за первое полугодие 1941 г. 50 л.; Д. 153: Докладная записка о состоянии и деятельности Ленинградской части ИИМК за 1942 г. 4 л.; Д. 154: План работы ИИМК на 1942 год. 20 л.; Д. 158: Отчет о научно-исследовательской работе Ленинградской части ИИМК за 1942 г. 24 л.; Д. 159: Отчет о работе Ташкентской группы ИИМК за 1942 г. 7 л.; Д. 176: Отчет о работе Ташкентской группы ИИМК за 1943 г. 14 л.; Д. 190: Докладные записки и переписка с Президиумом АН СССР по научно-организационным вопросам. 15 л.; Д. 202: План работы Ташкентской группы ИИМК на 1944 г. 15 л.; Д. 207: Отчет о работе Ленинградской части ИИМК за 1944 г. 34 л.; Д. 209: Отчет о работе Ташкентской группы ИИМК за 1944 г. 69 л.; Д. 219: Протокол заседания Группы причерноморских городов-колоний. 2 л.; Д. 230: План приема аспирантов и докторантов в аспирантуру ИИМК осенью 1944 г. (с приложением). 5 л.; Д. 234: План научно-исследовательских работ ИИМК на 1945 г. 6 л.; Д. 236: Отчет о научно-исследовательской работе ЛО ИИМК за 1945 г. 209 л.; Д. 854: Выписки из протоколов Президиума АН СССР о научной и научно-организационной деятельности Института истории материальной культуры. 27 л.; Д. 856: Отчеты научных сотрудников ИИМК о научно-исследовательской работе за 1943 г. 77 л.

Академическая археология..., 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

Античные города..., 1955 — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 446 с.

Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965 — Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое сарматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3. С. 143–153.

Бочков, Мандрик, 2023 — Бочков А. В., Мандрик М. В. Протокол заседания Комиссии по чистке аппарата Государственного Эрмитажа 24 апреля 1931 г. (кадровая чистка М. И. Максимовой) // АВ. 2023. Вып. 41. С. 346–360.

Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования (БИ). 2006. Вып. XIII. С. 3–15.

Виноградов, 2014а — Виноградов Ю. А. К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981) // АВ. 2014. Вып. 20. С. 430–436.

Виноградов, 2014б — Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви (1903–1996). По поводу 110-й годовщины со дня рождения // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.

Виноградов, 2016а — Виноградов Ю. А. М. И. Максимова. Путь русского ученого // Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 7–23.

Виноградов, 2016б — Виноградов Ю. А. Мария Ивановна Максимова и семейство Церетели // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2016. Вып. VIII. С. 261–293.

Виноградов, 2021 — Виноградов Ю. А. А. Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения // АВ. 2021. Вып. 33. С. 236–244.

Виноградов, 2023 — Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви — выдающаяся исследовательница Ольвии // АВ. 2023. Вып. 41. С. 9–11.

Виноградов, 2026 — Виноградов Ю. А. Археологи-антиковеды ИИМК АН СССР в Великой Отечественной войне. Часть 1 // АВ. 2026. Вып. 50. С. 269–276.

Гайдукевич, 1947 — Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. (Предварительное сообщение) // КСИИМК. 1947. Т. XIV. С. 92–109.

Гайдукевич, 1948 — Гайдукевич В. Ф. К истории древнего земледелия в Средней Азии // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 193–204.

Гайдукевич, 1949а — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.

Гайдукевич, 1949б — Гайдукевич В. Ф. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе // КСИИМК. 1949. Т. XXVIII. С. 77–82.

Гайдукевич, 1952 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1949 гг. // Боспорские города. Т. I: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). С. 15–134.

Головачёва, 2014 — Головачёва Н. В. Такой она мне запомнилась (памяти Е. И. Леви) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 197–199.

- Гребенников, 2020 — Гребенников В. Олександр Миколайович Карасьов (1902–29.06.1972) // Українські археологи крізь епохи. Дослідження степового Побужжя / Ред. В. Б. Гребенников. Миколаїв: Видавництво Яслав, 2024. С. 95–97.
- Гребенников, 2024а — Гребенников В. Татьяна Миколаївна Книпович // Археологи — дослідники степового Побужжя (книга друга) / Ред. В. Б. Гребенников. Миколаїв: Видавництво Яслав, 2024. С. 95–97.
- Гребенников, 2024б — Гребенников В. Капошина Серафіма Іванівна та її внесок у дослідження Ольвії і хори // Археологи — дослідники степового Побужжя (книга друга) / Ред. В. Б. Гребенников. Миколаїв: Видавництво Яслав, 2024. С. 127–129.
- Зайцев, 2003 — Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
- Капошина, 1937 — Капошина С. И. Проблема состава населения древней Ольвии по материалам архаического некрополя (тезисы кандидатской диссертации) / Гос. акад. истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Л.: Тип. арт. «Сов. печатник», 1937. 6 с.
- Капошина, 1967 — Капошина С. И. Т. Н. Книпович // СА. 1967. № 4. С. 189–190.
- Книпович, 1949 — Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 179 с.
- Колобова, 1961 — Колобова К. М. Профессор С. И. Ковалёв (1886–1960) // О преодолении религии в СССР / Отв. ред. И. М. Гольдберг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 358–375.
- Колтухов, 2004 — Колтухов С. Г. П. Н. Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца): Сб. ст. / Ред. В. Л. Мыц и др. Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004. С. 50–54.
- Кубланов, 1964 — Кубланов М. Сергей Иванович Ковалёв (1886–1960) // Ковалёв С. И. Основные вопросы происхождения христианства. М.; Л.: Наука, 1964. С. 5–20.
- Кубланов, 2014 — Кубланов М. М. Апокрифы. Ч. I: Потаенные дневники советского служащего: Записки о событиях 1936–1975 гг. СПб.: Деметра, 2016. 222 с.
- Кубланов, 2016 — Кубланов М. М. Апокрифы. Ч. II: Потаенные дневники советского пенсионера: Записки о событиях 1975–1993 гг. СПб.: Деметра, 2016. 400 с.
- Ланцов, 2004 — Ланцов С. Б. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н. э. // У Понта Евксинского... Симферополь, 2004. С. 58–68.
- Максимова, 1964 — Максимова М. И. К 60-летию Елены Ивановны Леви // СА. 1964. № 1. С. 8–9.
- Маловицкая, 1949 — Маловицкая Л. Я. Тамдинский курганный могильник III–I вв. до н. э. // Известия АН Казахской ССР. 1949 (Серия археологическая; № 2). № 67. С. 119–121.
- Маловицкая, 1971 — Маловицкая Л. Я. Сарматское искусство // История искусства народов СССР. Т. 1 / Ред. А. Л. Монгайт, Н. В. Черкасова. М.: Изобразительное искусство, 1971. С. 186–196.
- Наливкина, 1947 — Наливкина М. А. Античный Коринф в свете новейших археологических исследований (обзор последних изданий, посвященных Коринфу) // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 132–141.
- Наливкина, 1952 — Наливкина М. А. Терракоты Мирмекия и Тиритаки (из раскопок 1933–1940 гг.) // Боспорские города. Т. I: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 25). С. 327–347.
- Наливкина, 2014 — Наливкина М. А. Памяти военных лет 1941–1945 гг. (Случай на Ладого) // АВ. 2014. Вып. 20. С. 437–439.
- Пуздровский, 2004 — Пуздровский А. Е. П. Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // У Понта Евксинского... Симферополь, 2004. С. 55–57.
- Скрипкин, 2020 — Скрипкин А. С. Об археологии, о себе и других (из истории волгоградской археологии). Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2020. 270 с.
- Тихонов, 2007 — Тихонов И. Л. Отзыв Т. Н. Книпович на дипломную работу Я. В. Доманского // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 285–292.
- Успенский, 1952 — Успенский В. А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // Боспорские города. Т. I... М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 415–421.
- Фролов, 2004 — Фролов Э. Д. Сергей Иванович Ковалёв (1886–1960) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и средние века / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. М.: Наука, 2004. С. 93–111.
- Фролов, 2006 — Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 608 с.
- Хришановский, 1998 — [Хришановский В. А.] Михаил Моисеевич Кубланов (1914–1998). Памяти учителя // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы конференции / Ред. В. А. Хришановский. СПб.: Государственный музей истории религии, 1998. С. 106–114.
- Шульц, 2004 — Шульц П. Н. История исследований Неаполя Скифского (1827–1941 гг.) // У Понта Евксинского... Симферополь, 2004. С. 11–36.
- Щеглов, 1977 — Щеглов А. Н. Татьяна Николаевна Книпович (некролог) // СА. 1977. № 1. С. 322.
- Щеглов, 1984 — Щеглов А. Н. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА. 1984. № 3. С. 285–287.
- Gajdukevič, 1971 — Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. 604 S.

**Classical archaeologists
from the Institute for the History of Material Culture
of Academy of Sciences of the USSR in the Great Patriotic War. Part 2**

Yu. A. Vinogradov⁸

Keywords: history of science, classical archaeology, siege of Leningrad, fates of scientists, evacuation

The first part of this publication describes the classical archaeologists from the Institute for the History of Material Culture who died during the siege of Leningrad or spent the entire wartime there. The second part is devoted to those who joined the people's militia (P. N. Schultz and S. M. Shmerling) or were evacuated from Leningrad. Most of them ended up in Tashkent (T. N. Knipovich, V. F. Gaydukevich, E. I. Levi, A. N. Karasev, M. A. Nalivkina and S. M. Shmerling). M. I. Maksimova ended up in Yelabuga, and S. I. Kaposhina in Ivanovo. In 1944, two graduate students were accepted into the Tashkent group: L. Ya. Malovitskaya and M. M. Kublanov; their work was supervised by T. N. Knipovich.

⁸ Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

Список сокращений

АВ — Археологические вести.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли.
АН — Академия наук.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
НА — научный архив.
НИС — Новгородский исторический сборник.
НОА — научно-отраслевой архив.
НЦ — научный центр.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и источники по археологии СССР.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
РАН — Российская академия наук.
РО — рукописный отдел.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. ст. — сборник статей.
СО — Сибирское отделение.
УрО — Уральское отделение.
ФО — фотографический отдел.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 51**

Главный редактор: Н. В. Хвощинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-83461 от 24.06.2022,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписано в печать 01.07.2026. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 30,75. Тираж 60 экз. Заказ 1132.
Дата выхода: 30.07.2026 г.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 51 —

